ГОРОДОК.ru

Новосибирский Академгородок на пороге третьего тысячелетия

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
"ИНСТИТУТ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ"

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОДЕЙСТВИЯ
ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ РЕФОРМАМ "МОБИЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ"

ГОРОДОК.ru

Новосибирский Академгородок на пороге третьего тысячелетия

Воспоминания, размышления, проекты

Новосибирск 2003

ББК 72.3
Г 85

Городок.ru: Сб. статей. – Новосибирск, 2003. – 420 с.

ISBN 5–89017–025–2

ISBN 5–89017–025–2

© АНО "Институт перспективных исследований", 2003
© Межрегиональная общественная организация содействия демократическим реформам "Мобилизация и развитие", 2003

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя 3

Накоряков В.Е. Наследство титанов 7

Притвиц Н.А. Россия прирастала Сибирью, а Сибирь – Академгородком 18

Кутателадзе С.С. Пространство и время для героев 25

Горелик Р.С. И подвиг, и покаяние 39

Лаврентьев М.М. Отец не предвидел таких поворотов... 45

Сидоров В.А. Из Дании – в Сибирь 53

Трус Л.С. Прекрасный и ужасный многоликий Янус… 67

Даниловцев П.А. «Пояс внедрения» держался на Лаврентьеве... 76

Шолохов В.Ю. КЮТ – потерянный шанс, несбывшаяся надежда... 81

Денисенко Г.В. Дальше отступать некуда 91

Шумный В.К. Чем ответим на глобальные вызовы? 100

Козлов В.В. Укрепим позиции «медными гвоздиками» 106

Воронов Ю.П. Мешают ли пятна Солнцу? 114

Алексеенко С.В. Мыслим оригинально, но не находим «общий язык» с производственниками 126

Герчиков В.И. Когда нет стены между наукой и жизнью… 130

Симонов И.В. Ученым пора принять правила рынка 137

Карпунин Н.Ф. Какой класс дороже – математический или «платный»? 143

Верховод Д.Б. Храм науки, «академический монастырь» или?..... 149

Комаров К.Л. Вместо «фабрики академиков» – евразийский «Оксфорд» 159

Ребров А.К. Готовы растить кадры для мировой науки 170

Диканский Н.С. Построим технопарк на гуманитарном фундаменте 178

Сапожников Г.А. Когда разбогатеем от интеллектуального капитала? 185

Целищев В.В. Нет счастья для философа 197

Ершов Ю.Л. Где же высокие цели? 205

Фофанов В.П. Прогресс без почвы под ногами 213

Казначеев В.П. Мысли и чувства на закате интеллектуального центра цивилизации 227
Загоруйко Н.Г. В пути к «соборному разуму» 238
Максимова Н.К. С кем вы – с народом или с «золотым миллиардом»? 252
Евсеенко А.В. Фантомы в оазисе 267
Карпачев Г.И. Ищу мост между разумом и душой 279
Мамонтов В.Н. Побродить бы конструктору по тайге... 287
Пащенко С.Э. Ни шагу без коллективной ответственности! 302
Зверева Р.П. С памятью «от раскаленной планеты» 312
Кругляков Э.П. Жар костра, или Не навреди 333
Молодин В.И. Не вижу ничего плохого в союзе науки с религией 357
Михеев Ю.В. Вундеркиндом можешь и не быть, а уважать коллектив обязан... 363
Воспитатель ФМШ. Как отшлифовать «самородок»? 368
Чернов А. Быть сильным, верить в себя 371
Медведев И. Падаем или летим? 377
Миндолин В.А. Жить в городке у озера... 382
Гордиенко А.А. Живой, а не мумия! 390

От издателя

Что появится в далеком будущем на тех 70-80 квадратных километрах, где расположен сейчас новосибирский Академгородок? Разрастется здесь тайга или разольется море-океан, а может, раскинется ледовая или песчаная пустыня? Или вырастет город-оранжерея с искусственным климатом, какой описывают фантасты? А что найдут археологи в тех пластах времени, где протекает жизнь Академгородка? Есть ли тут нетленные вещи и истины, что переживут века и тысячелетия?

Нужно время от времени задавать себе такие отрезвляющие вопросы, чтобы взглянуть на свои повседневные дела отстраненно, соизмеряя их с историей и вечностью. Нужно и помнить о прекрасной, романтичной молодости. Это даст нам силы и волю, поможет перейти от затянувшегося выживания к достойной жизни.

Свое сорокапятилетие Академгородок встретил стареющим. К примеру, в Институте теплофизики, где я работаю много лет, на одного молодого сотрудника приходится пять немолодых, в основном пенсионного возраста. То же – и в других институтах. И сами научно-исследовательские институты выглядят архаичными, не соответствующими «духу» эпохи. Этакие динозавры: слишком громоздкие и немобильные. В этих НИИ до сих пор работают сотни, в некоторых – даже тысячи сотрудников.

Многие говорят, что молодежь не идет в науку из-за низких зарплат. Очевидно, это не единственная причина. Выпускники университета не видят в академических НИИ перспектив для карьеры. Руководящие посты в Сибирском отделении и во всей Российской академии наук заняты пожилыми людьми. Директора институтов и завлабы «сидят» в своих креслах до 70 лет, никто не хочет уступать дорогу молодым. Когда я после 60-летия добровольно ушел с поста директора и передал бразды правления своему уче-

нику, то, признаться, надеялся, что моему примеру последуют и другие руководители. Напрасно надеялся.

Я уверен: можно вернуть молодость Академгородку. Для этого надо прочнее соединить университет с научно-исследовательскими институтами. В свое время я работал ректором Новосибирского госуниверситета и считал его лучшим вузом страны и одним из лучших в мире (не зря он упоминался в Оксфордской энциклопедии, где ничего не сказано о других российских университетах). Мне обидно, что сегодня НГУ не числится даже в «первой десятке» вузов страны. НГУ – плоть от плоти Академгородка, и давно пора «узаконить» наше родство, перевести университет в состав Сибирского отделения РАН со всеми вытекающими отсюда последствиями. При этом необходимо изменить систему управления. Ненормально, когда таким вузом командует небольшая группка немолодых людей, даже если эти люди – академики и профессора. Нужно создавать студенческие советы и через них приобщать студентов к руководству вузом. Так возродится молодежная инициатива, без которой скучнеет вуз и «усыхает» академическая наука. Пожилые ученые, преподающие по совместительству в НГУ, перейдут на постоянную преподавательскую работу. А освободившиеся места в исследовательских лабораториях займут выпускники НГУ.

Я считаю, что Российская академия наук и ее Сибирское отделение не исчерпали свой творческий потенциал, будут жить еще долго. Но думаю, что не аппаратчики Президиума, а университет станет «руководящим ядром» в Сибирском отделении РАН. Возможно, академическая наука эволюционирует, постепенно перестроится по уже известному, классическому образцу, когда исследовательские коллективы концентрируются вокруг всегда молодого, постоянно обновляющегося университета. Вот секрет вечной молодости. Именно так, вокруг университетов формируется наука на Западе. Есть подобные примеры и в Сибири – в Томске вокруг Политехнического института (ныне университета) и Госуниверситета давно выросли небольшие НИИ.

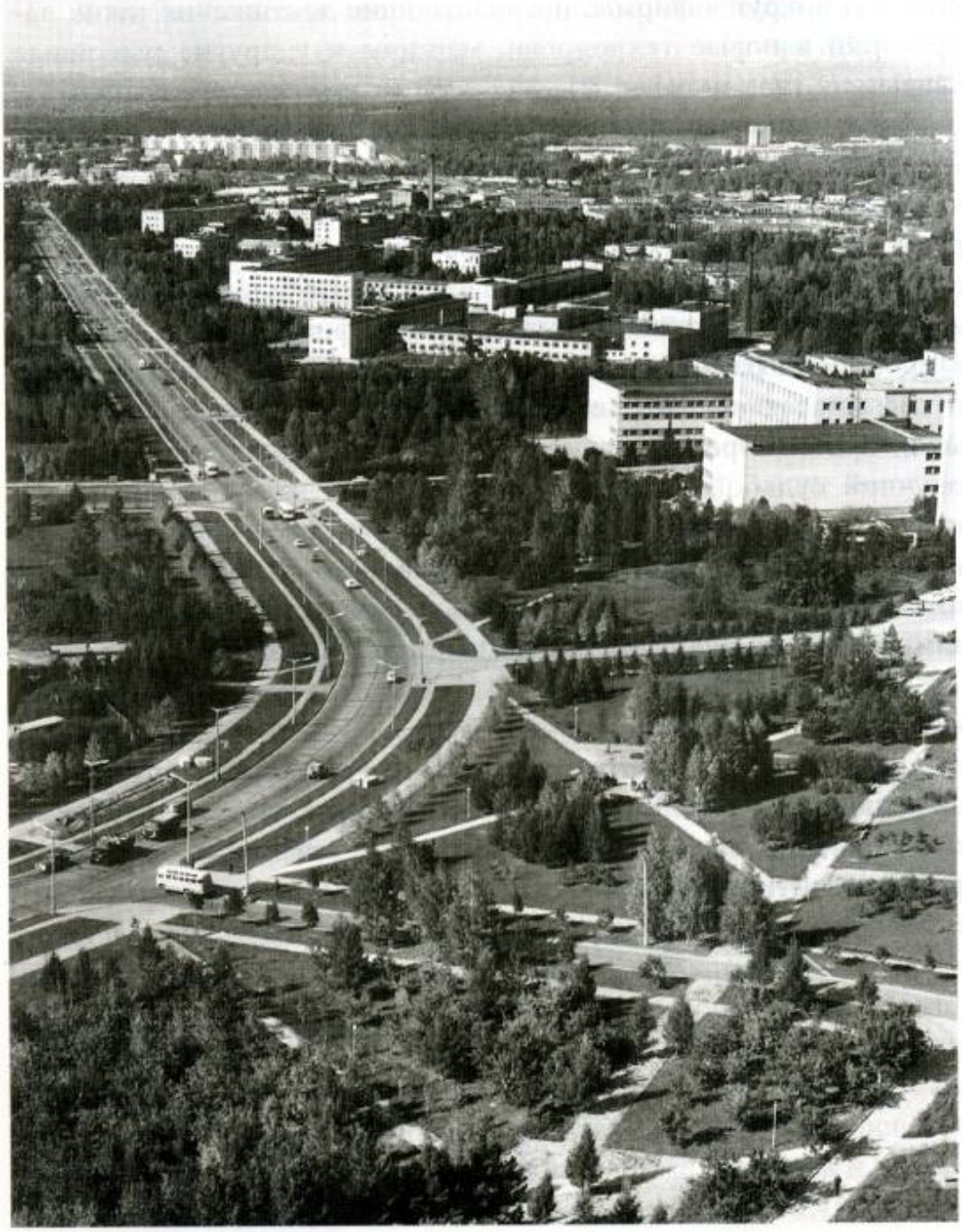
А потом на смену нашим «динозаврам» – огромным, неповоротливым институтам придут небольшие институты и мобиль-

ные лаборатории (в каждой – лидер, учитель с командой молодых ученых, разрабатывающих перспективное научное направление). А вокруг – фирмы, превращающие достижения таких лабораторий в новые технологии, машины и в другие рыночные товары.

Таким мне представляется путь к обновлению и омоложению Академгородка.

В этом сборнике, который «собирали» два года, высказаны и другие представления о преобразовании Академгородка. Есть разные мнения о его прошлом, настоящем и будущем. Сборник не назовешь «юбилейным», парадным и официозным. Среди его авторов люди разных статусов и возрастов – от двадцатилетних до восьмидесятилетних, с разными мировоззрениями. Мы привыкли видеть в роли «дежурных мемуаристов» ученых с благополучной судьбой. Конечно, они не скажут об Академгородке ничего, кроме самого хорошего. Но нельзя забывать и о тех людях, что пришли в наши институты младшими научными сотрудниками и остались на невысоких должностях, хотя немало сделали для общей культуры Академгородка. В сборнике отражены и их позиции, не совпадающие с официальной оценкой происходящих событий. Меня не пугает многокрасочность и резкость позиций, я вижу в этом признак жизненной силы. И противоречия естественны, ведь мы все еще стоим на перепутье. Время всех рассудит, отделит главное от второстепенного, определит вектор развития. Рассеется туман «смутной эпохи» – и все мы ясно увидим путь, по которому нужно идти.

Академик В.Е. Накоряков



Проспект Академика Лаврентьева

НАСЛЕДСТВО ТИТАНОВ

В.Е. НАКОРЯКОВ,
академик РАН

Мне «не светила» успешная карьера. До сих пор удивляюсь тому, что все же стал ученым и академиком (хотя много лет оставался «не выездным», не ездил на зарубежные конференции). Биография у меня «неблагонадежная». Отец был красным генералом и крупным партийным работником, расстрелян в 1937 году. Растил меня дед, который в гражданскую воевал за белых. В школе учителя меня недолюбливали, хотя и ставили только отличные оценки. Может, потому что я стремился знать каждый предмет лучше учителя. Так воспитал меня дед, получивший в свое время первоклассное инженерное образование. На летние каникулы он выдавал мне задание – прочесть все учебники за следующий год. В Томском политехническом институте я редко

ходил на лекции, зато по десять часов в день просиживал в библиотеке. И здесь я раздражал преподавателей нестандартным поведением. В 50-е годы в вузе царила сталинская дисциплина. Чтобы избежать наказания, пришлось соврать, что даже в очках не вижу формул, которые преподаватели пишут на доске. Только профессор Иван Кириллович Лебедев, руководитель моей дипломной работы, уважал мои знания. Он и разглядел во мне будущего ученого. Предложил поехать на работу в организующееся Сибирское отделение Академии наук.

Приехал я вместе с женой в Новосибирск в 1958 году. Сначала пришлось поработать в Западно-Сибирском филиале Академии наук, который перестал существовать после создания Сибирского отделения. Попал в Транспортно-энергетический институт, в лабораторию горения. Руководил ею профессор Иван Афанасьевич Яворский, замечательный человек и бывший фронтовик, воевавший во Вторую мировую в противотанковой артиллерии.

Весь Западно-Сибирский филиал размещался неподалеку от центра Новосибирска. По соседству с нами – Институт радиофизики во главе с Юрием Борисовичем Румером, учеником Бора и другом Ландау, вырастившим плеяду академиков. Институт горного дела, где директорствовал Николай Андреевич Чинакал, был отмечен Ленинской премией. Плодотворно работали и другие уникальные институты – Биологический, Ботанический, по проблемам БАМа. Здесь разрабатывали фундаментальные научные направления и новые технологии, соединяя творческий поиск с экономическим анализом и с учетом региональных особенностей. Тут и широта тематики, и комплексный подход. В активе – основательные работы по горным машинам и освоению угольных месторождений, по автомобильному и железнодорожному транспорту, по защите дорог от снега. Многие разработки ученых-транспортников пригодились при строительстве БАМа. Биологи приобрели известность исследованиями в орнитологии (даже при изучении птиц учитывалась специфика региона).

Наконец-то справедливость восторжествовала, и в начале XXI века вспомнили о Западно-Сибирском филиале Академии наук, оценили его роль в становлении Сибирского отделения. Рань-

ше считалось, что Сибирское отделение с новосибирским Академгородком – детище представителей столичной (московской и питерской) науки, совершивших десант-бросок в таежную глухомань. Но это не совсем так. Ведь тут с 1944 года уже действовал Западно-Сибирский филиал Академии наук, и его институты потом влились в состав Сибирского отделения. Правда, не всем основателям Сибирского отделения пришлись по душе комплексность и широта тематики прежних региональных институтов. Сергей Алексеевич Христианович, «патронировавший» притирку и перестройку этих институтов в недрах Сибирского отделения, считал их «нецеленаправленными» и пренебрежительно называл «универмагами». С.А. Христианович был сторонником узкой специализации в науке, и эталоном для него навсегда остался ЦАГИ, где он раньше работал. Христианович был одним из самых великих ученых XX века в области механики, он создатель теории так называемых «коротких волн», ставшей основой линейно-волновой механики. Ему принадлежит и теория сверхзвукового полета. Все его немногочисленные научные публикации признаны гениальными. Но и гений может ошибаться. На мой взгляд, комплексность, универсализм институтов Западно-Сибирского филиала положительно повлияли на научную стратегию Сибирского отделения.

Разумеется, в те годы я не оценивал критически дела основателей Сибирского отделения. Больше всего меня волновали поиски собственного пути в науке.

Мой путь определился после встречи с Самсоном Семеновичем Кутателадзе. Осенью 1959 года он приехал из Ленинграда, чтобы выступить здесь с лекцией. Я был знаком с его книгами, давно ставшими научной классикой, и считал автора древним старцем. Увидел совсем не старого человека с азартным блеском в глазах. Потом узнал, что первый классический труд, изданный в 1938 году, Кутателадзе написал в мальчишеском возрасте, в 19 лет. В лекции Кутателадзе рассказывал о специфической проблеме «кризиса кипения», которой бредили тогда многие ученые и которая стала едва ли не главным камнем преткновения при строительстве атомных электростанций. Из-за этого «кризиса кипения»,

случавшегося при громадной мощности нагревателей, в вакуумных реакторах сгорали трубы, даже если они заполнены водой. Главная идея Кутателадзе была нестандартна и гениально проста. Его формула «кризиса кипения» подтвердилась, до сих пор ее цитируют. Она изменила представление о процессе, дала в руки конструкторов инструмент для разработки более надежных реакторов. Эта формула навсегда в моей голове, со всеми «квадратными корнями», «сигмами» и «гаммами». А во время той первой встречи меня больше всего поразило, что автор классических трудов сомневается (он не изображал всезнайство и по поводу какого-то технического нюанса сказал: «Черт его знает, правильно ли я это придумал»). В тот момент я понял, что большую науку делают не полубоги, а обыкновенные люди. После лекции подошел к Кутателадзе и попросился к нему в аспирантуру.

Впоследствии С.С. Кутателадзе приехал насовсем в Сибирское отделение, и мы много лет работали рядом в Институте теплофизики. Вначале он стал заместителем директора института, а пост директора занял после ухода прежнего руководителя института Ивана Ивановича Новикова, не поладившего с главой Сибирского отделения М.А. Лаврентьевым.

Пожалуй, при Кутателадзе в институте была идеальная обстановка для творческой работы. Он рано поручил мне руководство большой лабораторией. Считал меня своим учеником, но советовал не идти по его следам, а выбирать свою тему, свою дорогу. «Придумывай все сам, делай то, что придет тебе в голову. А я тебя поддержу». И я не сделал ни одной научной работы «по следам» Кутателадзе, разрабатывал собственные идеи. В творческой команде всегда был «генератором идей». А когда у меня появились свои ученики, тоже предоставил им полную самостоятельность. В этом я шел по стопам учителя.

В любое время, даже поздно вечером я мог без звонка и без предупреждения заявиться к шефу домой. Сейчас понимаю, что варварски вторгался в его личную жизнь. Сам такого не терплю: все мои контакты с коллегами ограничиваются рабочим временем, а после работы меня интересуют только внуки, собаки, книги да собственные мысли. Впрочем, Самсон Семенович тоже не

стремился к запанибратству с коллегами, исключение делал только для некоторых. Мы подолгу разговаривали о науке, о жизни. Я узнал, как непросто складывалась его академическая карьера. После раннего успешного научного дебюта попал на фронт, был ранен. Вернувшись в лабораторию, за год или два получил диплом инженера, так же быстро защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Словом, «сам себя сделал». Много лет работал в прикладной науке, в Центральном котлотурбинном институте. Всегда был близок к технике, к технологиям, к паровым котлам. Как и Лаврентьев-старший, считал, что новая техника должна выдавать задачи промышленности и вести ее за собой, а не наоборот.

У него был ум истинного физика. В научной работе ему мешало недостаточное знание математики (в техническом вузе, где он учился, математику преподавали «постольку-поскольку»). Он старался восполнить дефицит знаний упорным многочасовым трудом. В быту был почти аскетом, единственная слабость – обожал вкусно поесть. В отношениях с людьми склонялся к крайностям: или любил – или не любил. Тем, в ком видел талант ученого, полностью доверял. С такими держался демократично, как с равными себе. К молодежи относился с безграничной терпимостью, доходящей до всепрощения.

Словом, помню я своего учителя всяким – добрым, щедрым, снисходительным и вспыльчивым, даже грубым. Он не терпел грязи, неряшливости в помещениях института. Свое возмущение выражал иногда таким забористым матом, что дивился даже я, выросший в пролетарском городке.

Меня шокировала резкость, с какой он защищал свою научную позицию в спорах. Ведь при первой встрече он покорил меня способностью сомневаться в собственной правоте. Потом я понял, что сомнения он допускал во время научного поиска. А когда уже «официально высказал», «застолбил» свою точку зрения, то отстаивал ее жестко. И критиковал меня за мои компромиссы в дискуссиях, призывал никому не уступать, настаивать на своем. «Твоя научная позиция – это твоя территория, борись за нее. Пусть даже ты не прав... Абсолютной правды не бывает».

Порой он излагал мне свои «житейские мудрости». «Что отдашь – тебе прибудет, что сокроешь – пропадет». Это – о помощи ближним, коллегам-ученым.

Несколько раз мы с ним крупно ссорились, что неудивительно при наших «взрывных» темпераментах. Либо он не соглашался с моим административным решением (несколько лет я работал его заместителем в Институте теплофизики), либо разойдемся во мнениях о научной проблеме. Месяцами «не смотрели» друг на друга. Продолжали «выяснять отношения» даже в междугородных переговорах. «Что за фигню предлагаешь? Ты грубо ошибаешься», – говорил он мне по телефону из Одессы или из Сочи. И я отвечал без почтительности: «Вы не понимаете мою идею, потому что не умеете дифференцировать». Потом – разговор в его доме на всю ночь, до утра... Если правота была за ним, я в конце концов это признавал. А он извиняться не любил, мешала кавказская гордость. Но так или иначе наши душевные отношения восстанавливались.

Вот что многие ставили Самсону Семеновичу в вину – он поддерживал М.А. Лаврентьева во всех его деяниях. Поддерживал разумные и явно несправедливые решения и гонения на неугодных людей. Почему Кутателадзе так поступал – из большого уважения к личности главы Сибирского отделения или по логике «Вышестоящий всегда прав»? Думаю, было и то и другое.

Разумеется, новосибирский Академгородок был уникален – и по концентрации «серого вещества», и по почти идеальным условиям для творческой работы, и по обилию ярких лидеров. При всем при этом Сибирское отделение с самого начала напоминало идеально организованную армию, а Лаврентьев был крутым командармом. По-хозяйски следил за порядком. Разъезжал на своем автомобиле по всему Академгородку, не тормозя ни на каких перекрестках. Гневался, если видел неправильно, по его мнению, посаженную елочку. Он был прекрасным организатором и умел выбирать себе достойных помощников. Но если уж с кем не поладит, тому в Академгородке не работать и не жить. Я считаю большой потерей для Академгородка изгнание Христиановича и Струминского. Христианович собирался серьезно заняться парогазовыми

установками и организовал для этого прекрасный научный коллектив. Струминский создал мощную техническую базу, которой до сих пор гордится Институт теоретической и прикладной механики. Все же эти люди принесли больше пользы, чем «издержек». Причину для их «удаления» придумывали чисто формальную. К Христиановичу придрались якобы за то, что «увел» чужую жену. На партсобрание по поводу этого романа прилетал даже президент Академии наук Келдыш...

И Лаврентьев, и Христианович, и Струминский, и Кутателадзе, и Будкер – все эти лидеры, заложившие фундамент Академгородка, были диктаторами. Но этих людей любили. К их своенравным характерам относились с юмором. О чудачествах отцов-основателей в Академгородке рассказывали анекдоты. Почему им прощали даже несправедливые решения и деспотические замашки? Может, потому, что это было не главным в их жизни и в жизни созданного ими Академгородка. А главное, что всех объединяло, – любовь к науке. Я и сам видел, с каким азартом Михаил Алексеевич Лаврентьев включался в любые научные проблемы. Общеизвестно разнообразие его интересов – от тонких вопросов математики и теоретической механики до применения взрывов в народном хозяйстве, от теории вихревых колец до «механизма плавания» рыб.

Все понимали, что тогдашние лидеры новосибирского Академгородка были настоящими светилами мировой науки. Михаил Алексеевич Лаврентьев и после своей отставки с административных постов оставался членом Королевского научного общества Великобритании. И академику Христиановичу «железный занавес» не помешал состоять во многих международных академиях. Вся мировая наука знала «самого молодого» академика СССР Соболева с его достижениями в области дифференциальных уравнений. И главу научной алгебраической школы академика Мальцева. И лауреата Нобелевской премии за математические работы Канторовича. И первого директора Института цитологии и генетики Дубинина, который стал одним из столпов отечественной и мировой генетики. А разве не был великим ученым академик Будкер, основатель ИЯФа, бурлившего от избытка сил и идей?..

Я всегда восхищался Андреем Алексеевичем Трофимуком, который много лет работал заместителем председателя Президиума Сибирского отделения. Помню, как пришел к нему просить квартиру – с жильем в первые годы было туговато. Андрей Алексеевич сказал: «Просить не надо, работай – и квартира вместе с прочими благами сами к тебе придут». Рассказал мне о непростом начале своей научной карьеры. С тех пор я усвоил такое правило жизни: ничего не просить, всего добиваться, достигать трудом. Андрей Алексеевич много сделал для Сибири. Можно сказать, все известные здесь запасы нефти и газа были открыты благодаря его предвидению и под его руководством. Он отстаивал авторитет Сибири и Сибирского отделения «на всех фронтах». С редкостным дружелюбием относился к молодежи, к коллегам, к директорам институтов. Очень жаль, что после ухода М.А. Лаврентьева председателем Сибирского отделения не стал А.А. Трофимук. Мне кажется, он смог бы удержать на прежней высоте позиции и авторитет Сибирского отделения.

Глубокий след в общей памяти оставил и Валентин Афанасьевич Коптюг. Считаю его самым дорогим и близким для меня человеком после моего деда, томского профессора Лебедева и Кутателадзе. Несмотря на то, что мы с Коптюгом такие разные...

Пять лет я был его заместителем. Он старался все главные дела делать сам, для заместителей вырабатывал тактику, уходить от нее не позволялось. Приходилось лавировать. И надо было видеть его улыбку, если удавалось сделать что-нибудь стóящее для Сибирского отделения не по предписанной им тактике. Эта улыбка была для меня дороже любых орденов. Многие его решения и представления были спорными, но его нравственная чистота сама по себе создавала удивительную атмосферу. Мы с ним часто спорили о модели устойчивого развития. Валентин Афанасьевич считал: это будущее человечества. А я говорил: непреодолим разрыв между богатыми и бедными странами, невозможны равенство, дружба и согласие народов с разными мировоззрениями. И все же жаль, что мечта Валентина Афанасьевича Коптюга осталась (по крайней мере, пока) всего лишь мечтой, утопией, а вместо мира во всем мире мы получили разгул терроризма. Он был убежденным

коммунистом, не похожим на прежних и нынешних наших политических функционеров. Это был настоящий гражданин и почти идеальный человек. С его безгрешностью, с его чуткостью к мировым проблемам впору быть главой ООН или римским папою. Такие люди нужны обществу, это наши «маяки» и положительные герои.

Эпоха великих людей закончилась. Титаны ушли, оставив нам в наследство Академгородок с его ярким прошлым и неясным будущим.

Я сосем не хочу сравнивать работу прошлых президиумов Сибирского отделения с нынешним. В те годы, когда в правительстве разбойничали люди из окружения Ельцина и Гайдара, трудно было сделать что-нибудь конструктивное и положительное. Теперешний глава Сибирского отделения Николай Леонтьевич Добрецов вместе со всем аппаратом Президиума прилагал колоссальные усилия, чтобы сохранить научный центр. Приходилось преодолевать равнодушие, непонимание федеральной власти и давление прежнего губернатора В. Мухи, пытавшегося превратить лидеров сибирской науки в своих вассалов. Сейчас взаимопонимание с властями как будто налаживается. Научный центр выживает, хотя и не без потерь.

Сибирское отделение напоминает уже не армию, а отдел министерства фундаментальных наук, в которое превратилась вся Российская академия. В институты стали спускать «сверху» программы, предписывавшие, что делать ученым. По-моему, такие программы с четкими задачами годятся только для прикладных наук. А новые фундаментальные идеи рождаются не в кабинетах вышестоящих чиновников, а внизу, в лабораториях, в головах молодых ученых. Можно ли представить, чтобы начальники выдавали научные задачи Менделю, Резерфорду, Эйнштейну и Планку? Никто не приказывал открыть законы наследственности и теорию относительности, создать лазеры. Настоящему ученому не нужна чиновная иерархия, укрепившаяся во всей Академии наук. «Программный подход» привел к тому, что лучше всех финансируют тех, кто ближе к начальству.

В Сибирском отделении много говорят о пользе интеграционных проектов, в которых участвуют исследователи разных инсти-

тутов. Хочу надеяться, что это хотя бы отчасти вернет утраченное единство. Раньше в таких проектах не было нужды. Всех «интегрировали», объединяли семинары, проводившиеся Струминским, Кутателадзе и другими крупными учеными. На эти семинары приходили научные сотрудники всего Академгородка.

Большинство перспективных научных направлений рождалось и будет рождаться помимо проектов и программ. К сожалению, за годы кризисов мы во многом отстали от мировой науки, многое прозевали. Нам трудно уже наверстать отставание по информационным, биологическим, энергетическим технологиям. В «моей» науке прозевали топливные элементы, без которых не представишь транспорт и электроэнергетику будущего. За рубежом уже появились мощные экспериментальные установки на топливных элементах, а мы делаем лишь первые шаги в этом направлении. И столь скромные достижения стали возможны только потому, что известный предприниматель Лев Черной финансирует разработку топливных элементов в Институте перспективных исследований, которым я теперь руковожу. Больше таких меценатов в нашей стране нет. Академия наук много лет выдавала госбюджетные деньги институтам только на скромную зарплату. И совсем ничего не оставалось на эксперименты. Но ведь со времен Галилея, Ньютона и Бэкона вся фундаментальная наука стала экспериментальной. Без эксперимента не будет ни открытий, ни технического прогресса.

Не оправдались пока и надежды, что удастся содержать фундаментальную, экспериментальную науку за счет прикладных заработков. Люди, зарабатывающие на контрактах с зарубежными фирмами, неохотно жертвуют своими доходами. Прикладные разработки постепенно вытесняют из академических институтов экспериментальную науку.

Среди нынешних директоров НИИ еще немало крупных ученых. Но почти все они занимаются чем угодно, только не наукой. Добывание денег для института, прием гостей, налаживание деловых контактов с деятелями из Белоруссии, Украины, Индии, Китая, Казахстана... К тому же директоров сейчас выбирают не на академических собраниях, а в коллективах институтов, где порой выше ценят те «деловые качества», которые не имеют никакого отноше-

ния к науке. А потом директор почти автоматически становится академиком. На мой взгляд, эта псевдодемократия принесла большой вред академической науке.

Я убежден, что нормальное развитие фундаментальной и экспериментальной науки возможно только при восстановлении полновесного госбюджетного финансирования. Конечно, государство уже не будет содержать множество больших институтов. Видимо, прикладная наука вместе с внедренческими фирмами должна существовать отдельно от исследовательских лабораторий, сотрудничая с фундаментальной наукой, но не срастаясь с ней.

В свое время я был сторонником превращения Академгородка в «открытую зону». Сейчас считаю, что «открывать» Академгородок для коммерции и предпринимательства нужно осторожно, чтобы научный городок не стал базаром или «спальней» для сибирских богачей. По-моему, здоровым явлением становятся малые фирмы, занимающиеся наукоемким бизнесом. К примеру, эффективно работали софтвэрные фирмы. Но Сибирское отделение решило прибрать к рукам софтвэрные доходы, организовало собственную большую фирму – и все свелось к нулю. Среди предпринимателей, занимающихся наукоемким бизнесом, много талантливых людей, нужно дружить с ними, а не втискивать в прокрустово ложе академических структур. При сосуществовании на-равных с учеными наукоемкий бизнес может принести много пользы Академгородку.

Некоторые называют наш Академгородок «парком юрского периода». Мол, сидят тут мастодонты, возятся с наукой и твердят, что все прекрасно, будто в упор не видят убогих домов сорокалетней давности, запущенных газонов, щербатых тротуаров. Разве так должен выглядеть научный центр, завоевавший мировое признание?

Омолодить Сибирское отделение может только объединение с Новосибирским госуниверситетом. Главное внимание пора переключить на молодежь. Тогда и деньги начнут давать университету не в последнюю, а в первую очередь. В институтах снова появятся молодежные творческие коллективы.

Им решать судьбу наследства титанов, судьбу новосибирского Академгородка в XXI веке.

РОССИЯ ПРИРАСТАЛА СИБИРЬЮ, А СИБИРЬ – АКАДЕМГОРОДКОМ

Н.А. ПРИТВИЦ,
кандидат технических наук,
консультант группы
пресс-секретаря Президиума СО РАН

Академгородок много значил и для страны, и для Новосибирска. Напомню банальную истину: Новосибирск стал известен в мире благодаря Академгородку. Город очень изменился, когда здесь появился Академгородок. Большую роль сыграла добавка интеллекта и образования…

А для тех, кто приехал сюда в числе «первопроходцев», Академгородок – это молодость, романтика, надежды. И вся жизнь.

Я – из семьи репрессированных. Отца за «социальное происхождение» (его родители имели баронский титул) исключили из

института. Если бы это случилось в 1937 году, он бы попал в лагерь, а в 1935-м ограничились административной ссылкой. Нас изгнали из Ленинграда, запретив жить в крупных, столичных городах. Мы уехали в Уфу, потом в Алтайский край… Отец закончил курсы геодезистов, мама – машинистка. Много лет странствовали. Задержались в Херсоне, чтобы я закончила там школу-десятилетку.

После школы я хотела поступить в архитектурный вуз, но побоялась, что не сдам экзамен по рисованию. Пошла в инженерно-строительный. Мне говорили: поступай куда угодно, только не на гидротехнический факультет, женщинам там делать нечего – пошлют в глухие места, на стройку, в тайгу… А мне это как раз и надо! Я бывала с отцом в экспедициях, привыкла к жизни без удобств.

Но когда я закончила вуз, государственная политика изменилась, и строительство ГЭС на время прекратили. Весь наш курс оказался не у дел. Разбрелись инженерами, проектировщиками по московским институтам. А я с горя поступила в аспирантуру. Пока училась три года, снова открылись стройки. Братская ГЭС, где «Марчук играет на гитаре» (кстати, герой песни Пахмутовой – двоюродный брат академика Г.И. Марчука)... На Братскую ГЭС попали те, кто закончил наш гидротехнический факультет годом-двумя позже. Я им завидовала, страдала и не хотела ехать в Грозный, куда меня «распределяли» после аспирантуры…

И вдруг я услышала, что собираются создавать Сибирское отделение Академии наук, строить в тайге Академгородок. Мне об этом сказал Олег Федорович Васильев (он преподавал гидравлику в нашем вузе), а ему – Пелагея Яковлевна Кочина. Ее одной из первых пригласили в Сибирское отделение и избрали академиком. Поехал в Новосибирск и Васильев. Взяли и меня (всех, кто ехал в Сибирское отделение, отпускали, невзирая ни на какие «распределения»).

Я числюсь в Сибирском отделении с 10 ноября 1958 года, но приехала сюда только летом 1959-го: дописывала в Москве статьи, нужные для защиты кандидатской диссертации. Выпускники Физтеха (Московского физико-технического института), приехавшие

раньше, любят меня поддразнивать. Вспоминая при мне какой-то эпизод, добавляют: «Это было тогда, когда тебя еще здесь не было». Им – шутки, а для меня – травма.

Я навсегда заражена энтузиазмом и оптимизмом того времени, когда строился городок. Такими глазами и стараюсь на все смотреть. Сибирь меня не испугала. Что могло испугать дочь изыскателя, не имевшую своего угла? Пришлось пожить в бараке – одном из тех, что стояли в Золотой долине вокруг домика Лаврентьева. Зимой топили углем; того нет, другого нет… Но к чему-то подобному я и готовила себя, когда собиралась быть инженером-строителем. Все в Золотой долине тогда знали и поддерживали друг друга. Несемейные (и я в том числе) по выходным обедали у Лаврентьевых…

Одиннадцать лет я проработала в Институте гидродинамики, в отделе у Кочиной. Тут мне приходилось заниматься не только научными, но и административными делами. Мои начальники – Кочина и Васильев часто ездили в командировки, а меня оставляли за старшую. Чинов у меня не было, а нагрузка была. Я чувствовала дискомфорт из-за того, что не могла толком заняться наукой. И с грустью наблюдала, как мои коллеги идут вперед, «набирают очки». Хотя по формальным показателям и у меня тоже все было – и публикации, и поездки на конференции за рубеж… Но тут М.А. Лаврентьев стал переманивать меня в Президиум, предложил стать пресс-секретарем. Он помнил, что к Новому, 1960 году я написала поэму «Долиниада», которая ему понравилась. И я, поколебавшись, ушла в пресс-секретари.

Если верить астрологии, я – Близнец, натура двойственная. И действительно, у меня было пристрастие и к точным наукам, и к гуманитарным. Часть жизни я прожила как «технарь», потом стала гуманитарием. Мое инженерное образование помогало мне в работе пресс-секретаря.

Так Академгородок «определил» мою жизнь. Мне нравилась здешняя атмосфера. Особенно в «оттепельные» 60-е годы: свободное общение, споры, все можно, ничего не запрещено…

Недавно, готовя книгу к юбилею М.А. Лаврентьева, я набрела на воспоминания нашего бывшего куратора из обкома партии, ны-

не покойного Алферова. Он называл Академгородок «очагом вольномыслия». Когда-то он душил этот «очаг». А Лаврентьев защищал, говорил: «Не надо ничего запрещать. Умные люди всегда сами разберутся, что хорошо и что плохо». Многие вольности в Академгородке стали возможны только благодаря этому мощному прикрытию. Ведь Лаврентьев был «соизмерим» с секретарем обкома, имел прямой выход по телефонной связи на Москву, на правительство, на Хрущева.

В кабинет к Лаврентьеву можно было войти в любое время и о многом поговорить с ним запросто. Он часто предлагал ученым новые идеи, но не в приказном порядке, а как бы мимоходом, в случайном разговоре: мол, бери и пользуйся, если интересно. При всем этом никогда не «приписывался» в соавторы к своим ученикам. Судя по этим поступкам, он был безупречным образцом демократизма. Хотя бывал и крут, грубоват, резок, шел напролом к поставленной цели, не глядя под ноги…

Я обратила внимание на один эпизод из его воспоминаний – как при Хрущеве появился Совет по науке (такого органа ни до, ни после не было). В Совет вошли известные академики, во главе – Лаврентьев, секретарь – Марчук. По словам Лаврентьева, этот Совет, просуществовавший два-три года, успел кое-что сделать. Успел всерьез заняться техникой для Севера. Проанализировав причины «отказов», поломок машин в Якутии и на Магаданской трассе, пришли к выводу, что для экстремальных условий Севера нужна особая техника. Нужно прежде всего думать о самых уязвимых частях и узлах машин. Совету удалось отвергнуть и проект ГЭС в низовьях Оби, которую собирались строить в 60-е годы. Проектировалась грандиозная плотина; море разлилось бы на пол-Сибири, а потом получился бы гигантский ледник. К тому времени уже появились прогнозы по сибирской нефти, Лаврентьев вместе с Трофимуком плавали по Оби на север и осматривали территории с предполагаемыми месторождениями. Они встали стеной против проекта ГЭС: «Что же – потом нефть будем добывать из-под воды?» Тогда такой технократический довод звучал убедительнее самых мрачных экологических прогнозов. Правда, впоследствии писали, что не академики, а публицисты спасли Сибирь от чудовищной ГЭС,

они же боролись и за спасение Байкала от промышленного загрязнения. Но, скорее всего, ученые и публицисты действовали единым фронтом (известный российский публицист и главный редактор журнала «Новый мир» Сергей Залыгин, писавший статьи на экологические темы, одно время жил в Академгородке, был сотрудником Института гидродинамики).

Академик Никита Моисеев, назвавший Лаврентьева «человеком эпохи Возрождения», в 1989 году писал, что возглавлявшийся им Совет по науке был полезен стране и что такой совет пригодился бы во время перестройки.

Совет по науке при президенте России решили создать снова только сейчас, много лет спустя, после техногенных катастроф. Нам об этом сообщил Добрецов (председатель Президиума Сибирского отделения РАН с 1997 года. – Примеч. ред.) после встречи президента Путина с ведущими учеными страны в Сочи. Чем займется нынешний Совет, пока не очень понятно. Похоже, науку собираются пристегнуть ко всему, что называют «безопасностью страны», с сильным креном в сторону вооружений. Столько лет разоружались, уничтожали боевые ракеты, резали лодки – и снова все возвращается на круги своя, к новому витку военной гонки. Что делать? Таковы, наверное, законы жизни и развития по спирали.

И все-таки я верю в светлое будущее. «Провалы» в истории случались и раньше, но ведь человечество не погибло.

Может, я смотрю на жизнь сквозь «розовые очки». Но таким мировоззрением я тоже обязана Академгородку.

Говорят, в Академгородке всегда существовала кастовость. Но я ее никогда не чувствовала. У нас, приехавших сюда в «первом потоке», было и сохранилось настоящее братство. До сих пор в моей компании есть и академики, и лаборанты.

Знаю, что некоторые смотрят на Академгородок через «черные очки». Академгородок – модель общества; здесь, как и везде, живут и люди неудовлетворенные. Что-то в их судьбе не состоялось. Не хватило способностей или не повезло, «не совпали» с окружением, с начальством. «Нереализованные» люди всегда пугали меня крайним негативизмом оценок. В смутное время

они «всплыли на поверхность» с экстремистскими лозунгами. По-моему, и Добровольное общество трезвости (ДОТ), и «Память» состояли из людей с нереализованными амбициями и энергией, которая не нашла положительного выхода. К счастью, таких людей с разрушительным потенциалом тут оказалось немного. Может, потому Академгородок до сих пор жив, несмотря на все кризисы.

Мне довелось работать при всех председателях Президиума Сибирского отделения. Лаврентьев при всем его демократизме казался мне недосягаемым, великим. Я смотрела на него снизу вверх. Марчук председательствовал только пять лет. Наверное, он был не так резок, как Лаврентьев, более гибок, легче адаптировался. Добрецов нравится мне своей энергией и напором: идет к намеченной цели, как танк. А в Коптюге, с которым работала семнадцать лет, я видела не начальника, а товарища. Мы были людьми одного поколения (разница в возрасте – две недели), близкими по мировоззрению.

На долю Коптюга выпали самые тяжелые времена. На этом и надорвался, сгорел… По-моему, он пользовался всеобщим уважением (хотя некоторые и не разделяли его взгляды). Однажды он сказал, что остался в компартии, чтобы привнести туда идею устойчивого развития. Сейчас его любимую идею начинают шельмовать: мол, это идеализм, и никто никогда не согласится на самоограничение личных потребностей ради общего блага. А я уверена: это светлая и правильная идея, хотя путь к «устойчивому» обществу будет трудным и долгим. Ну, не захотят же, в конце концов, люди вымирать из-за расточительного отношения к ресурсам! Жизнь человечества все-таки дороже кучи дорогих тряпок и машин. Думаю, что разум восторжествует и «линия прогресса» пересилит, победит. Такой уж я исторический оптимист.

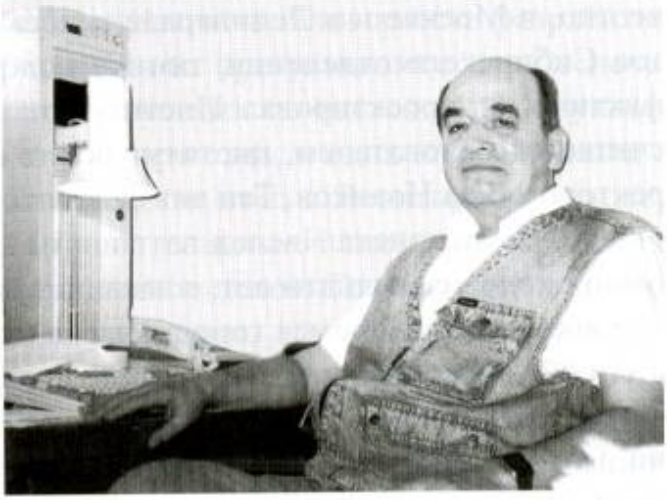
Я не стану утверждать, что в Академгородке все нормально и за «шоковое» десятилетие с ним ничего не случилось. От кого-то я слышала, что острова со временем размываются. Вот и Академгородок размывается, как остров в океане. Пожалуй, сейчас ему не хватает мобильности, притока и протока свежих сил. Первоначальный подъем был порожден людьми, съехавшимися сюда из

разных городов. М.А. Лаврентьев говорил, что нужно бы организовать постоянный проток, обновление кадров в Академгородке. Собирались строить специальные дома для аспирантов, которые будут здесь жить три-четыре года, потом уезжать, а вместо них приедут другие. Сейчас проток невозможен из-за безденежья.

Но все, что было в Академгородке сильно развито, живо и сейчас. Заинтересованность в своем деле… Институты не закрылись, хотя там получают такие маленькие деньги… Большинство научных сотрудников – старожилов Академгородка остались здесь не только потому, что им на старости лет некуда идти, но и потому, что им хочется делать свое дело. Мы стараемся не падать духом, сопротивляемся чувству унижения от нищеты. Все же мы успели что-то сделать и как-нибудь доработаем. А молодежь мечется, не находя своего места в этой жизни и достойного приложения своим силам... Можно ли осуждать молодых ученых, уезжающих работать за границу, где есть новые компьютеры, приборы и реактивы и где они могут заработать жилье? Никого не осуждаю, но за державу обидно.

На днях я ездила с заграничной гостьей в центр Новосибирска, чтобы показать ей достопримечательности. Я и сама там давно не бывала – и поразилась, увидев новые богатые здания, шикарные магазины, сверкающую рекламу. Академгородок сейчас выглядит куда беднее. Но он был и остался интеллектуальной вершиной и «очагом вольномыслия». Он еще будет будоражить общество, зарождать сомнения и надежды.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ДЛЯ ГЕРОЕВ



С.С. КУТАТЕЛАДЗЕ,
доктор физико-математических наук
(Институт математики СО РАН)

Раньше мы жили в Ленинграде. Однажды отец позвонил домой из Москвы и спросил меня: «Поедешь со мной в Новосибирск?» Я ответил: «Поеду». «Значит, поедем вместе. Только маме пока не говори». Был он немножко пьяненький. Звонил, кажется, с дачи Ландау. Там встретился с Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым. Посидели они, поговорили, и Михаил Алексеевич уговорил моего отца ехать в Новосибирск и создавать вместе с ним Сибирское отделение Академии наук. Папа был известным ученым, но в Котлотурбинном институте, где он работал, его «зажимали». Многие это знали, дошло и до Лаврентьева. А тот звал с собой в Сибирь как раз таких ученых, которых притесняли в Москве и в Ленинграде. И отцу предложение Лаврентьева помогало найти выход – покончить со старыми конфликтами и реализо-

вать новые идеи. Мама с сестрой не захотели уезжать из Ленинграда. А я уже привык ездить с отцом – он часто возил меня на научные конференции. Поэтому ничуть не удивился, когда он позвал меня в Сибирь. Случилось это в 1959 году; мне было тогда четырнадцать лет.

Отца сразу зачислили в штат Сибирского отделения, но он еще некоторое время находился в Ленинграде. Насколько мне известно, в Москве и в Ленинграде велось проектирование институтов Сибирского отделения, там же подбирали сотрудников. Отец фактически проектировал Институт теплофизики. Поэтому он и считается основателем, институт носит его имя, хотя первым директором был Новиков. Так вот непросто все устраивалось.

Когда я приехал вслед за папой в Академгородок, мне уже было около семнадцати лет, я заканчивал школу. Помню, что первое время в строящемся городке даже поесть было негде и мы ездили обедать в городской аэропорт. Езды туда на машине – минут сорок. В ресторанчике аэропорта варили отличную уху из стерляди. Потом открылась маленькая столовая в Институте ядерной физики.

Кино крутили в конференц-зале Института геологии. Вечерами весь Академгородок наряжался и ходил туда через лесочек. Такой памятный маршрут... Неудивительно, что старожилы Академгородка болезненно отреагировали на перемены в этом местечке, на появление здесь новостройки, которую, по слухам, отчасти оплачивают «денежные мешки».

Атмосфера в первые годы была замечательная. Всеобщий энтузиазм стал нормой жизни. Казалось, тут сформировалась новая общность людей.

Запомнился такой эпизод. Когда в Академгородке еще не было телефонов-автоматов, напротив того места, где теперь Дом ученых, возле построенных уже жилых зданий, прямо на улице стоял обычный телефонный аппарат. Стоял на подставке в будочке-скворечнике. И никому не приходило в голову сломать его или утащить.

Многие не запирали двери квартир. Никогда, ни днем, ни ночью. Навсегда сохранил эту привычку Глеб Павлович Акилов, ко-

торый был моим учителем и соавтором (сперва я слушал его лекции, потом мы вместе написали книгу). Он не запирал двери своей квартиры даже на ночь до самой смерти, хотя жизнь вокруг очень изменилась. Но человек не менялся, так уж он был устроен.

С каким настроением работали ученые и как они «выкладывались», я видел даже у себя дома. К отцу часто приходил молодой сотрудник Александр Иванович Леонтьев, ближайший соратник отца, впоследствии ставший академиком. Они вместе разрабатывали новую теорию – турбулентного приграничного слоя с исчезающей вязкостью. Это последняя из по-настоящему крупных идей, разрабатывавшихся с участием отца, и одна из важнейших в Институте теплофизики. Я видел, как отец с Леонтьевым подолгу спорили, кричали. Часами играли в нарды. И так – каждый вечер: работа, общение, игра – неразрывное целое. Глаза горят, и видно, что такая жизнь доставляет наслаждение.

Меня поражало, как много в Академгородке ярких людей, которых интересно слушать и у которых можно многому научиться по жизни. По соседству с нами жил Рудольф Иосифович Салганик. Тогда он еще не стал академиком, но уже считался известным генетиком и замечательным лектором. Никогда не забуду, как он рассказывал в одной аудитории про опаринскую теорию зарождения жизни и сформулировал ее суть так: «Муть рождает муть и дальше эволюционирует». Тут, конечно же, имелся в виду и контекст, отчасти и сам Опарин. Салганик сделал паузу, как бы и сам прислушался к тому, что сказал, и расплылся в улыбке: понравилось.

Помню, как к нам в гости зашел Алексей Павлович Окладников. Разговор зашел об истории языка, о происхождении матерщины и тому подобном. Окладников рассказал о самобытном исследователе из Иркутска, который давно начал составлять словарь «непечатных выражений», но его «зажимают», не признают, никуда не пропускают этот труд. Заодно Окладников просветил папу, объяснил значение и происхождение некоторых бранных слов. Много можно вспомнить таких эпизодов свободного, демократичного общения. Общались все запросто, без высокомерия и подобострастия. И мне казалось, что только такими должны быть отношения людей, связанных единым делом.

Я никогда не считал себя жителем Новосибирска. Говорил: живу в Академгородке. Многие из Академгородка часто летали в Москву, иногда по два раза в неделю. Авиаперелет за тысячи километров казался почти таким же простым делом, как поездка в городском автобусе. Садились на любой ближайший рейс, перескакивали на другой, останавливались на ночевку в Челябинском или Свердловском аэропорту. В пути обязательно встречали знакомых, переживали интересные приключения. И билет до Москвы и обратно стоил дешево – не больше двадцати рублей, а студентам – скидка (когда я учился в НГУ, мне приходилось летать к жене-москвичке, а ей – ко мне).

В нашей жизни было много новостей: строились дома, институты, появлялись новые молодые сотрудники... Все, с кем мы общались в Москве, в Ленинграде и в других крупных городах, интересовались Академгородком. Мы ощущали свою особенность. Можно даже сказать, чувствовали себя самыми главными в стране, в центре большого дела такого же масштаба, как всесоюзные стройки или космическая программа. Академгородок строился одновременно с полетами первых советских космонавтов.

Думаю, Академгородок быстро стал интеллектуальным центром потому, что основное, первоначальное его население составляли москвичи и ленинградцы, выпускники лучших вузов. Все первые лидеры были в том возрасте, когда еще можно успеть сделать какое-то большое дело. Благоприятствовала и удаленность от столичных интриг и дрязг.

Правда, и сам Академгородок не обошелся без конфликтов, без трений между теми же москвичами и ленинградцами, которые были по-разному устроены. Ленинградская интеллигенция казалась более сдержанной, критичнее мыслила и старалась держаться подальше от власти. Москвичи ближе к власти, не столь щепетильны, легко позволяли себе такие грешки, какие не терпели ленинградцы. Думаю, «спецпайки» в Академгородке завели москвичи. И в чрезмерном влиянии жен на некоторые решения и отношения лидеров тоже сказался отголосок московской «придворной» жизни.

Из-за того, что не поладили жены академиков (кто-то кого-то не так принял, кто-то на кого-то не так посмотрел), Академгоро-

док потерял уникальный медицинский центр. Старожилам известно, что здание, в котором разместился Вычислительный центр, строили для Мешалкина и других медицинских светил. Там собирались оборудовать великолепную клинику с бассейном и с особой антиинфекционной системой, с хитрыми коридорами-лабиринтами, чтобы не пересекались воздушные потоки. Собирались лечить тут ученых новейшими, эффективными способами. Но после грандиозного скандала с участием первых персон Сибирского отделения и их жен от замечательного проекта отказались. Мне кажется, Академгородок от этого сильно пострадал. Медицинское обслуживание здесь более или менее нормализовалось только после создания Сибирского отделения Академии медицинских наук.

Весь Академгородок знал об испортившихся отношениях основателей, которые тут все определяли, – академиков М.А. Лаврентьева, С.А. Христиановича и С.Л. Соболева. Во время строительства, осуществления замыслов их дружба быстро кончилась. С.Л. Соболев оставался дружен с М.А. Лаврентьевым дольше, чем С.А. Христианович, но и между ними охлаждение было заметно. М.А. Лаврентьев, по сути, был московским человеком, а С.Л. Соболев – ленинградским. Имелись и другие причины для конфликтов. Михаил Алексеевич Лаврентьев был старше всех в Академгородке, он сделал много полезного для отечественной науки. Но за рубежом, где-нибудь в Новой Зеландии, его имя могли и не знать, а вот имя Сергея Львовича Соболева знали наверняка. Да и я перед приездом в Академгородок не знал, кто такие Лаврентьев и Христианович, но хорошо знал, кто такой Соболев. Он обессмертил свое имя в двадцатипятилетнем возрасте, открыв метод универсального решения сложных уравнений с частными производными и с постоянными коэффициентами. Тут и везение, и момент гениальности, и еще неизвестно что (говорят же, будто гений просто отбирает, записывает часть из того, что проносится перед его «внутренним взором»). Сам Сергей Львович Соболев называл себя «баловнем судьбы». В 29 лет он уже был академиком. В Академгородок приехал мировой знаменитостью и Героем Социалистического Труда, живым символом гения науки. И хотя он никогда не при-

нимал таких сложных решений, какие выпали на долю М.А. Лаврентьева во время строительства Академгородка, но как ученый знал себе цену. И некоторые взгляды Соболева не совпадали со взглядами Лаврентьева. Их разногласия я ощутил, можно сказать, на своей шкуре, когда в Институте математики «провалили» мою докторскую диссертацию не по научным соображениям. А моя фамилия стояла в списке лучших выпускников мехмата НГУ, за нашими судьбами следил глава Сибирского отделения. М.А. Лаврентьев позвонил С.Л. Соболеву (Соболев тогда работал в Институте математики, но на защите моей диссертации не присутствовал из-за командировки). Академики крепко поругались; Лаврентьев сказал Соболеву, что в его институте творится безобразие. После этого Соболев несколько охладел ко мне, хотя вначале выражал мне твердое сочувствие. В общем, угодило зернышко... Но я не усмотрел в этих перипетиях ничего ужасного и драматического. Мне было тогда под тридцать. Я не стал возмущаться и жаловаться, а вскоре написал и защитил новую диссертацию.

Трезво оценивать жизненные ситуации и находить разумный, достойный выход из всех затруднений меня научили друзья, которых я нашел в Академгородке. Все это были люди мудрые и битые жизнью, значительно старше меня. Может, так получилось потому, что я с детства вместе с отцом чаще бывал во взрослых компаниях, чем с ровесниками.

Я горжусь дружбой с академиком Александром Даниловичем Александровым. Когда-то он меня недолюбливал, даже выступал против моей кандидатской диссертации, но потом пересмотрел свое мнение, и в последние годы его жизни у нас сложились доверительные отношения. Одним словом характер Александрова не определишь. Выдающийся ученый, обладал абсолютной памятью. Талант его был многогранен: сочинил множество стихов и пьес, но почти все это пропало, потому что он ничего не записывал. Про него рассказывали легенды и анекдоты, его имя окружено и большим количеством вранья. Он был убежденным коммунистом, но никогда не был сталинистом и сторонником Лысенко, что ему приписывали. И не громил научные школы ради собственной карьеры. Все эти скандальные обвинения были опровергнуты.

А вот что доподлинно известно всем математикам: А.Д. Александров вместе с М.А. Лаврентьевым и А.Н. Колмогоровым спасли советскую математику от такого же погрома, какой учинили лысенковцы в биологии и генетике. Убедили всех тогдашних академиков-математиков выпустить книгу о своей науке. Их книга «Математика, ее содержание, методы и значение» многажды издавалась в США. А в нашей стране этот толстенный том выпускался только под контролем ЦК КПСС, с пометкой «Для служебного пользования», каждый экземпляр был пронумерован. В книге собраны статьи всех ведущих отечественных математиков – Л.В. Канторовича, А.Д. Александрова, С.Л. Соболева и других. Математики как бы отвечали на вопросы, какие могли им задать философы и другие «эксперты со стороны». Писали о взаимоотношениях своей абстрактной науки с гуманитарными и естественными, о связях теоретической и прикладной математики. Своего рода тактика упреждающих ударов. Лидеры отечественной математики решили сами сформулировать материалистический взгляд на свою науку, не дожидаясь, когда демагоги и дилетанты полезут выяснять, кто из математиков идеалист, а кто истинный материалист. Математиков пришибить идеологическими обвинениями легче, чем физиков, которые могли прикрыться таким непрошибаемым аргументом, как атомная бомба. Однако «тактика упреждающих ударов» сделала свое дело. И неслучайно М.А. Лаврентьев потом пригласил бывшего ректора ЛГУ А.Д. Александрова в Академгородок: они объединились, стали союзниками на издании книги, защитившей математику. Академик Александров много лет прожил в Академгородке, был тут одной из самых ярких фигур и, по-моему, прекрасно себя здесь чувствовал.

Своим учителем в науке считаю Леонида Витальевича Канторовича. Он был вундеркиндом – в четырнадцать лет поступил в университет, в восемнадцать стал профессором. Как и С.Л. Соболев, рано, в 27 лет сделал свои выдающиеся математические работы, за которые потом получил Нобелевскую премию. Уже после его смерти мне показали старые фотографии и портрет кисти Петрова-Водкина, где Леонид Витальевич Канторович изображен в молодые годы: во взгляде – отрешенность гения... Я не видел его

таким. Не видел и Сергея Львовича Соболева, и Александра Даниловича Александрова в моменты их гениальности. Мне приходилось общаться с ними в будничной, обыденной обстановке. Но я всегда помнил, кто они такие. Гений остается гением и в домашних тапочках. Я осознавал, что и Лаврентьев с Христиановичем, и другие лидеры Академгородка были поистине великими людьми. А к их ошибкам и конфликтам относился примерно так же, как к ссорам родителей, – никого не осуждал. Понимал, что жить рядом с выдающимися людьми непросто и все-таки это счастье.

Мне повезло на учителей и на друзей, повезло на работу. Я хотел стать математиком и стал им. У меня не было столь выдающихся идей и гениальных откровений, как у Соболева и Канторовича, но и в моей жизни случались мгновения, когда кажется: для тебя нет ничего недоступного. Наверное, это и есть моменты гениальных озарений – такие бывают у многих людей, только у великих, видимо, длятся дольше и след глубже. Но я удовлетворен своим вкладом в науку. Работаю в «Сибирском математическом журнале» и в Институте математики, заведую там отделом функционального анализа, которым раньше руководил С.Л. Соболев. Делаю то, что считаю своим долгом, и получаю от этого удовольствие. Сам занимаюсь математикой и пишу про математику (это можно назвать научным писательством). Издаю труды выдающихся людей, которых знал, и рассказываю о них, пытаюсь синтезировать их идеи. У меня есть работы по синтезу исследований Канторовича и Александрова. Математические модели, которые Канторович применял в экономике, я применил в геометрии и с их помощью решил некоторые задачи, не поддававшиеся геометрическим методам Александрова. В функциональном анализе использую методы нестандартного анализа и математической логики.

Где-то я прочел и с тех пор часто повторяю: ученый должен не только добывать новые знания, но и делать для следующих поколений то, что сделали для него предыдущие. Я и пытаюсь это делать, синтезируя разнообразные идеи выдающихся старших товарищей. Мое писательство – не популяризаторство, я пишу свои книги не для всех, а для математиков-профессионалов. Заполняю

разрыв между феноменальной, авангардной наукой и той, которая в вузовских учебниках. Пытаюсь сократить дистанцию между передовым фронтом познания и студентами.

Думаю, не случайно многие выдающиеся ученые писали учебники. И мой отец написал учебник в то время, когда еще не был доктором наук. Л.В. Канторович с Г.П. Акиловым и С.Л. Соболев тоже стали авторами классических учебников, по которым учились во многих странах. Я видел, как Александр Данилович Александров писал учебники геометрии для школьников. Жаль только, что многие академики брались за такие труды поздновато – после семидесяти, когда из колоссального личностного потенциала что-то важное уже ушло, утрачено.

Приходится слышать такое мнение: нынешние студенты должны учиться по тем же учебникам, по которым учились Канторович, Александров и все наше поколение. Но я считаю, что в преподавании, как и в науке, необходима эстафета обновления. Для каждого поколения нужны новые учебники, отражающие современную динамику науки. Я изучал функциональный анализ по блестящему учебнику Л.В. Канторовича и Г.П. Акилова, а потом сам написал новый, начал читать в университете свои лекции по функциональному анализу. И мой старший товарищ Глеб Павлович Акилов на меня не рассердился – видел во мне не конкурента, а преемника. А меня огорчает сейчас то, что я читаю лекции по своему учебнику слишком долго, уже двадцать лет. Я ведь знаю, что моя наука за это время ушла далеко вперед и что нужны новые учебники, которые лучше бы писать ученым помоложе.

В последние годы эстафета обновления в преподавании затормозилась. Ведь чтобы писать книги, нужно быть материально обеспеченным. В Советском Союзе профессор, доктор наук получал зарплату министра, а зарплата академиков была больше, чем у членов Политбюро. Плохо это или хорошо, но ученые находились на вершине общества. Наука была престижным делом; сюда устремлялись самые талантливые и предприимчивые люди, потому что именно здесь они могли быстро добиться материальной независимости. А сейчас далеко не каждый профессор получает двести долларов в месяц (кажется, американскому безработному дают

такое пособие на неделю). И спина у ученого уже не такая прямая, и нет прежней гордой уверенности в себе, и глаза не горят. Тут приходится думать не о капитальном, сосредоточенном труде над учебником, а об отъезде за рубеж или о поиске дополнительных заработков. Я начал зарабатывать на переводе математических трудов, но этих заработков не хватит на покупку новой квартиры, а жилье, построенное тридцать-сорок лет назад, приходит в негодность. Даже цветной телевизор и новый костюм теперь не по карману большинству профессоров и академиков. Раньше «мелочи быта» нас так не угнетали, не отвлекали от высоких научных материй.

Постаревший и обнищавший Академгородок все еще обладает большой притягательной силой, хотя самые светлые эпизоды ушли в прошлое. Невозможно вечно жить воспоминаниями. Все чувствуют необходимость обновления, но наиболее популярные и, на первый взгляд, привлекательные проекты превращения Академгородка в технополис или в университетский центр таят в себе большую опасность. Ведь такой путь предлагают и всей академической науке. Академия станет приложением к университетам; старые люди будут преподавать, а молодые – экспериментировать в лабораториях. Нетрудно предвидеть, чем все закончится: крупные академические НИИ закроются, «отомрут». Останутся, в лучшем случае, маленькие лаборатории в вузах да научно-технические фирмочки, выполняющие заказы «денежных мешков».

По сути, нам предлагают перестроить науку по американскому и западноевропейскому образцу. По-моему, это равнозначно предложению писать все наши статьи не на русском, а на английском языке. На первый взгляд, все логично: ведь мировая наука говорит по-английски. Но, по-видимому, люди мыслят на родном языке. И наши русские научные открытия осуществлялись на русском языке. А если все перевести на заграничный лад, то, может, русских открытий больше не будет...

Если академическая наука в нашей стране погибнет, то ее больше нигде и никогда не будет. Такой путь развития науки опробован, проторен только в Советском Союзе. Жизнь показала, что академическая наука нужна и очень эффективна. Не случайно

Академгородок производил такое большое впечатление. Не случайно японцы строили свою Цукубу по его образцу и подобию. По-моему, строительство крупных научных институтов Академгородка сопоставляли со строительством самолета-истребителя МИГ. Совсем небольшие затраты, а какой прорыв в интеллектуальной жизни страны, какие колоссальные изменения в огромном регионе, который считался раньше глубокой провинцией и куда прежде не заглядывали академики! При всем том, что лаврентьевская идея десантирования столичных научных школ в сибирскую «глубинку» не осуществилась во всей полноте и дальнейшее осеменение провинциальной науки оказалось не столь эффективным, как ожидалось. Многие новые научные центры, созданные вслед за новосибирским Академгородком, попросту не имели достаточной «критической массы» ученых высокого уровня. Да и в новосибирском Академгородке стал ощущаться недостаток таких кадров, когда «сверху» стали искусственно притормаживать приток выпускников из московских и ленинградских вузов. Из-за этого и был провозглашен принцип опоры на собственные силы. И все же именно здесь, в сибирском Академгородке науке удалось продемонстрировать свою роль производительной силы, она стала катализатором общественных процессов.

Со временем все яснее виден масштаб ученых-лидеров, построивших для нас Академгородок. Я уверен: неслучайно эти великие люди были почти ровесниками, из одного поколения. Вглядитесь в судьбы, в биографии основателей Академгородка – и увидите: они дети революции 1917 года. Пора осознать, что́ мы потеряли во время последних перестроек и шоковых реформ, – только слепой не видит шага назад в общественном развитии. Пожалуй, советское общество, ценившее науку, скорее можно назвать обществом знаний, чем США. В США на уровне элитной оплаты труда и элитных решений всегда оказывались юристы, управленцы и политики с гуманитарным образованием, а профессора считались отнюдь не первостепенными гражданами – к ним относились примерно так же, как к школьным учителям. Теперь и в России ведущие политики советуются не с академиками, а с олигархами. Уже никого не шокируют заявления, что науки в нашей

стране слишком много и создание Сибирского отделения было исторической ошибкой.

Я считаю, что мы не должны допускать деградации Академгородка и ликвидации отечественной науки. В этом, если хотите, наш долг перед потомками. В крайнем случае стоит попытаться сохранить академическую науку хотя бы в значительно сокращенном виде, в зародыше, в спорах. Многие профессора и академики преподают в университете, но он никогда не был и вряд ли будет «руководящим ядром» Академгородка. Надеюсь, не станут управлять Академгородком ни церковь, ни базар, хотя я ничего не имею против присутствия рынка и религии в жизни людей, общества. Но я благодарен бывшему руководителю Сибирского отделения академику В.А. Коптюгу за то, что он не допустил торгашей и менял в Дом ученых и что церковь построена не в центре Академгородка, а на окраине. Религия и наука – вечные враги, тут не может быть никакого союза.

Воззрений академика Коптюга на развитие цивилизации я не разделяю. Остаюсь на позициях исторического материализма. Уверен: не будет никакого устойчивого развития, пока не обеспечена более высокая производительность труда, пока не разрешено противоречие между общественным характером труда и частной формой присвоения результатов. При капитализме это противоречие чрезвычайно обострено. При социализме его смягчили, но совсем ликвидировать не удалось. Впрочем, наше прошлое общество вряд ли можно считать социалистическим в полном смысле этого слова: оно то приближалось к социализму, то удалялось от него. По-моему, многих устраивали моральная обстановка и уровень жизни в начале 70-х годов. Хотя, как мне кажется, в то время уже происходил развал принципов социализма.

Раньше нас в вузах учили, что вся жизнь общества определяется экономической базой, экономическими причинами. Но экономические причины смены общественных формаций в нашей стране до сих пор не исследуются, серьезных идей по этому поводу немного, и широкой публике они неизвестны. На мой взгляд, основы социализма были сломаны общественными фондами потребления, созданными при Н.С. Хрущёве в 1961 году. Таким об-

разом начали готовиться к коммунизму, который, как провозгласили на одном из партсъездов, наступит в 1980 году. От распределения по труду переходили к распределению по потребностям. Это отвечало общим склонностям: кто же не хочет получать по потребностям? Тем самым прервалась зависимость потребления от результатов труда, запущен механизм разрушения социалистической экономики. Так были подорваны экономические возможности социализма, которые ярко выявились после снятия военного пресса, в годы послевоенного восстановления страны. Многие уже начинают забывать, что СССР не только первым запустил искусственные спутники и первым отправил человека в космос, но и достиг паритета с США в важнейших сферах жизни общества, занял второе место в мире по объему потребления на душу населения! А общественные фонды потребления фактически превратились в «коммунистическую» систему распределения, хотя достаточной экономической базы для этого не было. Закономерно возникли разнообразные нарушения, перекосы: в конце 80-х средняя заработная плата в стране была 129 рублей, а из фондов общественного потребления на каждого человека уходило 280 рублей. Две трети национального продукта распределяли по потребностям! Вряд ли люди скажут, будто все тут было плохо, – нет ничего дурного в том, что часть денег из фондов общественного потребления уходила на обеспечение всеобщего бесплатного образования и бесплатного медицинского обслуживания. Но на эти же средства строили обкомовские дворцы и дачки, распределители со спецпайками. Проще стало не работать в поте лица, а занять хорошее место в профкоме и выпросить квартиру, путевку в санаторий, матпомощь. Все это не могло хорошо закончиться.

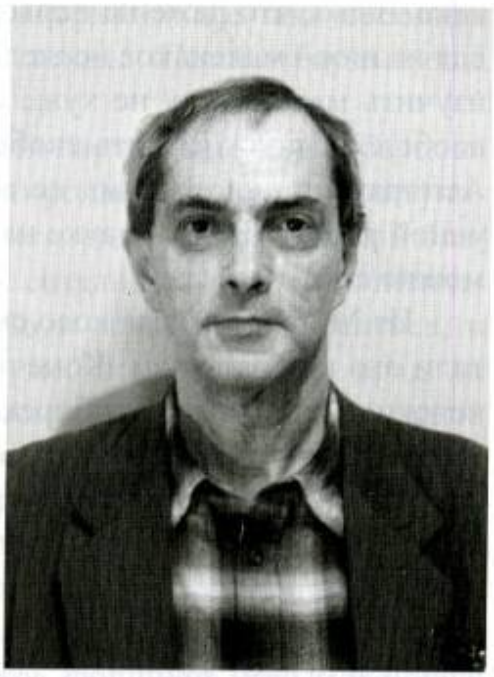
У всех нормальных людей во всех странах одно представление о светлом будущем. Все мечтают об обществе всеобщего благоденствия, где жизнь – в радость и люди не зависят от тягот мира – от болезней, чрезмерного труда. Неважно, как назовут такое общество. Но бесспорно, что оно возможно при мощной экономической базе. А если мы сами в десять раз уменьшили свой национальный продукт, то почему удивляемся, что большинство населения живет плохо?

Пора осознать, что общество, которое мы потеряли, не возникнет вновь в обозримом будущем. Мы живем уже не в коллективистском, а в индивидуалистском обществе, где все высокоразвитые структуры обслуживают богатых. В таких условиях наш коллективистский менталитет, привычка к многотерпению могут вести только к вымиранию.

Наша первоочередная задача – сформировать полноценный рынок труда в науке и в образовании. Вот тут уместно оглянуться на США, где профессора все-таки не возьмут дворником и не предложат ему зарплату меньше 60 тысяч долларов в год. Пора и в нашей стране установить предельную, более или менее приличную зарплату для профессора, доктора наук. И профессорам бы проявить твердость, вспомнить о чувстве собственного достоинства... Сам я сказал ректору НГУ, что предпочел бы преподавать в университете бесплатно (в конце концов, у меня есть другие заработки), чем за унизительную, нищенскую зарплату.

Однако академическое начальство пытается «нормализовать» положение недостойными методами «самосохранения и выживания», увеличивая разрыв в оплате труда между руководителями и подчиненными. Раньше разница между зарплатой заведующего кафедрой вуза и профессора не превышала 10%. Такая же небольшая разница сохранялась на всех ступенях – между директором института и заместителем, между завлабом и старшим научным сотрудником и т. д. А сейчас на каждой начальственной ступеньке зарплата удваивается, а то и утраивается. Все ресурсы скособочены, перекошены в пользу начальства. Чем же наши руководители лучше Чубайса и всех управленцев РАО ЕЭС, получающих по 15 тысяч долларов в месяц, тогда как рядовому работнику в «Новосибирскэнерго» достается сотня–другая долларов? На таких путях нет положительных решений, нет выхода. Все это может привести лишь к новому социальному перевороту. Ведь люди еще не забыли, какой должна быть нормальная зарплата. И социалистический опыт еще помнят.

И ПОДВИГ, И ПОКАЯНИЕ



Р.С. ГОРЕЛИК,
кандидат технических наук
(Институт теплофизики СО РАН)

Академгородок был моей мечтой. На меня произвела большое впечатление статья об Академгородке в газете. И я рванул с Украины в Сибирь, в Новосибирский госуниверситет, поссорившись с отцом. Родители хотели, чтобы я ехал учиться в Москву, в Военно-медицинскую академию.

В НГУ я не поступил. Закончил деревенскую школу, в олимпиадах не участвовал и, наверное, бледновато выглядел на фоне «олимпиадных» детей и абитуриентов-москвичей. Ко всему прочему, экзамен по математике у меня принимал известный антисемит. Я схватил «тройку» и поехал учиться в Томский университет. На первой сессии получил три «пятерки» и попытался вернуться в

НГУ, но опять не взяли. Вернулся только на третьем курсе. Пять человек (среди них и я) были отправлены из ТГУ в НГУ как бы в командировку.

Я убежден, что НГУ – лучший вуз в России. Учиться на здешнем физфаке можно только при большой тяге к физике и математике. Знаю, что даже на первом курсе решали 180–200 задач, каждая из них – маленькое исследование. Считалось, что физик обязан изучить математику не хуже самого математика и что у студента вообще не должно быть свободного времени, не занятого учебой. Аспирантов «напрягали» не меньше. Иначе не подготовить к научной работе. Ведь в науке на тебя идет вал информации, от этого можно сойти с ума...

Из Москвы всегда косо смотрели на наш Академгородок, считали его конкурентом. Конечно, почти все «бабки» падали в московские НИИ, а новосибирскому Академгородку никогда не доставалось больших денег. В этом смысле ничего не изменилось. Зарплаты у рядовых научных сотрудников никогда не были особенно большими. Всегда коллективы, по сути, пахали на одного-двух главных ученых: проверяли, «разрабатывали» их идеи. И с бытом не было проблем, наверное, только у академиков. Мне с женой и сыном пришлось ютиться какое-то время в общежитии, нас оттуда выгоняли...

Но все равно я не жалел, что попал в Академгородок. Здесь интересно жить. В Академгородке не было неталантливых людей! Раскованная, демократичная атмосфера...

Начинал работать я в Институте гидродинамики, в отделе Олега Федоровича Васильева. Тогда он был кандидатом наук, и никто не видел в нем будущего академика. Он не «давил» и не вытеснял тех, кто оспаривал и критиковал его идеи. Напротив, внимательно их слушал. Критика помогала ему укреплять свои позиции и блестяще выступать на международных конференциях. Думаю, и в академики он вышел благодаря разумному отношению к оппозиции.

Васильев стал первым директором Дома ученых (не назначенным, а избранным, на общественных началах). Он был членом партии и прикрывал Дом ученых от «наездов» партийной номенк-

латуры. При нем состоялись персональные выставки нестандартных художников (хотя деятели из обкома требовали «снять со стен эту мразь»). И знаменитый концерт «бардов» – Галича, Кима, Окуджавы и других предшественников Высоцкого. Мне удалось купить билеты на этот концерт. Страшно было смотреть, как народ, не доставший билеты, пошел на витражи и все-таки пробился в зал. Публика висела гроздьями на стенах... Потом «барды» еще целый день пели в ИЯФе.

После скандала, который устроили парторганы из-за «бардов» и клуба «Под интегралом», в Академгородке построили политучилище. Говорят, Дед так захотел. Может, ради «политической благонадежности». Ведь Академгородок создавался не для политического диссидентства, а для науки. Но и академик Лаврентьев, и другие «отцы-основатели», конечно же, понимали, что вряд ли удастся сделать Академгородок совсем аполитичным. Понимали, что все равно придется иметь дело с издержками демократии, за которые их будут вызывать «на ковер» в обком и в ЦК. Ведь люди, учившиеся в ФМШ и в НГУ, умели системно мыслить, и их возмущала марксистско-ленинская догматика; они начинали доказывать, что ленинский «Материализм и эмпириокритицизм» – чушь и набор ругательств, что в идеях Маркса рационального мало, да и Энгельс – вовсе не великий ученый. Это дебатировалось на семинарах по философии. И кто-то брал все на заметку. Весь компромат всплывал, когда «критик марксизма» собирался делать карьеру или съездить за границу.

Большой шум поднялся в Академгородке после неожиданного приезда академика А.Д. Александрова, который был тогда ректором ЛГУ. Объявили, что известный математик прочтет цикл лекций по философии «в помощь сдающим экзамены по кандидатскому минимуму». Первая лекция – в Институте геологии. Народу набралось – яблоку негде упасть. Академик Александров поразил меня своей абсолютной памятью – он цитировал большие куски текста из первого ПСС Ленина, изданного без купюр в 1928 году. Цитировал и Маркса, и зарубежных ученых. Александров сказал: если философия – наука, то она должна развиваться. Но марксистско-ленинская философия 70 лет стоит на месте. Значит, это не

наука, а догма, которую охраняют партийные «держиморды». «Гэбэшники» и представители кафедр философии из новосибирских вузов задавали Александрову каверзные вопросы. А он спокойно «ставил их на место», ссылаясь на авторитеты (опять цитаты с указанием тома и страницы). В древней Греции таких людей, умеющих выигрывать спор, называли софистами.

На вторую лекцию академика Александрова, проходившую в кинотеатре «Москва», пришло еще больше людей. А третьей лекции не было. Наверное, запретили.

Впоследствии с академиком Александровым вел долгую дискуссию академик Накоряков. Накоряков говорил: человек, претендующий на общественно значимые суждения, должен быть безгрешным, только тогда ему поверят. Оказывается, академик Александров в годы сталинских репрессий обвинял известного физика в идеализме – в то время такое было равносильно смертному приговору.

К счастью, «борьба идей» в Академгородке никому не грозила тюрьмой и расстрелами. Даже после знаменитого «Письма двадцати пяти» никто из авторов так уж сильно не пострадал. В том письме, отправленном в ЦК КПСС, говорилось, что ученым и народу нужны демократия и полная информация обо всем происходящем в нашей стране и за рубежом. Шума из-за письма было много, но в тюрьму посадили лишь одного молодого автора, да и то всего на день, чтобы попугать. Всерьез же наказали только доктора физико-математических наук Фета. Перевели из завлабов в старшие научные сотрудники, потом сделали младшим, потом лаборантом и вообще сократили. Фет за деньги писал людям кандидатские и докторские диссертации, зарабатывая на этом в пять раз больше, чем во время работы в институте. Впоследствии он уехал за границу.

В общем, жизнь тут кипела и бурлила. А значит, академик Лаврентьев и его соратники сделали стратегически правильный выбор, когда уехали в Сибирь из Москвы, где вся наука ходила «под блатными». Я всегда с почтением относился к основателям Академгородка, считал их выдающимися личностями, героями.

Но однажды закралось сомнение. Неожиданно я нарвался на давний номер «Докладов Академии наук» (кажется, 1940 года) –

его прислали в институт по чьему-то заказу и еще не вернули в запасник. Я увидел в этом номере открытое письмо, обвинявшее в космополитизме, низкопоклонстве перед Западом и прочих «смертных грехах» знаменитого математика Лузина. Подписали письмо тоже знаменитые люди, среди них и академик М.А. Лаврентьев. Обнаружив это, я пережил шок.

А потом попал на вечер воспоминаний, где выступали основатели Академгородка – Лаврентьев, Христианович, Соболев. Лаврентьев рассказывал про Лузина. Он «вырос» в школе Лузина. Лузин в 1917 году был уже знаменитым математиком и педагогом, мог уехать за границу и без труда там устроиться, но остался в России. И заявил: кто бы ни пришел к власти в нашей стране, русские должны удержать ведущие позиции в науке. Ради этого он создал свою научную школу. Набирал обычно группу из полутора десятков первокурсников МГУ с наибольшими способностями в математике и «вел», «тащил» их до последнего курса. Если эти ребята «заваливали» экзамен по астрономии, истории и философии, Лузин ходил к преподавателям и выпрашивал для них хоть «троечку». Он «погружал» своих студентов в науку, приучал к напряженной работе. Никаких выходных! Ежедневно с 6 часов утра до 11 каждый должен сидеть за книгами или за письменным столом. В 11 часов – обед, а потом – остальная жизнь, в том числе и семинары у Лузина, где обсуждали все, что ребята успели сочинить. Почти все из школы Лузина стали академиками, крупными учеными.

Лаврентьев рассказывал о Лузине с восхищением. Чувствовалось, что он любил учителя. И не упоминал об открытом письме, которое подписал вместе с другими его учениками. В сталинское время после такого письма Лузина могли посадить в тюрьму. Говорят, после прочтения письма с ним случился инфаркт, и только это спасло его от лагеря. Почему ученики Лузина так поступили? Наверное, чего-то не понимали; патриотизм и все советское для них много значило. Может, им сказали: надо «поставить на место» старика, который все свои основные работы посылал во Францию и считал, что в нашей стране пока нет настоящих ученых, способных оценить его идеи... А потом, спустя много лет Лаврентьев ре-

шил восстановить доброе имя Лузина. Возможно, отчасти и ради этого строился в Сибири такой Академгородок, в котором возродилась идея школы Лузина и где собрались генетически одаренные люди, способные трудиться не за страх, а за совесть, из любви к науке и к России. Создав Академгородок с НГУ и ФМШ, куда стекались таланты со всей Сибири, Лаврентьев и его соратники совершили подвиг. Подвиг во славу Лузина и ради покаяния. Это нигде так не интерпретировалось, но я пришел к такому выводу. Долго размышлял после той нечаянной находки и в конце концов сказал себе: мы не вправе судить все дела и поступки людей, живших в прошлую, не очень ясную для нас эпоху. Я по-прежнему уважаю Деда, считаю великим ученым и педагогом. Академгородок стал памятником ему и Лузину.

ОТЕЦ НЕ ПРЕДВИДЕЛ ТАКИХ ПОВОРОТОВ...

М.М. ЛАВРЕНТЬЕВ,
академик РАН

О моем отце так много написано, что трудно избежать повторений. И в то же время я далеко не все знаю о нем и о его родителях.

Например, я не могу похвалиться длинной родословной. Первым Лаврентьевым был дед, Алексей Лаврентьевич. Фамилию он взял по отчеству. Кто родители, неизвестно. Известно, что родился в 1880 году в Париже и что мать была достаточно богата. Потом он некоторое время жил в Казани и переписывался с матерью. А после революции 1917 года не захотел открывать свое происхождение.

Отец рассказывал, как попал в научную школу математика Лузина и почему впоследствии ушел от него. Началось все с семейных связей. Дед, Алексей Лаврентьевич, и Лузин дружили семьями.

Семьи были похожи – жены значительно (на 16-17 лет) старше мужей. В то время и Лузины, и Лаврентьевы жили в Москве. Алексей Лаврентьевич стал профессором, специалистом по теоретической механике и до последних лет жизни читал лекции для мехмата МГУ (сотрудничал и с Чаплыгиным по своей научной тематике). А Лузин считался знаменитым математиком. Родился в Иркутске. Пробился, «вышел в люди», благодаря своим незаурядным способностям. Сперва он просто читал лекции по теории множеств. Потом сагитировал еще одного солидного математика – Егорова и вместе с ним начал создавать научную школу. Вокруг них сконцентрировалась талантливая молодежь (семеро впоследствии стали академиками, а Келдыш – главой Академии наук СССР). Вошел в эту школу и мой отец.

Отец с восхищением вспоминал, каким блестящим лектором был Лузин и какие оригинальные задачи придумывал для учеников. Но у него был и большой недостаток. Часто происходил такой казус: когда ученик успешно решал поставленную учителем задачу, учителю почему-то становилось обидно. И он говорил: на самом-то деле задачу решил не ученик, а он сам, Лузин. Из-за этого у Лузина случалось много конфликтов. Обидел он и моего отца. Однажды отец нашел красивое решение для задачи, поставленной Лузиным. Лузин сказал: «Отправляйте свой результат во Францию» (французская математика в те годы была авторитетнее нашей). А сам отослал французам и свою статью, которую напечатали быстрее. И написал французским коллегам, что молодой Лаврентьев его обокрал.

Для отца это было моральной травмой. Он сразу сменил научную тему, занялся аэродинамикой в группе Чаплыгина и отошел от Лузина, перестал с ним общаться.

В конце тридцатых годов в одной из центральных газет (кажется, в «Правде») появилась статья «Лузинщина». Писали, что Лузин занимается не тем, чем нужно. Нужно выращивать хлеб, а Лузин и его окружение ломают голову над какими-то непонятными множествами. Лузина обвинили и в «низкопоклонстве перед Западом». Некоторые крупные советские математики и ученики Лузина тоже напечатали что-то подобное в академическом издании. Понятно, чем все это могло закончиться. Лузин чудом спасся

от тюрьмы. А Егорова, создавшего вместе с Лузиным научную школу, посадили, он погиб в тюрьме.

У отца осталось неоднозначное отношение к Лузину, хотя в своих публичных выступлениях он всегда вспоминал об учителе с восхищением. Он говорил, что перенял от Лузина способность ставить интересные задачи и привлекать талантливую молодежь. Но отец никогда не обижал учеников и скорее готов был отдать им свои научные результаты, чем присвоить чужой труд.

Сейчас уже никто не удивляется тому, что больше сорока лет назад группа крупных, известных ученых по собственному желанию приехала из столицы в Сибирь, чтобы построить тут научный центр. А когда-то многим это казалось странным. Не зря же первый секретарь Новосибирского обкома КПСС подозревал, что отца сослали в Сибирь за какие-то грехи.

Можно сказать, что в Сибирь Михаила Алексеевича привела неудовлетворенность. Он не находил в Москве того, что ему требовалось для полноценной творческой работы.

Наверное, он лучше чувствовал себя в Киеве, где работал до переезда в Москву. Там он серьезно занялся механикой и физикой взрыва. Имел приличную экспериментальную базу и без помех ставил свои небезопасные эксперименты. Помогал отцу вначале только его водитель – человек с золотыми руками, а я смотрел, чтобы никто не подходил к оврагу, где они производили взрывы. Там, в Киеве, отцу удалось добиться выдающихся результатов, которые легли в основу теории кумулятивного заряда. На Украине отец сделал и административную карьеру – в 45 с небольшим лет занял пост вице-президента Украинской академии наук. После смерти президента Украинской академии А.А. Богомольца, которого отец считал своим учителем в административной деятельности, президентом стал А.В. Палладин. Отношения с новым руководителем у отца не сложились, и вскоре он переехал в Москву.

В столицу его пригласили для участия в создании атомной бомбы. Потом с этим делом начались какие-то проволочки. Михаил Алексеевич принял активное участие в организации знаменитого Физтеха (Московского физико-технического института). Неожиданно для себя сыграл значительную роль и в создании отечест-

венных ЭВМ. Его поставили руководить институтом, где конструировали вычислительную технику. Отец взялся за незнакомое дело, надеясь передать его выдающемуся конструктору Лебедеву, который был нашим соседом по лестничной площадке в Киеве. Так и поступил: перевел Лебедева в Москву и сделал для начала своим замом... Отец в нем не ошибся. Пока Лебедев оставался у руля, наша вычислительная техника была на уровне – не хуже заграничной.

Отец пытался и не мог создать в Москве собственную экспериментальную базу. Ездил, высматривал, искал какие-то места... Но все подходящие площадки оказались заняты.

Неудовлетворенность соединила его с Сергеем Алексеевичем Христиановичем и Сергеем Львовичем Соболевым. Соболев заведовал маленькой кафедрой в университете и хотел чего-то более масштабного. Христианович, бывший научный руководитель ЦАГИ, остался не у дел после известной истории: поссорился с директором ЦАГИ, и Политбюро сняло обоих с руководящих постов. Три энергичных молодых академика нередко встречались и разговаривали о том, что хорошо бы создать «свой» научный центр. Где? Ну, конечно, там, где много свободных территорий. Все трое были не из трусливых, стремились к новым впечатлениям, и Сибирь их не пугала. Главным «двигателем» сразу стал отец, потому что он на Украине лично познакомился с Н.С. Хрущевым и, по общему решению, должен был «двигать идею» через него.

Первый заход к Хрущеву в начале 1957 года оказался безуспешным. Хрущев заявил, что сам он, своей волей не может дать большую денежную сумму на новый научный центр. Бумаги с проектом утонули в столе партийного чиновника Шипилова и всплыли только после того, как Шипилов, к чему-то неудачно «примкнувший», был снят со своего поста. И тогда все «закрутилось»...

Круг сподвижников Михаила Алексеевича расширился. После небольших колебаний решился ехать в Сибирь математик Мальцев – в Иванове, где он жил, невозможно развернуться. А в Сибири он основал крупнейшую алгебраическую школу. Знаменитого и в то время геолога Андрея Алексеевича Трофимука привел «в компанию» Христианович. Трофимук считался первооткрывателем башкирской нефти, получил за это Звезду Героя. А вот его

роль в открытии сибирской нефти принижена, всю славу присвоили промышленники. В конце 50-х, когда строился Академгородок, нефть в Сибири еще не обнаружили, но Трофимук уже говорил: Сибирь – наше «нефтяное» будущее. О том, что в Сибири, возможно, есть нефть, Трофимуку однажды сказал знакомый исследователь. И тот, как человек увлекающийся, сразу «загорелся»... Михаил Алексеевич подшучивал над его азартом, однако ездил вместе с Трофимуком смотреть на места предполагаемых залежей нефти. И одним из первых в Академгородке построили Институт геологии.

А за Институт генетики отца чуть не сняли с поста главы Сибирского отделения. В этот институт приехали Дубинин и другие опальные генетики, лишившиеся работы. Лысенковцы сразу же стали бороться с сибирским «центром ереси». Лысенко настраивал Хрущева даже на то, чтобы совсем «закрыть» строящийся Академгородок... К сожалению, в этой тяжелой ситуации непорядочно повел себя Христианович. Он был первым заместителем Михаила Алексеевича и, видимо, хотел занять его место. Поехал вместо него на пленум ЦК КПСС; за его спиной вел переговоры с Лысенко, обещал «ликвидировать лжеученых», то есть генетиков, и вместо них принять в Сибирское отделение лысенковцев. Когда Академгородок и Институт генетики висели на волоске, отец напросился в делегацию, ездившую с Хрущевым в Китай. А там с чьей-то помощью попал в самолет Хрущева. Хрущев сперва его сильно ругал, потом подобрел, выпили водочки... И все спустили на тормозах. Только Дубинину пришлось уйти с поста директора Института генетики, однако он оставил вместо себя своего ученика Беляева. Впоследствии уехал из Новосибирска и Христианович.

Не все идеи отца осуществились. Пожалуй, наиболее полно и успешно реализовались замыслы по подготовке молодых кадров. ФМШ и НГУ стали мощными образовательными центрами, повлиявшими на всю Сибирь: руководящие посты в научных центрах заняли наши выпускники. И в научные центры Киргизии, Узбекистана, Казахстана пришли руководители, обучавшиеся в новосибирском Академгородке.

А «пояс внедрения» не получился. Михаил Алексеевич планировал построить ряд КБ, чтобы они стали промежуточным зве-

ном между наукой и производством. Но вместо цельного «пояса внедрения» получились только отдельные фрагменты и эксперименты. Экспериментальный завод развалился после ухода Михаила Алексеевича из Сибирского отделения. Недолго просуществовало и КБ гидроимпульсной техники. Создал его гениальный изобретатель Войцеховский, и вначале были большие успехи, что-то внедряли. Но потом Войцеховский ушел, а достойной замены не нашлось.

Отец видел, что многое получается не так, как мыслилось. К примеру, он считал, что в Академгородке не должно жить больше 50 тысяч человек. А городок разросся. Появились подразделения паразитического характера (как отпочковавшийся от Института гидродинамики и потом распавшийся Институт прикладной физики, занимавшийся разработками для «оборонки»). Чтобы остановить разрастание Академгородка, некоторые предлагали сделать его «закрытым», подобно атомоградам. Но Михаил Алексеевич не соглашался: это помешало бы свободному общению, обмену идеями. Все «закрытые» научные центры – с узкой специализацией, а наш Академгородок и задумывался многопрофильным. Отец справедливо предполагал, что неформальные контакты институтов и специалистов перейдут в совместные научные исследования.

Гуманитарные науки отец считал второстепенными, хотя некоторые зарубежные веяния вызывали его любопытство (например, учение Фрейда). Из академгородковских гуманитариев очень уважал археолога Окладникова. Философов не любил, хотел даже убрать марксистско-ленинскую философию из учебной программы НГУ...

Несмотря ни на что, отец был, скорее всего, доволен Академгородком. А сам он стал здесь исторической личностью. Впрочем, к славе он в пожилом возрасте относился равнодушно. В общении с учениками, при обсуждении научных идей оставался демократом. Становился диктатором, когда принимал организационные решения и брал ответственность на себя. Не боялся «верхних этажей» и действовал решительно. С сожалением говорил, что часто ему не удавалось преодолеть барьер чиновнической бюрократии, фактически правившей страной. По его мнению, нужно было «прижать» бюрократов и реформировать социализм. Поворота к капитализму не предвидел.

К научному вольномыслию Михаил Алексеевич относился положительно. Он и сам когда-то считался еретиком, своими экспериментами нарушал каноны. Его кумулятивные заряды признали и высоко оценили не сразу. Вначале физики все осмеяли: мол, выскочка из Киева занялся не своим делом. «Своим делом» это было для трех московских институтов, но там ничего не получилось. А Михаил Алексеевич получил крупный результат, не имея крупного подразделения и не затратив почти никаких средств. И будучи главой Сибирского отделения Михаил Алексеевич говорил: «Дайте человеку возможность творчества. Пусть попробует что-то сделать самостоятельно, даже если ошибается. Пусть сам поймет свои ошибки». Он поддерживал любое научное направление, казавшееся хотя бы просто интересным: «Давайте действуйте, дерзайте». Вряд ли при нем в Сибирском отделении могла развернуться та «борьба с лженаукой», какую ведет академик из ИЯФа Кругляков. Нельзя административными методами душить научные направления, даже если они вначале многим кажутся ошибочными.

Меня считают одним из главных лжеученых среди математиков. Все дело в том, что я занимаюсь не только математикой. Как и отец, считаю себя естествоиспытателем, изучаю природные явления.

Лет пятнадцать назад подключился к проверке идей астрофизика Козырева, к которому в академической науке относятся с настороженностью. Сперва идеями Козырева заинтересовались мой старший брат, живший в Москве, и научный сотрудник Еганова, случайно попавшая в мой отдел. Я поддерживал их административно, а потом и сам увлекся. Мы решили проверить одно открытие Козырева, которое физики считали самым скандальным. Повторить опыты, при которых он обнаружил сигналы, излучения от звезд, распространяющиеся быстрее света.

Многие физики из-за своего недостаточного образования решили, что Козырев покусился на основы современного естественнонаучного мировоззрения и опровергал Эйнштейна, ставшего их идолом, «священной коровой». На самом-то деле Эйнштейну приписали чужой постулат. Он никогда не утверждал, что нет ничего быстрее скорости света. Такой вывод о скорости света есть в из-

вестной книге Ландсберга (хотя логически это ни из чего не следует). А Эйнштейн, к примеру, считал, что гравитационное поле распространяется со скоростью света. Но его гипотеза не проверена экспериментально. Я убедился в этом, когда начал сам во всем разбираться.

Наша группа провела довольно много модифицированных измерений в лаборатории. Потом я предложил поехать в Крым и повторить там опыты Козырева. Вначале группа из трех исследователей месяц просидела в Крыму, и ничего не получилось. Потом им стали помогать сотрудники Крымской обсерватории, уважавшие Козырева. И во втором или третьем сезоне удалось получить надежные результаты. Козырев был виртуозом измерений и зафиксировал сигналы, идущие быстрее света, от 40 звезд. А наша группа зафиксировала такие сигналы от трех звезд. Козыревские опыты просты по идее, но сложны по исполнению...

В «Докладах Академии наук» сочли нашу статью ересью и не напечатали. Я опубликовал ее в других журналах, в том числе и за границей. Потом в президиум Сибирского отделения пришло письмо от академика-секретаря Отделения общей физики и астрономии РАН, предлагавшего создать комиссию и разобраться с нашими результатами. Добрецов не спешил с комиссией, но я настоял. Мне хотелось, чтобы нас, наконец, выслушали. Комиссия (Кругляков и Шалагин, заместитель директора Института автоматики) с нами побеседовала, посмотрела лабораторные дела. И после долгого молчания выдала отрицательное заключение – мол, эти работы не имеют никакого смысла и целесообразно их прекратить. Собирались обсуждать заключение комиссии на заседании президиума Сибирского отделения. Но в конце концов Добрецов предложил ничего не обсуждать, отослать заключение комиссии и подготовленные нами материалы в Москву.

И все заглохло. Не знаю, радоваться этому или сожалеть. Наверное, на заре Академгородка к нашим дерзаниям отнеслись бы с большим сочувствием и с пониманием.

ИЗ ДАНИИ – В СИБИРЬ

В.А. СИДОРОВ,
член-корреспондент РАН
(Институт ядерной физики СО РАН)

Пронеслись, пролетели сорок лет жизни в Академгородке. Не успеваешь опомниться, как настоящее становится прошлым. Кажется, только вчера говорил с живым Будкером, – и вот уже его бронзовый лик смотрит на входящих в Институт ядерной физики. Скульпторы Лемпорт и Силис, которых мы просили сделать мемориальный барельеф, знали Будкера, но вначале отказывались от этой работы. Лишь увидев позднюю фотографию Андрея Михайловича, где он похож на библейского Моисея, с азартом взялись за дело. Мудрая, лукавая усмешка в глазах покорила их…

Впервые я увидел этого замечательного человека в «ведомстве» академика Курчатова (тогда это называлось не Институтом атомной энергии, а ЛИПАНом – Лабораторией измерительных приборов Академии наук). Андрей Михайлович заведовал там небольшим научным отделом. А я был «приписан» к ЛИПАНу со 2-го курса МГУ. После защиты кандидатской диссертации размышлял, чем заняться дальше. В этот-то момент, когда я стоял на перепутье, однокурсник посоветовал поговорить с Будкером. Я уже прослышал, что он собирается ехать в Сибирь. Перед первым разговором прочел о его намерении заняться встречными пучками. Эта идея давно «витала в воздухе», но казалась неосуществимой.

Раньше физики изучали строение ядра так: разгоняют частицу, ударяют о неподвижную мишень – и смотрят, что получится. Если частицу разогнать до скоростей, близких к скорости света, она станет «тяжелой». А частица в покое, играющая роль мишени, остается «легкой». Когда «тяжелая» с разгона ударит «легкую», обе просто покатятся дальше. Ожидаемого глубокого проникновения в материю не получается. А если направить навстречу друг другу и разогнать, «утяжелить» обе частицы? Тогда в удар вложится так много энергии, что можно проникнуть гораздо глубже в недра материи.

Будкер и американские исследователи из Калифорнии практически в одно время пришли к выводу, что эксперименты со встречными пучками возможны. Одновременно стали строиться две установки на электронах – в США и в «курчатовском институте». Потом у Будкера появилась новая идея – о встречных пучках электронов и позитронов (при столкновении эти пары аннигилируют – и тут можно ожидать рождения новых частиц).

Интересна реакция Курчатова на это предложение. Он попросил отзыв у нескольких крупных ученых, и те ответили резко отрицательно: мол, нереально, фантазия. Но по тому азарту, с каким они отвергли идею Будкера, Курчатов понял: замысел интересный, стоящий. Поэтому поддержал, «благословил» новый проект. Электронную установку решили запустить в «курчатовке», а электрон-позитронную – в новосибирском Академгородке. И вся команда

Будкера разделилась: одни оставались при московской установке, другие уезжали в Сибирь.

Мне Андрей Михайлович предложил войти в московскую команду. Я возразил: «Хочу заняться новым, интересным делом и знаю, что все самое интересное вы увозите в Сибирь». – «Так поехали!.. – парировал Будкер. – Только запомни вот что: сначала ты отказался остаться в Москве, а потом я тебе предложил ехать в Сибирь». Суть его забавного условия я понял позже, когда узнал: руководители поделили заочно всех сотрудников; меня решили оставить в столице, и Будкера просили не агитировать за Сибирь.

Как раз тогда я поехал в командировку в Алма-Ату и на обратном пути заехал в Новосибирск. Это было в октябре 1961 года. Я посмотрел на строившееся здание института, понаблюдал за подготовкой к монтажу электрон-позитронной установки. В разговоре с Будкером не постеснялся раскритиковать все в пух и прах: мол, понапрасну делают второй генератор… Видно, Будкеру понравился мой безоглядный «критический задор». «Переезжай сюда поскорее! – горячо откликнулся он. – Беру тебя завлабом над всем электрон-позитронным хозяйством. А если ты откажешься, мне придется поставить во главе этого дела вчерашнего студента».

Андрей Михайлович имел в виду своего ученика Александра Скринского, которого очень ценил и который впоследствии стал его преемником, директором ИЯФа. А тогда ему было всего двадцать пять лет, мне – на пять лет больше. Эта разница казалась огромной, рядом со «вчерашним студентом» я чувствовал себя патриархом. Без колебаний переехал в Академгородок и стал завлабом, а Скринский – моим заместителем. Потом из одной нашей лаборатории сделали две: Скринский отвечал за ускорители, а я – за эксперимент. Много лет мы работали параллельно. Теперь уже оба патриархи.

Чем больше я узнавал Будкера, тем больше поражала его самобытность. Такого не сделаешь «винтиком» государственной машины! В нем все нестандартно, даже сложное еврейское имя-отчество: Герш Ицкович. Для простоты он назвался Андреем Михайловичем. Обладал незаурядным чувством юмора, знал множество анекдотов и умел их рассказывать. Его собственные изрече-

ния превращались в фольклор, их повторял весь Академгородок. Например, вспоминая какой-нибудь факт своей биографии, он добавлял: «...две (три) жены тому назад». Видимо, жены становились чем-то вроде верстовых столбов на жизненном пути влюбчивого Будкера. И фантазер, мечтатель он был выдающийся. Некоторым его прожектам позавидовали бы популярные футурологи. Он говорил, что когда-то мечтал возглавить такой колхоз-миллионер, где каждый тракторист и каждая доярка были бы миллионерами.

В России нет ни одного научного института, похожего на наш. Потому что создал его человек, отличавшийся уникальным стремлением к независимости. Будкер хотел быть независимым от всего и от всех – от ученого начальства, от промышленности, даже от правительства. Он и из Москвы уехал, чтобы ему не мешали делать все по-своему. И мы построили здесь первую в мире электрон-позитронную установку.

Будкер хотел, чтобы ИЯФ имел такие собственные мастерские, в которых можно было бы быстро изготовить любое оборудование (сейчас в опытном производстве института работает больше 1000 человек). Довольно скоро пришло понимание: по-настоящему независимым институт станет лишь тогда, когда начнет зарабатывать деньги, а не выпрашивать их у правительства. А как «делать деньги» при нерыночной экономике?

В 1966 году Будкер получил от тогдашнего Предсовмина Косыгина уникальное разрешение. Фактически нам позволили получать прибыль. То есть зарабатывать на договорах с предприятиями, продавать свою продукцию по договорным ценам. Андрей Михайлович убедил главу правительства, что его нововведения помогут «продвинуть» науку и сделать много полезного для страны.

В то время наш институт зарабатывал, в основном, на изготовлении источников радиации – электронных ускорителей. Они были нужны в промышленности для так называемых радиационных технологий. Использовали их для облучения полиэтиленовой кабельной изоляции, становившейся более термостойкой и прочной. Применяли и для модификации искусственных кож, для очистки воды, для дезинсекции зерна и стерилизации медицинских

инструментов. Деньги от продажи ускорителей нам разрешили использовать по своему усмотрению. У ИЯФа не было ограничений ни по штату, ни по фонду заработной платы. Институт стал быстро расти; сотрудникам повышали зарплату, для них строили жилье. Около половины прибыли мы вкладывали (и вкладываем сейчас) в фундаментальную науку.

Как удалось Будкеру сколотить коллектив, единую команду из двух с лишним тысяч человек? Наверное, много значила его демократичность. Все гости ИЯФа обращают внимание, что у директора и его заместителей нет традиционной приемной – «предбанника», с секретаршей, охраняющей «доступ к телу». Так повелось с легкой руки нашего первого директора. Он говорил: «Обычно административный персонал ближе к директору и к нему обращен лицом, а к сотрудникам – задом. Надо, чтобы научные сотрудники были ближе к директору, чем администрация. Тогда чиновники будут обращены лицом не только к директору, но и к сотрудникам». Его кабинет был открыт для всех, сюда мог войти любой и вмешаться в разговор. Конечно, не всем хватало на это смелости.

По-моему, самым важным изобретением Будкера стал круглый стол – символ гласности. Уже почти сорок лет ежедневно в 12.00 за этим столом собираются ведущие сотрудники института и за чашечкой кофе обсуждают все что угодно – от анекдотов и теленовостей до научных и организационных проблем. Тут можно поспорить, поссориться и помириться. Чтобы неформальное общение не превращалось в собрание, за столом собирается не больше 20–30 человек. В понедельник приходит ученый совет, а в остальные дни недели – его секции. Всего в эти встречи вовлечено около 150 человек. Час предобеденного вольного общения сплачивает институт, усиливает «чувство коллектива», «чувство единой команды».

Идея круглого стола соответствовала натуре Андрея Михайловича. Он не был ни «книжным ученым», ни «кабинетным затворником». Черпал знания любого рода только в общении (иронизируя по этому поводу, его учитель – академик Мигдал сказал однажды, что Будкер даже физику знает только «понаслышке»).

И принципиальные решения Будкер принимал после дискуссий, обсуждений, неформальных бесед. Немало идей родилось во время вечерних прогулок с друзьями и сотрудниками. Они часами прохаживались возле его коттеджа и спорили, спорили...

С тех пор многое изменилось в стране и Академгородке. А ИЯФ сохранил свой первоначальный облик, свои принципы и правила. Когда-то на нас показывали пальцем: это же капиталистический институт в социалистической стране! А теперь ИЯФ – социалистический институт в капиталистической стране. Почему социалистический? Потому что 2600 работников ИЯФа и сейчас, в эпоху индивидуализма и конкуренции, остаются цельным коллективом, единой командой. У нас нет никаких дочерних фирм. Все деньги, заработанные по договорам и контрактам, поступают через бухгалтерию в «общий котел», в распоряжение дирекции и ученого совета. И по-прежнему неважно, кто зарабатывает на прикладных темах и кто только тратит деньги на фундаментальные исследования. Важно, чтобы и те и другие хорошо работали и чтобы не терялось взаимопонимание. Зарплата у «прикладников» и у «фундаменталистов» всегда была примерно одинаковая (сейчас – в среднем около десяти тысяч рублей). Все понимают: деньги в институте зарабатывают «на науку». А сколько институтов развалилось из-за того, что там не было единой команды! Распались многие московские НИИ, где работало больше людей, чем в ИЯФе. Теперь ИЯФ – самый крупный научный институт в Российской академии наук.

Разумеется, не обошлось и у нас без потерь. Большой утратой стал отъезд ученых за границу. Мы потеряли около 150 сотрудников. Две трети уехали в США, остальные – в другие страны Запада. Мы с горечью шутим: безопаснее сотрудничать с Японией – там наши ученые не останутся.

ИЯФ постарел, хотя и не так сильно, как другие институты. Когда-то я в свои тридцать лет был старше всех в ИЯФе (не считая Будкера), а сейчас у нас работают люди всех возрастов. Есть даже главный научный сотрудник, которому за восемьдесят. Он ровно на десять лет старше меня. Недавно мы с ним вместе, в один день отмечали в институте наше «стопятидесятилетие».

И молодежи у нас хватает. Даже в наше сложное, прагматическое время ежегодно в лабораториях появляется около пятидесяти новых студентов НГУ (так в НГУ воспроизвели модель Физтеха – студенты младших курсов приобщаются к науке, начинают работать в академических институтах). Половина этих студентов потом поступают в нашу аспирантуру; больше половины аспирантов оседают в ИЯФе.

Зарубежные контракты приносят нам основные заработки. Делаем уникальное оборудование для научных лабораторий нашего профиля. В этом у ИЯФа нет конкурентов. Здорово выручили нас наши мастерские! Самый крупный наш заказчик – Международный центр ядерных исследований в Женеве.

Вряд ли ИЯФ бы выжил, если бы рассчитывал только на заказы российской промышленности, с которой мы раньше интенсивно сотрудничали. До эпохи реформ изготовили для отечественных заводов почти сто ускорителей, а за минувшие десять с лишним лет – только один (для стерилизации разовых медицинских шприцев). Зато ИЯФ немало сделал для российского здравоохранения, хотя это и не принесло нам больших прибылей. Наши малодозные рентгеновские установки, которые в несколько раз дешевле заграничных, работают во многих больницах от Калининграда до Сахалина. Освоено их серийное производство в Орле, осваивают также в Бердске и на одном из уральских заводов.

Совсем нет заказов на новое оборудование для российской науки. А в свое время мы немало сделали для модернизации исследований. Например, оборудовали и запустили в «материнском» Институте атомной энергии имени Курчатова мощную установку синхротронного излучения (правда, директор института, ставший министром атомной энергетики, в одной из газетных статей почему-то приписал эту крупную заслугу московским физикам).

Наши фундаментальные лаборатории продолжают заниматься встречными пучками. Думаю, этот метод исследования материи неисчерпаем. Одну из электрон-позитронных установок модернизируем, увеличивая ее энергию. Жаль, что не удалось построить установку на линейных встречных пучках. Это одна из последних идей Будкера. Для строительства огромного ускорителя длиной в

несколько километров требовались колоссальные средства. Тем не менее удалось получить поддержку правительства. Но запротестовало Сибирское отделение Академии наук: мол, ИЯФ и так большой, он задавит весь Академгородок. И проект перенесли в Подмосковье, в Протвино. Решили разместить там главный центр физики высоких энергий. В Протвино собирались строить кольцевой ускоритель на встречных пучках. Накануне перестройки этот проект соединили с будкеровским. До сих пор в Протвино существует странная структура – филиал нашего института. От грандиозного проекта кольцевого ускорителя остался только заброшенный двадцатикилометровый туннель, а к строительству линейного так и не приступили.

Установка на линейных встречных пучках все же будет построена. Но не в Сибири и не в России. Разрабатывается международный проект в Германии и в США.

Руководители Сибирского отделения ревниво относились к нашему крупногабаритному институту. Считалось, что ИЯФ «съедает» слишком много денег. Не нравилось, что мы завели свои правила и свое «натуральное хозяйство», жили автономно. Хотя, может, благодаря этой автономии ИЯФ выстоял при всех общероссийских кризисах. И госбюджетных средств, между прочим, «съел» не очень много. Лишь пятую часть своих расходов мы покрываем деньгами, полученными от Сибирского отделения, да еще около 10% берем из фондов и на гранты из госбюджета. А 70% средств зарабатываем сами. Кто не слыхал изречение: «Ученый удовлетворяет собственное любопытство за государственный счет»! А физики нашего института удовлетворяют свое любопытство, в основном, за собственный счет.

Хорошо, что наш ИЯФ находится не в крупном городе, а в Академгородке. По-моему, в большом городе невозможно заниматься наукой – слишком много суеты. А здесь, несмотря на «побочные» конфликты и трения, сохранялась относительно благоприятная атмосфера для интеллектуальных занятий. Тут легче, чем где бы то ни было, налаживаются контакты между разными науками (физики-ядерщики проводят исследования вместе с биологами, химиками, археологами; намечается сотрудничество и с

другими учеными). Общее состояние новосибирского Академгородка лучше, чем у столичных НИИ и у всей российской науки. По-моему, основатели сибирской академической науки выбрали правильный стратегический курс. Не заблудиться бы нам в нынешнем безвременье, не растерять бы первоначальный настрой...

Жаль, что среди современных российских лидеров-реформаторов не нашлось подобных Будкеру и Лаврентьеву-старшему. Может, меньше натворили бы глупостей и не развалили бы все, чем держалась страна.

На мой взгляд, неправильно реформируют образование. Создается впечатление, что тут все хотят перевернуть «вверх дном». Но общеизвестно, что наша система годилась для подготовки ученых, специалистов высокого класса, способных решать сложные творческие задачи. Может, похуже готовили рутинных исполнителей, профессионалов среднего звена, которые играют важную роль в нынешней экономике. Нужно адаптировать образование к переменам, не губя прежние ценные качества и устои.

И реформы в российской экономике начались с разрушения, с воровской приватизации крупных предприятий и даже целых отраслей. А разве те, кто получил под свой контроль колоссальные ресурсы, умнее всех других или больше сделали для страны? Можно ли надеяться, что они будут больше думать о стране, чем о собственных прибылях?

Мудрее перестраивают все в Китае, где я часто бываю. Непонятно, почему в нашей прессе почти не пишут об этом и даже российские коммунисты не используют в своей пропаганде такой козырь. Ведь Китай прогрессивно развивается, сохраняя однопартийную систему. Смена политического руководства происходит там сейчас плавно, без «культурных революций» и прочих потрясений. То ли китайцы лучше нас усваивают уроки истории, то ли им больше повезло на правителей. И в экономике обошлись без «шокотерапий», подрывающих здоровье народа. «Элементы рынка» вначале появились в сельском хозяйстве и в мелкой обрабатывающей промышленности, а крупную оставили под контролем государства. Об успехах их экономики можно судить по обилию и

разнообразию китайских товаров на международном рынке. Кажется, будто китайцы кормят, обувают и одевают все население планеты. А как быстро они все строят и благоустраивают! В нашей стране дом и теперь могут строить годами, а в Китае при мне за две недели был снесен старый дом (его аккуратно разобрали по частям и, наверняка, все раздробили, переплавили, переработали и снова использовали, а не выбросили на свалку) и на этом месте устроен сквер с газонами и цветниками.

Изменились не только китайские города. Изменился народ. Вместо прежнего подобострастного отношения к «белым» (американцам и европейцам) – подчеркнутое самоуважение, чувство собственного достоинства. А трудолюбие осталось прежним. Создается впечатление, что китайцы совсем не отдыхают.

Можно сказать, Китай помогает выжить ИЯФу. За прошлое десятилетие мы изготовили двадцать ускорителей для китайских заводов. Теперь делаем и оборудование для китайских исследовательских лабораторий. В этой стране начали основательно финансировать науку. Полтора десятилетия назад тамошним ученым платили (в пересчете на доллары) в два-три раза меньше, чем ученым России. А сейчас зарплата китайского ученого в два-три раза больше, чем у российского. При этом китайские ученые с почтением относятся к российской науке. Один пекинский профессор даже назвал меня «учителем» – оказывается, главным учебником для него стала книга «Спектроскопия быстрых нейтронов», которую я написал много лет назад в соавторстве с бывшим сокурсником Борисом Рыбаковым.

В современном Китае нам стоило бы поучиться, как перестраивать экономику и политику, не разрушая традиции и устои (начав свою перестройку с уровня вопиющей нищеты, китайцы теперь по валовому продукту на душу населения приближаются к нам). Что же касается наиболее привлекательного устройства общества, то, по моему мнению, примером могут служить страны Скандинавии. Неудивительно, что знакомый швед, который долго работал в США и мог там остаться, все же вернулся в Швецию, хотя его зарплата здесь в два раза меньше. Объяснил свой выбор так: «В Швеции мои дети получат бесплатное образование, и лечат

здесь бесплатно». В Швеции, Норвегии, Дании государство работает на благо общества, а не наоборот. Там не считают социальные гарантии «иждивенчеством». И науку в этих странах ценят не меньше, чем сорок с лишним лет назад, когда я работал в институте Нильса Бора.

Это один из самых интересных эпизодов в моей биографии. В конце пятидесятых годов прошлого века молодому советскому физику непросто было выбраться за границу даже в кратковременную командировку. А меня отправили на полтора года в Данию, в Копенгаген, в международный институт знаменитого ученого, которого боготворили все физики.

Думаю, нелишне объяснить, почему мне улыбнулась судьба. Это случилось до переезда в новосибирский Академгородок, когда я еще работал в ЛИПАНе у академика Курчатова. Самоуверенности мне было не занимать: в свои 27 лет добился заметных научных результатов; меня даже включили в делегацию советских физиков, собиравшихся в Париж на международную конференцию. Там планировался мой доклад. До отъезда остался месяц, и я сутками не выходил из циклотронной лаборатории, уточнял детали эксперимента, о котором должен был докладывать. Однажды после полуночи в лабораторию зашел сам Курчатов. Он жил на территории института и обычно прогуливался вечерами. Заинтересовавшись нашей ночной работой, Курчатов стал допытываться, что и как мы делаем. Спросил, перейдя на «высокий штиль»: «А какой будет толк от этого эксперимента для познания ядерных сил?» – «Никакого толку!» – ответил я с раздражением. Я был «на взводе»: что-то не ладилось в электронике. «Зачем же ты тут время проводишь?» – «Это нужно спросить у начальства».

Как отреагировал бы «среднестатистический» руководитель на непочтительность, дерзость пусть даже способного молодого сотрудника? Устроил бы разнос. А Курчатов наутро велел своей секретарше разыскать меня и сказал по телефону: «Хочу послать тебя к Бору. Там узнаешь, для чего делают эксперименты». Как раз в тот момент он получил письмо от Нильса Бора, предлагавшего прислать в его международный институт молодого физика. Бор считал, что физики, участвовавшие в создании современного ору-

жия, в долгу у человечества и обязаны искупать свою вольную и невольную вину, способствуя мирным международным контактам.

Перед отъездом в Копенгаген меня вызвали в ЦК КПСС и выдали потрясающую инструкцию: одному на улицу не выходить, в несанкционированные контакты не вступать. «Но я же еду в Данию один на полтора года и не могу там работать, ни с кем не общаясь!» – «Подписывайте! – хмуро сказал инструктор. – Не сочинять же для вас особую инструкцию!» Так молодому физику сделали прививку от «тлетворного влияния Запада». Но я был непуганый и в Копенгагене быстро забыл обо всех запретах.

На Нильса Бора я смотрел как на живую икону. Время от времени он устраивал приемы и обеды для «свежих», недавно приехавших иностранцев. Так и я побывал у него дома. А повседневное руководство международным институтом вел его сын, ныне Нобелевский лауреат. В этот институт съезжались на временную работу ученые из разных стран. Особенно много американцев (в американской науке действовало такое правило: седьмой год работы в институте ученый мог провести в своеобразной творческой командировке, отправиться в любую страну). Я изучал там тепловые спектры протонов. А вернувшись в «курчатовку», провел аналогичные эксперименты со спектрами нейтронов и, сопоставив эти результаты с полученными в Копенгагене, написал кандидатскую диссертацию. Так что полтора года занятий в институте Нильса Бора стали для меня чем-то вроде аспирантуры.

Эти месяцы много дали для понимания жизни. Ведь я попал в другой мир, о котором в нашей стране было ничего не известно. И старался узнать его как можно больше. Посещал молодежный клуб, где собирались студенты и недавно окончившие вуз (по субботам танцульки, иногда – серьезные семинары). Вечерами катался по Копенгагену на велосипеде, который оставил мне Спартак Беляев (теперь академик Беляев), работавший в институте Бора до меня. Если забывал включить фонарик, меня останавливал полицейский, строго напоминал о «правилах движения». Видя, что я не понимаю по-датски, переходил на английский, просил показать документы. А когда я объяснял, что работаю в институте Бора, любезно прощался и больше ничего не спрашивал.

Нильс Бор считался в Дании вторым человеком после короля. Жил он на территории Карлсбергских пивоварен. Там ему построили коттедж, предоставили автомобиль с шофером. Я поразился, что датские пивовары так покровительствуют науке. Не понимал тогда, что они просто делают себе рекламу, «раскручивают» свою продукцию. В Дании была еще одна крупная пивоваренная компания – Тюборг. Но у местной интеллигенции считалось неприличным пить пиво от Тюборга. Только Карлсберг!

Меня не шокировало изобилие в датских магазинах, потому что магазинами я не интересовался. Поразило другое – открытость общения. В Дании говорили и жили намного свободнее, чем в нашей стране. Датчанам и гостям из западных стран тоже было интересно общаться со мной. «О том, о сем», об устройстве жизни в разных странах мы говорили больше, чем о науке. На семинаре, где обсуждали доклад о моем эксперименте, я пошутил: впервые говорю не о политике, а о физике.

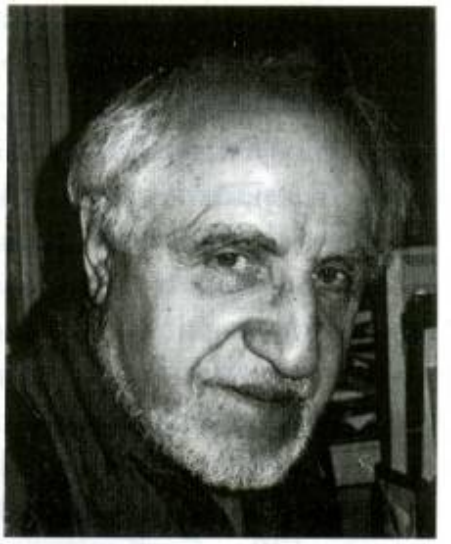
Я очень удивился, когда один молодой датчанин попросил никогда не звонить ему с моего «домашнего» телефона. Он сказал, что мой телефон наверняка прослушивается. Мне-то поначалу показалось, что в Дании нет подобного надзора за частной жизнью!

Запомнился случай, который произошел со мной и с только что приехавшим в Копенгаген советским физиком Поповым. За несколько дней мы проехали на велосипедах через всю Данию. Решили заночевать в деревеньке, нашли что-то вроде постоялого двора. Мы не говорили по-датски; жестами показали хозяйке, что хотим «ням-ням» и «бай-бай». Она принесла журнал для регистрации гостей и очень удивилась, когда я написал по-английски, что мы – из СССР. Наутро, едва мы сели завтракать, появился человек в штатском и сказал, что он из секретной полиции. Примчался из ближайшего городка, куда сообщила о нас хозяйка. С утра пораньше ловить шпионов... Мы пережили несколько неприятных минут, пока господин выяснял, какие у нас планы и почему я не захватил с собой служебный паспорт. Паспорт просто не помещался в карман. Подозрения полицейского рассеялись, только когда я произнес волшебное имя «Бор». Господин в штатском прекратил расспросы, вежливо раскланялся и исчез.

И советское государство неусыпно следило за моим поведением в Дании. Я ощутил это, когда собирался на международную конференцию в Лондон. Институт Бора включил меня в состав датской делегации. Планировали отправиться в Лондон на пароходе. Вдруг мне позвонила секретарь советского посольства и игривым тоном назначила свидание. Я знал, что это означает: нужно срочно явиться к послу. Посол строго сказал: из Москвы не прислали разрешение на вашу поездку в Англию с датской делегацией. Я недоумевал: какое еще нужно разрешение, если я сообщил о предстоящей поездке Курчатову и получил «добро»? Но посол приказал мне вылететь в Москву и оттуда отправиться на конференцию в Лондон с советской делегацией. Пришлось из-за «высокой политики» соврать датчанам, будто хочу перед конференцией слетать домой. А в Москве начались недоразумения. Советская делегация улетела в Лондон, а обо мне словно забыли. Прошла неделя, другая... Курчатов в командировке, никто мной не интересуется, никуда не вызывают. Болтаюсь неприкаянный, с заграничным паспортом... Наконец, появился Курчатов и пообещал все выяснить. Через пару дней сказал: «А посол-то твой сука!» Показал телеграмму от посла в Москву: такой-сякой Сидоров вел себя как несоветский человек, пытался самовольно уехать в Англию, поэтому пришлось срочно выслать его из Дании... После вмешательства Курчатова в ЦК сменили гнев на милость: «Мы вам верим. Подумайте, как пристойно вернуться в Данию». Я предложил: сделаю вид, будто задержался в СССР, чтобы участвовать в организации первой в нашей стране международной конференции физиков-ядерщиков в Киеве. Тут же меня отправили в Киев, чтобы я там «засветился» и зарегистрировался как член датской делегации. А потом – в Копенгаген. По-моему, в институте Бора не поверили, будто я пропадал несколько недель из-за какой-то конференции. Американец Шелдон Глашоу, снимавший комнату по соседству со мной, сказал: «А мы решили, что ты уже в Сибири».

Кто мог тогда предположить, что вскорости я добровольно уеду в Сибирь, и там будет построен институт, который по духу, по свободе общения напоминает институт Бора!

ПРЕКРАСНЫЙ И УЖАСНЫЙ МНОГОЛИКИЙ ЯНУС...



Л.С. ТРУС,
кандидат географических наук,
пенсионер

Чтобы объяснить свое неоднозначное отношение к Академгородку, расскажу, как я сюда попал и чего искал. Лет за семь до приезда в Академгородок я работал на заводе в Челябинске. Создал там лабораторию автоматизации производственных процессов на базе кибернетики (слово «кибернетика» тогда было новым в нашем лексиконе и очень модным). Мне разрешили организовать такую лабораторию, потому что в ее «актив» вошло несколько моих изобретений. Я привлек способных людей, мы сделали много интересного. Потом я понял, что разбираюсь в кибернетике хуже сотрудников. Мне стало стыдно руководить ими, а учиться в Челябинске не у кого: там только создавался политехнический институт, и кадры в нем были не выше уровнем, чем в нашей лаборатории.

В поисках науки я отправился «в люди». Первым делом поехал в Минск. Я оттуда родом; наша семья покинула Минск на третий день войны, когда весь город был в огне. Родители хотели вернуться в Минск с моей помощью. Но я понял, что в этом городе преобладали антисемитские настроения. Заходил на те заводы, где, судя по объявлениям, требовались люди с моей специальностью. Хотел снова организовать лабораторию и повышать квалификацию. В отделах кадров с сомнением смотрели на мое лицо, спрашивали паспорт – и, разумеется, говорили, что объявление устарело, вакансий больше нет. А когда я зашел к старому знакомому мамы – доктору Абрамовичу, то увидел, как действует еврейская «мафия». Абрамович переговорил с кем-то по телефону по-французски – и мне были предложены место заведующего новой лабораторией в научном институте, большая зарплата и двух- или трехкомнатная квартира в строящемся доме. Но мне почему-то не захотелось погружаться в такую среду, да и лаборатория – совсем не моего профиля.

Я поехал в Пензу. Меня взяли в НИИ УВМ старшим инженером на 120 рублей, дали комнату в общежитии – и все с таким видом, будто оказали великую милость. Жизнь там не задалась. Месяца два меня не прописывали. В городском УВД мне пришлось показать справку о своем освобождении из мест заключения, где я сидел как политически неблагонадежный. И там сразу же засомневались: можно ли мне жить в «режимном» городе?

В институте я занялся проблемой надежности ЭВМ (тогда эта проблема только появилась на научном горизонте). Но директор сразу сказал, что я не поднимусь выше старшего инженера. Я не стал выяснять, почему: потому что я еврей или потому что «отсидент». К тому же у меня создалось впечатление, что не научный институт повышал мою квалификацию, а я повышал квалификацию института.

Лишь непосвященным кажется, что в отраслевых НИИ работают специалисты более высокого уровня, чем в заводских лабораториях, а уж в Академии наук – небожители, умеющие делать такие вещи, о которых внизу и не подозревают. А на самом деле почти наоборот (во всяком случае в том, что касается измерите-

ной техники). В отраслевом НИИ мне пришлось учить персонал делать точные измерения с неточными приборами (в заводской лаборатории мы умели делать обычными амперметрами и вольтметрами измерения с высочайшей точностью). А в академических НИИ, куда я потом попал, не умели делать и те измерения, какие делали в отраслевых.

Впервые я оказался в Академгородке в начале 60-х. Тогда все надеялись, что ученые смогут и одеть, и накормить страну, сделать нашу жизнь достойной XX века. Особенно верили в кибернетику и физику. И мне казалось, что пуп Земли там, где физики. Но в «почтовые ящики», где работали почти все физики, евреев не брали. В новосибирский Академгородок я и еще несколько знакомых заехали «посмотреть». Попали на семинар к Раисе Львовне Берг, еще на какие-то домашние посиделки. И были покорены свободой мысли и общения, отсутствием социальных перегородок. Через какое-то время я снова приехал сюда из Пензы, чтобы найти работу. Прошел через собеседование в ИЯФе, и беседовавший со мной Шехтман чуть ли не обнял меня, сказав, что я выдержал все с блеском и мне вышлют вызов.

Но прошел год – нет вызова. Тут мне открылось другое лицо Академгородка. Обо мне забыли. У всех свои дела, каждый открывает свои элементарные частицы, доказывает свои теоремы, не вспоминая, что кому-то что-то обещал. Хорошо, что в Академгородке жил приятель. По моей просьбе он сходил в ИЯФ и выяснил: по поводу моего трудоустройства не возникало никаких препятствий. Надо было просто ходить туда, напоминать, зудеть...

Благодаря приятелю, мне все же прислали телеграмму, подписанную заместителем директора ИЯФа; в телеграмме говорилось, что мне предоставят комнату в общежитии. А я тогда собирался жениться. Действительно, мне выдали ордер на комнату. Но через месяц тот же замдиректора сообщил, что я должен пройти медкомиссию. Медкомиссия, конечно, сразу же нашла у меня язвенную болезнь, о которой было известно и «до того». Но теперь мне сказано, что по состоянию здоровья я не могу работать в ИЯФе. Могу только выбрать причину увольнения – по собственному желанию, по состоянию здоровья или по сокращению штатов с месячным

выходным пособием. От замдиректорского сына я узнал: директор института Будкер разговаривал с генералом госбезопасности, и тот заявил, что я осужден по двум статьям, а реабилитирован только по одной. Я по наивности подумал: может, они и в самом деле не знают, что меня реабилитировали поэтапно – сперва по одной, потом по другой статье. Но мне просто врали. В конце концов я пришел к Будкеру, и тот сказал: «Вы же понимаете, какого сорта у вас язва. У нас с вами ничего не выйдет. Если хотите, я устрою вас в Красноярский физический институт».

Я решил, что сам найду работу в Академгородке. И действительно, в других институтах говорили, что давно ищут такого специалиста, как я, могу хоть сейчас приступать к работе. Я отвечал, что начну работать с понедельника. Но в понедельник те же люди отводили глаза: мол, они не знали, что на мое место давно пригласили специалиста...

Мне передали: в Институте экономики создают лабораторию, которая займется распознаванием образов на ЭВМ. Та самая тема, ради которой я приехал в Академгородок... Меня подвергли «перекрестному допросу» по специальности и приняли с испытательным сроком в отдел социальных проблем.

А через месяц и один день завкадрами сообщила мне, что в институте – сокращение штатов. На самом деле никакого сокращения не намечалось. Правду мне сказал заведующий сектором М.А. Розов: у директора института Аганбегяна с Заславской, возглавлявшей отдел социальных проблем, был разговор о моем увольнении. Собирались уволить как не выдержавшего испытательный срок. Но Розов дал отличную характеристику моей квалификации и заявил, что я выдержал испытательный срок до того, как он закончился. Аганбегян написал бумагу Заславской: прошу изыскать возможности для сокращения одной «единицы». Заславская выдала резолюцию Розову. Розов ответил, что не находит, кого сократить. «Вы же знаете, о ком речь». – «Знаю. Но почему вы сами прямо это не написали? Не хотите руки марать? Я тоже не хочу».

Вызвавшему меня Аганбегяну я сказал: если меня сократят, обращусь в суд. И пошел в райком партии к первому секретарю

Яновскому, который тоже разыграл передо мной спектакль. Рабоче-крестьянское рукопожатие, похлопывание по плечу: «Это безобразие, вы же так много перенесли из-за сталинских репрессий...» Но ничего путного не сказал.

Я поехал в областное управление КГБ. Принял меня неизвестный майор. Опять ничего не значащая беседа, из которой все же ясно, что претензий ко мне у КГБ нет. «А в чем дело?» – «В Академгородке сидят перестраховщики». Я – опять в райком к Яновскому: «Я был в КГБ». У него в глазах появился интерес: «Что вам сказали?» – «Сказали, что в Академгородке – перестраховщики». – «Совершенно верно!» Тут же он позвонил в одно место, в другое... «Можете работать хоть в ИЯФе, хоть в Институте экономики».

Вот такое третье лицо Академгородка. Никто не посмел послать к черту незримого куратора из КГБ. Не сомневаюсь: если бы я был известным доктором наук, тот же Будкер меня отстоял бы. А зачем бороться за безвестного инженера?

Я остался в Институте экономики. И до ухода на пенсию работал в отделе социальных проблем. Тут быстро выветрились все мои иллюзии по поводу Академгородка и советской науки.

Я застал только «хвост», эхо настроений и веяний, сформировавшихся в первые годы существования Академгородка. Запомнился семинар, где обсуждали планы по его застройке. У меня глаза на лоб полезли от удивления, когда я услышал, что планировалось в Академгородке. Оказывается, деление на «верхние» и «нижние» микрорайоны неслучайно. Изначально предполагалось строгое функционально-кастовое разделение: здесь жить академикам, здесь – докторам наук, здесь – кандидатам, где-то на улице Строителей – простым инженерам, а всем прочим – еще дальше.

А как же со сферой обслуживания? Собирались определить в тутошние магазины и столовые докторских жен. Они будут только сидеть и ходить туда-сюда в красивых фартучках, потому что делать им больше нечего: продукты и все необходимое планировали доставлять академгородковцам через стол заказов прямо на дом. Словом, что-то вроде маниловского моста, где сидят барышни и продают конфеты с пряниками.

Еще смутно упоминалось, что Академгородку полагалось (не знаю, по чьему замыслу) стать «режимной» зоной за колючей проволокой...

Я уже видел, что пленившее меня когда-то отсутствие социальных перегородок было иллюзией. У академиков – и жилье другое, и обслуживание другое – все другое. Отношения между дирекцией, завлабами и рядовыми сотрудниками – феодальные, почти средневековые. Все это причудливо соединялось с патернализмом и с неким демократизмом. Начальство проявляло кое-какую заботу о «своих людях»: иногда «выбивало» для них квартиры и повышенные оклады. Сохранялась простота общения: не надо низко кланяться академику, можно называть его по имени и при случае распить с ним бутылку. Однако в академической среде, видимо, четко прописано, когда можно и когда нельзя высказывать смелые идеи. И упаси бог, если запахнет скандалом и кто-то вздумает отстаивать свои права... В лучшем случае, на такого человека будут смотреть как на чудака или начнут третировать, выживать.

Способствовало ли это процветанию науки? Насчет других наук не знаю, а экономической науки, как и социологии, тогда просто не было. Хотя в Институте экономики люди писали формулы, яростно спорили и могли презирать друг друга за то, что один пишет три «сигмы», а другой – четыре. Но никакого отношения к реальности это не имело. Связь с производством осуществлялась таким образом. Какому-нибудь заводу выделяли деньги, лимиты на науку, и надо их расходовать в «текущем» квартале, иначе больше не дадут. Завод быстренько заключал с институтом договор на что угодно. Другие институты работали чуть ли не на воинские части. Отдельным энтузиастам удавалось даже в таких условиях сделать что-то ценное. А в целом Академгородок походил на большой Дворец пионеров, где каждый занимается чем хочет. И чем может.

Отдел социальных проблем должен был раз в квартал подавать в обком партии многостраничную «записку», которую там никто не читал (ну разве что бегло просмотрят: нет ли крамолы?). И научные сотрудники знали, что никто всерьез не считается с их рекомендациями.

Сколько раз я пытался поставить вопросы, выходящие за пределы того, что нужно обкому партии! Меня осаживали. Или «не слышали». Сейчас это уже и представить невозможно: целый отдел занимался исследованием текучести рабочей силы! И не для приспособления производства к праву человека менять место работы, а для «закрепления кадров». Никто не слышал за «закреплением» созвучия с крепостным правом. А я предлагал, изучая текучесть кадров, исследовать проблемы социальной психологии, интересующие мировую науку. Скажем, проверить популярную идею, согласно которой люди делятся на тех, кто может долго работать на одном месте (стайеров), и «летунов»-спринтеров. В конце концов я сам провел такое исследование и убедился, что нет «прирожденных» спринтеров и стайеров (и кочевые народы кочуют не из-за особой психики; их образ жизни социально обусловлен). Пытался я иначе подойти и к проблеме неперспективных деревень (справедливости ради надо сказать, что Заславскую напрасно считают инициатором уничтожения маленьких, «неперспективных» поселений – идея носилась в воздухе, а Заславская, очевидно, лишь послушно ее тиражировала). Я считал, что нельзя назначать одни деревни перспективными, а другие – неперспективными. Имеет смысл прогнозировать перспективность, анализируя фактическое, спонтанное расселение. Причем определять перспективность не тем, выгодно ли поселение молочной ферме или кирпичному заводу. Где бы люди ни жили, они достойны того, чтобы поблизости были телефон, почта, врач, магазин и школа. И если все появится, то, может, и проблема неперспективных сел исчезнет. Моей статьей об этом заинтересовалась только группа математических географов, они ее и напечатали. А материалы, расширяющие представление о «текучести рабочей силы», мне вообще не удалось напечатать. Экономическая прикладная социология, которой так гордились в Сибирском отделении Академии наук СССР, решала не научные, а отдельные технические задачи, вдобавок и неверно поставленные.

Сегодня в Академгородок бумерангом вернулась и идея неперспективных деревень, и другие подобные идеи, которые когда-то многим казались прогрессивными. Воистину, за что боролись,

на то и напоролись. Академгородок сам может стать «неперспективной деревней», потому что при его проектировании использовались принципы «градообразующего предприятия» или «градообразующего комплекса». Эти понятия до сих пор прочно сидят в головах отечественных градостроителей и экономистов. И я долго повторял их машинально, пока не понял, что они пришли из советского «новояза». Впоследствии пытался обсуждать проблему искусственных городов, созданных вокруг чего-то градообразующего, с М.К. Бандманом – всемирно известным географом и экономистом. Но общего языка мы не нашли. А ведь жилмассив при предприятии – вовсе не город, а рабочий поселок или просто спальня. Я уж не говорю о ситуации, когда градообразующее предприятие закроется или обанкротится, – тогда и прилегающий поселок обречен. Между тем в Советском Союзе даже такие старые города, как Нижний Тагил, превращались в придатки предприятий. То же произошло и с Новосибирском, ставшим скоплением жилмассивов при заводах (химконцентратов, Чкаловском и других). Нет города как единого целого.

Помню, как вскоре после приезда в Новосибирск я отправился с тетрадкой своих стихов в журнал «Сибирские огни». Послушал там разговоры – и захотелось бежать. Пахну́ло «болотом». Похоже, ни у кого из разговаривающих сотрудников редакции не было ощущения, что они заняты общественно значимым делом и живут в столице Сибири, в культурном центре огромного края. Это была группа людей у «кормушки», которым интересно «клепать строчки» и получать за это деньги. Нет той атмосферы, где появляются мысли об общественно значимом деле. И все потому, что в городе с полуторамиллионным населением не возникло человеческой общности.

На этом фоне Академгородок выглядел нетипичным «производственно-территориальным комплексом». И не только потому, что «градообразующий» научный центр – не узкоспециальный, а многопрофильный. Тут хоть маленькая, но все же общность. Средневековая, феодальная, но все же республика ученых. Здесь тоже действовали советские отношения, но в другом регистре – более человечном, интеллектуальном и мажорном. Ученым все-

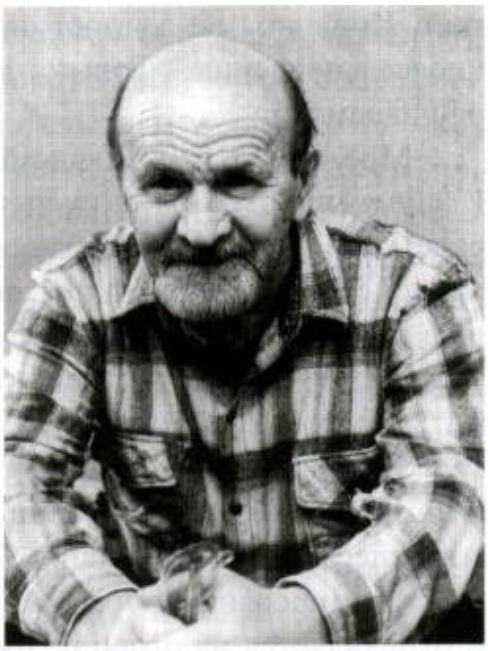
таки необходимы более или менее полноценное общение и среда, где считают твое дело общественно значимым. Здесь, конечно же, был (хотя позже и иссяк) пассионарный потенциал. И теперь у Академгородка появится больше шансов на будущее, если он перестанет быть чисто научным. Стоит по-другому, интеллигентно организовать торговлю, создать сферу непримитивных развлечений. Конечно, не хватает и того, о чем мечтал Лаврентьев, – «пояса внедрения». Только не искусственного, а естественно наращиваемого.

Мне кажется, в Академгородке и во всей стране идут два главных процесса – разрушение, превращение в руины прежней советской системы и встраивание в мировую систему, упорядочивание, создание новых производств, где нужна наука. Наше будущее зависит от того, какой процесс пойдет быстрее. Если развал, то через поколение в стране не останется людей, способных заниматься наукой. И пока наука не особенно нужна «новому русскому» порядку, при котором занимаются больше «пирамидами», взаимными обманами и лишь кое-каким мелким производством. Автослесарь или каменщик быстрее найдут работу, чем высококвалифицированный ученый. А ученый берет тяпку, лопату, тачку и отправляется на огород. Превращается в крестьянина, кормящегося от грядок. Складывается система натурального хозяйства: ты сам себя можешь прокормить с грядки, связать себе одежду, срубить дом. Ни звезды считать, ни атом расщеплять, ни теорему доказывать тут не нужно.

И тогда Академгородок, в лучшем случае, превратится в престижную спальню для «новых русских». Правда, даже для этого нужно приложить усилия. Кому нужны здешний лес и море, если коммуникации разваливаются и канализация не работает?

Все это грустно, даже страшно. Все-таки я по-своему привязан к Академгородку, прожил здесь больше тридцати лет. Но сколько же продолжаться феодальной системе отношений, с которой была связана советская псевдонаука? И не зря удерживаются «на плаву» лишь институты, установившие связи с зарубежьем. Нашим ученым нужно встраиваться, входить в мировую науку. Либо мировая наука, либо никакая.

«ПОЯС ВНЕДРЕНИЯ» ДЕРЖАЛСЯ НА ЛАВРЕНТЬЕВЕ...



П.А. ДАНИЛОВЦЕВ,
бывший ученый секретарь по связям науки с производством в Президиуме СО АН

В Академгородок я попал из Якутска, где работал ученым секретарем Института мерзлотоведения. Директор института был пожилой, и я мотался по командировкам за него и за себя. Приезжал и в Президиум Сибирского отделения. Поначалу входил сюда с трепетом: тут такие светила – Будкер, Лаврентьев... Никак не предполагал, что придется рядом с ними работать. Неожиданно Лаврентьеву понравился стиль моих «бумаг». Может, кто-то «навел», обратил его внимание на мои отчеты... Пригласили меня на работу в Президиум, на новое место ученого секретаря по связям науки с производством. А точнее – приказали прибыть через три дня. Директора института не предупредили, что меня забирают.

Он узнал все в последний момент, рассердился и сказал помощникам: «Не давайте ему машину, пусть едет в аэропорт на такси».

Согласился я отработать в Президиуме пять лет, а работал шесть. Работать пришлось на износ. Мы сидели в Президиуме, будто на каланче, не теряя из виду ни один институт (дальневосточная наука тоже входила в Сибирское отделение). Процесс формирования институтов был в разгаре – комплектовали штаты, делили портфели, шла обычная «притирка» людей... Субботы и воскресенья – рабочие. И до десяти командировок в год. Чтобы выдержать такую нагрузку, нужно иметь бычье здоровье. Но тогда, в сорок с «хвостиком» это меня не пугало.

Поручили мне создавать вместе с институтами «пояс внедрения». По сути, уже тогда предполагалось превратить научный центр в крупный научно-технический комплекс, связать в единый процесс научные разработки и производство. Академик Лаврентьев даже добился специального правительственного постановления о создании вокруг новосибирского Академгородка «пояса» из одиннадцати отраслевых НИИ, КБ и опытных производств двойного подчинения. Но ни в одном из всесоюзных министерств не хотели слышать ни о каком «поясе внедрения», потому что все собирались строить на их ресурсах. Везде мне говорили одно и то же: «Зачем это нам нужно – за свой счет создавать КБ и НИИ, которые станут для нас "отрезанным ломтем"»?

Я был угнетен, пал духом. И тогда М.А. Лаврентьев организовал «массированную атаку» на министерства и ведомства через ГКНТ СССР, подключил своих лучших «бойцов» – академиков Трофимука, Борескова, Кутателадзе, Беляева и зампреда Чемоданова. Вместе мы сдвинули дело с «мертвой точки».

«Пояс внедрения» с опытно-экспериментальными производствами и КБ у нас все же получился. Но недолговечный, непрочный. После ухода Лаврентьева с поста председателя Сибирского отделения все рассыпалось. Министерства сразу же стали загружать эти производства своими планами. «Двойное подчинение» не укрепило связь науки с производством. Если бы Лаврентьев еще продержался на посту председателя, он бы, наверняка, все «добил» и «застолбил», заставил бы министерства считаться с наукой.

А после него некому было насмерть биться за «пояс внедрения». При Марчуке говорили о «выходе на отрасль», о «плановом сотрудничестве с министерствами и ведомствами»... Обо всем, что никого ни к чему не обязывало, зато позволяло «засветиться» и хорошо отрапортовать начальству.

Однако я с теплым чувством вспоминаю годы работы в Президиуме. Здесь я написал вместе с соавторами три книги, защитил кандидатскую диссертацию. Среди «аппаратчиков» было много замечательных людей. У нас сложились добрые, почти семейные отношения. Мы умели и вкалывать, и отдыхать.

И все мы любили Лаврентьева. Я его и сейчас люблю и буду любить до последнего стука сердца. Это был действительно великий человек и ученый. Вот уж кто не мелочился... И добрый, и жестокий, и хватка крепкая, хозяйская. При Лаврентьеве аппарат президиума напоминал боевой штаб. Идеи и проекты шефа увлекали, будоражили всех нас. И Михаил Алексеевич с уважением относился к нашему труду, ценил инициативу. Но не терпел разболтанности и лжи, мог учинить за это такой разнос, какой провинившийся «аппаратчик» запоминал надолго. Поражал его дар общения с людьми – через минуту-другую возникало ощущение, будто разговариваешь с близким, открытым и очень заинтересованным человеком. Большое впечатление производил весь его мужественный облик, волевой взгляд, низкий, бархатистый голос. Задачи он формулировал с математической четкостью и точностью. И документы предпочитал короткие, ясные (как он сам говорил, «хорошо скроенные и крепко сбитые»). И мы готовили «бумаги» тщательно, оттачивая каждую фразу. С энтузиазмом брались за все, что он поручал.

Помню, цветущим летом в конце 60-х Академгородок посетил новый зампред Комитета народного контроля СССР профессор Кондуков. Меня отрядили его сопровождать. Михаил Алексеевич Лаврентьев посадил нас в свой вместительный «ЗИМ», решил сам кое-что показать и рассказать гостю, как создавался город науки в Сибири. Экскурсия длилась несколько часов, и я с удивлением наблюдал, каким остроумным, находчивым и веселым бывал Михаил Алексеевич в обыденной жизни и как любил природу – пока-

зал деревья, которые удалось сохранить при строительстве зданий. Провожая профессора в аэропорт, я спросил, понравился ли ему наш городок. Профессор вдохновенно ответил: «Сибирскому отделению очень повезло, им управляет выдающийся мыслитель».

Однако многие (особенно из начальства) не прощали Лаврентьеву его бескомпромиссность. Он не умел дипломатничать, в острых дискуссиях бывал резок и категоричен. И с соратниками порой не церемонился. Мне рассказывали: и Векуа ушел из Сибирского отделения якобы из-за него, и Христианович, и многие другие. Но в то время нужна была такая твердая рука. Ведь дружно и согласно работали, наверное, только мы, рядовые «бюрократы» Президиума. А в институтах – разборки, склоки. Верно кем-то сказано: нет публики амбициознее, чем попы, артисты и ученые. Каждый мнит себя корифеем.

Отчасти поэтому я и уехал через шесть лет снова в Якутск. Там народ попроще. И мой бывший директор много раз звал меня обратно. Да и тосковал я по Северу. Еще пятнадцать лет отработал в своем Институте мерзлотоведения заместителем директора по науке. Потом меня схватил инфаркт. Кое-как выкрутился и ушел на пенсию. Жить вернулся в Академгородок.

Это идеальное место для стариков, детей и творческих людей. Почти курорт, только пальм да соли в море не хватает. Неудивительно, что сюда так тянет «новых русских». В 1967 году, когда я приехал сюда работать, тут детских колясок было больше, чем легковых машин. Сейчас проспект забит «новорусскими» иномарками. А в колясках старушки продукты возят.

На днях я увидел возле своей «девятиэтажки» объявление: «Готов заплатить любую сумму за квартиру в этом доме». Не дай бог такого новосела в наш подъезд! Один уже поселился. Два месяца перестройка шла – отбойным молотком колотили по стенам... А дом железобетонный: на девятом этаже чихнут – на первом говорят: «Будьте здоровы!»

Живу здесь на пенсии больше тринадцати лет. От старческого маразма спасаюсь физическим трудом. Мои шесть соток кормят нас с женой да еще семьи дочери и сына. Пишу статьи, интервью для местных газет. Все, что рассказывают мне ученые о нынешнем

состоянии науки, не вызывает радужных надежд. Вижу: и городок постепенно приходит в упадок. Вырубаются леса, ветшает жилье, водопровод и канализация, все хуже дороги...

Недавно я побывал в Якутске на праздновании 40-летия Института мерзлотоведения. Правительство Якутии его «подкармливает», но денег хватает только на зарплату. Этот институт должен изучать природные явления, основная работа – в «поле». А специалисты даже летом в экспедиции не ездят, протирают штаны в кабинетах. Вот и думай, что будет дальше с наукой...

И все же я оптимист. Поэтому моя книга, выпущенная в 2001 году, называется так: «Краха науки не будет».

КЮТ – ПОТЕРЯННЫЙ ШАНС, НЕСБЫВШАЯСЯ НАДЕЖДА...

В.Ю. ШОЛОХОВ,
директор Клуба юных техников

По образованию я инженер (закончил Новосибирский авиационный техникум и вечерне-заочное отделение НЭТИ). И на проблемы Академгородка смотрю по-инженерному. Думаю, Академгородок с его потенциалом мог бы процветать даже сегодня, если бы тут своевременно и правильно занялись внедрением, переработкой научных идей в конкретные вещи, нужные обществу.

Большую роль при этом мог сыграть КЮТ – клуб юных техников. Не зря Михаил Алексеевич Лаврентьев считал создание клуба юных техников и физико-математической школы не менее значительным делом, чем создание самого Академгородка. В свое время он не пожалел для КЮТа ни сил, ни средств, нажил из-за него немало неприятностей. КЮТ долго существовал полулегально, числился лабораторией вспомогательных процессов в Институте гидродинамики. Я до сих пор храню статью из газеты «Правда», где писали: Лаврентьев совершил серьезное хозяйственное нарушение, построив детский клуб на средства, предназначенные для научных целей; но в этом клубе выросли сотни толковых профессионалов, десятки кандидатов и докторов наук. Сам Лаврентьев не раз говорил: КЮТ – ранняя, самая удобная и рациональная форма подготовки специалистов. В прошлом это называли профориентацией.

Я пришел в КЮТ тридцать пять лет назад. Работал тут «по совместительству», оставаясь конструктором в Институте автоматики и электрометрии. А в 1972 году Лаврентьев назначил меня директором КЮТа. Я давно понял: КЮТ – это призвание. И самое подходящее место для человека, который, подобно мне, даже в 64 года увлекается радиотехникой, «крутит гайки» не ради больших денег, а для собственного удовольствия. КЮТ стал для меня, без преувеличения, вторым домом, и я отсюда никуда не уйду. Хотя пора передавать «бразды правления» в молодые руки. Сам подыскиваю для КЮТа нового директора. Хочу, чтобы он был инициативным, стратегически мыслящим и не считал КЮТ второстепенным любительским заведением.

Правильно поступил в свое время генеральный директор Челябинского тракторного завода, отдав в заводской КЮТ первый поступивший на предприятие станок с ЧПУ. Зачем детским техническим кружкам металлолом, списанное старье, которое спихивали им многие другие заводы? Детей нужно сразу приобщать к современной технике, обучать на всем новом. И заниматься с ними (особенно с младшими школьниками) должны не неудачники и недоучки, а высокообразованные люди с педагогическими способностями (может, даже кандидаты и доктора наук).

Примерно так когда-то относились к КЮТу в Сибирском отделении. И финансировали как жизненно необходимую структуру. Нам выдавали на год 140–150 тысяч рублей (что равнозначно нынешним 2 миллионам). Этого хватало и на достойную зарплату – руководителям лабораторий КЮТа платили не меньше, чем инженерам и научным сотрудникам в институтах. И аппаратуру для КЮТа покупали не второсортную. Для нашей лаборатории астрофизики в свое время приобрели хороший телескоп – уникальный цейсовский оптический прибор, лучше не найдешь ни в одной обсерватории за Уралом, а подобный есть только в Саянах. Вот такие «игрушечки» нужны КЮТу.

Сейчас в КЮТе занимается 400–500 старшеклассников Академгородка. Ребята из младших классов к нам уже не приходят – вечерами на улице небезопасно, и родители не отпускают малышей из дома. А бывали времена, когда в наши лаборатории и кружки ходили до 1300 ребят в возрасте от семи до семнадцати лет. Одни приходили сами, других приводили родители, заметившие у своих детей раннюю тягу к технике. В КЮТе занимались не мелкими поделками, а серьезными работами, за которые получили 500 медалей (в основном от ВДНХ). Это были фантастические и реалистические проекты, действующие модели, механические и радиотехнические устройства, самоходные машины. Тут и физика, и механика, и электроника. Конечно, ребята выбирали такие дела, которые им интересны. Но мы сразу старались приучить их к тому, чтобы они думали и о практическом приложении своих разработок.

В КЮТе конструировали технику для дачных и крестьянских хозяйств – мини-тракторы и мини-комбайны. Чего стоила одна «Чебурашка» – пахала, сажала, культивировала, окучивала и выкапывала картошку, косила и сгребала сено, могла тащить прицеп с двумя тоннами груза… Делали в КЮТе и приборы. Оборудовали кабинет физики в 25-й школе. И кабинет для лечения детского косоглазия в одном из детсадов Академгородка.

Врач-окулист Владимир Александрович Сазонов «выбил» помещение для спецкабинета, подробно объяснил ребятам свои идеи – и они смастерили около 20 устройств. Например, сидит ребенок в кабинете, а перед ним в разных местах и в разное время загорают-

ся цветные лампочки. Или наверху вдруг квакает лягушка… Были и другие приспособления для ориентации взора и тренировки аккомодационных мышц. Нехитрая электроника: чтобы включить устройство, достаточно нажать педаль. Сделали приборы для диагностики, для оценки утомляемости зрения. Двенадцать приборов, изготовленных в КЮТе, были высоко оценены на Всесоюзном съезде офтальмологов и рекомендованы для промышленного внедрения. Не знаю, что внедрили и что не внедрили, действует ли еще в Академгородке кабинет для лечения детского косоглазия, работает ли у какого-нибудь фермера наша «Чебурашка». Но и сейчас, после пережитых всей страной потрясений, не изменилось главное правило КЮТа – делать не только интересные, но и полезные вещи, которые пригодятся людям не в отдаленном будущем, а сегодня.

Пожалуй, никто из руководителей Сибирского отделения не был так привязан к КЮТу, как его основатель. Дед Лаврентьев наведывался к нам не реже раза в неделю. Приводил делегации, именитых гостей Академгородка, показывал самодельные приборы. Один из гостей очень удивился, когда ему продемонстрировали сконструированный детьми электрофотометр: «Не может быть! Я слышал, что электрофотометры делают только в одном месте…» И назвал «продвинутое» производство. Лаврентьев возразил: «Теперь будешь знать, что делают такие вещи в двух местах – там, где ты сказал, и в нашем КЮТе». Он гордился КЮТом, сам вручал нам все медали, не отказывался и посидеть с нами за праздничным столом.

Часто он приходил с идеями, с задачками. Не все удалось решить, однако они давали хорошую пищу для детской любознательности. Принес Дед как-то проволоку и бублик. «Смотри: как крутанешь бублик – он сам поднимается, идет вверх по проволоке. Чем объяснить?.. Шут с вами, не объясняйте, это фундаментальная задача. Подумайте, где можно применить такой эффект». А однажды на водной базе после прогулки на катере сказал: «Вот если бы сделать парусник на подводных крыльях…» Долго в КЮТе возились с этими затеями, но ничего не вышло. Хороших парусных крылатых судов до сих пор нет. Его головоломку с бубликом от-

части решили, но не в КЮТе (на одной из выставок я видел волчок – вращаясь, он ненадолго повисал в воздухе). Зато в КЮТе сделали по просьбе Деда транспорт для болот. Мы многократно демонстрировали свои модели болотоходов на разных выставках. Это вызвало интерес у промышленников, и началось производство такой техники (правда, выглядела она уже немного иначе и пошла в промышленность не от КЮТа и не от Сибирского отделения).

Лаврентьев говорил научным сотрудникам: «Если вы не можете рассказать детям, чем занимаетесь, – значит, и сами ничего не понимаете в своей проблеме». Пока он руководил Сибирским отделением, в КЮТ еженедельно, по субботам приходили из институтов молодые ученые. Тут можно было услышать много занимательного – вплоть до гипотез, объясняющих всемирные катастрофы и космические явления. Увлеченность заразительна – и нередко дети потом предлагали проверить идеи ученых или подумать, к чему их «приложить».

Тогда, в «эпоху Лаврентьева», появился проект преобразования КЮТа, который мог укрепить фундамент всего Академгородка. Сам Лаврентьев инициировал этот проект и поддерживал его. Предполагалось сделать КЮТ базой для нового технического отделения ФМШ. Никитин (тогда он был еще не директором, а заместителем директора ФМШ) вначале удивлялся: «Зачем физматшколе техническое отделение? Зачем мы будем учить детей, которые потом поступят не в НГУ, а в технические вузы – в «Бауманку» и в МАИ?» Я говорил: «Так давайте откроем для них техническое или инженерное отделение в НГУ. Представьте только: появятся школьные и студенческие КБ, студенты технического отделения будут руководить кружками в КЮТе... Постоянные контакты сплотят КЮТ, ФМШ и НГУ, получится единый организм...» Никитин и соглашался, и сомневался: «Мы с тобой открыли бы техническое отделение в НГУ, только от нас это не зависит». Ректором в университете в то время был Беляев. Когда о нашем проекте заговорили на ученом совете, он сказал: «Университет должен обучать не «технарству», а фундаментальным наукам – физике, математике». Инженеров в ученом совете не было, и никто ему

не возразил, никто не объяснил, что без объединения КЮТ, ФМШ и НГУ в Академгородке не будет прочного «пояса внедрения».

А вот Дед, как никто другой, понимал, что Академгородку не жить без «пояса внедрения». И начал его делать, но из экономических и прочих соображений, из-за неведомых мне барьеров организовали конструкторские бюро двойного подчинения. Этот искусственный «пояс» вскорости рассыпался. Только в ИЯФе и в Институте катализа до сих пор действуют относительно сильные внедренческие структуры, а в других институтах – либо слабенькие КБ, либо никаких. Трудно оценивать прошлые дела и рассуждать, почему они не получились. Но я думаю, что Академгородку нужны были собственные КБ, а не двойного подчинения. Нужно было действовать подобно нормальному кулаку, старавшемуся иметь в хозяйстве все свое, а не заемное, держать все ресурсы в собственном кулаке.

В Академгородке появился бы собственный «пояс внедрения», если бы тогда в ФМШ и в НГУ открылись технические отделения. НЭТИ и другие городские вузы готовили кадры для промышленности, а выпускники технического отделения НГУ пришли бы в научные лаборатории. Академгородку нужны не только ученые, но и свои инженеры, свои конструкторы. Хотя ученые-«фундаментальщики», физики и математики так уверены в собственной «самодостаточности», убеждены, что могут все… Но они не могут сделать «живую» машину, потому что не знают толком сопромата, механики, материаловедения и других инженерных наук. А наши «доморощенные», обученные в НГУ инженеры и конструкторы брали бы в научных лабораториях «горячие» идеи и на их основе создавали бы новую технику. Так в Сибирском отделении сформировался бы мощный научно-технический, научно-производственный комплекс, которому не страшны никакие потрясения и государственные перестройки.

Пока во главе Сибирского отделения стоял Лаврентьев, я надеялся, что удастся осуществить наш проект. Напоминал Деду, что без его вмешательства в НГУ не появится техническое отделение и в Академгородке не будет своих инженеров и конструкторов. «Все правильно, – отвечал Лаврентьев. – Это главная задача. Обязательно займусь». Не успел... А другие лидеры Сибирского отде-

ления то ли не видели возможностей для осуществления проекта, то ли помешало «фундаментальное» высокомерие.

Да, как ни парадоксально, Академгородок пострадал из-за академизма, из-за чрезмерного уклона в фундаментальность. И сейчас здесь упорно продолжают этот самый академизм. Но кому нужны теоретические изыскания, которые ни во что не воплощаются? И не так уж много людей умеют заниматься полноценной фундаментальной наукой. А всем остальным лучше бы взяться за внедрение, за прикладные разработки. Если сто человек займутся прикладной, а десять – фундаментальной наукой, то и с финансированием не возникнет проблем. Неправда, что «прикладники» отказываются финансировать «фундаментальщиков». Мне случалось присутствовать при их переговорах. «Прикладники» говорили: «Мы согласны давать деньги на фундаментальные исследования. Скажите: сколько надо? Давайте определим точно – 100, 200 тысяч рублей (или долларов)...» «Фундаментальщики» упирались: «Нет, нам надо 10 или 20%. Вдруг вы начнете зарабатывать бешеные деньги, а мы будем завидовать». Начинается торг, конца ему не видно… И руководитель говорит: «Я не могу позволить, чтобы один мой сотрудник получал сотни, а другой – тысячи долларов». Так фактически Академгородок «самоустранился», ушел от внедрения. Теперь пытаются это исправить и создать технодром, но не получается. Все делают что-то «по кусочкам», разрозненно; нет единой структуры, координирующей общие усилия. А главное – упущено время, упущены возможности для естественного выращивания «пояса внедрения».

КЮТ так и не сыграл в Академгородке ту решающую роль, для которой был создан. Он не погиб, не зачах, но и не стал основой «пояса внедрения». Остался просто местом, где проводят свой досуг сотни школьников района. Я пытался хотя бы частично осуществить задуманное и после ухода Лаврентьева, когда Сибирское отделение возглавлял академик Коптюг. Набросал на страничку проект создания в КЮТе центра научно-технического творчества, над которым бы шефствовали все институты Академгородка. Решил сначала заручиться поддержкой академиков, членов президиума Сибирского отделения, а потом предста-

вить проект Коптюгу. Одним из первых мой проект поддержал академик Накоряков, который был тогда заместителем председателя президиума. Подписали, одобрили проект и академики Алексеев, Замараев, Шумный. Все было здорово, пока не дошло до заседания, где другие академики и члены президиума спросили с недоумением: «А зачем это нужно?» Среди наших оппонентов был и нынешний директор Института гидродинамики академик Титов. Он высказался за то, чтобы КЮТ остался в прежнем виде. Хотя сам относился к КЮТу прекрасно, пытался впоследствии договориться и с Коптюгом, и с Добрецовым об улучшении финансирования КЮТа. Ему отвечали: «Поговорим об этом попозже». Сейчас действительно трудно найти средства для КЮТа. Но ведь были и такие времена, когда достаточно было лишь не препятствовать его развитию...

В пору кооперативного движения в КЮТе начали делать детские компьютеры. Сами разработали конструкцию, сами выпускали. Оборудовали даже компьютерные классы (они тогда стоили 30–40 тысяч рублей). КЮТ зарабатывал бешеные деньги. На заработанные средства мы построили большое здание (обошлось это в 450 тысяч рублей) и собирались открыть там школу юных программистов. Я уверен, что программированию надо обучать с детства. Мы хотели собрать в своей школе потенциальных хакеров, «компьютерных взломщиков», и направить их энергию, способности на полезное дело, поставить толковые задачки... Надеялись, что нам поможет академик Ершов, помогут специалисты по школьной информатике, сотрудники Института систем информатики. Тут же «золотое дно», можно так развернуться... Если бы все задуманное удалось, то лучшие в мире программисты работали бы сейчас не в «Майкрософте», а у нас, в Академгородке. И работали бы не на «заграницу», как нынешние софтвэрные фирмы, а на Россию, на Сибирь, на Академгородок.

До сих пор не могу забыть, как Коптюг уничтожил начатое дело «на корню». Все обрубил, запретил, обвинил нас в «нецелевом» расходовании средств, которые мы сами заработали. И даже приказал меня уволить. В президиуме Сибирского отделения все-таки не стали меня увольнять, потому что для этого не было причин.

Однако школу юного программиста создать так и не удалось. Не разрешили – и точка. Теперь в ФМШ и в НГУ открыли колледж и факультет по информатике. Создается и техническое отделение с уклоном в физику. Но и тут время потеряно...

После всех упомянутых перипетий КЮТу так же нелегко «выживать», как и многим институтам Сибирского отделения. Давно не покупали новую технику на госбюджетные деньги. Приобрели только несколько компьютеров, выиграв гранты Сороса. Но я как «неисправимый» оптимист надеюсь: наш КЮТ еще будет шагать в ногу с эпохой. Сейчас разумно было бы превратить его в игровой технический центр. Например, есть интеллектуальные игры с компьютерами. Так же дети могут знакомиться и с другой новой техникой – через приборы и машины, с которыми хочется поиграть. Совсем не обязательно, чтобы дети изготавливали, собирали их собственноручно, от первого до последнего винтика. Нынешнюю сложную технику собирать утомительно. Лучше купить для КЮТа готовые радиоуправляемые модели (автомобилей, кораблей, самолетов). И десяток новеньких гоночных картов. Да только они очень дороги, дороже легковых «иномарок». Сам я считаю, что на образование не нужно жалеть денег. Но на госбюджетных рублях не развернешься. Нам выдают средства только на оплату налогов, коммунальных услуг и на зарплату: директору КЮТа – 2000 рублей, руководителям кружков – в два раза меньше.

Я сказал свои сотрудникам: «Мужики, давайте подумаем, на чем еще заработать». Все руководители лабораторий нашли себе «калым» на стороне – один что-то ремонтирует, другой сделал для завода оригинальный сварочный аппарат. В лаборатории картинга и транспортного конструирования зарабатывают на ремонте автомототехники. В целом зарабатываем немного – до 20 тысяч рублей в месяц. Треть идет на добавку к зарплате сотрудникам. Часть денег отдаем детям – они тоже охотно занимаются ремонтом (даже охотнее, чем конструированием). Хватает еще на покупку 2-3 недорогих аппаратов и кое-каких инструментов.

Оборвались зарубежные связи КЮТа (раньше к нам на семинары приезжали гости из Югославии, Монголии, Венгрии и из других стран «соцлагеря»). Нашим КЮТом уже не интересуются

СМИ. А когда-то КЮТ считался лабораторией всесоюзного журнала «Моделист-конструктор»: в каждом номере печатались сообщения о наших делах. Теперь мы публикуем информацию о своих работах и планах в Интернете. Надеемся заинтересовать потенциальных спонсоров.

Наш КЮТ был одним из крупнейших в Советском Союзе; подобные действовали только в трех городах – Челябинске, Магнитогорске и Волгограде. Сейчас там на базе КЮТов открыли обычные школы профессионального мастерства (обучают техническим специальностям). А клубы помельче, станции юных техников, технические кружки сгинули повсюду без следа. Газеты приглашают молодежь и подростков на дискотеки, агитируют за каратэ и макраме. О технических кружках нет и упоминания. А ведь без техники – никуда. Мне приходится бывать на заседаниях в районной администрации, где рассказывают о детях-уродах, подрастающих в богатых семьях, призывают бороться с детской наркоманией. А я говорю местному начальству: «Вы же сами закрыли все кружки, вот детям и некуда деваться».

Не согласен я с теми, кто обвиняет во всех наших бедах капитализм. Я бы еще больше все капитализировал... Съездив в США, я поразился инициативности американцев. А у нас поражает отсутствие инициативы – и у взрослых, и у детей. Это проявляется и в большом и в малом, на работе и в быту. Ходит человек вокруг своего дома, жалуется на беспорядок, но сам палец о палец не ударит, сломанную дверь в подъезде не починит, мусор не уберет. Отшибли, искоренили нашу инициативу. Слишком часто она была наказуемой. Как ее возродить? Остается только ждать, когда подрастут новые поколения...

ДАЛЬШЕ ОТСТУПАТЬ НЕКУДА

Г.В. ДЕНИСЕНКО,
заместитель управляющего делами
Сибирского отделения РАН

Академгородок с самого начала был интернациональным. На строительство съехалась молодежь с разных концов страны. Ни разу мне не встречались люди, приехавшие только ради заработка, ради денег. Кто-то попал сюда по комсомольской путевке либо по направлению после окончания профтехучилища, техникума или вуза, кто-то ехал делать карьеру, а кто-то, как и я, прибыл «добровольно-принудительно».

Я оказался здесь, когда призвали в армию. Призвали с третьего курса физмата пединститута. Тот призыв был особенный: Н.С. Хрущев снял бронь со многих вузов – и в армию пошли студенты,

парни грамотные и с честолюбием. Много таких попало в новосибирский Академгородок.

Мои детство и юность прошли на Украине, в Запорожской области, в тихом зеленом городке Бердянске. До армии я не бывал за Уралом, и в Сибирь меня никогда не тянуло. Но так распорядилась судьба... Однако настроен я был оптимистично: Сибирь так Сибирь, не я первый – не я последний, три года как-нибудь отслужу. Сейчас молодежь старается увильнуть от армии, а наше поколение воспитано по-другому. Тогда считалось: если мужчина не служил в армии – значит, неполноценный. Вот только немножко горьковато мне было из-за того, что не дали закончить институт до армии.

Запомнилась заснеженная дорога от железнодорожного вокзала до Академгородка. Стоял жестокий мороз – казалось, даже деревья в лесу потрескивают... Такой я увидел Сибирь в декабре 1964 года.

Основные контуры Академгородка уже определились. Все микрорайоны были практически застроены. Правда, в микрорайоне «Щ» капитальное жилье перемежалось времянками и щитовыми домиками...

Сейчас модно охаивать все прошлое, охаивают и бывшие всесоюзные стройки: мол, там «пахали» только заключенные да рвачи. Насколько мне известно, заключенные действительно начинали строить Академгородок, но работали здесь недолго. При мне «зоны» уже не было. А раньше она размещалась на территории, которую занимает микрорайон «Д» (лес тут вырубили, когда устраивали «зону», – вот почему этот микрорайон такой «голый», почти без деревьев). Зэки начали строить Институт гидродинамики, построили и кое-какие красные домики рядом. Но стройка двигалась слишком медленно, поэтому от зэковской рабсилы решили отказаться, убрали и «зону». До сих пор не знаю, кто вышел в правительство и в ЦК КПСС с предложением поручить строительство Академгородка Министерству среднего машиностроения. Эту заслугу приписывал себе бывший глава Новосибирского обкома партии Федор Степанович Горячев. А Михаил Алексеевич Лаврентьев утверждал: «Это я настоял...» Но так ли важно, кто именно

убеждал и убедил правительство? Главное, что шефом строящегося научного центра действительно стало очень серьезное министерство, курировавшее обычно стратегически важные и военные, то бишь оборонные объекты. С тех пор Академгородок строил «Сибакадемстрой», который подчинялся Министерству среднего машиностроения, вместе с «приписанными» к нему воинскими частями. Всего в «Сибакадемстрое» тогда работало около 19 тысяч человек, в том числе более двух с половиной тысяч военнослужащих. Разумеется, этот большой коллектив строил не только Академгородок, но и городок СО ВАСХНИЛ, институты медицины. Были еще стройки и в других регионах Сибири.

Так новосибирский Академгородок оказался в одном ряду с оборонными объектами. Говорят, предполагалось застроить почти всю территорию коттеджами. Но Н.С. Хрущев, ознакомившись с проектом, зачеркнул некоторые коттеджные микрорайоны – и там появились панельные многоэтажки. Хрущев же «укоротил» и гостиницу «Золотая долина», которую собирались строить чуть ли не шестнадцатиэтажной: мол, слишком дорого.

Прошло без малого сорок лет с тех пор как меня определили в воинскую строительную часть 33989, работавшую рука об руку с «Сибакадемстроем», – у нас даже были единые партийная и комсомольская организации. Я участвовал в строительстве Вычислительного центра, Дома ученых, Института ядерной физики, Торгового центра и других крупных объектов. Был и штукатуром, и отделочником, и пластикаторщиком (пластикаторщики «варили» специальное гигиеническое покрытие для лабораторий – сейчас такое уже не применяют). Работали, не считаясь со временем. Авралили, когда требовалось сдать очередной объект досрочно, к какому-нибудь празднику. Разумеется, можно было обойтись без аврального сверхнапряжения. Но в молодости это не очень утомляло, к тому же мы знали, что строим необыкновенный город.

Наша солдатская жизнь не была изолирована от жизни растущего научного центра. Мы были в курсе всех главных событий, во многих и сами участвовали. Я нередко заходил в райком комсомола, где совсем не пахло «казенщиной». Дом культуры «Юность» работал с полной нагрузкой: дискуссионные вечера для молодежи,

фестивали с выездом на берег Обского моря... Приезжали к нам с лекциями и беседами прямо на строительные площадки ученые и партийные лидеры Академгородка. Словом, общий подъем, неформальная атмосфера, интенсивное общение... Служба получилась не скучная.

Не знаю, кому я приглянулся, но сразу после приезда в часть меня включили в комсомольский актив. Так определилась моя трудовая биография: много лет я отдал комсомольской, а потом партийной работе. Комсорг роты, член комитета комсомола воинской части, а затем и секретарь комитета комсомола «Сибакадемстроя»; впоследствии руководил отделом рабочей и сельской молодежи в обкоме комсомола, а закончил «политическую карьеру» на посту секретаря парткома «Сибакадемстроя».

В годы армейской службы занимался, кроме всего прочего, и тем, что можно назвать воспитанием молодежи. О «дедовщине» в армии тогда не слышали, армия была положительной школой жизни. В нашу часть привозили из Москвы, из других городов и республик СССР парней, нарушивших закон. Еще не зэки, но уже условно осужденные хулиганы и воришки к труду относились, мягко говоря, своеобразно. Обычно их расформировывали по лучшим взводам и ротам, чтобы рядом со здоровыми коллективами приучались к нормальной жизни. С ними приходилось много возиться. Некоторые так и не «выровнялись», попали в штрафбат и в тюрьму. А с теми, у кого после армии жизнь сложилась нормально, я поддерживаю контакты до сих пор.

Я остался в Академгородке, потому что меня захватила его кипучая жизнь. К концу армейской службы все реже появлялись мысли об отъезде. Привязывало и немодное нынче чувство долга, ответственности. В парткоме «Сибакадемстроя» мне сказали: «Забудь о демобилизации...» Секретарь парткома Леонид Иванович Юденич всегда подчеркивал: «Пойми: кто-то же должен находиться здесь, на переднем крае. Долг коммуниста обязывает...» Правда, сам он уехал в Москву, когда ему предложили должность в Комитете народного контроля. Я на него немножко обиделся: а еще говорил высокие слова о долге... Однако ни тогда, ни впоследствии, спустя много лет я не жалел о выборе. Здесь закончил

физико-математический факультет пединститута и Высшую партшколу. Вполне достаточное образование, если учесть еще техникум механизации и электрификации сельского хозяйства, в котором я учился до армии и до поступления в вуз.

Опыт партийной работы помог мне понять эволюцию государственной власти. Правильно говорят, что в те годы государством управляли партийные органы. Так трансформировалась советская власть. Вряд ли эта трансформация была выдумкой вождей. Она продиктована обстоятельствами, условиями жизни. Можно долго рассуждать и спорить о прошлом режиме, одно бесспорно: нынешняя государственная власть не стала эффективнее. Она перегружена бюрократией. Сегодня в России чиновников в пять раз больше, чем было в Советском Союзе. И чиновник теперь другой. Не скажу, что в прошлом все были патриотами и энтузиастами, однако большинство старалось работать на совесть, стремилось сделать что-то доброе для людей. Недобросовестных выявляли, отсеивали, перекрывали им путь наверх.

Я всегда понимал, что социализма в полном смысле этого слова в нашей стране никогда не было, удавалось реализовать лишь некоторые социалистические принципы. Понимал я и то, что эволюцию, развитие не остановить. Но развитие должно быть управляемым. А наша страна скатилась в хаос и анархию. Мы могли бы иметь другую, социалистическую демократию. И рынок возможен не только капиталистический. Ведь был же рынок в первые годы советской власти! Было и стремление к справедливости. Помните лозунг «От каждого – по способности, каждому – по труду»? Куда все это пропало, куда кануло? Где теперь те перестроечные говоруны, которые усыпили наше сознание сладкими речами о свободе и демократии? Одним словом, мы получили то, что получили.

Пожалуй, уже в начале 80-х годов многие партийные работники осознавали: перетряски в системе государственной власти добром не кончатся. Правда, не думали, что все обернется настолько плохо. Под предлогом поиска новых форм кадровой работы «сверху» подсовывали суррогаты, которые привели к эрозии, к развалу, к деградации. Крайне отрицательно отношусь к

М.С. Горбачеву. По-моему, это человек без хребта, не способный управлять. Удивительно, как он дошел до верхних ступеней власти. К сожалению, в последние десятилетия советской власти нашей стране не везло на руководителей – все это были, как говорится, случайные люди. Видимо, государственная система уже не справлялась с подготовкой кадров. Наверняка, повлияла и «холодная война» – ведь на Западе создавалось множество программ разрушения Советского Союза изнутри, формировалась «пятая колонна»...

Я ушел с поста секретаря парткома «Сибакадемстроя» сразу после XIX партконференции. Во время конференции решил: когда вернемся из Москвы, сразу же подам заявление об уходе. Понял, что присутствую на похоронах партии.

В то время уже отпускали с партийного поста «по собственному желанию»... Я стал хозяйственником все в том же «Сибакадемстрое», курировал все, что называли социальной сферой, – жилье, детские учреждения и т. п. А когда в народном хозяйстве началась катастрофа, называемая «курсом реформ», вся «социальная сфера» рухнула. Постепенно разрушился и «Сибакадемстрой»; растеряли умение быстро, качественно работать и все, чем раньше гордились. Сейчас «Сибакадемстрой» уже почти ничего не строит в Академгородке. От него осталась только вывеска, «крыша» для множества разного рода частных фирм и фирмочек. Тем не менее я мог досидеть там до нынешнего дня, мог приспособиться к так называемым рыночным условиям. Но мои убеждения этого не позволяли. А честолюбивые, «карьерные» устремления уже отошли, рассеялись. В прошлой жизни у меня уже все было: должности, ордена, почет...

Шесть лет назад я пришел на хозяйственную работу в Сибирское отделение, стал заместителем управляющего делами. Пригласил меня Валентин Афанасьевич Коптюг после того, как я рассказал ему о своих колебаниях. Я стал его помощником и союзником, разделял его политические взгляды и вместе с коллективом управления делами, как мог, поддерживал его усилия по спасению социальной инфраструктуры Академгородка. Мы прошли трудный путь, когда Сибирское отделение едва не скатилось в болото, в

хаос разрушения. Ждать помощи и дельных советов из Москвы в тот критический период не имело смысла. Мы искали способы выживания интуитивно, наощупь. Так уж повелось в нашей стране: живем без опоры на опыт, снова и снова все начинаем с нуля. Теперь и в Москве, в президиуме РАН признают, что наши основные решения были правильными. Хотя совсем без ошибок не обошлось. Еще и потому Валентин Афанасьевич Коптюг рано ушел из жизни. У него был сильный аналитический ум. Особенно уважал я его за то, что он умел анализировать себя, свои решения и поступки. Очень мучился, когда понимал: где-то что-то сделал не так. Переживал за свои и за чужие ошибки, вот сердце и не выдержало.

Нам было бы не так трудно бороться за выживание Академгородка в 90-е годы, если бы в свое время удалось построить «пояс внедрения». Хотя идея разработана еще при М.А. Лаврентьеве и перспектива четко просматривалась, но успели реализовать лишь некоторые элементы. Сразу после ухода М.А. Лаврентьева с поста главы Сибирского отделения все спустили на тормозах. Теперь заговорили о технополисе, но разве это не тот же «пояс внедрения», который должен был появиться в Академгородке давным-давно?

Наверное, можно было раньше разрешить рыночные отношения в некоторых институтах, теперь они были бы уже побогаче. Но главное – не забывать, ради чего, с какой целью создаются фирмы при институтах. Чтобы академические институты не превратились в подобие нынешнего «Сибакадемстроя» и не стали «крышей» для коммерсантов, совсем потерявших связь с наукой либо использующих коллективные наработки для личного обогащения.

Нелегко вовремя понять, благо или зло принесет та или иная популярная тенденция. Так, в период гайдаровской «шокотерапии» в президиуме СО РАН появилась мысль, что для облегчения выживания надо передать наше жилье, соцкультбыт, всю инфраструктуру мэрии. В Сибирском отделении не хватало средств, и «социальная сфера» многим казалась обузой, балластом. К тому же все предприятия тогда отказывались от ведомственного жилья,

от соцкультбыта, передавали в ведение муниципалитета. Но мы вовремя остановились, поняли: Академгородок, Сибирское отделение – единый живой организм, в нем нет лишних «кусков» и органов. Если бы мы отдали муниципалитету наше жилье, то Академгородок сейчас бы выглядел куда хуже, стал бы заштатным районом Новосибирска, финансирующимся по остаточному принципу.

В ближайшее время собираемся подписать документ о возврате нам дорог. Три года назад нам казалось: если избавимся от дорог, передадим их мэрии, то сэкономим уйму денег. Теперь видим: если срочно не вернем их назад и не вложим большие деньги в ремонт, то через год-два по Академгородку можно будет проехать только на лошади, да и то без телеги.

Слава богу, мы выстояли. Выжили научные институты и основные хозяйственные структуры. Мы научились зарабатывать дополнительные средства и на исследования, и на содержание всех 400 хозяйственных объектов, оставшихся в ведении управления делами СО РАН. Появилась уверенность, что нас уже не сломить. Отступать некуда: новосибирский Академгородок – форпост российской науки, и если он сдаст позиции, то встанет вопрос о судьбе всей Академии наук. А в том, что академическая наука нужна России, я никогда не сомневался. И не сожалею, что связал свою жизнь с научным центром, хотя сам не ученый. Академгородок, который я когда-то строил, стал для меня родным. Здесь на комсомольской свадьбе мне вручили ключи от моей первой однокомнатной квартиры. По улицам Академгородка ходят мои дети и внуки. И я его никогда не покину.

Сегодня все, в том числе и в мэрии Новосибирска, поняли: Академгородок должен развиваться самодостаточно. Вмешательство новосибирских властей в дела Академгородка приведет лишь к дезорганизации. Да и нет у мэрии средств для достойного содержания крупного научного центра. На мой взгляд, лучше бы Академгородку стать отдельным городом областного или республиканского подчинения. Живут же отдельно города, считавшиеся раньше «закрытыми» и подчинявшиеся Минсредмашу! И нашему Академгородку нужно только найти подходящие

организационные рычаги. Умов светлых у нас много, и материально-техническая база все еще неплохая. Тут можно создавать перспективные технологии и развивать фундаментальную науку, соединять академизм с прагматизмом. Пора научиться извлекать из зарубежных связей пользу не только для отдельных исследователей-контрактников, но и для всего Академгородка. В дальнейшем, наверняка, развернем и масштабную совместную деятельность с бизнесом. Но следует быть разборчивыми: допускать в Академгородок лишь тех «новых русских», которые не слишком испорчены погоней за скорой прибылью и способны стать нашими союзниками, работать вместе с учеными на благо страны.

Мои политические убеждения не изменились. Далеко не все из прошлого я взял бы в будущее, но считаю, что нельзя строить государство и так, как его строят сегодня. Все похоже на затянувшееся отступление. Создается впечатление, будто руководители страны не определили цель и направление развития. Не думают, для кого и для чего делают реформы. А цель должна быть одна: если не всеобщее благо, то хотя бы для большинства населения. Достойная жизнь, обеспеченная старость, доброе будущее для детей – чего еще человеку надо? Ученому, творческому человеку нужны еще условия для реализации способностей. Государство, не заботящееся о всенародном благе, обречено и долго не просуществует. Десять лет уже терпит народ. Ну, потерпит еще лет десять. А что дальше?

ЧЕМ ОТВЕТИМ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ?

В.К. ШУМНЫЙ,
академик, директор
Института цитологии и генетики СО РАН

Академгородок вовсе не исчерпал свои возможности. Тут сформировалась изолированная популяция ученых, «обреченная» на общение друг с другом. В Москве и в Петербурге ученые разных институтов не встречаются годами. А здесь в первые годы химики, биологи, геологи, математики, физики «варились в одном котле». Тогда закладывалось все, что выразилось сейчас в интеграционных проектах. По-моему, интеграция станет главным «двигателем» науки XXI века. Ведь самые значительные идеи возникают на стыке наук.

Я приехал сюда одним из первых, в июне 1958 года, сразу после окончания биолого-почвенного факультета МГУ. В нашем

«первом десанте» было около сорока выпускников московских вузов – МГУ, Физико-технического и Химико-технологического. И сейчас многих из них здесь встречаю. В Институт цитологии и генетики попало 6-7 человек из «первого десанта». Много приехало и экономистов, химиков-неоргаников. Получилась дружная компания. Поселили нас вначале в Заельцовском бору, в облисполкомовских дачах. М.А. Лаврентьев выпросил для общежития два двухэтажных дома.

Все в Академгородке сделано по воле Лаврентьева и благодаря его отношениям с Хрущевым. Если бы не Лаврентьев, вряд ли тогда удалось бы создать в Сибири Институт цитологии и генетики. Генетику в те времена еще не реабилитировали. И наш институт много лет «висел на волоске»...

Однажды по пути из зарубежной поездки к нам заглянул Н.С. Хрущев. Наверное, уговорил Лаврентьев, летевший вместе с ним. В полете они что-то обсуждали. Хрущев рассердился, вспомнив о генетиках. На каком-то приеме в США его упрекали за плохое отношение к генетикам. Такой резонанс вызвала переведенная в Америке статья в защиту опальной науки, опубликованная в «Ботаническом журнале» Николаем Петровичем Дубининым с соавторами. Дубинин в то время был директором нашего института. Хрущев стал ругать Лаврентьева за то, что «пригрел генетиков». Лаврентьев прямо с борта самолета дал телеграмму: «Срочно уволить Дубинина и перевести в Москву». Сделал это, чтобы смягчить удар по институту и по самому Дубинину. Помню, как мы провожали Николая Петровича...

Когда Хрущев прилетел, Дубинина здесь уже не было. В Институте гидродинамики организовали первую выставку достижений Сибирского отделения. Приготовили и мы свои экспонаты: Ю.Я. Керкис добился первых результатов по медицинской генетике, А.Н. Лутков – по полиплоидной свекле, Ю.П. Мирюта – по кукурузе, Д.К. Беляев демонстрировал первые шкурки пушных зверей с разным окрасом... Лаврентьев прежде посмотрел все сам, почесал в затылке и велел запереть стенд генетиков в отдельной комнате. Ключ забрал.

Хрущев снова вспомнил о генетиках, когда вышел на митинг возле Института гидродинамики. «Ты все-таки их пригрел»,– сказал он Лаврентьеву. Тот ответил: «Я же математик и ничего в этом не понимаю». Дед прикидывался иногда непонятливым. Хрущев после, за обедом рассказал анекдот про двух турок, подравшихся из-за луны: «Чья луна? Твоя или моя?» Обратились к хохлу, чтобы рассудил их, а он говорит: «Я не тутошний». «И ты такой же, как тот хохол», – сказал Хрущев Лаврентьеву. И перестал говорить о генетиках.

С Хрущевым сюда приезжала дочь Рада (я учился с ней на одном курсе) и ее муж – журналист Аджубей. Они защищали генетиков, как могли.

Однако до 1965 года судьба нашего института оставалась неясной. Приезжали три комиссии из ЦК. В состав комиссий входили ближайшие сотрудники Лысенко, намеревавшиеся либо закрыть институт, либо поставить своего директора. Все их наскоки Лаврентьев отбил. Однажды разыграл интересную сцену. Когда в его кабинете находились члены комиссии, зазвонил телефон Лаврентьева, и он стал говорить по телефону о том, что Институт генетики надо сохранить. Потом сказал опешившим членам комиссии: «Видите, мое мнение и мнение ЦК совпадают». А на самом деле звонил Христианович, с которым Лаврентьев заранее договорился. Если надо, Дед придумывал настоящие спектакли...

Дед сам нашел для Академгородка секретаря парткома. Ему предлагали инструктора ЦК, а он пригласил контр-адмирала Мигиренко. Нашел его в Ленинграде, в «ящике», где конструировали секретную морскую технику. Красавец в адмиральской форме не только эффектно проводил заседания парткома, но и был «щитом», прикрывал Академгородок от ретивых партчиновников.

Я на личном опыте убедился, что Деда не зря боялись. Мне пришлось трижды побывать у него на приеме по чрезвычайным поводам. Когда прежний директор нашего института Беляев уезжал в командировку, я оставался за директора. Однажды меня вызвали к Лаврентьеву из-за сусликов, которых наши сотрудники привезли из Казахстана. Кто-то «накапал», что вместе с сусликами привезли чуму. «У тебя в виварии чума», – сказал Лаврентьев. Я

возразил: никакой чумы. Лаврентьев при мне позвонил руководителю военно-политического училища: «У тебя есть огнеметная рота? Приготовь ее к выезду, надо сжечь один объект». А мне сказал: «За двадцать минут все проверь и скажи, есть ли у тебя чума. Если обманешь, голова слетит». Следом за мной из его кабинета вышел зампред Л.Г. Лавров: «Ты уверен, что все в порядке?» – «Да никто не может быть уверен, с сусликами из Казахстана можно завезти что угодно! Но наши ребята соблюдают правила безопасности». Лавров завел меня в свой кабинет. Через 20 минут сказал: «Ну, решайся. Если уверен...» Звоню Лаврентьеву: «По вашему заданию все проверил. Чумы в виварии нет». «Ты уверен? Ну, живи, черт с тобой. Пока...»

Он мог принять неожиданные решения. В отношениях с вышестоящими – бунтарь, а с нижестоящими... Он считал, что все Сибирское отделение должно работать как единая команда с ним во главе. С теми, кто его обманывал или своевольничал, расправлялся круто, изгонял из Академгородка.

В Академгородке было много и других ярчайших личностей, учителей, на которых восторженная молодежь смотрела с обожанием. В поступках и в делах крупных ученых удивительно сочеталось то, что казалось несовместимым. В чем-то они были безусловными демократами, в чем-то действовали тоталитарными методами.

Например, легендарный В.В. Струминский, директор Института теоретической и прикладной механики, иногда походил на жесткого, решительного генерала. А основатель ИЯФ Г.И. Будкер был подобен действующему вулкану. Однажды вдруг заскочил в наш институт, «захватил» меня и повез к себе. Наверное, узнал от жены-журналистки о моих генетических опытах с растениями. «У нас в Киргизии есть урановые рудники. Давай организуем там круглогодичное производство фруктов и овощей. Заодно посмотрим мутации...»

Яркой личностью был и Е.Н. Мешалкин. Вначале предполагалось, что он станет одной из ведущих фигур в нашем Академгородке. Огромное здание, где сейчас ВЦ, строилось для него. Планировался шикарный институт медико-биологического профиля с

клиникой и бассейном. Но Мешалкин сам начал какие-то переговоры с «верхами», просил деньги за спиной у Лаврентьева…

Если бы Дед позволил всем лидерам действовать «самостийно», получилось бы, как в басне «Лебедь, Щука и Рак». Средства бы растащили по углам. И Академгородка не было бы. Наиболее последовательным союзником и помощником Лаврентьева оставался Трофимук. Они всегда работали в одной упряжке. И построили Академгородок таким, какой он есть. Из задуманного не получился только «пояс внедрения», потому что Дед недоучел могущество министерств, не желавших делиться своими средствами с наукой.

Мне не нравится современный индивидуализм. Я – за другую норму человеческого общежития. Нормально, когда человек думает не только о себе. Я считаю разумной, правильной идею устойчивого развития, которая впервые прозвучала на конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 году и которую страстно пропагандировал глава Сибирского отделения В.А. Коптюг. Это была попытка сказать «золотому миллиарду» планеты: если хотите выжить, нужно подумать и о бедном населении. Необходимы международные договоренности о совместном благоразумном использовании ресурсов Земли.

Сегодня нужно говорить не о безопасности отдельных государств, а о безопасности планеты в целом. Изменились мировоззренческие догмы, приоритеты (в том числе и в науке). Перед человечеством встал целый ряд проблем или, как любят говорить журналисты, глобальных вызовов.

Прогнозируемое на XXI век удвоение человеческой популяции требует и удвоения продовольственного потенциала, что немыслимо без новых биотехнологий.

Из-за возможного разрушения озонового слоя и глобального потепления резко изменятся условия жизни. От того, насколько точные прогнозы выдаст наука, зависит судьба человечества, которому придется адаптироваться к меняющейся среде.

Людям понадобится совсем другая медицина с новыми диагностическими, фармакологическими, лечебными технологиями. И

другая энергетика – с переходом от невоспроизводимых к принципиально иным источникам и ресурсам.

Можно назвать еще немало проблем, но и перечисленных достаточно, чтобы понять: человеческому интеллекту нельзя расслабляться. Нужно мобилизовать весь потенциал, чтобы избежать глобальной катастрофы.

Вот почему так важен опыт Академгородка, где достигнута оптимальная концентрация представителей естественных и гуманитарных наук, отлажена система подготовки кадров, адаптированы договорные отношения с промышленностью, с отечественными и зарубежными фирмами. Новосибирский Академгородок и все Сибирское отделение РАН сегодня – не просто научный центр крупного региона; это еще и хорошо отработанная, апробированная модель интеллектуального сообщества, где интеграция разных наук изначально планировалась и становится нормой жизни. По-моему, только такие сообщества способны понять и принять глобальные вызовы, найти правильные решения.

Как тут не поразиться мудрости и прозорливости основателей Академгородка, смотревших далеко в будущее! Сохранить бы только преемственность поколений, дабы не потерять замысел создателей…

УКРЕПИМ ПОЗИЦИИ «МЕДНЫМИ ГВОЗДИКАМИ»

В.В. КОЗЛОВ,
доктор физико-математических наук
(Институт теоретической
и прикладной механики СО РАН)

Я родом из Кузбасса, рос и закончил среднюю школу в Прокопьевске. Город, названный однажды Предсовмина СССР Рыжковым «самым плохим» из всех, какие он видел... Но я этого не понимал, как не понимают студенты профессоров, говорящих, что все в стране плохо, катастрофа, обвал. Для студентов все это – их настоящее. И я осознал, что возможна совсем другая жизнь, только когда в первый раз увидел Академгородок.

Дорога в науку у меня была непрямая, зигзагами. В детстве мечтал стать космонавтом. Когда в космос полетели первые наши космонавты, написал письмо в Министерство обороны. Самое смеш-

ное, что я получил оттуда ответ: мол, когда вы вырастете, нам будут нужны летчики и люди с высшим образованием, из них и будем набирать космонавтов, в том числе и космонавтов-исследователей. После школы поехал я поступать в Тамбовское высшее военно-воздушное училище. Все было бы хорошо, если бы врачи не нашли что-то не то в моем правом глазу. У меня оставался только день до 1 августа, когда во всех вузах начинаются приемные экзамены. Я успел доехать до Пензы и поступил в пединститут, на физико-математический факультет. Там я познакомился с аспирантом, побывавшим в Новосибирском научном центре. Он мне сказал: «Зачем тебе учиться здесь, если у вас в Сибири есть замечательный Академгородок?» На каникулах я заехал в Академгородок, и он запал мне в душу. Чисто, красиво... И большая наука (правда, я о ней еще ничего не знал, но считал, что это не хуже космоса). Закончив первый курс пединститута с одной «четверкой», я попробовал перевестись в НГУ. Но после собеседования с преподавателем, состоявшегося на скамеечке возле ИЯФа, в ужасе сбежал. Понял, что мало знаю о физике как науке.

Я ушел из пединститута, год работал на заводе, участвовал в олимпиаде, готовился... И пошел заново поступать в НГУ. Поступил, выдержав большой конкурс (тогда, в 1964 году, из школ вышел двойной выпуск – десятых и одиннадцатых классов). Огромное впечатление произвел на меня наш ректор Спартак Тимофеевич Беляев. Студенты его любили. Мне приходилось часто с ним встречаться, потому что меня выбрали секретарем комитета комсомола НГУ. Многому у него можно было поучиться человеку из Прокопьевска... Ректор прекрасно понимал, что нужно университету и науке. Вместе с руководителями Сибирского отделения принял мудрое, нестандартное решение. Для нашего выпуска, считавшегося одним из лучших в НГУ, «выбил» у президиума СО АН целый дом. Сразу же после защиты дипломов нам дали комнаты и квартиры, чтобы мы «закрепились» в Академгородке. Многие из нашего выпуска до сих пор работают в институтах СО РАН и преподают в Новосибирском государственном университете.

Я с первого курса собирался работать в ИЯФе. Тогда студенты и выпускники только и говорили о ядерной физике... И я, про-

слушав лекции Румера, вместе со всеми понесся на крыльях в ИЯФ. Но на третьем курсе после медосмотра врач сказал, что лучше мне в ИЯФ не ходить. Та же причина, из-за которой меня не пустили в космонавтику…

Оказавшись снова на пороге выбора, я услышал, что в Академгородке есть академик Владимир Васильевич Струминский, организующий базу для космических исследований. Конечно же, мне сразу вспомнились детские мечты о космосе. Так я «приплыл» в институт, где работаю больше тридцати лет. Занесло меня поначалу в лабораторию с плазмотронами, там делал дипломный проект. Когда пришел на работу, меня вызвали к директору, то бишь к Струминскому. Обычно он беседовал со всеми новыми сотрудниками.

Потом, когда отмечали 85-летие Струминского, меня попросили вспомнить, «как все начиналось». У меня воспоминание одно. Захожу в большой кабинет, а ко мне по диагонали несется: «Ты такой-рассякой экспериментатор, пойдешь в теоретическую лабораторию». Я понял только, что пойду работать не в ту лабораторию, где делал дипломный проект, а совсем в другую. Сказано было достаточно грубо. Мне не привыкать, и не такое слышал на улицах Кузбасса. Все же я удивился. Потом узнал причину столь резкого знакомства руководителя с молодым сотрудником: Струминский не хотел развивать плазмотроны, а хотел развивать аэрогидродинамику и аэрокосмические исследования. Этим он интересовался и в ЦАГИ, где раньше работал. Человек он крутой и в выражениях не стеснялся.

В теоретической лаборатории я год проходил в теоретиках, занимался расчетами. Потом Сергей Александрович Гапонов, опекавший молодежь, сказал мне: «У нас столько теоретиков! А надо бы ставить эксперименты по нашей тематике»... И завлаб профессор Левченко согласился, что лучше мне заняться экспериментами (но не дай бог, если об этом узнает Струминский!). Так я начал подпольную экспериментальную деятельность в теоретической лаборатории.

Когда я получил свой первый более или менее крупный результат, Владимира Васильевича Струминского уже не было в

Академгородке. Он не успел сделать здесь все, что хотел. Кроме аэродинамической базы, созданной в нашем институте, он собирался еще построить целый комплекс на Левом берегу. Надеялся развернуть в Академгородке второй ЦАГИ. Широкая натура... Но его не переизбрали директором института на второй срок. С академиками такое редко случалось. Струминский уехал в Москву, остался научным руководителем в ЦАГИ и возглавил отдел при президиуме Академии.

Многое мне было непонятно в Академгородке. Долго я не понимал, почему не переизбрали Струминского. Потом понял: хотя Струминский много сделал для нашего института, его стиль руководства был отнюдь не идеален. При Струминском были построены установки ценой в миллионы долларов. Все оплатило Министерство авиационной промышленности. Струминскому удалось в два раза расширить институт. И финансирование было двойное – от Академии наук и от министерства. Струминский дал институту несколько замечательных, плодотворных идей. Его идеи попали на плодородную почву, в условия поистине благодатные для фундаментальных исследований – такие условия есть только в Академии наук. До этого аэрогидродинамические и космические исследования развивали лишь в отраслевых институтах; впоследствии многие фундаментальные исследования там рухнули, а в академических НИИ сохранились. Но трудно представить, как работал бы наш институт, если бы Струминский остался директором. Скорее всего, Струминский не позволил бы институту развиваться свободно, не по его указаниям. Правда, он и из Москвы ревниво наблюдал за своим детищем, но вмешаться в его планы уже не мог. А мы потыкались, как брошенные слепые котята, в поисках выхода – и развили мощное научное направление. Есть у нас теперь и теоретические лаборатории, и моя экспериментальная, и экспериментально-теоретическая. Я вместе с соратниками возглавляю научную школу, которую считаю школой Струминского.

В ЦАГИ – такая же аэродинамическая база, как в нашем институте. Или даже лучше. Академик Струминский «сеял» там те же идеи, что и у нас. Но у нас работали ученые-физики, а в ЦАГИ –

хорошие инженеры. На установках одинакового типа, по близкой тематике там защищено всего три кандидатских диссертации, а у нас – тридцать кандидатских и с десяток докторских. Такой разный урожай снят на одном научном направлении в разных условиях. Сказались преимущества Академгородка и Академии наук, где разрешено «свободное плавание». Этим отличаются академические институты от ЦАГИ и от отраслевых.

До 1990 года я занимался не только наукой, но и политикой: после университета, где был секретарем комитета комсомола, стал парторгом в НИИ. Когда началась перестройка, а затем – перестрелка, я сказал: «Моя политика – моя аэродинамическая труба. Она должна работать». И я «ушел в трубу». Старался не тратить нервные клетки на переживания из-за творившегося в стране. Считал, что мой долг – сохранить научное направление, и от этого будет больше пользы, чем от демократии и от всего ей сопутствующего.

Мы стали лидерами в своем научном направлении. На основах, заложенных в нашем институте В.В. Струминским (а затем поддержанных Р.И. Солоухиным и академиком Н.Н. Яненко), вырос один из крупнейших в мире центров по аэрокосмическим исследованиям, связанным с устойчивостью перехода от ламинарного течения к турбулентному и с другими проблемами. Особенно большой интерес у зарубежных ученых вызывают наши эксперименты.

Во многих западных лабораториях нашего профиля экспериментальная ветвь чахнет, атрофируется. Произошло это из-за компьютерного бума, начавшегося в 70-е годы. С тех пор там выросло поколение профессоров, занимающихся виртуальной наукой. Лучшие умы «ушли в компьютер». Много моделей, расчетов... А экспериментов нет. Эксперимент на компьютере не поставишь. Но без него не узнаешь, какие расчеты и модели правильные. Зарубежные профессора сами признают, что произошла потеря ориентиров: «Мы можем многое описать, обсчитать и смоделировать, но скажите, что из всего этого правда, что действительно есть в природе?» Чрезмерное увлечение компьютеризацией заводит ученых в тупик.

А у нас компьютеризация шла медленно, без революционных скачков. Когда-то мы огорчались, что отстаем от Запада. Помнится, в свое время академик Накоряков создал комиссию по автоматизации научных исследований в Сибирском отделении. Я тоже был членом этой комиссии; мы так хотели ускорить темпы автоматизации экспериментов… Теперь я понимаю, что медленные темпы компьютеризации обернулись благом для нас, экспериментаторов. Мы не могли все поголовно «уйти в компьютеры», потому что у нас не хватало машин. И разделились на «численников» и экспериментаторов. Сейчас у нас и компьютеров достаточно, и эксперимент «выжил».

Но, кажется, и здесь может начаться компьютерный бум. Многие говорят: нужно создавать компьютерные фирмы и они спасут Академгородок. Но удастся ли избежать крайностей, подобных тем, что повредили науке Запада? Не «перекачают» ли фирмы лучшие мозги? Еще несколько лет назад на физическом факультете НГУ 80% студентов хотели уйти в информатику. Если мы не будем регулировать этот процесс и пустим все на самотек, потеряем Академгородок. Он превратится не во вторую «Силиконовую долину» (в американской «Силиконовой долине» ставили и научные эксперименты!), а в городок программистов.

Думаю, лучше Академгородку остаться научно-образовательным комплексом. Через ФМШ и НГУ собирать одаренную молодежь, обучать до уровня кандидата наук. И не надо беспокоиться о том, чтобы вся способная молодежь оставалась в Академгородке. Достаточно, если останется каждый десятый. Мы же собираем «сливки» со всей Сибири, должны что-то и отдавать.

Вспоминаю картину, которую я в детстве в своем Прокопьевске наблюдал изо дня в день. По автотрассе рядом с нашим домом возили «жмуриков» на кладбище. Возраст, в основном, от 20 до 40 лет. Причина смерти – водка и шахта с тяжким, рабским трудом и авариями. Спасение от идиотизма провинциальной жизни – только в просвещении. И обучая талантливую молодежь из сибирской и дальневосточной «глубинки», Академгородок должен не только «подпитывать» науку, но и помогать кадрами нашим регионам, помогать народу.

В моей экспериментальной лаборатории всегда много молодежи. И сейчас у нас обучаются шесть аспирантов. Польза от аспирантов большая. Они стали нашими катализаторами: пока их обучаем, и сами напрягаемся, «растем». После защиты кандидатской диссертации они уйдут, придут другие. Мы создали большое научное производство с «протоком» молодых кадров (известный физик академик Кутателадзе считал такой «проток» необходимым для нормального развития науки и научных институтов). Многие в Академгородке удивляются: чем нам удается привлекать молодежь? Ведь мы не можем дать ребятам такой заработок, какой предлагают в компьютерных фирмах. Не можем пообещать и квартиру. Зато у нас хорошее оборудование, купленное за рубежом. И еще я соблазняю их «медными гвоздиками».

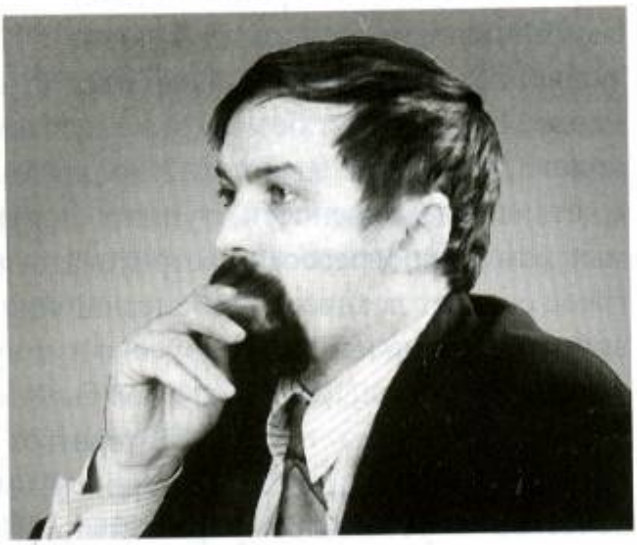
Помните советский фильм «Красная площадь»? Там есть такой сюжет: объявлен Брестский мир, солдаты с фронта разбегаются, в одном полку осталось только четверо. Трое – коммунисты, а четвертый – эстонец, всегда говоривший: «Трубку, лошадь и жену не даю никому». Этот-то ради чего остался? Подсылают к нему разведчика. А эстонец потихоньку говорит: «Через месяц нам дадут ботинки с медными гвоздиками»... Через полчаса в полк вернулись все беглецы.

Вот и я рассказываю ребятам про то, что в нашей лаборатории можно за три года подготовить кандидатскую диссертацию (в других вузах Сибири и Дальнего Востока нет базы для такого быстрого роста). А это поможет им найти работу с приличной зарплатой. Устроятся в фирмы, если не захотят быть доцентами в вузах (но мне хочется верить, что должность доцента и профессора снова станет привлекательной!). Говорю я своим студентам, магистрантам и аспирантам и о том, что наша лаборатория поддерживает контакты с разными странами: со Швецией, Германией, Италией, Южной Кореей и другими. А значит, и у них есть шанс быть востребованными мировой наукой. Недавно один наш аспирант побывал в Стокгольме, потом поехал в Южную Корею; другой вернулся из Германии – работал и учился там два года, гумбольдтовский стипендиат. В моей лаборатории выросли три гумбольдтовских стипендиата. А сколько сотрудников лаборатории ездят на

международные конференции! Чаще всего их участие в конференциях оплачивают зарубежные коллеги, которым интересно узнать о наших научных результатах. В последнее время помогает нам и Российский фонд фундаментальных исследований. Вот мои «медные гвоздики»... Если же от нас ничто не будет востребовано мировой наукой, то грош нам цена.

Мы живем в суровых условиях. Надо вести себя подобно лягушке, которая, пытаясь выбраться из сливок, барахталась и сбила масло. Без науки и без такого «мозгового» центра, как Академгородок, России не выбраться из кризисов. В будущем нас могут ждать новые опасности, тупики, ловушки и «бомбы», порождаемые самим прогрессом. Застраховаться от риска невозможно: прогресс создает лекарства и болезни, яды и противоядия, работает на войну и против войны. И другого пути у людей нет: только вперед, только прогресс... А чтобы «бомбы» не взрывались, нашей стране и нашим ученым нужно постараться стать лидерами мирового прогресса. Только тогда мы сможем им управлять, выводить человечество к устойчивому развитию. Идея устойчивого развития, вдохновлявшая бывшего главу Сибирского отделения академика Коптюга, – это тоже наши «медные гвоздики», мечта, которая многим помогала и еще поможет пережить безвременье. А если Россия пойдет по линии наименьшего сопротивления и будет только продавать нефть и газ, то вся страна скоро превратится в сырьевой придаток Запада.

МЕШАЮТ ЛИ ПЯТНА СОЛНЦУ?



Ю.П. ВОРОНОВ,
кандидат экономических наук,
заместитель председателя Новосибирской
торгово-промышленной палаты

В 60-е годы новосибирский Академгородок был похож на большую коммунальную квартиру, где собрались люди примерно одного типа. Стремящиеся не к престижному потреблению и не к тому, чтобы «производить впечатление». Почти все были ориентированы на «заумные» идеи, которые в действительности очень облегчали повседневную жизнь. Ведь если человек размышляет о теореме Ферма, он не придает особого значения тому, что кто-то задел его неловкой шуткой.

Запомнилось, как я искал по всему Академгородку лекарство для новорожденного сына моего друга. Мальчик весил 650 граммов, врожденная желтуха из-за несовместимости родительских резус-факторов. Его жизнь мог спасти только гамма-глобулин. Я входил в любой дом Академгородка – хоть к профессору, хоть к

академику. И никто не возмутился, что беспокою среди ночи, все проявляли сочувствие и участие. Лекарство нашлось, ребенок выжил, сейчас это красивый парень ростом под два метра. Живое доказательство человечности тогдашнего Академгородка…

Меня уговорил ехать в Сибирь сокурсник. Сам он потом остался в Москве, а в новосибирский Академгородок вместе со мной «распределились» еще семь ребят из «Плехановки» (Московского института народного хозяйства имени Плеханова), среди них и нынешний директор Института экономики Валерий Владимирович Кулешов. И бывший директор – академик Аганбегян со своей командой тоже приехали из этого столичного вуза. Не знаю, как другие, а я до сих пор не пожалел, что попал в Академгородок.

Мне повезло на первого научного руководителя. Бенциан Борисович Розин приехал из Златоуста, где работал начальником экономической лаборатории на металлургическом заводе. Это сочетание производственного опыта с современными методами дало толчок дальнейшим интересам и трудам. Б.Б. Розин (Беня – между своими) относился к исследованиям со здоровой иронией. Когда приходила нужда срочно сдавать отчет, он говорил: «Числа возьми из этого ящика стола, а слова – из того». Впоследствии в Институт экономики стали приходить люди, относившиеся к науке со звериной серьезностью. И стало скучно.

Академгородок не был бы Академгородком и без диссидентов – людей, которых «зажимали» в прежней жизни. К примеру, физик Румер раньше «сидел» и, работая в научном институте, еще оставался в положении условно освобожденного. Школа математика Мальцева была вытеснена из Москвы в Иваново. И генетикам после войны с «лысенковцами» еще не позволяли работать в Москве и в Ленинграде. Флёр диссидентства чувствовался во всех институтах Академгородка. Здесь развивались научные направления, не признававшиеся в центре. Не обошлось и без «перехлестов». Скажем, в Институте автоматики и электрометрии на полную катушку изучали телепатию. Генетики мудрили над своими опытами. Впрыскивали мышьяк в каждый корень сахарной свеклы, подкладывали под корешки грелки... Или представьте себе такой эксперимент: беременную лису с утра до вечера хлещут по

морде. По мысли генетиков, при этом выделялись гормоны и воздействовали на плод. После должны рождаться легко приручаемые лисята. Лисята рождались действительно ручные, вот только мех жесткий, как у собак.

Некоторые «сумасшедшие» идеи оказывались очень продуктивными. Все эти удачи и неудачи были настоящей наукой, а она всегда немножко ненормальная. Расцвет междисциплинарных исследований, широта мысли и интересов... С тем же физиком Румером можно было целый день проговорить о философии. Многие всерьез интересовались культурой, искусством. Академгородок был главным стимулятором культурных начинаний, на которые косо смотрела власть. Тут постоянно проходили полудиссидентские фестивали, спектакли, выставки художников.

Но со временем интересы сузились, дух диссидентства выветрился. К власти в институтах пришли конформисты. И наука постепенно становилась такой, какую многие называют официальной, а философ Кун назвал нормальной. Эта нормальная наука с пренебрежением относится к всевозможным «перехлестам» вроде романтических исследований шаровой молнии. Зато вписана в социальные и хозяйственные структуры, подчиняется определенным правилам. Люди, занятые в этой науке, начали давить любую инициативу, любой намек на нестандартную мысль. В списке изобретателей, которых «задавил» Академгородок, – не меньше 12 имен.

Взять токаря Григория Степановича Федосеева. Его, рабочего человека, заслуженного изобретателя СССР, пригласил в Академгородок М.А. Лаврентьев. Не посчитал зазорным дать большой семье токаря коттедж, как академику. Федосеев творил чудеса на своем станке, на котором работал много лет, до самой пенсии. Лаврентьев видел и ценил его талант, а преемникам было на все это наплевать. Я года два переводил японские патенты для СКБ гидроимпульсной техники, бывал в Институте гидродинамики и стал свидетелем не очень приятной истории. Институт вел научную работу по сварке взрывом. Чтобы сваривать взрывом, нужно сделать взрывную камеру, а к камере еще ушки. Их можно «приварить» взрывом, но взрывной-то камеры еще нет! А токарь Федосеев приваривал ушки без камеры и без взрыва, на своем то-

карном станке. Я потом приходил к ученику Лаврентьева Дерибасу и пытался обратить его внимание на то, что сделал Федосеев: «Посмотрите, срез такой же, как при сварке взрывом» (я наглядел-ся на срезы, пока переводил патенты). Но научные сотрудники так и не стали «контактировать» с токарем, доказавшим, что и без взрыва можно сваривать не хуже. Ведь не исключено, что пришлось бы отменять все исследования по сварке взрывом, а у них запланировано научное направление, есть планы по кандидатским и докторским диссертациям...

Один из изобретателей Академгородка придумал единственный в своем роде способ получения кремниевой нити. В том институте, где он работал, программа на такие исследования была расписана лет на десять, а изобретатель сделал эту нить чуть ли не за день. Дома в тигле расплавил кремний, стрелял в кремниевую струю из «воздушки» – и пулька вытягивала нить. Осталось только доработать технологию, подобрать наиболее подходящие параметры... Любой институт за рубежом с радостью принял бы такого человека, выдавшего оригинальный результат. А здесь его выгнали с работы.

У научных институтов пропала заинтересованность в результате. Увлеклись процессом, пожинали лавры от процесса... В прошлом Академгородке тон задавали ученые, для которых не существовало авторитетов и которые не боялись рисковать. Первый директор ИЯФ Будкер был великим ученым и великим авантюристом. Он приехал в Новосибирск с безнадежной темой: считалось доказанным, что нельзя делать «встречные пучки». Он все же сумел кого-то убедить, взял деньги под это направление и открыл институт. Он рисковал головой! А последующие боялись рисковать. Они другие. Ведущую роль в Академгородке стали играть узкие специалисты, твердо знающие, что им нужно «сбацать» четыре статьи за год, одну монографию за два года и подготовить столько-то аспирантов. Они не могли выдать никаких новых идей, могли лишь паразитировать на изначальном идейном капитале Академгородка. Главная функция таких представителей «нормальной» науки – сдерживать, тормозить науку настоящую: «Этого нельзя, это запрещено, это не обсуждается»... Нельзя обсуждать

идеи, связанные с вечным двигателем и с торсионными полями (хотя академик Сахаров писал, что все это существует)... Последней ступенью на этой лестнице, ведущей вниз, стала, на мой взгляд, деятельность академика Круглякова. Вероятно, человек он хороший и стремления благие, но его борьба с лженаукой – это борьба с «завихрениями», «перехлестами» и с «сумасшедшими» идеями, без которых не живет настоящая наука.

Когда началось торможение прогресса в Академгородке? Я почувствовал «перемену климата» давно, в 70-е годы, когда Сибирскому отделению через ГПНТБ предоставили компьютерный канал для пользования Всемирной базой данных. Тогда еще не было Интернета, но уже действовала компьютерная система «Дельта» с доступом в университетские и библиотечные сети. Всему Сибирскому отделению давали 12 часов в неделю для работы с Всемирной базой данных. На протяжении полутора лет 10 часов из 12 использовал я один. Больше желающих не было. Меня это не радовало. Ведь это означало, что у научных сотрудников нет потребности читать, узнавать новую информацию. А тогда Академгородок еще казался воплощением новаторства и прогресса.

Постепенно и незаметно, шаг за шагом Академгородок отходил от первозданного настроя. Наука превращалась в машину, внутри которой нет смысла. В науку перешли отношения партаппарата, чиновничества: подсиживание, карьеризм, борьба за место у «кормушки»...

Я долго думал о том, почему все это произошло. Не было ли изначального дефекта в структуре Академгородка? Академгородок подобен кентавру, это нечто среднее между университетским и «закрытым» военным городком. Вот что неплохо в военных городках: туда в советские времена не совалось местное мелкое начальство. А высшему нужен был только результат, на все остальное смотрели сквозь пальцы. И Академгородок вначале, при Лаврентьеве, не зависел от воли местного начальства. В проекте Академгородка тоже закладывалась относительная обособленность. Например, предполагалось, что в сферу обслуживания пойдут вторые члены ученых семей. Кстати, так и формировался сервис в «закрытых» военных городках: там жены военных и ученых рабо-

тали в общепите и в торговле, потому что больше некому. Академгородок все же никто не «закрывал», и смешно надеяться, что жены академиков и профессоров встанут за прилавок. Об этом, кстати, говорила Жанна Архангельская, проводившая первое социологическое исследование Академгородка. Возможно, в библиотеке Института экономики сохранились ее книги и материалы. Почему-то руководителей Академгородка раздражало ее исследование; фактически из-за этого Архангельскую с мужем выжили из Академгородка. Видимо, задела больной нерв. А мне ее работа помогла кое-что понять.

Думаю, ошибочным было решение строить Академгородок в Новосибирске. Лучше бы в Томске, который давно стал культурным и научным центром Сибири. Наверняка, Егор Кузьмич Лигачев, работавший в Томске первым секретарем обкома партии, не позволил бы устраивать гонения на ученых из-за их интереса к «бардовской» песне. А Новосибирск, он же Ново-Николаевск, был незначительный городишко, провинциальный в худшем значении этого слова. Хотя сюда еще в советскую эпоху приехало отовсюду немало разных людей, здесь не создалось никакой общности, не появилось даже единой мафиозной идеологии, которая прогрессивнее всего, что здесь было и есть. Тут каждый что-то клюнет, хапнет – и убежит, спрячется в свой уголок.

Уровень партийной власти в Новосибирске был мелкотравчатый. Я убедился в этом во время работы в журнале «ЭКО», когда общался с функционерами разных регионов. Местные функционеры не имели дальних целей и патриотических сверхзадач. Весь смысл жизни у них сводился к тому, чтобы продвинуться на ступеньку по служебной лестнице. В то время, когда Лигачев боролся с всесоюзным пьянством, новосибирский «генсек» Фёдор Степанович Горячев, наверное, беспокоился о замене коровы, дающей молоко для его семьи. Из-за того, что Академгородок разместили в неподходящем месте, он начал загнивать, мелеть и размываться.

Разлагающим было и влияние сферы обслуживания. Вместо жен академиков и профессоров в общепит и в торговлю пришли люди из соседних деревень и городков – Ельцовки, Матвеевки, Бердска. Они «разбавили» Академгородок (20% населения – весо-

мая доля). Сын продавщицы заканчивал НГУ и оставался в Академгородке, становился ученым. Но по психологии, по менталитету он оставался сыном продавщицы, потому что не уехал из родительского дома. Мог ли спасти Академгородок «закрытый» режим, изоляция от разлагающей среды? Трудно сказать. Наверное, получился бы совсем другой научный центр, другое поселение. Так или иначе, главная беда в том, что влияние среды на Академгородок не принималось в расчет.

Экономическая наука всегда была слабее других наук, представленных в Академгородке, и не сделала ничего радикального. Разумеется, ни о какой рыночной экономике речь не шла. Все научные сотрудники, получившие образование в советских вузах, и помыслить не могли о буржуазном рынке. Когда я учился в вузе, запрещенной была даже наука о планировании. Существовала «генеральная линия партии», которую надо исполнять, и не требовалось никакой науки (ни рыночной, ни плановой). Весь наш курс учился по макету учебника «Планирование народного хозяйства». На чтение этого учебника (сделан на ротаторе в трех экземплярах) брали спецразрешение. Вот и представьте себе психологию человека, «выпавшего» из этой системы, из безвременья!

Однако и в советскую эпоху, во время директорства Аганбегяна, Институт экономики имел здравую, нетривиальную стартовую идею. Она заключалась вовсе не во внедрении математических методов в экономику, как утверждают некоторые. Матметоды – лишь вспомогательный инструмент, не более того. Аганбегян предлагал исследовать нерегламентированные ситуации выбора в регламентированном, централизованно управляемом народном хозяйстве. У человека оставались возможности для личного выбора, которые невозможно запретить и пресечь: можно было выбрать место жительства, работу, еще что-то. И в институте изучали текучесть кадров, миграцию населения, а также ситуации, связанные с выбором того или иного инвестиционного проекта, с территориальным размещением производства. Изучалась также структура принятия решений. Словом, мы в меру возможностей занимались тем, что сейчас называют субъектной экономикой, да еще и интенсивно использовали математические методы. Это был по-

своему романтический период; наш институт, как и все другие в Академгородке, тоже считался почти диссидентским. Он противопоставлял себя официальной бессубъектной экономике и считал, что формирует ядро будущей экономики. Но, разумеется, никто не подвергал сомнению «установку», что хозяйство страны должно быть плановым. Институт не был готов к непредсказуемому повороту событий, когда вдруг обрушились казавшиеся незыблемыми советские устои. Никто не изучал всерьез рыночные механизмы. Поэтому в пору перемен в институте произошла своего рода шоковая идейная заморозка, а затем – откат назад. Так институт очутился по другую сторону баррикад. Теперь только уехавшие из Академгородка Гранберг, Макаров и другие продолжают изучать субъектную экономику на нынешнем этапе, когда государство уже не играет значительной роли в хозяйственной деятельности и важно знать, кому что принадлежит и кто какие принимает решения. В основном в Москве ученые изучают бартер и так называемые модели взаимодействий, пытаются построить классификации хозяйствующих и управляющих субъектов. Словом, делают то, что сейчас нужно. А те, кто остался в Сибирском отделении, занялись уже не существующей бессубъектной экономикой, пытаются прогнозировать развитие отраслей и т.п. Но ведь судьба отрасли зависит от того, кто будет принимать решение. И можно ли определять ресурсы отрасли, складывая деньги братьев Черных с деньгами Березовского? Стоит ли в нынешних условиях вообще говорить о развитии единой алюминиевой и любой другой промышленности?

Особенно тяжелое впечатление производит все, что раньше называлось региональной экономикой. Она больше походит на экономическую географию. Люди успокоились на рассказах о том, что добывают и производят в Сибири. Даже в этих географических описаниях есть крупные информационные пробелы. Ни моделей, связывающих экономику и географию с производственными технологиями, ни прогнозов, ни тем более «вычисленных» новых результатов... Тут будто остановилось время.

Удивительно, что сам я в нынешнюю событийную пору еще не потерял энтузиазма и сил. Живу уже не в Академгородке, и моя теперешняя основная работа ближе к практике, к конкретному

производству и к предпринимательству. Ищу новые технологии и изобретения, помогаю знакомым изобретателям личными сбережениями (организовал для них «фонд Воронова»). Не потерял и интереса к науке. Заканчиваю работу над докторской диссертацией по ценообразованию, пишу книгу об иррациональном поведении в экономике. Преподаю в вузе и остаюсь (на полставки) ведущим научным сотрудником в Институте экономики. Недавно пришлось выступить на заседании ученого совета, и я сказал все, что думал: пора прекратить изучение той экономики, какой больше нет, и начинать прикладные исследования для конкретного адресата, которому можно что-то рекомендовать. Досадно все же видеть неадекватность института, где я работал много лет…

Между тем в мировой экономической науке прогресс идет полным ходом. Там научились извлекать пользу даже из математических моделей, которые долго оставались просто игрушкой для интеллектуалов. С помощью матмоделей изучают и оперативно прогнозируют структуру цен на рынке, темп инфляции, ведут конкурентную разведку. В экономической истории уточняют представления о прошлом после «прокрутки» огромного массива информации (вроде цен на ткани во Флоренции за 400 лет или сведений из приходских книг за всю историю Англии). Нечто подобное делали раньше и в новосибирском Академгородке. Вспоминается огромная работа историков по анализу материалов дореволюционной переписи в Сибири (тогда у наших ученых еще не было нормальных компьютеров, везде лежали горы перфокарт). А уж сейчас наши экономисты вместе с историками могли бы замахнуться и на более масштабные задачи. Ведь никто больше не ограничивает науку, можно пользоваться фантастическими возможностями Интернета. Обидно, что в такое время экономическая наука в Академгородке потеряла свои прогрессивные качества. Научные сотрудники работают по грантам. А что такое грант? Подачка, которая разлагает. Фактически грант стал для многих пособием по безработице.

Утрата внутренней силы и «замаха» на масштабные исследования, несомненно, связана и с недооценкой роли Академгородка в истории мировой науки. А эта роль велика, и мои критические

замечания нисколько ее не умаляют. Солнце светит и греет независимо от пятен на нем. Что бы ни случилось, у Академгородка уже не отнять его прекрасное прошлое, о нем еще долго будут рассуждать специалисты по истории науки. Общеизвестно, что Цукуба в Японии и университетские городки в США многое позаимствовали у нас. Ведь немало наших ученых переехало туда, и зарубежные ученые приезжали сюда. В американских городках, как и в нашем Академгородке есть клубные структуры, дома ученых. Но, видимо, там никогда не было нашей прежней раскованности и неформальности, благоприятной для «брожения» крупных идей. Не зря зарубежные ученые и сейчас с уважением говорят о новосибирском Академгородке. Обидно, что нынешняя академгородковская молодежь всего этого не ценит, почти не понимает. Однажды, выступая на семинаре в ВЦ, я упомянул, что идея языка LISP пошла в мировую науку, скорее всего, из новосибирского Академгородка (первая публикация его автора – программиста из США Маккарти появилась после того, как он больше года прожил в Академгородке). Надо было видеть насмешливые гримасы молодых сотрудников ВЦ: мол, знаем, знаем, Россия – родина слонов! Неужели вместо прежней уверенности в своих силах в Академгородке формируется «комплекс неполноценности»?

Иногда мне приходила в голову сумасшедшая мысль: может, косная среда, для которой Академгородок был чужеродным телом, в конце концов его напрочь сжевала? Но в последние месяцы показалось, что Академгородок оживает. В лабораториях, где работают «естественники» и «технократы», появились идеи, какие можно перевести в перспективные технологии. Появилась надежда, что с помощью изобретателей (в том числе и академгородковских) удастся стимулировать подъем в промышленности и в строительстве. Например, намечается переворот в строительстве, который, можно сказать, перебросит нас в новый каменный век. Множество металлических конструкций, металлической арматуры на стройках будет заменено базальтовыми нитями. Известно, что темпы строительства в нашей стране определялись мощностями станов, «катавших» металлическую арматуру, и тормозились из-за недостатка этой арматуры. За рубежом «камен-

ный век» в строительстве уже наступил. И в Сибири появились свои базальтовые технологии – томский, бийский, барнаульский варианты. Возможно, в их доработке примут участие и специалисты из Академгородка.

По-моему, в Академгородке уже немало людей, занимающихся не той наукой, какую планирует начальство, а той, какая самим исследователям представляется нужной и интересной. «Аппаратчики» Сибирского отделения делают вид, что управляют наукой. Но, видимо, наука выходит из-под контроля (и академического, и государственного). Как и положено настоящей науке. «Просыпающийся» Академгородок возвращается к своим истокам, мозги снова «раскованны».

Нужно, чтобы в любом институте Сибирского отделения стала возможна ситуация, случившаяся в одной американской фирме. Устроился туда парень без образования, ему позволили за мизерную плату мыть химическую посуду. А он выдал несколько разумных научных и технологических идей. Его ввели в ученый коллектив, а потом президент фирмы отдал ему ключи от своего кабинета со словами: если ты сядешь на мое место, наша фирма будет зарабатывать в десять раз больше.

Пока в Академгородке подобное невозможно. Над ним еще висит, на него давит средневековая структура Академии наук. Я убежден, что Академию наук как госучреждение нужно ликвидировать. Пусть установится что-то вроде элитного ученого клуба, подобного академиям в США и в других странах Запада: там академики сами платят членские взносы, а не получают подачки от государства.

Науку лучше отдать в руки частников. Продать институты тем, кто хочет и может их содержать. «Частник» должен понимать: если толковый человек станет в его институте главным и будет получать зарплату в десятки раз больше остальных, то затраты на институт окупятся и вложенный капитал умножится. Но ни одному директору института не следует занимать свою должность дольше пяти лет. И никаких доплат за ученые степени и звания!

Наука не должна подчиняться государству, но государству не возбраняется вкладывать деньги в науку. И государство, и страна

от этого выиграют. Нынешнюю систему распределения госбюджетных денег, грантов и прочих подачек нужно отменить. По-моему, наиболее подходящая форма государственного финансирования – кредиты. И пусть бы в отношениях между учеными и государством действовала идеология, напоминающая ту, что в мусульманских поселениях. Приходит мулла к богатым соплеменникам и говорит: приехал из чужой страны хороший мусульманин, но он разорен. Дайте ему миллион долларов, он вернет. Человеку дают деньги, он «раскручивает» дело и возвращает долг. Не вернуть нельзя – руку отрубят. Я не призываю раздавать миллионы долларов обнищавшим институтам и отрубать руки задолжавшим директорам. Я за некий аванс доверия. Наверное, следует учредить фонды для финансирования науки. Пусть государство «вбрасывает» в фонд деньги (для устойчивого развития науки нужно не меньше 5% от расходной части госбюджета). И не требует отчета, на что они пошли. Вот тогда наука развернется во всю мощь и без административного принуждения, по собственному хотению поможет обществу решать его актуальные и вечные проблемы.

МЫСЛИМ ОРИГИНАЛЬНО, НО НЕ НАХОДИМ «ОБЩИЙ ЯЗЫК» С ПРОИЗВОДСТВЕННИКАМИ

С.В. АЛЕКСЕЕНКО,
член-корреспондент РАН,
директор Института теплофизики СО РАН

Я приехал сюда из Алтайского края, из Славгорода, сразу после школы. Мечты и цели, как у всех в юности, были с размахом: либо ядерная физика, либо астрофизика. Астрофизического факультета в НГУ не было, только в Свердловске, в Уральском госуниверситете. Но бабушка уговорила меня поступать в НГУ, где приемные экзамены раньше. Я поступил сразу, сдав экзамены на «пятерки». Своей золотой школьной медалью никого не удивил: в НГУ почти все абитуриенты – либо медалисты, либо победители олимпиад.

Первое, что меня тут поразило, – большая концентрация ученых. Казалось, на каждом шагу можно встретить академика. И преподавали в НГУ известные ученые. Например, лекции по механике сплошных сред читал академик Ромуальд Сагдеев. Вообще-то многие крупные ученые – плохие преподаватели. Они не умеют «преподносить» знания всем студентам, потому что ориентируются, в основном, на самых сильных. Но зато их рассуждения всегда интересны, они приводили примеры из собственной научной практики. И учили оригинально мыслить. Это главное достоинство НГУ и Академгородка – только здесь могли вырасти оригинально мыслящие ученые, способные создать нечто необыкновенное.

Не понимаю тех, кто говорит, будто Академгородок себя изжил, «загнивает». Конечно, появилось множество проблем, связанных с трудоустройством молодежи, с развитием материально-технической базы и со строительством жилья. Но признаков «загнивания» я не вижу. И выглядит Академгородок хоть небогато, но благопристойно, если сравнить с другими российскими научными центрами. Отношения людей остались хорошими. В научных коллективах – демократичная атмосфера, сохранился дух вольности. Можно спокойно обсуждать любую тему; в дискуссиях рождаются интересные идеи. А что еще нужно для науки, для творчества? И «замкнутым» Академгородок не назовешь – здесь живет под сотню тысяч человек, почти город.

Что правда, то правда: Академгородок – немножко не от мира сего. Самое подходящее место для ученых... Когда творишь истинную науку, от всех мирских дел отрываешься. Некоторые ученые в то время, когда пишут статью, ничего не читают и ни с кем не разговаривают, чтобы их не сбили с мысли. Уходят в затворничество. Не зря говорят: наука делается в тиши кабинетов. Полное погружение... Почти как болезнь. Когда приближаешься к значительному результату, и пот прошибает, и руки трясутся... Творчество – работа тяжелая, но для многих здесь она стала смыслом жизни.

На мой взгляд, Академгородок еще не использовал весь свой потенциал. Ведь создавали его для того, чтобы развивать разные научные направления во взаимодействии, с исследованиями на стыке наук. Это трудно делать, когда институты расположены да-

леко друг от друга, в разных городах. А в Академгородке с его полутора десятками институтов разного профиля междисциплинарные исследования как бы напрашиваются. И в этом смысле наш Академгородок уникален; не зря с него «брали пример» при проектировании научных центров в других странах – в Японии и США. Подобная концентрация сил и средств себя оправдывает. Правда, многие наши институты еще слабо взаимодействуют (поэтому иногда «дублируются» разработки). Поздновато, после многолетних рассуждений о пользе научной интеграции, приступили к интеграционным проектам. Но в них уже участвуют разные институты, в том числе из «соседних» академий – медицинских и сельскохозяйственных наук.

После обвала, случившегося в 90-е годы, понятно, что бывшее щедрое государственное финансирование науки никогда не возвратится. Государство долго еще будет финансировать науку «по минимуму». Нужно разработать другую стратегию науки, учесть мировые тенденции. Во всех странах наука стала ориентироваться больше на прикладные разработки, на создание новых продуктов и технологий. Средства на это берут не только у государства, но и от различных фирм, организаций, фондов. И ученым наших академических институтов понадобится тяжелая психологическая перестройка: от затворнической «чистой» науки перейти к обслуживанию потребностей общества. Следует сделать упор на инновационную деятельность, на развитие наукоемких технологий, которые позволят выпускать конкурентоспособную (как на мировом, так и на внутреннем рынке) промышленную продукцию. Без этого немыслим рост отечественной экономики, а значит, и рост благосостояния общества, и развитие науки. Ведь только в благополучное время снова появится спрос на науку; только богатое государство способно поддерживать фундаментальные исследования. А сейчас, на переходном этапе развития страны, ученым нужно зарабатывать на внедрении научных результатов в практику. Но вот каким образом – пока не очень ясно.

Как пригодился бы нам всем «пояс внедрения», который хотел создать когда-то Лаврентьев! Нужно бы установить нормальные связи с производственниками, а они даже языка ученых не

понимают. Малые предприятия, каких развелось огромное количество вокруг НИИ, пока отсасывают больше средств, чем приносят пользы. Наибольшие доходы НИИ получают от контрактов с зарубежными фирмами. Без таких контрактов ученым не обойтись, но это не выход для научного сообщества в целом. Поиск наиболее перспективных вариантов – одна из главных забот руководителей научных учреждений.

Думаю, не следует рубить сплеча и резко перестраивать, сокращать научные штаты. Шансы на выживание есть и у маленьких, и у больших институтов. Нужно больше заботиться о подпитке науки молодежью, укрепить связи институтов Сибирского отделения с НГУ (к примеру, мы впервые открыли в университете научную лабораторию от Института теплофизики для младшекурсников).

В любом случае наука не погибнет. Она лишь «заземлится», в ней будут преобладать не глобальные проекты, а конкретные практические разработки. После, когда общество станет богаче, начнется новый подъем, возрождение фундаментальной науки. И возрождение Академгородка.

КОГДА НЕТ СТЕНЫ МЕЖДУ НАУКОЙ И ЖИЗНЬЮ...

В.И. ГЕРЧИКОВ,
доктор социологических наук, профессор
(Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН)

Сибиряком и социологом я стал, можно сказать, вопреки элементарной житейской логике. Я вырос в Москве, там же закончил технический вуз. И, конечно, мог остаться в столице, найти место в НИИ или на заводе. Но я решил, что начинать жизнь лучше не в Москве. И сорок лет назад приехал в Новосибирск, начал работать рядовым конструктором на «Сиблитмаше». Через год был уже конструктором первой категории, толковым специалистом, способным принимать самостоятельные решения.

А через семь лет мне стало неинтересно на заводе. Я решил получить второе высшее образование – на вечернем факультете прикладной математики НГУ. И вслед за приятелем ушел с завода в Институт экономики, в отдел социальных проблем. Я был одер-

жим верой в математическое мышление и считал, что с ним в науке можно свернуть горы. Мне казалось, что в социологии не хватает людей, умеющих точно мыслить. Почти одновременно со мной и с таким же настроем в социологию пришли еще несколько человек, и все они прижились в науке.

Мне кажется, новосибирский Академгородок – одно из лучших мест на земле для занятий наукой. Почти деревня в лесу, где собралось множество разнообразных специалистов мирового класса. Тут и близость к природе, и близость к крупному промышленному центру, и близость к университету. Возможность общения со студентами, постоянная связь с производственниками – от них мы получали заказы, вместе с ними проверяли научные идеи... Во всех институтах работало много молодых людей, приехавших сюда с желанием начать «с нуля» новое дело. Только здесь начинающие ученые могли быстро, в течение года опубликовать «горячую» статью, принять участие в конференции всесоюзного и даже международного масштаба. Наш молодой отдел участвовал в дискуссиях на конференциях на правах научной школы.

Я на всю жизнь остался человеком с инженерным мышлением. Всегда стремился не столько больше узнать, сколько больше сделать. Стремился узнавать прежде всего то, что помогает делу. И поэтому мне близки принципы школы Щедровицкого, о которых я узнал от своего руководителя – заведующего сектором Михаила Александровича Розова. Он был ближайшим сподвижником Щедровицкого, крупнейшего философа, создавшего свою концепцию познания и назвавшего ее теоретико-деятельностным подходом. Ее фундамент – формальная логика плюс активная, деятельностная позиция. До Академгородка доходили машинописные копии материалов семинара Щедровицкого, действовавшего около полутора десятка лет в Москве.

В Академгородке я прочитал и много других легальных и полулегальных трудов, значительно расширивших мой кругозор. Здесь я получил представление о дисциплине научного мышления, о добросовестных исследованиях и обоснованных выводах. Все это помогло мне, когда я на одиннадцать лет ушел из научного института в заводскую социологическую службу.

На Пермском телефонном заводе я занимался тем, что условно называлось социальным планированием. Однако план надо не только разработать, но и реализовать. Возникали десятки, сотни конкретных «текущих» задач. В таком-то цехе стали плохо работать. Разберись, почему, и предложи, что делать. Из другого цеха побежали люди... Буза в общежитии... Тоже разберись и предложи.

Промышленность средств связи была довольно-таки «продвинутая», и директор Пермского телефонного завода Иван Фёдорович Титаренко считал, что все в производстве надо делать фундаментально и смотреть вперед. В таких благоприятных условиях заводская социологическая служба стала ведущей в отрасли и одной из лучших в стране. Она до сих пор известна. А сколько у нас выросло специалистов, какие разные подходы, философии, методики...

Тогда было осознано: социология, которую делали в НИИ и на заводах, – это две разные науки. Фактически мы создали новую науку – прикладную промышленную социологию (потом я защитил по этой теме докторскую диссертацию). Регулярно, по 4-5 раз в год мы встречались с социологами других предприятий. Я стал не только «главным социологом» отрасли, но и приобрел всесоюзное имя, был кем-то вроде неформального лидера заводских социологов страны. Так что вынужденная «командировка на производство» оказалась очень плодотворной. А ведь я уехал на Пермский телефонный завод лишь из-за бытовых трудностей, потому что не мог получить в Академгородке квартиру...

Вернувшись в Академгородок, я окунулся, если можно так выразиться, в привычно враждебную среду. Стало еще яснее, что я из другого племени, «законченный» прикладник. Поэтому мне все время приходилось проходить тесты на «фундированность», на научность. А я привносил практическую нотку, которая в отделе социальных проблем воспринималась все же лучше, чем в каком-либо другом научном коллективе.

Пожалуй, наш отдел был близок к практике, к конкретной экономике, как никакой другой. Мы регулярно проводили полевые исследования, какими занимались не больше пяти-шести научных

коллективов в стране. Одни сотрудники отдела отправлялись в экспедиции по селам, другие проводили исследования на промышленных предприятиях Новосибирской области. С заводов и из сел к нам постоянно поступала свежая информация или, как говорят ученые, эмпирический материал. Для меня это интереснее методологических изысков и теоретических построений «чистой» науки.

После возвращения из Перми я включился в работу сектора, занимавшегося проблемами промышленных предприятий. Формально сектор изучал «текучесть кадров», а на самом деле – городские проблемы: от детсадовских и молодежного досуга до планов социального развития городов. Каждые пять лет сектор проводил крупное исследование. А ведь большинство работающих где-либо людей делают лишь один крупный проект и потом гордятся им как главным делом своей жизни. В книге «Движение кадров в крупном городе за 20 лет», выпущенной нашим сектором, приведены материалы четырех полевых исследований с выборкой по 32 предприятиям!

Держать руки на пульсе жизни помогал и спецфак Института экономики. Два раза в год на три месяца приезжали сюда главные инженеры предприятий и начальники плановых управлений, заведующие экономическими кафедрами вузов Сибири. С 1982-го по 1990 год через спецфак прошло 800 человек. Ученые рассказывали спецфаковцам о новых веяниях в науке, спецфаковцы ученым – о парадоксах практики.

Я как представитель прикладной социологии никогда не испытывал особого идеологического давления. От нас требовали результатов, дающих экономические эффекты. И все же я вместе со многими социологами воспринял перестройку как манну небесную. Горизонты жизни как бы раздвинулись. Кроме всего прочего, больше возможностей для поездок за рубеж, для чтения переводной литературы... Много новых надежд. Перестроечная эйфория кончилась на пороге 90-х годов, когда рухнула промышленность.

А теперь говорят: в советское время в нашей стране не существовало настоящей экономики и полноценной науки. Согласиться с этим – значит признать, что и жизнь наша не настоящая. На мой

взгляд, все в Советском Союзе было адекватно: и идеология, и экономика, и система управления. Страна была управляемой: «наверху» принимались решения, и действовал колоссальный механизм «додавливания» решений до любых уровней. В этой стране и в большинстве стран «соцлагеря» нужны, оправданны были марксистские, идеологизированные концепции, не допускавшие множества самостоятельно действующих субъектов и неопределенности устройства общества. Постмодернистские и другие концепции, предусматривающие свободу личности и полисубъектность, – не для вчерашней и не для сегодняшней России; надеюсь, пригодятся для будущей. Ведь у нас пока не какая-нибудь Англия, где полицейские, кажется, нужны только для того, чтобы стоять на углу в красивой форме. Постмодернизм с полной свободой личности хорош в такой стране, где люди впитали с молоком матери абсолютную зависимость от общества и взаимосвязь с другими людьми; они без принуждения соблюдают законы, не обманывают и не халтурят. Их не надо «стимулировать»; ими не надо на каждом шагу управлять. А в России, на мой взгляд, и теперь нужны управленческие концепции, предусматривающие неравное положение управляющих и управляемых. Неудивительно, что многие прошлые концепции, системы, идеи «работают» и сейчас. Разумеется, они нуждаются в корректировке: ведь количество самостоятельно действующих субъектов все-таки увеличилось и свобода некоторых людей реальна. Чтобы все это учесть и отрегулировать «по уму», нужна наука.

Поездки за рубеж убедили меня, что российская социология – мирового класса. Хотя у нее есть свои особенности. К примеру, на Западе не было прикладной экономической социологии, потому что там она не нужна, как не нужны и идеологизированные управленческие концепции. Там социологией называют комплекс социальных наук – политологию, экономику, психологию, собственно социологию и другие. А наша социология долго воевала за право называться социологией, «разводилась» с экономикой и с научным коммунизмом. При этом она как бы поневоле «сузилась». Но фактически социологи вынуждены много заимствовать и от экономики, и от философии, и от психологии. У прикладной социологии

был иммунитет от догматизма. Мы произносили обязательные слова о «двух классах и одной прослойке» советского общества, а на самом деле изучали его реальную структуру, состоявшую из сотен слоев и групп.

Я считаю несправедливыми упреки и обвинения, которые бросает нынешняя пресса ведущим экономистам и социологам. Нелепо обвинять академика Заславскую в уничтожении неперспективных деревень. Она не имела никакого отношения к принятию таких решений. В нашем отделе, которым много лет руководила Заславская, не проводились разработки по этому поводу и не обсуждалась всерьез эта идея. Она могла лишь упоминаться наряду с другими вариантами развития села в каком-нибудь докладе. Так же «раздута» и вина академика Аганбегяна. Кроме всего прочего его обвиняют в причастности к строительству БАМа. Но я не считаю строительство БАМа ошибкой. Уверен: БАМ еще пригодится России.

Сибирская школа прикладной экономической социологии выжила, несмотря на развал и хаос в экономике, несмотря на безденежье. Наш отдел заметно сократился, но, похоже, это единственный уцелевший научный социологический коллектив в стране. У нас семь докторов наук. И это самый молодежный отдел в Институте экономики, хотя приходят к нам теперь не лучшие выпускники НГУ, а, в основном, жены более или менее прилично зарабатывающих людей. Заказов на исследования стало меньше, и главные заказчики теперь – не крупные госпредприятия, а частные фирмы среднего размера. Там не занимаются социальным планированием, зато изучают маркетинг и рыночную конъюнктуру. А вот задачи управления персоналом, по сути, прежние; изменились лишь тактические подходы.

Зарабатывая на консультировании и исследованиях по заказам частных фирм, мы продолжаем полевые исследования. По-прежнему отправляем экспедиции в села Новосибирской области (в этих экспедициях работают и студенты НГУ). Отдел активно участвует в международных конференциях. Контактов с зарубежной наукой у нас сейчас даже больше, чем встреч с российскими социологами.

Честно признаться, мне не очень интересно жить в нынешнем экономизировавшемся обществе. Зарабатывал я и в 80-е годы неплохо – до 500 рублей, но это для меня никогда не было главным. Во мне до сих пор жива «романтика интересного практического дела». Я участник освоения целины в Казахстане. Много отпусков провел в экспедициях по изучению Тунгусского метеорита. Ходил в горы, ездил на велосипеде по горно-пешеходным маршрутам Алтая, стал кандидатом в мастера спорта по туризму. В том прошлом, которое изображают теперь только в черном цвете, я был счастлив. Наверное, мне везло на людей: коллег, друзей, руководителей. Видимо, потому и не пришлось всерьез сталкиваться с антисемитизмом. Нигде не чувствовал страданий и ущемлений из-за того, что я еврей. И на заводах, и в научном институте я ощущал, что занимаюсь нужным делом. Мне никогда не приходилось унижаться, выклянчивая деньги на исследования. Может, потому, что мои руководители масштабно мыслили, имели интересные собственные идеи и были открыты для восприятия новшеств.

Но я не отношусь трагически к случившимся переменам. Социолог должен уметь жить в меняющемся мире и помогать другим адаптироваться к переменам. Думаю, выживет и Академгородок, и вся российская наука (хотя, вероятно, штаты институтов значительно сократятся). У меня нет сомнений и в том, что найдет силы для развития и будет востребована социология.

УЧЕНЫМ ПОРА ПРИНЯТЬ ПРАВИЛА РЫНКА

И.В.СИМОНОВ,
предприниматель,
директор фирмы «Юнисофт Плюс»

Я родился и рос вместе с Академгородком. Мама строила Академгородок, до ухода на пенсию работала в «Сибакадемстрое». Отец – ученый, до сих пор работает в Институте гидродинамики. Я, как и отец, учился в НГУ. Но в «чистую» науку меня не тянуло. Сразу же после вуза занялся промышленным программированием на ЭВМ (сперва в строительных организациях, потом – в НИИ систем). Тут требуется немедленная практическая отдача, программы должны «работать», приносить пользу. Мне повезло на учителя. Все, кто учился у завлаба Владимира Ивановича Несина, стали не только классными программистами, но и толковыми организаторами. Я и еще несколько ребят, работавших

в несинской лаборатории автоматизированных систем управления, сдружились и много лет держимся вместе.

Когда грянула перестройка и труд программистов оказался невостребованным, для нас наступили тяжелые времена. Сперва выживали за счет небольшого запаса денег. У нас остался только один серьезный заказчик – фабрика первичной обработки шерсти, которая всегда, при любых государственных кризисах была богатой. Мы сделали для нее большую систему, успешно работающую до сих пор. Приходилось нам и дружненько наниматься на разгрузку вагонов, чтобы прокормить семьи. Но мы не собирались радикально менять профессию, не хотели заниматься тем, что тогда называлось бизнесом, – покупкой и продажей ширпотреба. Мы знали, что за рубежом – пик компьютеризации, информационные технологии бурно развиваются. Надеялись, что и в России, в Академгородке наш труд снова станет востребованным. А пока отечественный рынок не готов принять наши знания и умения, хотели «выйти» на зарубежных заказчиков. Ведь сам по себе бизнес, связанный с программными разработками, – международный. Потребности при работе с информационными системами во всем мире примерно одинаковы. Но зарубежные фирмы не понимали, что происходит в нашей стране, и боялись рисковать...

В 1993 году академик Накоряков пригласил нас участвовать в контракте между Институтом теплофизики и американской компанией «Эйр продактс». Он искал квалифицированную команду, способную выполнить заказ по программному обеспечению. Большинство коллективов, занимавшихся программированием, уже развалились, а наша группа держалась из последних сил... Первый проект для «Эйр продактс» напоминал царский приказ из сказки: сделайте нам то, не знаем что. Даже фирма-заказчик не знала точно, что ей надо. Все сводилось к тому, что есть какие-то физические и математические модели и другие серьезные разработки, представленные в виде наборов уравнений, умозаключений и документов. Они не совсем понятны рядовым сотрудникам компании, а им нужно работать с этим научным багажом, чтобы совершенствовать технологии. Наша задача – с помощью компьютерного программирования перевести фундаментальные идеи в

прикладные, сделать их доступными для инженеров и конструкторов. Первый такой проект был связан с разделительной колонкой. Когда нас пригласили в нем участвовать, до завершения работ по условиям контракта оставалось около месяца. Мы не выходили из Института теплофизики, здесь спали и ели. Работали по 20 часов в сутки. И за месяц написали программу, подготовили в компьютере графический инструмент, позволяющий легко вводить набор характерных параметров технологического процесса и прогнозировать результаты. Приехавший представитель «Эйр продактс» сказал: «Да, вот действительно то, что нам нужно».

У нас, наконец, появились деньги – хоть и небольшие, но по тем временам, после длительного безденежья они казались огромными. Мы до сих пор сотрудничаем с Институтом теплофизики и с «Эйр продактс», продолжаем готовить простые инструменты для работы со сложными физическими и математическими моделями.

Как говорится, мы попали вовремя в нужное место. Все сдвинулось с «мертвой точки»: появились новые контакты и новые партнеры... Наша группа ободрилась и «самоорганизовалась» в фирму.

Потребности в программном обеспечении росли вместе с расширением международных контактов и контрактов во многих институтах Академгородка. Превращение нашего бизнеса в международный ускорилось при подключении Академгородка к Интернету. Многие американские и европейские компании ощутили недостаток ресурсов и обратили внимание на Россию и на Новосибирск. И на российском рынке появились серьезные заказчики, желающие привести свою информационную инфраструктуру в соответствие с современными требованиями, хотя это дорого стоит (уровень цен в международном бизнесе «задают» богатые страны).

В Академгородке одна за другой стали создаваться компании по разработке программ. Сейчас их здесь около 25. Большинство – среднего размера, как наша «Юнисофт Плюс» с 25 сотрудниками. Есть и покрупнее, где работают до 300 человек.

На вторую половину 90-х годов пришелся всплеск популярности профессии программиста. В этот бизнес «мигрировали» науч-

ные сотрудники и выпускники НГУ – математики, физики, биологи, экономисты.

Возможно, наш бизнес – самый правильный, самый здоровый из всех ныне существующих в России. В наших фирмах понимают, как дорого стоит репутация и как легко ее потерять: достаточно одного неудачного проекта, одного скандального инцидента... У меня ни разу не было повода сказать о каком-либо партнере: больше я этому человеку не верю и не хочу с ним работать. Наши фирмы не мешают друг другу, не перехватывают «чужие» заказы. В этом нет нужды, заказов – больше чем достаточно.

Конкуренции в полном смысле слова у наших фирм нет. Наши интересы сталкиваются лишь на рынке рабочей силы. Квалифицированных программистов все еще не хватает, и они переходят из компании в компанию, создают новые отделения и филиалы. Но никаких патологических конфликтов при этом не возникает. Постепенно на рынке рабочей силы установится равновесие, сформируется правильный подход к подбору и обучению специалистов.

Может, наш бизнес формировался нормально потому, что условия были продиктованы заказчиками – западными фирмами, имеющими большой опыт в построении рыночных отношений. Мы постарались подстроиться под их довольно жесткие условия, позаимствовали из зарубежного бизнеса лучшее. Пока нам удается и шагать в ногу с быстро развивающимися информационными технологиями: коллективы «на ходу» занимаются самообразованием. Такой непростой бизнес очень подходит тем, кто вырос в интеллектуальной, интеллигентной среде Академгородка.

Сейчас в Академгородке пытаются организовать Сибирский центр информационных технологий. Предполагается, что фирмы, занимающиеся разработкой программ в Академгородке, добровольно объединят свои ресурсы, чтобы эффективнее их использовать. Фирмы при этом не лишатся самостоятельности и могут продолжать работу, используя свои связи и каналы. Но через центр будет выгоднее, легче получать заказы; каждой маленькой фирме в отдельности не понадобится самой решать кучу проблем – юридических, связанных с рекламой и с маркетингом и т.д. Подобный

опыт уже есть – в Петербурге создан консорциум, объединивший 12 крупнейших компаний по производству программного обеспечения. Работая в рамках такого центра и получая от него все необходимое для успешного бизнеса, мы будем конкурировать в нормальном смысле этого слова. У нас появится единая политика, не сводящаяся лишь к зарабатыванию денег. Мы постараемся повысить уровень своего бизнеса – не только продавать услуги по разработке программ, а и создавать собственные технологии, собственные программные продукты для мирового рынка. Думаю, услугами центра воспользуются и научные институты; появятся совместные программы не только с физиками, но и с геологами, с биологами. С нашей помощью перспективные научные разработки быстрее выйдут на рынок и дойдут до потребителя. Если все получится, как задумано, новый центр информационных технологий поможет Академгородку обрести «второе дыхание».

Благодаря нашему бизнесу уже значительно уменьшился отток кадров за рубеж. Много молодых, энергичных ребят осело в наших компаниях; они не собираются покидать страну. А кто, если не молодежь, спасет Россию от демографической катастрофы? У наших программистов хорошая зарплата, они и сейчас могут обеспечить своим семьям сносные условия жизни, купят автомобили и квартиры.

Многие наши молодые специалисты, пока не имеющие жилья, хотят поселиться в Академгородке. И я не понимаю тех, кто протестует против новостроек. По-моему, разрастание Академгородка не остановить, и он может превратиться в город. Нужно только привести в порядок инфраструктуру, дороги и не губить лесную зону. Я – за цивилизованную застройку, против таких крайностей, как дома-небоскребы или коттеджи среди леса. Лучше строить малоэтажки, с ними уютнее.

Академгородок вырастил поколение людей, способных работать не только в науке, но и в отраслях с высокими технологиями, в интеллектуальном бизнесе. У него есть шансы остаться крупнейшим научно-техническим центром. Только не нужно пускать все на самотек. Пора разработать стратегическую программу для сохранения интеллектуального потенциала Академгородка. В ин-

ститутах необходимо четко сформулировать цели и организовать работу так, чтобы решать научные задачи быстро, а не за десятилетие, когда они потеряют актуальность. То есть в научной работе стоит учитывать жесткие правила бизнеса и рынка. Разумеется, нельзя не поддерживать и фундаментальные исследования, определяющие направление научно-технического прогресса на много лет вперед.

Я оптимист по натуре и верю, что в жизни больше хорошего, чем плохого, и что добро всегда победит в борьбе со злом. Верю, что ученые помогут стране выйти из кризиса, не позволят политикам и олигархам использовать научные разработки во вред человечеству. Так будет восстановлено всеобщее уважение к науке.

КАКОЙ КЛАСС ДОРОЖЕ – МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ИЛИ «ПЛАТНЫЙ»?

Н.Ф. КАРПУНИН,
заслуженный учитель РСФСР

Никогда не стал бы я учителем, если бы не война. Закончил авиационный техникум, но поработать по специальности не пришлось. Забрали на фронт, там я был тяжело ранен, фактически лишился руки и ноги. Об авиации нечего было и думать. После войны я закончил заочно сначала учительский, потом педагогический институт в Новосибирске. Несколько лет учительствовал в сельской школе, в Ояше, а в 1961 году знакомые помогли нам с женой устроиться в новосибирском Академгородке. Здесь я почти сорок лет, до 2000 года преподавал математику, а жена учила младшие классы.

Сначала попали в 125-ю школу. В 1962 году там появились первые математические классы, организованные по инициативе директора школы. Мы подготовили три выпуска. А в 1965 году где-то «наверху» (наверное, в президиуме СО АН) решили: негоже математическим классам находиться в окраинной 125-й школе, нужно перевести их в центр Академгородка, в Верхнюю зону. И с 1967 года я работал в 130-й школе. Программы и методики для математического класса пришлось разрабатывать самому, не дожидаясь, пока что-то придумают в Москве. Нигде я не публиковал свои разработки, все – только для моего личного пользования.

Из-за математических классов и основательного преподавания английского языка в 130-ю школу старались пристраивать своих детей (или внуков) академики и члены-корреспонденты. Таких учеников набиралось до трети, остальные – дети рабочих, инженеров и других рядовых жителей микрорайона. Для меня все были равны; и не припомню, чтобы кто-нибудь из академиков требовал особого отношения к своим детям. Зато иногда высказывали претензии молодые родители, которые еще и кандидатами наук стать не успели: мол, учителя занижают оценки их детям и завышают детям академиков. Я всегда отвечал, что оцениваю познания учеников, а не положение их родителей.

Учителя буквально нянчились с учениками: сперва – уроки, потом – дополнительные занятия и кружки, за которые нам никто ничего не доплачивал. Все эти сверхурочные занятия вменялись нам в обязанность. Уходили в школу рано утром, возвращались домой в девять часов вечера. Тяжело было, уставали, но не ныли. Еще и вели большую методическую работу. На августовском совещании специально выделяли секцию математики. Секция работала два дня: обсуждали задачи, требования к ученикам.

Почти все выпускники 130-й школы поступали в институты и университеты. Сейчас большинство старается устроиться в местные вузы, а раньше отправлялись в разные города, по всему Союзу, учились в Тбилиси, Таллинне, Риге, Ленинграде, Иркутске, Владивостоке... В Москве создали даже землячество выпускников 130-й школы. Куда ни поедешь, везде встретишь своих. А потом многие наши выпускники разъехались по всему свету – в США, во

Францию, в Германию, в Австралию. За рубежом работают доктора наук, которые были моими учениками. Может, этим надо гордиться, но мне горько и обидно. Жаль, что уходят из нашей страны «мозги» за бесценок.

Советское образование было замечательное. Может, даже лучшее в мире. Не зря после запуска первого искусственного спутника в нашу страну зачастили делегации из США, Англии, Франции, Германии и других стран, называемых развитыми. Интересовались тем, как у нас поставлено образование. И в нашу школу приезжали по три-четыре делегации за зиму. Группы англичан, французов сидели на моих уроках. Потом спрашивали, какое у меня звание, не профессор ли. Удивлялись, когда узнавали, что я простой учитель. По их словам, на Западе профессор колледжа пользуется такими же правами, что и профессор университета. А один экскурсант сказал: если бы он преподавал студентам своего колледжа такие сложности, какие я преподаю на уроках в школе, то его бы выгнали с работы. Удивлялся, что мои ученики не только не возмущаются, но даже охотно, заинтересованно включаются в дискуссии на предложенную мной тему. На его взгляд, в наших школах давали детям много лишних знаний. А по-моему, лишних знаний не бывает, и широкий кругозор еще никому не повредил.

Мы с женой побывали в Доме ученых на выставке, дающей представление об американском образовании. Дети из США приезжали в нашу школу, и ученики наших математических классов ездили в Америку, побывали там на уроках. Увидели: до того, что изучали в наших школьных математических классах, за границей доходили только на втором курсе университета. Школьные учебники из США, Германии и других западных стран казались нам примитивными. Некоторые повзрослевшие мои ученики при встречах рассказывали, что их дети уехали в Германию, внуки учатся там в седьмом классе, а преподают им то, что тут «проходили» в четвертом или пятом. «Смогут ли они здесь учиться, если вернутся?» Я советовал отослать детям наши учебники, пусть позанимаются вместе с родителями.

Меня возмущает та реформа образования, которую собираются провести в нашей стране. Смотрел я новые учебники, написанные за деньги Сороса. С задачками, предложенными для старшеклассников, справлялись наши пятиклассники. И учителя истории не знают, что говорить детям: по теперешним учебникам выходит, будто все наше прошлое было ошибкой. Такая реформа способна окончательно развалить школу. Уже и без того много разрушено. Когда мы приехали в Академгородок, в школе работало много молодых учителей, а сейчас 70% состава – пенсионеры. Выпускники педагогических вузов устраиваются в торговлю, работают даже уборщицами, потому что тем больше платят. Недавно из 130-й школы ушли два молодых талантливых математика. Такие могли бы горы свернуть, а они отработали в школе только два года. Невозможно прокормить семью на учительскую зарплату. Создается впечатление, что настоящих учителей выживают из школы.

По-моему, не принесет школе пользы и увлечение компьютерами, преподавание информатики. Лучше оставить это для вузов. А если детей слишком рано приобщать к компьютерам, то они позабудут и таблицу умножения.

Помню, в 70-е годы вошли в моду маленькие ручные калькуляторы. Прихожу на урок к восьмиклассникам – и не пойму, в чем дело, что за писк в классе. Оказывается, дети «давят» на калькуляторы, делят и умножают. Я велел не носить их больше на урок математики. «Есть таблица умножения, карандаш и ручка – берите и считайте сами...»

В 130-й школе, которую теперь называют колледжем, стараются учить детей по прежним правилам. Тем и держатся. Но и здесь многое меняется, традиции порушены. Раньше дети носили одинаковую форму, все ходили в школу пешком. А сейчас некоторых привозят на «иномарках», и одежда у них дорогая, фирменная. Не только в вузах переходят на платное обучение, но и в школе появились «платные» ученики. Знакомый учитель пожаловался, что ему достался «платный» класс: «Не знаю, что с ними делать, хоть волком вой». Ведь у таких детей – амбиции; они козыряют тем, что за их обучение заплачено. В университете могут отчислить неуспевающего «платного» студента, а в школе никого не

отчисляют. Наверняка, «платных» учить куда труднее, чем способных детей в математическом классе.

Был среди моих учеников один «двоечник» – не в математическом классе, а в обычном. Кажется, из семьи инженера. Тунеядец, трудиться не любил, к учебе, к наукам – никакого интереса. Еле дотянули его до окончания школы. А недавно мне сказали, что этот балбес стал «крутым» дельцом – ему принадлежат все киоски, все «торговые точки» на местных улицах. Неправда, что сейчас преуспевают и богатеют самые способные и умные. Процветает наглость, в ходу принцип: «Воруй, да побольше, чтобы нанять людей, которые тебя "отмоют"».

Говорят, уже и от детей можно услышать подобную «философию». И наркотики в школе появляются. А раньше мы даже курить старшеклассникам запрещали. Пока не возмутились родители: «Лучше пусть мальчишки курят открыто, чем прячутся с сигаретами в темных углах». Пришлось разрешить.

И Академгородок постепенно становится другим. Было здесь чисто, тихо, спокойно, и ночью не боялись на улицу выйти. А недавно вечером два парня раздели нашего внучатого племянника-десятиклассника. Научные институты пока все на месте, но общая обстановка уже подпорчена. А если школу реформами превратят в учебное заведение для дикарей мумбо-юмбо, то и Академгородок угаснет, деградирует.

Нужно вернуть преподавание в школе на прежний уровень. Это не получится, пока учителя не поднимут на такую высоту, на какой он не стоял даже в советское время. Зарплата учителя должна быть выше, чем у думского депутата. Только тогда в школе снова появятся молодые талантливые педагоги – талантов в стране еще немало. Но пока учителям повысили зарплату только до 2000 рублей. А шуму из-за этого столько, будто сотворено грандиозное благодеяние.

Не подняться ни школе, ни науке, ни всей стране, пока не изменится настрой «наверху». Нынешнее российское правительство дохнуть не смеет без указания США.

В прошлом году я оставил работу в школе, ушел на пенсию. Голова уже не та... Но каждый день решаю задачи – сам себе при-

думал такое лекарство от склероза. Иногда бывшие ученики просят позаниматься с их детьми, «подтянуть» по математике.

Часто вспоминаем с женой сельскую школу в Ояше, где раньше работали. Она ничуть не хуже школ Академгородка. Нам нравились отношения в сельском учительском коллективе – добрые, человечные, с настоящим товариществом и взаимопомощью. И сельские дети не глупее детей из ученых семей: хорошо учились, успешно поступали в вузы (там спрашивали, где их так хорошо подготовили, и не верили, что они приехали из села). Дети Академгородка отличались от сельских только раскованностью.

ХРАМ НАУКИ, «АКАДЕМИЧЕСКИЙ МОНАСТЫРЬ» ИЛИ?..

Д.Б. ВЕРХОВОД,
заместитель главы
Новосибирской областной администрации

Академгородок всегда жил обособленно, самодостаточно. Это ярко проявилось в эпизоде, который я помню до мельчайших деталей, хотя с тех пор прошло семнадцать лет. В апреле 1985 года я готовился к сдаче кандидатского экзамена по философии. Взял короткий отпуск, отошел на время от общественных дел (работал тогда в комитете комсомола НГУ), «погрузился» в экзистенциализм, агностицизм и тому подобные интеллектуальные глубины. Мне нравилась эта «игра ума»; я проникся, пропитался идеями Беркли, Юнга и прочими. Чтобы передохнуть, зашел в оргкомитет «Интернедели» и увидел там такую сцену: девушка, третий секретарь обкома комсомола (кажется, ее звали Леной), нервничает, накручивая телефонный диск. Она приезжала в Ака-

демгородок и в НГУ с какой-то инспекторской проверкой, а теперь пыталась по телефону вызвать дежурную машину, чтобы ее отвезли в город. А тогда дозвониться в Новосибирск из Академгородка было непросто. Лена снова и снова набирала «двойку», но и десятая, и одиннадцатая попытки безуспешны. Сказала с отчаянием: «Что делать? Не могу дозвониться до города». У меня было хорошее настроение, я решил пошутить: «Лена, а почему вы решили, что какой-то город существует?» Она опешила: «Как так?» – «Да нету никакого города. Вы сами его придумали, это плод вашего воображения». Девушка возразила: «Но я ведь там живу!» – «Нет, вы живете здесь. А все остальное вам приснилось». Я с жаром убеждал ее: «Не верите? Почитайте Беркли. Или поднимитесь на крышу самого высокого здания в Академгородке – и не увидите никакого города, один лес вокруг». Лена долго не могла понять: то ли у меня «крыша поехала», то ли я ее разыгрываю. В конце концов она дозвонилась и уехала. А через пару месяцев меня вызвали в партком университета. Секретарь парткома Владимир Александрович Миндолин спрашивает, что я наговорил «подруге из обкома». Оказывается, Лена заявила на партийно-комсомольском активе: «Они там в Академгородке настолько много возомнили о себе и настолько обнаглели, что их ответственный комсомольский работник на полном серьезе считает...» И т. д., и т. п. Она преподнесла мои слова как свидетельство ярко выраженного сепаратизма Академгородка, как нежелание воспринимать город Новосибирск и весь остальной мир. Когда я рассказал Миндолину, как все было на самом деле, он долго смеялся. А потом «отыгрался» – выступил на другом мероприятии, где шла речь о комсомольских кадрах, и сказал: комсомольские работники неграмотны и поэтому не способны адекватно общаться с аспирантом, не понимают философские идеи, которые он излагает.

Шутки шутками, но эпизод символический. Сам я ощутил замкнутость, отстраненность Академгородка, когда начал заниматься комсомольской работой и «выходить» в горком, в обком комсомола, на общегородские мероприятия. Везде Академгородок воспринимали как «вещь в себе», как структуру специфическую, живущую отдельно от остального мира. Эта обособленность бес-

покоила основателей Академгородка (я убедился в этом, читая мемуары М.А. Лаврентьева). Но как сократить разрыв между Академгородком и Новосибирском, если они жили как бы в разных измерениях? В Академгородке была особая атмосфера – тотальный демократизм, интеллигентность, подчеркнутое взаимоуважение на всех ступенях, от студентов до академиков. Люди из Академгородка везде выглядели слишком независимыми. Вызывающая независимость была еще и приправлена интеллектуальным снобизмом. Разумеется, это всегда раздражало окружающих.

А меня, помню, покоробил тон секретаря обкома комсомола: когда меня в обкоме утверждали на какую-то общественную должность, он начал обращаться ко мне на «ты». Я спросил: чего ради он мне «тыкает»? Я к этому не привык, даже ректор университета и мой научный руководитель обращались ко мне на «Вы».

В обособленном, странноватом мире Академгородка я был счастлив. Восемнадцать лет (с 1977-го по 1995 год) провел в Новосибирском госуниверситете и могу сказать, что всеми своими достижениями, всем лучшим во мне обязан университету. Примерно так же оценивают роль университета в своей судьбе многие выпускники НГУ, с которыми я встречаюсь иногда на заседаниях ассоциации выпускников и попечительского совета. В этом университете учился мой старший брат. И я не представлял для себя вуза лучше, чем НГУ. Поэтому и приехал сюда после окончания Алма-Атинской республиканской физматшколы. Надеюсь, тут будет учиться и мой сын.

Как и многие учившиеся в НГУ, я мечтал о большой науке. И сперва последовательно шел к цели: после окончания механико-математического факультета – стажер, потом – аспирант. Тут в моей биографии случился незапланированный поворот: пришлось на два года уйти из аспирантуры, поработать заместителем секретаря комитета комсомола университета. Уговорили меня академик В.Е. Накоряков, который тогда был ректором, и уже упомянутый В.А. Миндолин – человек, сумевший остаться ярким и уникальным даже на одиозной должности секретаря парткома. На партийно-комсомольскую карьеру я не настраивался, лишь «исполнял общественный долг». Но делал это с удовольствием. Характер у

меня подходящий – эмоциональный, коммуникабельный. После я закончил аспирантуру, подготовил с соавторами пару монографий и несколько публикаций в престижных зарубежных изданиях, защитил кандидатскую диссертацию, преподавал. Но не стал ни исследователем, ни вузовским профессором. Увлекся новыми возможностями и проектами, появившимися в последнее десятилетие. Тут больше пригодились моя общительность и практичность, выявились организаторские способности. В малом государственном предприятии, созданном при университете, я участвовал в расширении международных связей (в то время в НГУ уже училось много иностранных студентов), в подключении к Интернету. Мы осваивали и другие информационные технологии, соединяли их с учебными программами.

В конце концов организаторская и предпринимательская деятельность полностью захватила меня и увела из университета, из Академгородка. Мне было интересно работать директором Новосибирского жирового комбината, и после прихода в областную администрацию появилось много серьезных замыслов. Но я всегда немного завидую тем моим друзьям-сокурсникам, которым удается соединять крупные предпринимательские дела и чиновническую службу с преподаванием в университете и с научными занятиями. Мне, к сожалению, уже не удается жить «в двух измерениях» – не хватает времени и сил.

Еще в студенческие годы я почувствовал неразрывную связь Академгородка с университетом. Ни Академгородок без университета, ни университет без Академгородка полноценно существовать не могут. Все настолько переплетено и взаимосвязано... Пространство Академгородка всегда было единым, в нем легко ориентируется даже студент-первокурсник. Тут все быстро становится близким и родным, везде знакомые и друзья. Научные институты кажутся студентам продолжением университета: в институтах они специализируются, выполняют задания кафедр, приобретают первые навыки исследовательской работы. Мне как математику приходилось выполнять курсовые работы на ЭВМ, и я предпочитал делать это в ВЦ, где электронно-вычислительная техника лучше, мощнее, чем в НГУ. Хотя я не специализировался в ВЦ, но любо-

му студенту НГУ нетрудно было попасть туда, получить доступ к ЭВМ и пользовательский пароль, запереться там на два выходных дня, прихватив и ночи, – и полностью отладить программу, сделать всю курсовую работу.

К счастью, я учился в университете, когда были живы и еще не покинули Академгородок его основатели, яркие лидеры – М.А. Лаврентьев, С.Л. Соболев, А.Д. Александров и другие. Тогда в НГУ существовала замечательная традиция – выдающиеся ученые выступали с публичными лекциями. Любой студент и аспирант мог без труда попасть, скажем, на цикл лекций академика А.Д. Александрова, который излагал свой суперсубъективный взгляд на историю отечественной науки. Мне, математику, были очень интересны и лекции известного генетика Д.К. Беляева. Вот это и означает – получать информацию из первых уст, от носителей фундаментальных знаний, да еще и в соединении с живыми эмоциями, с личными оценками. Никаким другим способом невозможно получить такие познания; а мне они помогали строить мировоззрение.

Когда началась шумиха вокруг проекта переброски северных рек, многие подозревали тут какое-то надувательство. Но я четко определил свою позицию, лишь когда послушал лекции Олега Федоровича Васильева. Тогда он был членом-корреспондентом Академии наук СССР. Крупнейший специалист по экологии с поистине планетарным мышлением... После двух-трех его лекций сразу стало понятно, какой вред причинит природе авантюрный проект. Стало ясно, что надо защищать биосферу от самонадеянных и агрессивных «покорителей природы». Я вместе с группой студентов записался в экологическое движение.

Надеюсь, публичные лекции ученых мирового класса удастся возродить – и не только в НГУ. Если бы академики, профессора предприняли своеобразное «хождение в народ» и начали бы выступать в сельских и рабочих аудиториях, перед людьми, которых нынче запугивают прогнозами «конца света» и «конца цивилизации»... Стали перегибать палку «зеленые», нагнетают страх политические экстремисты и хитроумные коммерсанты. Яркий пример – страсти из-за «парникового эффекта», грозящего то ли всеобщим

оледенением, то ли очередным всемирным потопом. Говорят, это предсказано математическими моделями. Но я работал с матмоделями и знаю: любую модель можно подогнать под заранее заданный результат, обосновать какой угодно вывод. И в то же время до сих пор никакой компьютер не просчитает трехмерную газовую динамику, не спрогнозирует даже движение газа в ограниченном объеме. Как же компьютер «вычислит» эволюцию климата на планете? Ведь даже на переднем крае науки еще так мало известно о биосфере, о ее могучих компенсационных и прочих механизмах! И при этом промышленным предприятиям настойчиво предлагают сократить выбросы углекислого газа и фреона, дабы не увеличивать «парниковый эффект» и дыры в озоновом слое. Это значит: где-то «закручен» коммерческий проект, кто-то получит на всем этом огромные прибыли. И кому же, если не ученым, объяснять народу смысл подобных околонаучных спекуляций и спасать людей от футурошока, от страха перед будущим? Может, расширяя связи элитного, интеллектуального центра с населением, удастся отчасти преодолеть обособленность Академгородка, вернуть прежнее доверие и уважение к науке, восстановить ее высокий статус в обществе.

Всем уже хорошо видно, что на протяжении последних двух-трех десятилетий Академгородок не развивается. Это заметно и по внешнему облику, по инфраструктуре. Тут не появляется ни значительных новостроек, ни крупных новых проектов. Несколько лет назад это еще можно было чем-то оправдать: мол, академическая, «чистая» наука консервативна, все основы здесь уже созданы, и надо лишь хранить наследие основателей. Но теперь подобные аргументы уже не кажутся состоятельными. Академгородок и университет явно нуждаются в динамичном обновлении.

В уставе НГУ записано: цель университета – подготовка научных кадров для Сибирского отделения. Бесспорно, это одна из приоритетных целей; если университет не будет готовить кадры для институтов СО РАН, то академическая наука в Сибири вскоре прекратит свое существование. Но нельзя замыкать университет только на такой задаче. Говоря языком производственников, это

ведет к недозагрузке мощностей. И тогда бессмысленно жаловаться на недостаток средств.

На мой взгляд, в Академгородке можно обустроить перспективный учебно-научный комплекс с центром послевузовской подготовки специалистов. В стране пока нет ни одного учебного заведения, которое способно взяться за «переподготовку» кадров для любых отраслей и делать это на высоком уровне. Возможности любого обычного вуза ограничены количеством преподавателей-профессоров. А НГУ стал исключением из этого правила: тут неограниченное количество профессоров. В этот университет в любой момент можно пригласить разнообразных специалистов высочайшей квалификации – они живут и работают рядом, на одной площадке размером в несколько сотен гектаров.

Мой коллега из Ханты-Мансийска сетовал на тяжелые проблемы, возникающие при взаимодействии руководителей нефтяных предприятий и административных органов с коренными северными народами. А в Академгородке есть все, чего не хватает в Ханты-Мансийске для разрешения противоречий. Есть специалисты по финно-угорским языкам (в том числе и всю жизнь изучавшие хантов и манси), по этнографии и по административному управлению, а также философы, социологи и психологи, которые расскажут, как грамотно взаимодействовать с аборигенами. Набрать бы группу специалистов в Ханты-Мансийске – и отправить в Академгородок, чтобы их тут обучили, «упаковали» по полной современной программе...

Так же можно обучить в Академгородке металлургов, геологов, химиков, руководителей административных органов из разных регионов, директоров и ведущих специалистов предприятий. Можно обратиться к любому олигарху, в любую крупную компанию: каких знаний не хватает вашим сотрудникам, в каких проблемах они не ориентируются? Солидным компаниям нетрудно отправить своих работников на год учебы. Бесполезно отправлять их в обычный, рядовой вуз, где лекторы-начетники учат всех примерно тому же, чему учили их самих лет тридцать назад. А в НГУ, в Академгородке их «накачают» информацией о последних науч-

ных достижениях и новейших веяниях в любой области, изложат новые технологии и актуальные управленческие подходы.

Я уверен, если Академгородок и НГУ предложат подобные услуги, они будут востребованы и принесут доход (крупная фирма в состоянии заплатить за годовое обучение одного специалиста не менее 25 тысяч долларов в год). Но коль мы начнем приглашать в Академгородок таких людей, то должны обеспечить им приемлемые условия жизни. Им нужны комфортные гостиницы и мини-квартирки, куда они смогут время от времени привозить свои семьи. Нужны конгресс-холлы и учебные аудитории, оборудованные новейшими средствами визуализации и информатизации. И новые оазисы общественной жизни, мощная инфраструктура развлечений... Академгородок не может больше оставаться замкнутым «монастырем науки». Ему жизненно необходим совсем другой уровень околонаучного сервиса. Кстати, примерно то же говорят и ученые, ратующие за создание технополиса в Академгородке.

Примерно так же стоит подойти к оценке перспектив всего Академгородка. Нужно всесторонне оценить ресурсный потенциал. Пока мы обсудили только учебно-образовательный ресурс. Немало значит и ресурс земельный – кто не знает, что Академгородок остается привлекательным местом для жизни и станет еще привлекательнее, если его заново благоустроить? Есть еще ресурс невнедренных побочных мелочей, «отходов» от большой науки – это может подхватить малый бизнес. Необходимо понять, как запустить эти и другие ресурсы Академгородка в коммерческий оборот, как на них зарабатывать. Ведь уже ясно, что нельзя уповать только на федеральный бюджет, нужно множество вариантов и источников финансирования. Вряд ли следует отвергать и таких частных инвесторов, которые готовы построить общежитие для студентов в обмен на возможность закладки в Академгородке элитного жилого дома. Думаю, можно привлечь для обновления Академгородка также «длинные деньги» от институциональных инвесторов, и эти вложения будут окупаться. С чего-то нужно начинать. Чтобы костер разгорелся, надо бросить в огонь первые щепки...

Давно пора разработать полноценную стратегию развития Академгородка. Тот проект, который разработала администрация Советского района во главе с доктором философских наук А.А. Гордиенко, остался умозрительным, абстрактным, с философско-социологическим уклоном. Ничего удивительного: каждый специалист сосредоточивается на том, что ему близко. В этом проекте отсутствует какая бы то ни было экономическая база, ничего не сказано о механизме реализации стратегии. Инфантильными кажутся утверждения типа: государство должно, наконец, понять, что фундаментальную науку надо развивать, и дать на это деньги. Но разве не ясно: если задерживается зарплата врачам и учителям, государство отдаст деньги сперва на зарплату, а потом уж на все остальное (в том числе и на науку)?

Не стоит разрабатывать стратегию силами только собственных специалистов. У кого-то «глаз замылился», у кого-то узок кругозор; помешают и личные пристрастия: кому-то что-то дорого, чем-то не хочется поступиться... Поэтому нужно привлечь авторитетных (в том числе и западных) консультантов. Стоит объявить тендер, международный конкурс среди консультантов. Многие крупные мировые компании охотно берутся за амбициозные проекты – порой даже не ради денег, а ради того, чтобы «засветить» свое имя, укрепить репутацию. Необязательно следовать всем рекомендациям консультантов, но они станут неким прожектором, освещающим путь.

Пока о перспективах Академгородка идут дебаты лишь в узких научных и административных кругах. Желательно привлечь к обсуждению стратегии все население. Келейность тут очень вредна, может привести к неприятным последствиям. Помню стихийный митинг во время закладки одного нового дома. Я случайно оказался в митингующей толпе, когда навещал жившего неподалеку друга. Услышал, как женщина кричала: «новые русские» заселят этот дом, а потом и весь Академгородок, разрушат храм науки. Я ее знаю: всю жизнь просидела в библиотеке и к «храму науки» причастна не более, чем дворник. И откуда уверенность, что в строящийся дом придут непременно «новые русские»? Может, это будут выпускники НГУ, уехавшие за границу не только

потому, что там больше платят, но и потому, что здесь им жить негде. Так давайте поможем вернуться всем землякам, работающим в зарубежных университетах и фирмах! Почему бы им не купить квартиры в Академгородке за деньги, заработанные на Западе? Может, из этих специалистов вырастут научные светила, подобные П.Л. Капице и М.А. Лаврентьеву, которые, как известно, провели за границей немало месяцев, учились там и работали. Даже если вернувшиеся не станут тут заниматься наукой, они смогут читать лекции в университете, где их опыт будет безмерно полезен. Нужно говорить, объяснять все это жителям Академгородка, чей патриотизм порой чрезмерно радикален. Поэтому выработка стратегии Академгородка неизбежно превратится в политический процесс. Но все это нужно делать немедленно, иначе – безнадега и безысходность.

ВМЕСТО «ФАБРИКИ АКАДЕМИКОВ» – ЕВРАЗИЙСКИЙ «ОКСФОРД»

К.Л. КОМАРОВ,
доктор технических наук, профессор,
ректор Сибирского государственного университета путей сообщения[1]

Я собирался учиться в НИИЖТе, где когда-то был ректором мой отец, и поступил на механический факультет. Но тут услышал об университете, открывшемся в Академгородке. Некоторых абитуриентов НГУ поселили в наше «ниижтовское» общежитие (в Академгородке общежитий не хватало), и один паренек сказал мне: «Ты в своем железнодорожном институте будешь ковыряться в обыкновенных "железках", а в НГУ дойдут до ракет и до космоса». В то время ракетами и космосом бредили все мальчишки. Шел 1959 год, уже летали искусственные спутники...

[1] В прошлом НИИЖТ – Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта

Меня это «зацепило», я хотел добиться в жизни чего-то необыкновенного... Уговорил еще одного парня, и мы отправились в Академгородок. В том году в НГУ принимали сразу два набора – обычный, после средней школы, и экспериментальный, куда приглашали лучших первокурсников из разных вузов страны. Приехали ребята из Москвы, Киева, Томска, Улан-Удэ, были и из Новосибирска. Их принимали в НГУ после собеседования с крупными учеными. Я прошел через собеседование с тремя академиками – С.А. Христиановичем, Ю.Н. Работновым и И.Н. Векуа.

В НГУ уже начались занятия, приглашенных студентов из НЭТИ и из местного Института инженеров водного транспорта перевели в университет, а меня и еще шестерых ребят из НИИЖТа не отпускают. Ведь все мы «отличники». На нас «давили», стращали: если уйдем из своего вуза, нас тут же заберут в армию. Но я решил пробиться в университет во что бы то ни стало. Пошел в обком партии, дошел до начальника отдела. Бесполезно. Сначала пообещали помочь, потом сказали: ничего не получится. Отпустили нас из НИИЖТа только после того, как я обратился к Борису Осиповичу Солоноуцу, декану первого и тогда единственного в НГУ факультета естественных наук. Солоноуц немедленно отправился к первому секретарю обкома партии Ф.С. Горячеву – и нам тотчас выдали все документы для перевода в НГУ, устроили в общежитие университета.

Правда, спать в первую ночь пришлось без подушек. Узнав об этом, Солоноуц уволил коменданта. Так мы сразу почувствовали, насколько велико тут уважение и внимание к студентам.

Студенты, которых набрали из выпускников школ, учились по обычной программе. А для тех, кто пришел в НГУ из вузов, разработали другую – за год полагалось осваивать две годовых учебных программы. Занятия проходили в помещении школы с девяти часов утра до девяти часов вечера. Нам было сказано: «Забудьте все, чему вас учили в других вузах. Начинаем с нуля». И предупредили: «Если получите "тройки", вернетесь в свой вуз». Это была учеба «на износ», «на нервах». Но из пятидесяти ребят не выдержал напряжения, не дошел до финиша только один.

Рейсовые автобусы из центра Новосибирска в Академгородок тогда еще не ходили. А мне, как и другим студентам-новосибирцам, хотелось хоть иногда ночевать дома, а не в общежитии. Возвращались в Академгородок с приключениями. Старались попасть в служебный «пазик», отправлявшийся от дома № 20 по Советской, где находился филиал Сибирского отделения Академии наук. Но студентов выталкивали из «академического» автобуса. Приходилось много километров топать пешком, трястись на самосвале до карьера Борок или до Бердского шоссе, а там, если повезет, садиться на «девятку», следовавшую до Бердска. В зимние морозы мы почти превращались в сосульки...

Мой отец умер, а мама работала лаборанткой со скромной зарплатой. Денег в семье не хватало, и на студенческую стипендию не пошикуешь. Приходилось подрабатывать – и ямы рыл, и бетонировал, и в грузчиках побывал...

Так что наши студенческие годы были нелегкими. Но потрясающе интересными.

Запомнились наши первые общие собрания. В актовый зал приходили все первокурсники, вся «хозяйственная часть» и декан Солоноуц. Говорили о проблемах «текущих» и «злободневных», научных и околонаучных. И о жизни вообще. Собрания иногда затягивались до четырех часов утра...

В моей «зачетке» – автографы не менее десяти академиков и около двадцати членов-корреспондентов. Все они преподавали в университете.

Блестяще читал лекции по дифференциальным уравнениям Лев Васильевич Овсянников. Он каллиграфическим, красивым почерком писал уравнения на доске, и речь его была четкой, ясной. Говорили, он был боксером. И в учебной аудитории держался, как на ринге: походка упругая, пружинистая, почти на цыпочках. Своей мощной энергетикой «заряжал» всех студентов.

Сергей Алексеевич Христианович, преподававший газодинамику, старался все «разжевать» студентам; пожалуй, даже перебарщивал. Мне казалось, академик считал нас дурачками. Он никогда не продолжал развивать мысль, пока не убеждался, что его поняли. Мы посадили за первый стол парня, который внимательно

смотрел на Христиановича и кивал: да, мол, все понятно. Сейчас это доктор наук, профессор; встречаясь, мы весело вспоминаем о его студенческой «функции». Лекции Христиановича мы действительно понимали лучше, чем многие другие.

А Сергея Львовича Соболева «слету» понимали только аспиранты и докторанты. Сергей Львович «спрессовывал» в своих лекциях колоссальный объем интеллектуальной информации. Предельно лаконично излагая тот или иной тезис, все время приговаривал: «Ну, это понятно, это очевидно». Ему-то, конечно, все было понятно и очевидно! А студенты потом долго ломали голову над конспектами лекций и учебниками, пытаясь самостоятельно разобраться в математических сложностях, или просили помощи у аспирантов.

Мы любили слушать А.М. Будкера. В то время он еще не переехал в Новосибирск. Прилетал из Москвы на два-три дня, и в это время в университете отменяли все занятия, кроме общей физики Будкера. Он не готовился специально к лекциям; да это были и не лекции, а интереснейшие рассказы «из первых уст» о всевозможных научных парадоксах и перипетиях жизни ученых. Ошеломляли блеск остроумия, фейерверк эмоций и высота интеллекта... А потом, после отъезда Будкера мы слушали классические лекции по общей физике Бориса Чирикова. Чириков обстоятельно, скрупулезно заполнял фактическим материалом пробелы, оставленные А.М. Будкером.

С благодарностью и восхищением вспоминаю декана факультета естественных наук Бориса Осиповича Солоноуца. К сожалению, в НГУ и в Академгородке он почти забыт. Наверное, сделали свое дело околонаучные интриги, которые одних возвеличивали, а других вычеркивали из памяти. Не знаю, был ли Борис Осипович доктором наук, но он стал одним из основателей НГУ. М.А. Лаврентьев, С.Л. Соболев и первый ректор И.Н. Векуа считались главными идеологами, а Солоноуц взял на себя практические, организационные дела. Он приехал в Академгородок из Физтеха (Московского физико-технического института) и строил НГУ по образцу и подобию Физтеха.

Мы в свои студенческие годы жили свободно, вольно, не ощущая никакого идеологического давления. Главным человеком

в университете считался не ректор и не профессор, а хороший студент. Нигде больше я не встречал такого почти религиозного почитания молодежи. Можно сказать, в тогдашнем НГУ царил культ студенчества.

Однажды в НГУ приехали мальчики-чиновники из обкома комсомола в строгих костюмчиках с галстучками. Видимо, собирались «пристегнуть» НГУ к своим мероприятиям. Зашли в нашу комнату. Жильцов четверо: два математика, физик и я, механик. Пять лет прожили в одной комнате и стали друзьями на всю жизнь. А в тот момент, когда к нам заглянули непрошеные гости, в комнате было грязновато, не убрано. Мальчики из обкома с порога начали выдавать указания, а мы рассердились и прогнали их, обругав непечатными словами за вторжение в нашу жизнь. Видимо, выгнали их и из других комнат. Все студенты были независимые, никого не боялись. Обкомовцы – к ректору: что у вас творится, как ведут себя студенты и т.д. Илья Несторович Векуа слушал-слушал их, а потом говорит: «Кто вы такие? Как посмели врываться ко мне в кабинет? Вон!» Обкомовцев как ветром сдуло. А ректор и выяснять не стал, кто из студентов невежливо с ними обошелся.

Приходит, бывало, к Векуа комендант студенческого общежития, жалуется: парни пьют, играют в карты до утра... А Векуа отвечает: «Ну, выпили студенты по рюмочке. Ну, сыграли в «дурачка». Что здесь такого? Вы уволены!» В НГУ увольняли таких комендантов, которые не находили общего языка со студентами, а только жаловались начальству.

Мы в молодости не были ангелами. И погулять любили, и покуражиться. Приведут нашкодившего в деканат к Солоноуцу. Он сразу заглянет в свой кондуит: как учится парень? Если оценки хорошие, все обойдется, простят.

Когда заведующему кафедрой физвоспитания Юрию Кривошееву (отчества не помню) надо было выпросить у декана деньги на коньки, лыжи и другой спортинвентарь, он брал с собой меня или другого отличника. С деканом разговаривал студент, а завкафедрой, боксер-тяжеловес, смирно стоял за его спиной. Декан первым делом интересовался оценками студента, а потом записы-

вал, что тот просил купить. Иногда боксер тоже подавал голос: «Вот еще запишите...» – «А вы молчите, я же не с вами разговариваю!»

В декабре 1963 года мы защитили дипломы, и ректор Илья Несторович Векуа устроил для нас грандиозный праздник. Вместе с дипломом каждый получил маленькую карточку, на которой было написано: «Ректор университета приглашает Вас на чашечку кофе». В назначенный час мы собрались у столовой, несколько человек (и я в том числе) пришли с женами. Дверь распахнулась – и мы увидели шикарно сервированный стол. Три-четыре бутылки сухого грузинского вина, фрукты, конфеты. Вдоль стола навытяжку стоял весь преподавательский корпус во главе с ректором, рядом – его жена с седыми, подсиненными волосами, в нарядном бархатном платье. Нам налили «чашечку кофе», то бишь вина, и ректор произнес тост в нашу честь. Мне выпало говорить ответный тост, я что-то промямлил в большом волнении... Сейчас уже не буду волноваться, даже если меня пригласит на «чашечку кофе» Генеральный секретарь ООН. А тогда мы все были потрясены и ошеломлены. Хотя и привычным стало уважительное отношение к студентам, но тут все еще на таком взрослом уровне, так торжественно и красиво... После первых тостов преподаватели с ректором ушли; для нас открылся буфет – и мы сами продолжили свой праздник.

Моим научным руководителем и учителем по жизни стал академик Юрий Николаевич Работнов. Он считался шефом, куратором нашей группы механиков (в группе – всего десять студентов). Его лекции по теории ползучести и другим разделам механики мы слушали не в учебной аудитории, а в кабинете академика, сидя в мягких креслах. Я был старостой группы и общался с ним чаще других, приходил к нему домой. Поражался его интеллигентности и колоссальной эрудиции.

Иногда Юрия Николаевича пытались обмануть, чтобы получить его поддержку при защите диплома или диссертации. Однажды несколько человек попробовали переосмыслить и выдать за свои эксперименты сорокалетней давности. Но Юрий Николаевич сразу, сходу сказал, когда и где были поставлены эти эксперименты и кто их истинный автор. Парни, собравшиеся строить карьеру на обмане, больше не появлялись на «научном горизонте».

Я делал дипломную работу под его руководством, потом попросился к нему в аспирантуру. Вся наша группа мечтала работать в Институте механики, который, как мы знали, готовили для Юрия Николаевича. Здание строили в виде самолета: компактный административный корпус – как крылья, к нему пристроены длинные одноэтажные мастерские... Но накануне сдачи корпуса в эксплуатацию М.А. Лаврентьев заявил: «Это будет не Институт механики, а Институт физики полупроводников, и директор там будет Ржанов А.В.» А Юрию Николаевичу сказал: «Ну, какой из вас директор! С вами сегодня грубо поговоришь – назавтра вы так расстроитесь, что на работу не выйдете». Посчитал, что академик Работнов – чрезмерно воспитанный и чувствительный. А уж как резко говорил «Дед» с директорами и прочими, наверное, известно не только мне.

Академик Работнов обиделся на главу Сибирского отделения и решил уехать в Москву. К тому же в столицу давно рвалась его молодая жена...

После отъезда Юрия Николаевича в Москву наши контакты надолго прервались. Поначалу я не мог попасть в Москву, потом не мог найти там Юрия Николаевича. Академик Работнов нигде не числился. Его нигде не прописывали, нигде не брали на работу. Словно вычеркнули из жизни. «Легализовался» он с большим трудом. Сначала жил в одном из корпусов МГУ, заведовал там кафедрой пластичности и лабораторией в Институте машиноведения. Когда ему, наконец, дали квартиру в Черемушках, он уже был тяжело болен. Перенес инсульт и почти не разговаривал, с трудом двигался.

Я пытался помочь ему. Поговорил с новосибирским профессором Бутейко, который тогда был всесоюзной знаменитостью, и тот сказал, что поможет частично восстановить речь и избежать скорого повторения инсульта. Но молодая жена Юрия Николаевича не захотела возиться с мужем...

Пока академик Работнов чувствовал себя относительно неплохо, он интересовался судьбой своих учеников. Консультировал меня при подготовке кандидатской диссертации. А когда я собрался защищать докторскую и поехал на стажировку в МГУ, выдал мне там отличную рекомендацию. Моя докторская диссерта-

ция была связана с устойчивостью к взрывам; после ее защиты мне предлагали стать генеральным конструктором авианосца (уже строился цех длиной два километра, где собирались делать авианосец). Но к тому времени я уже снова был в НИИЖТе. Вернулся в 1964-м, через год после окончания НГУ.

После отъезда академика Работнова я не нашел для себя места в Академгородке. Да, пожалуй, уже и не искал. Понял, что мне с моим подвижным характером тяжело будет там жить и работать. Не для меня эта тишь библиотек, отшельническая умиротворенность и небрежность.

В НИИЖТе быстро выветрился мой «академический снобизм»; тут я прошел все ступени снизу доверху: начинал ассистентом на кафедре теоретической механики, а через полтора десятка лет уже заведовал кафедрой физики. Поработал и в деканате, и в парткоме, и в приемной комиссии. В 1990 году в НИИЖТе впервые не назначали, а выбирали ректора; выбрали меня. Тринадцатый год руковожу вузом, которым когда-то руководил мой отец. Когда ко мне «на ковер» приводят нашкодившего студента (выпил, подрался и т.п.), поинтересуюсь, как учится. Если с учебой у него все в порядке, махну рукой: и я в молодости не был ангелом. В нашем вузе, как и в прошлом НГУ, главный человек – студент-отличник. Время от времени устраиваю для отличников красивые праздники, фуршеты... Словом, перенес в свой вуз все те принципы и традиции, которые мне так нравились в Новосибирском госуниверситете.

Печально наблюдать, как неуклонно снижается авторитет Академгородка и Новосибирского госуниверситета. Это стало заметно давно. Мои сокурсники говорили об этом еще в 1978 году, когда отмечали пятнадцатилетие нашего выпуска в одном из ресторанчиков Академгородка. С нами сидел Сергей Львович Соболев с супругой, и она сказала с сожалением: «Уже уехали в Москву и Ленинград все энтузиасты, стремившиеся сделать НГУ лучшим университетом в стране и дать молодежи полноценное образование».

По сути, Академгородок стал фабрикой по производству академиков и членов-корреспондентов. Сюда приезжали из столицы,

получали звания и уезжали обратно. Чем дальше, тем больше отток ученых высшего уровня и тем меньше приток. Чтобы удержать прежний уровень Академгородка, нужно было каждое десятилетие делать финансовые вливания не меньше, чем на старте, в 1959–1960 гг. Но прежнее щедрое финансирование Академгородка объяснялось тем, что он, как и все научные городки, работал на ВПК. Даже гуманитарии выдавали «продукты», которые могли использоваться военными (например, лингвисты помогали совершенствовать технику шифрограмм). А когда ВПК утратил свою ведущую роль, ухудшилось и финансирование Академгородка. Он стал похож на те заводы, где «перестроили» производство с танков и ракет на кастрюли и сразу потеряли всю прежнюю квалификацию.

Однако я до сих пор глубоко уважаю Академию наук и решил помочь Академгородку, подключить к крупной программе, настроенной на внедрение готовых научных разработок. Пять железных дорог Зауралья (Дальневосточная, Забайкальская, Красноярская, Восточно-Сибирская и наша Западно-Сибирская) заключили договор с учеными. Ученые должны выдать некий конечный продукт, готовые образцы, и если железная дорога их примет, то начнется тиражирование, серийное производство. От четырех железнодорожных вузов (Новосибирского, Омского, Иркутского и Хабаровского) принято уже немало новинок. К примеру, на всех дорогах работает современная машина по выправке пути, и всю «интеллектуальную часть» для управляющего компьютера сделали специалисты нашего вуза. В СГУПСе разработана и уникальная методика неразрушающего контроля деталей подвижного состава (вагонов и локомотивов), предложен метод использования лазера для проверки исправности путевого хозяйства. Передаем в локомотивное депо флотатор, очищающий воду от нефтяных и других примесей; его тоже сделали наши специалисты вместе с промышленниками. Из 40 кафедр нашего вуза 20 работают на отрасль. Так мы помогаем железным дорогам и зарабатываем деньги для своего вуза (лишь около 20% средств наш вуз получает из госбюджета).

А с Сибирским отделением РАН сотрудничество пока не очень получается. В Академгородке мне называли много крупных

разработок, но когда мы добирались до «первоисточника», то убеждались: либо все сделано «на кончике пера», «на коленке» и пока не пригодно для технического воплощения, либо сводится к общим рассуждениям о том, как было бы хорошо, если бы все было хорошо. В академических институтах мы не обнаружили реальных крупных разработок, которые можно быстро внедрить на железной дороге. Кое-какие не очень значительные, доведенные до внедрения нашлись лишь в фирмах, организованных при институтах.

Видимо, эти фирмы вычерпали из институтов весь интеллектуальный капитал, который может быть востребован на сегодняшнем рынке и в сегодняшнем производстве. И весь этот интеллектуальный потенциал перекачивает на Запад мощный насос. Мы будем потом покупать за границей за миллионы долларов технику и технологии, сделанные нашими соотечественниками и земляками.

Чтобы избежать этого, настоящую науку нужно соединить с образованием, институты и лаборатории закрепить за вузами, за университетами. Во всем мире наука развивается не при академиях, а при университетах. И держится, прежде всего, на энтузиазме студентов, молодых исследователей. При таком развитии науки ускоряется трансляция новейших достижений. В Оксфордском, Кембриджском и в других университетских центрах большую роль играют тьюторы – специалисты с мировым именем, которые занимаются авангардными научными исследованиями и работают с небольшими группами студентов по своим программам. Постоянно общаются со студентами и советуют, какие курсы посещать, привлекают к исследованиям. Все идеи тьютора сразу становятся достоянием студентов. Происходит «цепная реакция» разума, интеллектуальная эстафета. По-моему, нечто подобное было когда-то в НГУ. Неудивительно, что многие выпускники первых лет стали докторами наук и замечательными профессионалами.

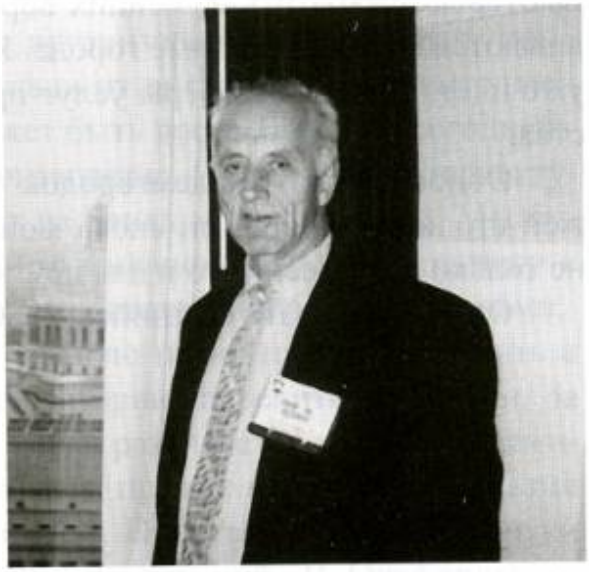
Гости из зарубежья до сих пор восхищаются Академгородком. В свое время Академгородок помог «подняться» Новосибирску, стать крупным интеллектуальным центром. Тем обиднее, что Академгородок теряет свое значение в то время, как расцветает Новосибирск, превращаясь в столицу Сибири. Ничего страшного не вижу в том, что в нашем городе останавливаются заводы. Тут

нет для них базы, нет поблизости крупных месторождений полезных ископаемых. Недавно академик Кулешов и я высказали одну и ту же идею: вряд ли стоит искусственно поддерживать промышленность в Новосибирске, лучше превратить город в информационно-сервисный центр. Не следует беспокоиться о том, что наши рабочие потеряют работу. Надо их переобучить, посадить за компьютеры, превратить из «синих воротничков» в «белые». Так развиваются многие западные города. И в Новосибирске этот процесс уже идет, доходы от сферы услуг превысили доходы от производства.

Обновленный Академгородок во главе с университетом нужен столице Сибири, он снова может стать центром притяжения не только для России, но и для других стран.

Он должен стать евразийским «Оксфордом»!

ГОТОВЫ РАСТИТЬ КАДРЫ ДЛЯ МИРОВОЙ НАУКИ



А.К. РЕБРОВ, академик РАН
(Институт теплофизики СО РАН)

Я живу в новосибирском Академгородке с 1962 года. До этого с отличием окончил Харьковский авиационный институт; в аспирантуре Казанского авиационного получил базовую подготовку по теоретическим основам теплотехники и по теплообмену в разреженном газе. Начал работать преподавателем в вузе. Читал лекции, выполнял работы по хоздоговору, писал учебные пособия. Относились ко мне хорошо, и все складывалось благополучно. Но мне становилось не по себе от предчувствия, что я буду еще много-много лет тихо, плавно, ровно двигаться по укатанной колее... Видимо, я боялся рутины. А тут один из друзей устроился в новосибирский Институт теплофизики и сказал мне, что я тоже могу туда перебраться. Я знал об этом институте – некоторые мои дипломники выполняли для него работы. Мне пока-

залось, что в Академгородке возможны более масштабные исследования. И не ошибся.

Правда, Новосибирск с первого взгляда мне не приглянулся, показался удручающе серым. Но когда со встречавшим меня завлабом Александром Ивановичем Леонтьевым доехали до Матвеевки и я увидел прекрасный лес, настроение изменилось. А тут еще завлаб сразу получил и выдал мне ключи от трехкомнатной квартиры. Был яркий, солнечный мартовский день...

Не все у меня шло просто. Пришлось пережить болезни близких людей и другие трудности. Иногда меня не понимали ученики и руководители. Но я считал и считаю, что сам в этом виноват. Наверное, недостаточно убедительно аргументировал свои идеи. Можно было поактивнее использовать тесные личные связи с ракетными и авиационными центрами для развития лаборатории и института. Но в целом производная моей деятельности в Академгородке – положительная. Здесь мне доверили большое дело – создание газодинамического вакуумного комплекса, ставшего одним из крупнейших в мире. Вместе с учениками удалось широко развернуть работы, связанные с разреженным газом. Правда, фантазий у меня с избытком, не все осуществилось. Но и то, что удалось реализовать, выходило за рамки обычного.

Условия в Академгородке оказались такие, о каких можно только мечтать. И все время (до 90-х годов) было золотым для науки и для тех, кто здесь работал. Потому что на науку отпускали достаточно денег; сюда пришли хорошо подготовленные люди с разными интересами, вкусами и склонностями, и им дали возможность «развернуться». Вот только заграничные командировки были редкостью. Но я случайно стал «выездным».

Начальник «иностранного» отдела АН СССР во время экскурсии по Институту теплофизики увидел стенды, на которых была представлена работа моя и моих учеников. «Впечатлительно. А где еще есть нечто подобное?» Я ответил: кое-что подобное есть в Канаде, но наши установки покрупнее. «Почему бы вам не съездить в Канаду?» Как просто! Так вот в 1967 году я поехал на два месяца в Канаду. Главный результат поездки за рубеж – убедился, что мы идем по правильному пути. Ведь мы и при "железном за-

навесе" старались быть в курсе всего происходящего в мировой науке, читали доступную литературу.

Однако замкнутость, изолированность Академгородка все же наложила отпечаток на нашу жизнь. Особенно болезненно сказалось не отсутствие широких связей с мировой наукой (их налаживали при ликвидации «железного занавеса»), а то, что при Академгородке не было никакого интересного промышленного производства или сельского хозяйства. Предполагалось, что дети ученых тоже пойдут в науку. В науку пошли лишь дети из тех семей, где родители дружат с детьми и с раннего детства «подключают» их к своему делу так же, как охотники или рыбаки ведут сыновей за собой, в свой промысел. Но иные ученые настолько увлечены работой, что на воспитание детей не хватает времени и сил. Да и способности у всех разные. И непонятно, куда деваться тем, кого не тянет в науку. Умные дети умных родителей стали уезжать за границу. Менее способные болтаются неприкаянные, непонятно где.

Только приток молодых спасает науку от деградации. А признаки деградации уже заметны. Выражаясь математическими терминами, раньше в Академгородке была одна «функция распределения»: по уму. Впоследствии стали больше ценить людей по связям, по рекомендациям (это помогало затем и уезжать за границу). В институты приходит мало молодежи, способной всколыхнуть застой.

Вот мое мнение: Академгородок будет нужен еще долгие годы, если удастся здесь организовать подготовку, воспитание молодых кадров. Академгородок способен производить кадры для мировой науки, и этим потенциалом уже пользуются другие страны (особенно США).

У нас и раньше признавалось, что надо самим растить молодых специалистов. Есть НГУ, тесно связанный с научным Академгородком. А в НИИ пока сохранились опытные, квалифицированные ученые. С одной стороны, они образуют «корку», через которую трудно пробиваться молодым; с другой стороны, это кладезь знаний. Это учителя, которые могут повести за собой молодежь. Есть еще и подходящая экспериментальная база, хорошее компьютерное обеспечение. Но нужно «перепрофилироваться» и изменить целевые установки. Главной продукцией Академгородка

должен стать поток молодых профессионалов. Главным рейтинговым показателем для здешнего ученого – не количество журнальных статей, а количество подготовленных им специалистов высшей квалификации.

Не отменить ли кандидатские диссертации? Время от времени «ставят ребром» этот вопрос. Говорят, защита диссертации отнимает слишком много времени и сил. Но готовя диссертацию, молодой человек учится и должен оценивать свою работу не с точки зрения начальства, а с позиции мировой науки. На мой взгляд, в ученом совете нашего института предъявляются достаточно высокие требования к диссертациям и защита наших «выпускников» похожа на хороший семинар. Эта школа необходима и начинающим, и опытным ученым.

Молодого ученого, работающего над кандидатской диссертацией, можно ориентировать на самые острые и интересные исследовательские границы. И не страшно, если он потом уедет за границу (хотя, конечно, нужны законы, позволяющие брать деньги с зарубежных фирм за подготовку профессионалов). В любом случае даже за три-пять лет он успеет выдать весомый научный продукт. Вот вам и плоды фундаментальных исследований! Не надо бояться перепроизводства высококвалифицированных специалистов и огорчаться, если некоторые математики уйдут в отечественные банки и коммерческие фирмы, – они понесут туда знания и культуру, облагородят среду. Если умно организовать «проток» молодежи, он не расшатает и не ослабит Академгородок.

Если бы у каждого из сорока с лишним докторов наук, работающих в Институте теплофизики, был хоть один аспирант... А у нас всего два десятка аспирантов. И некоторые пошли в аспирантуру не по призванию, а спасаясь от армии. Но есть и блестящие умы. Например, один из моих аспирантов: способности – от Бога, трудоголик, прекрасно знает английский. Как говорится, все угодья в нем. Такого везде примут с распростертыми объятьями. Конечно, мне хочется, чтобы он остался в нашем институте. Но для этого надо создавать самым перспективным такие условия, чтобы Академгородок стал и для них лучшим местом на Земле, каким был для нашего поколения.

Разумеется, это невозможно сделать при нынешнем скудном государственном финансировании. Потребуются немалые средства. И заинтересованность государства, всего общества, готовность идти на жертвы ради сохранения интеллектуального потенциала нации. Нам нужно убедить общество в том, в чем оно пока не очень убеждено. Я уверен: народ все поймет и согласится даже на лишения ради большой цели. Если бы у руководства Российской академии наук, в Госдуме и в правительстве ощущалась готовность понять и принять новые стратегические акценты всероссийского значения!..

Всем уже понятно, что ученым пора учиться и самим зарабатывать, не полагаясь всецело только на госбюджетное финансирование. Академия пока не очень к этому приспособлена. Мы работали, в основном, на «чистую» науку, так или иначе связанную с «оборонкой». Получая хорошие деньги от «оборонки» и из академического бюджета, могли в свое удовольствие заниматься делами, которые часто не имели адресата. Оставим за скобками истину, что фундаментальная наука имеет свою логику развития и что абстрактные схемы математиков сейчас используются в программировании. Все же надо признать: накоплено огромное количество и фундаментальных, и прикладных результатов, которые пока ни к чему не приложились. Это хорошо видно, если оглянуться на 20, 30 или 40 лет назад…

Самым популярным наукоемким бизнесом сейчас занимаются фирмы, производящие программные продукты по зарубежным заказам. Известно ли вам, что туда принимают ежегодно около сотни выпускников НГУ и сразу, в первый же год дают им по 500 долларов в месяц? Отток талантов в эту сторону происходит еще в вузе. Самые способные студенты хотят осваивать информатику. Некоторые, поработав год-два в таких фирмах, находят себе место за рубежом и уезжают. Их не привлекают аспирантура и Академия наук, живущая пока по инерции. Кто-то пытается успокоить руководителей академических НИИ: мол, лет через пять «компьютерный бум» прекратится. А мне кажется, он продлится еще лет 15, откачивая самую способную молодежь. Изменить ситуацию можно, организовав в Академгородке международное менеджерство

высокого уровня, обслуживающее все НИИ и помогающее ученым повернуться к запросам рынка, к насущным проблемам. Чтобы зарабатывать не хуже вчерашних студентов, докторам наук, профессорам и академикам уже приходится выполнять заказы зарубежных фирм.

И некоторые сотрудники нашего института, «контрактируя» с заграничными фирмами, зарабатывают свои 500 долларов в месяц; иногда даже отчисляют часть доходов на повышение стипендии аспирантам. Но с отечественными предприятиями труднее прийти к взаимопониманию. До большинства наших промышленников и предпринимателей еще не дошло, что «выживать», побеждать в конкуренции нужно с помощью науки. Пока у «новых русских» сильна природная жадность, не прошла слепота первоначального накопления капитала. Если «фирмачам», обращающимся в НИИ, скажут, что за отраслевую лабораторию и испытательный полигон, за все научные «продукты» нужно платить немалые деньги, у них пропадает интерес к науке.

Например, Новосибирский оловокомбинат очень богат и мог бы воспользоваться тем, что делается в Институте теплофизики. Мог бы и предложить проблемы, которые стали бы отправной точкой для новых исследований и для новых параметров комбината. Но производственники заняты сиюминутными проблемами выживания. Они скорее продадут свои металлоконструкции и сдадут в аренду помещения. В лучшем случае купят заграничную технологическую новинку «под ключ».

Нашим ученым удалось завязать хорошие контакты с Новосибирским электровакуумным заводом. Как перестроить умы других производственников? Надеюсь, на эту перестройку уйдет не больше десятка лет, иначе все развалится. Не только в Академгородке...

Невольно сравниваю наш Академгородок с японской Цукубой, где я побывал дважды за десять лет. Сначала это был научный городок, похожий на наш. Он тоже построен быстро, но, в отличие от нашего, надолго. У нас уже все коммуникации надо менять, трубы проржавели. А в Цукубе я видел краны и трубы коммуникаций из «нержавейки». Они будут служить если не

вечно, то очень долго. Нельзя строить здания и трубопроводы на тридцать лет, надо рассчитывать хотя бы на столетие. В Цукубе нет проблем и со связью между фундаментальной, прикладной наукой и промышленностью. Эту связь осуществляют фирмы, построившие лаборатории и опытные производства возле академических институтов. За счет этих фирм научно-техническая Цукуба «утроилась» всего за девять лет! Фирмы берут из институтов «горячие» знания и технологии. Японских фирмачей не надо убеждать, что в конкуренции победит тот, кто использует научные результаты.

И все-таки я верю: новосибирский Академгородок еще не исчерпал свои ресурсы. У него до сих пор есть преимущества и нереализованные возможности. У нас гораздо лучше, чем в Москве, налаживаются междисциплинарные связи. Нынешние руководители СО РАН приняли мудрое решение, которое напрашивалось еще при М.А. Лаврентьеве: начали организовывать интеграционные проекты. Значительные средства из госбюджета сейчас выделяют на программы, связывающие несколько институтов. Разве не для такой работы создавался Академгородок с пятнадцатью институтами? Просто раньше не было стимула для такого сотрудничества. А ведь общеизвестно, что именно при стыковке наук рождаются самые крупные достижения. И объединят ученых, которые сейчас разобщены, только общие проекты и общие идеи. Значит, мы все-таки находим правильные решения. И можем возродить Академгородок, который станет нашим «коллективным разумом», моделью «общества знаний».

Мы не знаем, что нас ждет в новом веке. Ясно, что в первые десятилетия будут бурно развиваться компьютерные технологии. Появится и много других технологий, резко меняющих нашу жизнь. Представьте: в больших городах домохозяйки будут летать на рынок на компьютеризированных вертолетах. Американцы осуществят свой полуфантастический проект – «засеют» космос маленькими спутниками, которые начнут передавать на землю такую информацию о Вселенной, какой мы и представить не можем... Разумеется, все это не получится без науки.

Могут возразить: наука дарила людям не только благо. Надо ли было так развивать ракетную технику, чтобы потом уничтожать

чуть ли не самые большие ракеты? И если бы не появилось атомное оружие, людям жилось бы спокойнее.

Но науку, познание природы не остановить. Ведь общество стремится к комфортной жизни, хочет защитить себя от болезней. И все продолжится – станут искать лекарства, а попутно найдут и новую страшную заразу, новую бомбу. Может, за взаимоотношениями общества и прогресса стоит следить каким-то экспертам – например, философам? Возможно, они найдут критерии и системы для защиты людей от побочных негативных последствий, от ошибок прогресса. Надеюсь, с их помощью человечеству удастся решить и общефилософскую задачу, которая пока кажется неразрешимой. Научиться так сглаживать и регулировать региональные конфликты, чтобы они не разрушали, а развивали общество. То есть человечеству надо научиться жить без войн. Тогда и наука, которую слишком часто «привязывали» к военным заказам, станет другой, освободится от многих нынешних противоречий.

ПОСТРОИМ ТЕХНОПАРК НА ГУМАНИТАРНОМ ФУНДАМЕНТЕ

Н.С. ДИКАНСКИЙ,
член-корреспондент РАН,
ректор НГУ

Я – из «серии» абитуриентов-энтузиастов, приехавших в 1959 году осваивать Сибирь. Правда, вначале я хотел поступать в Московский физико-технический институт, но опоздал на приемные экзамены (в этом вузе они проходили раньше, чем в других). И тут мне попалась на глаза статья в «Правде» о том, что возле Новосибирска строится большой научный центр. Я купил билет на поезд и приехал сюда из своего Донбасса. Моя жена, с которой мы здесь познакомились, отправилась в Новосибирск из городка Шахты после того, как прочитала эту же статью. Приехали ребята из Москвы, Ленинграда, Запорожья и из других дальних мест.

На время вступительных экзаменов нас поселили в спортзале Института связи. Весь пол устлали матрацами, на них и спали. Мое «спальное место» помещалось между брусьями. После экзаменов нас «перебросили» в пионерский лагерь рядом с постом ГАИ. Бытовая неустроенность казалась нам интересным приключением.

На месте Морского проспекта была просека. Только два жилых трехэтажных дома. И подъемные краны...

Многие наши преподаватели были молодыми (в основном выпускники МФТИ – Московского физико-технического института). Поселились рядом с нами, в том же доме, где разместилось студенческое общежитие. Между преподавателями и студентами не было дистанции, мы общались неформально. Часто приходил к нам и Михаил Алексеевич Лаврентьев, рассказывал много интересного. На него мы смотрели снизу вверх.

Я нашел в Академгородке все, о чем мечтал. Много лет работал в Институте ядерной физики рядом с Будкером и другими самобытными людьми. При мне выполнено много интересных работ, «сгенерированных» специалистами ИЯФа. И я стал автором сотни статей. Занимался и теорией, и экспериментами, и прикладными разработками. Почти все это было связано со «встречными пучками». Как известно, «встречные пучки» особенно интересовали основателя ИЯФа Будкера. Хотя сама идея «встречных пучков» нам не принадлежала, но в нашем институте это направление развивалось наиболее успешно.

В 90-е годы в ИЯФе, как и у всей российской науки, было больше потерь, чем успехов. Много молодых сотрудников уехало за границу. Говорят, что уехали лучшие. А мне кажется, сбежали за границу слабые, «троечники в душе». Остаются люди из первых десантов, создававшие институт. И те, что сформировали свою школу, построили собственные установки, признаны лучшими в мире по своим научным направлениям.

ИЯФ на своем опыте доказал, что выжить в смутное время могут и крупные институты. Это не только один из самых больших в мире НИИ (в нем работает 3000 человек), но и мобильный, и управляемый в высокой степени (лишь в последние годы с управляемостью стало похуже). Институт такого профиля не мо-

жет быть маленьким. Физику высоких энергий не запихнешь в мини-лабораторию, подобную химической, где манипулируют с пробирками и микроколичествами вещества. Нам нужны большие установки и инструменты, полупромышленное производство. В ИЯФе 70 технологических участков. Для некоторых экспериментов требуется несколько километров магнита и огромное количество электроэнергии.

Физика высоких энергий дошла до таких масштабов, что ее уже невозможно развивать усилиями одного государства. В некоторых научно-технических проектах, в строительстве гигантских установок (коллайдеров) участвуют все европейские страны и США. А без ядерной физики не «продвинуть» энергетику. Да и для познания природы нужно прежде узнать, как взаимодействуют элементарные частицы.

Из-за недостатка госбюджетных средств ИЯФ не может сейчас строить крупные установки для нашей страны. Делаем лишь кое-что малогабаритное (например, для отечественных поликлиник – рентген-установки со сниженной дозой облучения, которые в пять раз дешевле заграничных аналогов). А 95–97% работ институт выполняет по зарубежным контрактам. Лишь благодаря тому что сохранили большой институт, мы еще способны участвовать в международных научных проектах и браться за комплексные заказы зарубежных фирм, предусматривающие разные технологии. Иная ситуация – в Протвино, где в Институте высоких энергий из 1100–1200 сотрудников в «научном производстве» осталось 100. Маломощному институту не под силу крупные зарубежные заказы, без каких сегодня не выжить. А в нашем ИЯФе продолжают работать даже «чистые теоретики» – мы содержим их за счет заработков по зарубежным контрактам. Все это позволило нам, несмотря ни на что, сохранить мировое лидерство по многим научным позициям.

Однако слишком долго «выживать» нельзя. При нынешнем финансировании мы не можем обновлять оборудование. Станки изнашиваются. Мы «проедаем» наши основные фонды...

Не миновали кризисы и Новосибирский госуниверситет, где я четыре года назад стал ректором. В прошлом девять лет был тут

деканом, потом лет девять почти не заглядывал в университет. Зашел, когда начали «сватать» на пост ректора. И ужаснулся. Все запущено, расхристано, развалено. Беспорядок извне и внутри, в учебном процессе. Я не собирался работать ректором, потому что на мне «висело» много ияфовских контрактов. Но понял: университет нужно спасать. Ведь только благодаря университету в Сибирском отделении сохранились научные школы. Если НГУ зачахнет, то Академгородок перестанет быть Академгородком.

Сейчас НГУ постепенно выбирается из глубокого провала. Правда, мне приходилось ходить с протянутой рукой, просить милостыню, чтобы отремонтировать аудитории. Часть дополнительных, внебюджетных средств (500 тысяч рублей) дал недавно созданный попечительский совет университета. С его помощью продолжили строительство «замороженного» спорткомплекса. Но никак не можем довести его до конца. Пока в плохом состоянии и студенческие общежития. Мы ремонтируем только крыши, а комнаты вскладчину, как могут, ремонтируют сами студенты.

НГУ расширяется. За три года открылось много новых факультетов – психологии, иностранных языков, информационных технологий. В последнее время усилилась гуманитарная компонента, которая была недоразвита и в НГУ, и в Сибирском отделении. Я всегда считал ошибкой недооценку гуманитарных наук. Сейчас в университете гуманитарный блок развит сильнее, чем в СО РАН. Надеюсь, с помощью наших выпускников в Сибирском отделении расцветут и гуманитарные науки.

Мне кажется, в Сибирском отделении пора открыть Институт востоковедения (на факультете естественных наук НГУ уже появились первые востоковеды). Ведь Россия (в том числе и Сибирь) активно взаимодействует с Китаем, Японией и с другими странами Востока.

Собираемся организовать в НГУ еще несколько новых факультетов. Уже действует медицинское отделение, появится и медицинский факультет. Потому что в Новосибирском медицинском университете представлены не все направления медико-биологической науки, не учитываются новейшие достижения. Этот пробел восполнится в НГУ. В свое время НПО «Вектор», занимающееся

медико-биологическими исследованиями, получило из нашего университета 1000 выпускников. Будем готовить исследователей и для институтов Академии медицинских наук. Думаю, что и Сибирское отделение АМН, и «Вектор» обязаны помочь НГУ, принять участие в организации «своего» факультета.

Я давно говорю, что в НГУ нужен и юридический факультет. Обычно юридические факультеты действуют в тех городах, где сформировались профессиональные школы юристов, подобные нашим научным школам. Очень плохо, что у юристов столицы Сибири до сих пор нет своей школы. Пусть фундамент для нее создаст будущий юридический факультет НГУ, а «базу» для факультета – Институт философии и права СО РАН (надеюсь, со временем в этом институте права будет не меньше, чем философии).

Я убежден, что необходимо расширять преподавание гуманитарных, общественных предметов и на факультетах, готовящих специалистов точных и технических наук. На физфаке всегда работали лучшие преподаватели общественных наук. У физиков восприятие критическое, и слабые преподаватели тут только дискредитируют свой предмет. Я ввел для будущих физиков психологический факультатив. Каждый образованный человек должен быть немного психологом (тем более если ему придется искать партнеров и заключать контракты, что становится обычным делом для научных сотрудников).

Конечно же, нынешние студенты совсем не такие, какими были мы, наше поколение. Они меркантильны, раскованны (может, даже развращены от вседозволенности) и вряд ли патриоты. Многие откровенно говорят, что, получив диплом, постараются уехать за границу. Рядом со студенческой дискотекой приходится выставлять охрану, чтобы не было драк и наркотиков. Наверное, нужна охрана и во всех общежитиях НГУ. Нет прежнего неформального общения студентов с преподавателями. Кроме всего прочего, некогда: и те и другие подрабатывают, чтобы свести концы с концами. И студенческий, и преподавательский профкомы неактивны. Все разобщены. И мне трудно контактировать со студентами: непонятно, к кому обращаться и кто их представляет.

Очень нужно, но пока не удалось возродить в университете коллективизм.

Многое в НГУ меняется, но его главное назначение – прежнее: готовить кадры для Сибирского отделения РАН. Сибирское отделение вносит свой вклад в образование – бесплатно предоставляет оборудование, электроэнергию и все необходимое студентам-старшекурсникам, работающим в исследовательских институтах. Думаю, нужно, наконец, «легализовать» эти отношения, учредить для НГУ двойное подчинение – не только Министерству высшего образования, но и Сибирскому отделению РАН. И если бы при этом появилась надежда на значительное улучшение финансирования университета... Небольшие положительные сдвиги уже происходят: до университета стали доходить хоть какие-то деньги (раньше «платили» только взаимозачетами). НГУ удалось оплатить долги. В том числе и особенно удручавшие нас долги за электроэнергию. Расход электроэнергии повысился, потому что большинство (75%) студентов из-за дороговизны питается не в столовой, а готовит обеды в общежитиях.

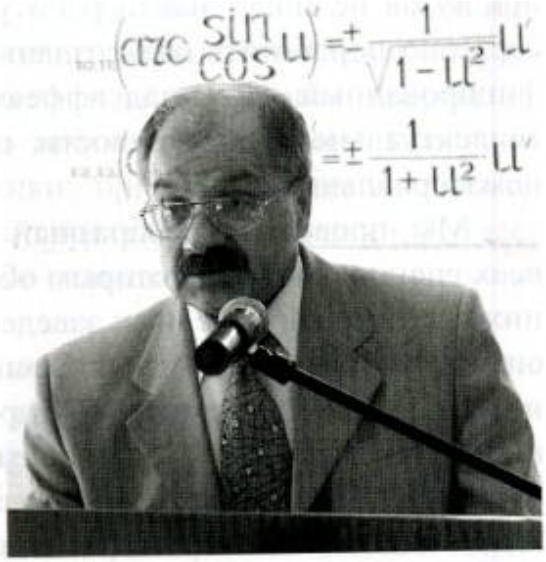
Без инвестиций мы не спасем науку и образование, не спасем Академгородок. Нужно, наконец, создать «пояс внедрения». Во времена Лаврентьева пытались реализовать эту правильную идею в «Факеле», но он не вписался в экономику, задавленную планом. Позднее пробовали создать технопарк, но зачем он стране, «заморозившей» собственные наукоемкие производства и покупающей за границей даже компьютеры? И все-таки как будто начинается новый этап «факелизации» – при многих институтах появились маленькие фирмы и компании, ежегодно поставляющие на рынок наукоемкую продукцию на миллионы долларов.

Мне кажется, приближается долгожданный инвестиционный бум. В Академгородок придут не только мелкие, но и крупные отечественные и зарубежные компании, понимающие, что почем на рынке. Например, англо-французская компания, выпускающая оборудование для нефтяной промышленности, интересуется нашими разработками по геологии и геофизике и хочет построить здесь свой исследовательский центр, чтобы переводить научные идеи в технологии. Построят свои техноцентры вокруг Академго-

родка и другие фирмы, когда убедятся, что в нашу науку выгодно вкладывать деньги. Так и сформируется «пояс внедрения». Видимо, весь Академгородок превратится в большой технопарк, разрабатывающий высокие технологии. В некоторых институтах продолжат фундаментальные исследования на средства, отчисляемые из технопарка. А университет обеспечит подготовку высококвалифицированных специалистов. И тогда большинство наших выпускников, надеюсь, останутся в нашей стране.

Я верю, что так будет. Разве Академгородок дорог только тем, кто здесь живет? Ведь это национальное достояние, жемчужина России.

КОГДА РАЗБОГАТЕЕМ ОТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА?



Г.А. САПОЖНИКОВ,
заместитель главы администрации Новосибирской области, начальник Управления науки, высшего, среднего профессионального образования и технологий

Ученые часто упрекают федеральную и местную власть в равнодушии к науке. Не берусь судить об отношении к науке прежних руководителей Новосибирской области, но при губернаторе В.А. Толоконском сделано принципиальное нововведение – появилась должность заместителя, отвечающего за науку, профессиональное образование и новые технологии. Губернатор нередко говорит, что основная «точка роста» в экономике области – мощный интеллектуальный, научно-образовательный потенциал. Это наше главное богатство. Принят ряд принципиальных решений по развитию науки и высоких технологий, поддержке молодых ученых и производителей научно-технической продукции.

Но, к сожалению, мы еще не научились эффективно использовать это богатство. Становится не по себе, когда приходишь на заводы с предложениями по высоким технологиям и видишь станки, сделанные в первые десятилетия и в середине прошлого века. Гордимся тем, что в нашем городе учатся 160 тысяч студентов, а в центрах занятости сообщают: значительное количество выпускников вузов не могут найти работу. И в целом в России предстоит серьезно поработать над созданием внутреннего рынка на квалифицированный труд, над эффективным освоением объектов интеллектуальной собственности, превращенных в материальные и нематериальные активы.

Мы провели своеобразный эксперимент: составили список всех специальностей, которым обучают в местных высших и средних специальных учебных заведениях, и сделали прогноз выпуска специалистов до 2008 года. Специалисты Управления труда и занятости запросили сведения у производителей, у сферы обслуживания о потребностях в названных специалистах. Естественно, по многим специальностям идет нестыковка в схеме «спрос-предложение». С одной стороны, специалисты отделов кадров предприятий не владеют информацией о перспективной потребности в кадрах, с другой – предприятия не имеют продуманной концепции развития, в том числе с ориентацией на высокие технологии.

Могу привести, мягко выражаясь, курьезный пример. Известно, что у нас в области реализуется мощная межотраслевая программа по силовой (интеллектуальной) электронике. И при этом выясняется, что по специальности «микроэлектроника и полупроводниковые приборы» потребуется в год не более одного-двух специалистов со средним профессиональным образованием. Но только одному Институту физики полупроводников (ИФП) СО РАН требуется на порядок больше таких специалистов! Кстати, формирование крупных программ развития отраслей производства позволит верно оценить потребности в специалистах с высшим профессиональным образованием. Так, в рамках упомянутой программы по силовой электронике планируется производство моносилана по уникальной гидритлитиевой технологии и поликристаллического кремния по моносилановой технологии. Необходимое

технологическое сопровождение для разработки и совершенствования новых технологий будет, в первую очередь, обеспечено специалистами СО РАН. В частности, в ИФП имеется оборудование для организации производства монокристаллического кремния в промышленных масштабах. В Институте теплофизики создана перспективная технология производства аморфного кремния из моносилана струйным методом с электронно-пучковой активацией. В Институте неорганической химии реализуются идеи получения моносилана методом прямого восстановления кварцитов. Планируется развивать работы по таким направлениям: пластины и структуры для микроэлектроники; приборы системы силовой электроники широкого спектра мощностей и напряжений. И здесь требуются специалисты, способные осваивать и развивать высокие технологии и научные разработки.

Если бы наши ученые-экономисты, администрация области, специалисты основных отраслей промышленности, сельского хозяйства и социальной сферы системно поработали по определению сценарных путей развития хотя бы лет на пять вперед! Да еще бы просчитали (с помощью математических и экономических моделей) несколько вариантов развития отраслей... Тогда нам было бы легче оценить рынок труда, легче узнать, кому какие кадры потребуются. А вузы, техникумы, профтехучилища осуществляли бы набор студентов по требуемым в перспективе специальностям, т.е. существенно бы продвинулись в решении вопросов эффективности подготовки кадров.

Не знаю, чего нам не хватает больше – инновационной культуры или прогнозного сознания. Но уверен, что без этого регионам не удастся эффективно воспользоваться нашим богатством – результатами творческой работы ученых и специалистов научно-образовательного комплекса.

Мы решили «сколотить» команду ученых, которая могла бы разработать прогнозные модели и сценарии развития хотя бы основных отраслей и, возможно, крупных предприятий региона. Надо бы просчитать, какой эффект будет получен от реализации соответствующих программ развития, от тех или иных капиталовложений и где инвестиции принесут наибольшую отдачу. Но пока

команда не складывается. Нередко ученых, специалистов, например, по математическому моделированию, интересуют модели сами по себе, а не их конкретное практическое применение. А экономисты и социологи, которые откликнулись на призыв о сотрудничестве, предложили прогнозные модели, основанные на экстраполяции, хотя нужны модели, учитывающие нелинейные эффекты. Но надежда не потеряна. Наведываюсь на семинары и конференции в Академгородке и в вузах, ищу потенциальных союзников. Недавно летел в Москву вместе с академиком В.Е. Накоряковым, известным специалистом в области теплофизики, который в последние 10–15 лет опубликовал и ряд оригинальных статей в области экономики. Причем с позиции математического моделирования в экономике он владеет информацией по базовым моделям. Разговорились – и пришли к мнению: для начала необходимо организовать постоянно действующий семинар, который позволит от дискуссий перейти к выработке прогнозных моделей. Может, так постепенно сформируется команда, в которую войдут представители власти, науки, образования, промышленности и бизнеса; и удастся сделать все для ликвидации разрыва между интеллектуальными вершинами и нынешней повседневной жизнью провинциального региона.

Много уже сказано о том, что Академгородок кардинально повлиял на развитие Сибирского региона. Не сомневаюсь, что он и впредь будет оставаться локомотивом для нашей области и для всей Сибири. На наш взгляд, у Академгородка, у поселков Кольцово и Краснообск появились шансы для нового качественного и количественного развития. В марте 2002 года на совместном заседании Совета безопасности России, Президиума Госсовета и Совета по науке и высоким технологиям при Президенте РФ принято принципиальное решение об инновационном пути развития страны. Уделено особое внимание территориям с высоким научно-техническим, инновационным и образовательным потенциалом. На этом заседании глава администрации Новосибирской области В.А. Толоконский предложил Новосибирский научный центр в качестве пилотного для отработки механизмов реализации новых нормативных документов государственной политики в сфере науки и высоких технологий. Рассматривая проект

формирования технополиса как пилотный, мы убеждены, что превращение российских наукоградов и академгородков в реальные центры научно-инновационной и образовательной деятельности должно в целом создать опорную часть национальной инновационной системы. Де-факто новосибирский Академгородок уже является технополисом, нам не нужно начинать работу с рытья котлованов и смены вывесок. Необходимо формировать эффективные макроэкономические условия, развивать инфраструктуру и среду, благоприятную для ученых, специалистов, партнеров, включая инвесторов. Кстати, нередко разгорается спор по определению технополиса и его статуса. Мы, например, придерживаемся следующего определения. Технополис – территория, где «критическая масса» науки и высоких технологий, образования и культуры, наукоемкого бизнеса и инвестиций порождает «цепную реакцию» научной и деловой активности не только в рамках страны, но и в международном масштабе. Это территория выдающихся инновационных способностей, высочайшего уровня жизни, притягивающая лучшие умы ученых, специалистов и предпринимателей.

Вопросы развития технополиса рассмотрены 14 ноября 2002 года на областном научном совете, а через неделю – на общем собрании Новосибирского научного центра СО РАН, где принят ряд принципиальных решений. Кроме того, председатель Сибирского отделения РАН академик Н.Л. Добрецов является членом Совета по науке и высоким технологиям при Президенте РФ, курирует вопросы инновационной политики. При его активном участии готовится очередное заседание Совета, где будут рассмотрены вопросы развития академгородков и наукоградов.

Мы должны четко осознавать, что Академгородок не может развиваться автономно, в отрыве от Новосибирска и Новосибирской области. Необходимо принимать решения по созданию современной инфраструктуры, включая строительство бизнес-центра, конгресс-центра, офисов, современного жилья. Едва ли появятся полномасштабные успехи, пока мы не построим (не только в самом городке, но и вокруг) хорошие дороги, пока наш международный аэропорт и сфера услуг во всем Новосибирске не достигнут более или менее приличного уровня. Нужно развивать Ака-

демгородок в «связке», в одном комплексе с Сибирскими отделениями академий сельскохозяйственных и медицинских наук, с вузами, с ГНЦ вирусологии и биотехнологий «Вектор».

Никто не спорит с тем, что необходима региональная финансовая и административная поддержка создания технополиса. И такая поддержка однозначно осуществляется. Но имеющийся опыт инновационной деятельности в регионе, не подкрепленный серьезными решениями на федеральном уровне (по налоговым, инвестиционным и таможенным льготам, государственному заказу на наукоемкую, в том числе на оборонную продукцию, по усилению конкурентных позиций отечественных товаропроизводителей на внутреннем и мировом рынке), не позволит быстро перейти к качественно новой стадии социально-экономического развития, основанной на научных знаниях и высокоэффективных инновационных системах. Тем не менее, для поступательного развития инновационной деятельности важно принимать адекватные решения и на региональном уровне. Рубль, вложенный в науку из областного и федерального бюджета, будет катализатором, стимулом для потенциальных инвесторов.

Нам предстоит разработать продуманную программу развития Академгородка, опираясь, в первую очередь, на его преимущества: мощный научный и инновационный потенциал; земельный инвестиционный ресурс; образовательный ресурс (элитное образование и образовательные услуги) и всемирно известное имя Академгородка.

В связи с этим стоит упомянуть об опыте, приобретенном при подготовке материалов по присвоению статуса наукограда поселку Кольцово. Пройден этап формирования программы и согласования ее с министерствами; специалисты провели ревизию базовых технологий и инновационных проектов. В программе развития наукограда – 72 инновационных проекта с их бизнес-оценками. Подготовлены подпрограммы по жилью, образованию и прочие. Материалы подготовлены системно, с конкретными, вескими обоснованиями, с учетом результатов обширного анкетного опроса жителей и работников будущего наукограда.

Разумеется, составлять программу для Кольцово проще, чем для Академгородка. В Кольцово действует одно градообразующее,

достаточно узкоспециализированное предприятие – ГНЦ вирусологии и биотехнологий «Вектор», имеющее богатый опыт прикладных исследований и коммерциализации разработок и технологий. В многопрофильном Академгородке труднее провести ревизию ресурсов, но мультидисциплинарность позволяет более оперативно откликаться на запросы рынка.

Больше тридцати лет я живу в Академгородке и почти все время (за исключением последних двух с половиной лет) работал в академической науке. Мне и многим моим коллегам грустно видеть, как постарел наш городок, как источены временем велосипедные дорожки. В 60-е и 70-е годы многие жители Академгородка ездили на велосипедах. Возле каждого института устраивали велосипедные стоянки. Позднее велосипеды начали воровать, не помогали и цепи с замками. Казалось бы, это малая деталь, но Академгородок без велосипедов – немножко другой Академгородок...

Как мы «пахали» здесь в те уже далекие годы! Отцами-основателями была создана атмосфера творчества, поиска, познания. До позднего вечера окна всех институтов были освещены. Мы не знали ни выходных, ни отпусков, ни свободных от работы вечеров. От перегрузок у меня даже появилась боль в сердце. Лечился не таблетками, а лыжами. С тех пор полюбил лыжи, а как приятно бежать по освещенной лыжне! Тогда и мысли не возникало об уходе из науки, отнимавшей много сил.

Хотя сейчас я уже и чиновник, но бросить научную работу невозможно; кроме того, читаю лекции в вузе, работаю с аспирантами. Оба мои аспиранта совсем не похожи на меня в молодости. Смотрю на них и думаю: то ли их похвалить за практичность, то ли выгнать из аспирантуры за измену науке... Оба отлично защитили дипломы бакалавра и магистра, а на первом году учебы в аспирантуре ушли в софтовый бизнес. И радостно, что они востребованы, и грустно: таким талантливым бы делать научные открытия, защитить диссертации... Но что им даст кандидатская, даже докторская диссертация? Две с половиной или три тысячи рублей в месяц. А в бизнесе им платят больше, чем вице-губернатору.

А мы жили словно в некой оболочке: не очень беспокоились о заработке, были сосредоточены на своих научных поисках и ре-

зультатах. Я много лет занимался математическим моделированием физических процессов. Был счастлив, когда студентом попал в научную школу Николая Николаевича Яненко, крупнейшего специалиста по вычислительной математике. Мне довелось работать под его руководством в Вычислительном центре, потом в Институте теоретической и прикладной механики. В школе Яненко выросли два академика, два члена-корреспондента, много докторов наук. Получены результаты, которыми мы гордимся. Но сегодня приходится критически переоценивать некоторые прошлые достижения. По сути, мы, специалисты по математическим моделям, много лет где-то «наступали на пятки», где-то явно обгоняли американцев, из-за отсутствия мощных компьютеров создавали уникальные, экономичные вычислительные методы. Нередко радость, что ты не глупее лидеров, сменялась разочарованием: опять пришел к финишу не первым. Многие собственные оригинальные разработки, не имеющие в то время аналогов в мировой науке, мы с соавторами передали в отраслевые НИИ и КБ для практического использования. Но позднее, в условиях рынка мы поняли, что при государственном заказе и тесном творческом контакте со специалистами из отрасли разработка целевым образом еще доходит до практического применения. А сейчас, когда нет прежней «связки» с отраслевой наукой, довести научный результат до товарной кондиции непросто. Образно говоря, в комплексе математические модели, численные методы и программы похожи на картину без рамки. Рамка, дизайн – не главное, однако без этого картину не выставляют на продажу.

Подобные этапы и трудности переживает каждый ученый. Я убедился в этом, когда работал ученым секретарем Института теоретической и прикладной механики СО РАН, а затем руководил отделом фундаментальных исследований в Президиуме Сибирского отделения РАН. Известно, что далеко не все научные разработки находят практическое применение: из десяти путевку в жизнь получают не больше двух. Те, что не воплотились в «железки», расширяют наши знания о мире. Но одно дело – заниматься научным поиском в условиях госзаказа и стабильного финансирования (хотя и в прошлые годы приходилось бороться за средства, дока-

зывать необходимость выполнения тех или иных исследований), и совсем по-другому оценивает науку рынок.

В институтах Академгородка создано немало локально важных разработок, однако это не конечный продукт, который можно хоть сегодня выставить на рынок. Взять, к примеру, упомянутый выше Институт теоретической и прикладной механики. Здесь создано уникальное экспериментальное оборудование; есть аэродинамические трубы для испытания летательных аппаратов – практически для любых скоростей и параметров обтекания; предложено много разработок, связанных с аэродинамикой летательного аппарата. Но самолет не сделают ни в этом, ни в любом другом академическом институте. Ученые работают с моделями, а чтобы выполнить натурные или полунатурные испытания двигателя и самолета, нужны еще КБ, отраслевые НИИ и заводы.

Раньше Академгородку удавалось достаточно эффективно сотрудничать с отраслевой наукой. Отраслевые институты были посредниками, промежуточным звеном между фундаментальной наукой и промышленным производством. Ученые академических НИИ получали результаты «в пробирке», отраслевые НИИ с их мощными полигонами переводили разработки в полунатуральные условия, а потом – натуральный масштаб и заводское производство. За годы системного кризиса отраслевая наука существенно пострадала. И теперь претензии, предъявлявшиеся раньше к отраслевой науке, начинают предъявляться к академической. От нее требуют, ждут конечных продуктов, которые сразу же можно выдать на рынок.

Почему даже сегодня благополучно работают Институт ядерной физики и Институт катализа? Потому что их основатели, будто предвидя нынешние кризисы, заложили крепкую производственную базу. Оба института способны выдать конечный продукт. В Институте катализа еще и научились торговать интеллектуальной собственностью – особым видом нематериальных активов. Здесь не жалуются на несовершенство законодательной базы, а утверждают, что и в рамках нынешней законодательной базы можно успешно работать, нужны лишь грамотность и навыки. Но эти и еще ряд коллективов стали своего рода исключением из об-

щего правила. А большинство научных институтов не смогли быстро адаптироваться к условиям, которые диктует рынок.

Я не вижу ничего дурного в том, что ученые Академгородка начали зарабатывать на контрактах с западными фирмами. Значит, наша наука конкурентоспособна. Хотя известно, что за рубежом разработки российских ученых нередко покупают за бесценок и наших высококвалифицированных специалистов используют на «подхвате». Жаль, что их потенциал пока не находит достойного применения в нашем регионе. Может, тут сказалась и исходная стратегическая недооценка Новосибирска, где сосредоточены крупные промышленные предприятия.

В Академгородке нет ни одного института, комплексно работающего в области машиностроения (за исключением Института горного дела, где представлено горное машиностроение). Разработки, так или иначе связанные с машиностроением, «разбросаны» по многим институтам. При всем этом производственники и ученые плохо информированы друг о друге. Ученые плохо знают, что нужно заводам, а на заводах не знают, чем им способны помочь ученые. Например, производственники слабо проинформированы о деятельности Технопарка и не бывали в выставочном зале СО РАН, который охотно посещают делегации из Китая и из других стран Восточной Азии.

Чтобы преодолеть этот информационный пробел, мы организовали несколько «десантов»: представители заводов побывали в институтах, ученые – на заводах. После каждого десанта одна-две научные разработки поступали в оборот. Но, конечно, этого мало. Мэрия Новосибирска начала работу по презентации научных разработок в ведущих институтах СО РАН. Управление науки, высшего, среднего профессионального образования и технологий администрации области также начало системно работать над обеспечением сближения науки и производства. Устраиваются выставки, круглые столы, организуется защита конкретных научно-технических проектов, формируется база данных (в соответствии с международными стандартами) о разработках сибирских ученых.

Недавно я побывал на Бердском электромеханическом заводе. Порадовался: там осваивают новую наукоемкую продукцию на

основе разработок ИЯФа и других институтов Академгородка. Безредукторный электроусилитель руля для автомобиля (можно «рулить» без усилий, легким прикосновением мизинца); малодозная рентгеновская установка – ее ждут в сибирских больницах; хроматограф и масс-спектрометр для определения химического состава жидкостей и газов...

Имеется положительный опыт коммерциализации научных разработок и высоких технологий малыми фирмами. Мне, например, симпатична фирма «Мета». Десять лет действует на рынке, делает и продает, в частности, приборы, определяющие удельную поверхность пористых и сыпучих материалов. Приборы привлекают внимание и хорошим дизайном – ему придает большое значение руководитель фирмы Владимир Огородников. Он интересуется и проблемами фильтрации жидкостей. Фирма изготавливает фильтрационные системы, очищающие жидкость от органических и неорганических примесей. Недавно фирма Огородникова и еще несколько смежных фирм провели в Академгородке семинар с виноделами. На семинар приехали технологи винодельческих заводов Сибири и Урала. Обсуждали технологию фильтрации и недостатки фильтров, применяющихся на предприятиях; слушали лекции научных сотрудников. Именно так, совместно ученые, производственники и предприниматели должны «выходить» на новые технологии.

С удовлетворением общаюсь со специалистами фирмы «Эко-Нова», которая тоже давно нашла свою «нишу» на рынке. В нее вошли специалисты из химических институтов, они изготавливают хроматографы. По инициативе руководителя этой фирмы Михаила Перельройзена мы рассматриваем интересный проект. Собираемся создать учебный центр при одной из химических кафедр университета, где специалисты предприятий будут получать дополнительное образование в области аналитической химии. М. Перельройзен хорошо знает, что рынком и сбытом можно управлять и через систему подготовки кадров. Если человек, расширивший знания по аналитической химии и обучившийся на современном приборе, вернется на свое предприятие, он, конечно же, захочет, чтобы там появился такой же прибор.

Областная администрация вместе с Президиумом СО РАН, НГУ и Технопарком пытается объединить предпринимателей, занимающихся наукоемким бизнесом. Организованы ассоциации «Сибакадемсофт» и «Сибакадеминновация». Пытаемся сформировать благоприятные условия для коммерциализации научных разработок. Например, в сентябре в Новосибирской области принят закон «О поддержке товаропроизводителей», где заложен ряд налоговых льгот для товаропроизводителей (в том числе в сфере науки и научного обслуживания).

Уверен, что мы еще будем восхищаться не только сибирской наукой, но и успешной кооперацией ее с сибирской промышленностью, аграрным сектором, сферой обслуживания и бизнесом.

НЕТ СЧАСТЬЯ ДЛЯ ФИЛОСОФА

В.В. ЦЕЛИЩЕВ,
доктор философских наук, профессор,
директор Института философии и права СО РАН

Я провел в Городке около четырех десятков лет. Как старожил знаю подноготную многого из того, что официально стало историей действительно уникального интеллектуального центра. Именно поэтому мне претит, когда история преподносится в мажорном тоне, какой задан слащавыми писаниями Ирины Радунской и Тамары Иловайской в начале 60-х годов. Любая история, согласно модному ныне тезису, представляет нарратив, повествование от первого лица; а нарратив, согласно законам жанра, имеет начало, середину и конец. Другими словами, историк, профессиональный или любитель, имеет заранее цель при описании. И готов «переописывать» все, что случилось с ним или

с его сотоварищами, согласно тому образу или идеалу, который ставит перед собой уже в конце нарратива. Еще одно известное философам положение гласит: история жизни, представленная как нарратив, видится в конце жизни сплошной цепью поражений. Конечно, такой взгляд присущ людям с беспокойным восприятием действительности. Хотя я полагаю, что люди с противоположным сознанием, считающие свою жизнь цепью побед, на самом деле прикрывают бравурными словесами страх разоблачения пустот жизни. Да, это чисто философский взгляд. Кто-то назовет его пессимистическим. Но, наверное, в разговоре об истории Городка такой взгляд оправдан, поскольку нашей отрасли гуманитарного знания пришлось пережить здесь нелегкие времена.

Сейчас все ученые, даже представители естественных наук почувствовали на себе, что значит быть невостребованными, изгоями в обществе – ни денег, ни престижа, ни внимания. А философию такая судьба преследует издавна.

В технократическом Городке философия рождалась трудно, что вполне понятно. Ведь, по Расселу, она является пограничной зоной между религией и наукой (и потому страдает неточностью и неопределенностью, присущими всем гуманитарным наукам). Она еще и несла на себе проклятие «служанки идеологии». Любой ученый прекрасно помнил о роли, отводившейся так называемым «философам» при травле генетики, физики, кибернетики и много чего другого. Да и многие маститые ученые не пренебрегали демагогичной «философской риторикой» во внутринаучной полемике, чем окончательно «опускали» философию до презренного положения в научном сообществе. Еще одна причина негативного отношения научного сообщества к философам – некомпетентность, невежество и идеологическая заданность подавляющей части людей, преподававших философию. Трудно сказать, в какой степени за все эти грехи ответственна подлинная философия – в СССР до хрущевской оттепели ее не видели. Но те молодые люди, вроде меня, которые все же решились заниматься философией, несмотря на ее мерзкую репутацию, имели призрачную надежду, что политическая оттепель даст возможность делать настоящую философию.

Однако, несмотря на эту самую оттепель, в ходу еще долго были и будут штампы вроде «буржуазной философии», что противостоит «диалектическому и историческому материализму», а также «научному коммунизму». Если философ, подобно мне, занимался логикой и философией науки и не клялся ежеминутно в верности идеалам «марксистской» философии, на нем в некотором смысле ставили крест. Это мое мнение легко подтверждается статистикой: где-то в середине 80-х (!!!) годов по логике (одной из десяти специальностей ВАК в области философии) защищалось всего-навсего 0,5% диссертаций и по философии естествознания – лишь 1,5%.

В Институте истории, филологии и философии моим первым начальником был член-корреспондент АН СССР Г.А. Свечников, долгое время служивший инструктором в ЦК КПСС, крайне ортодоксальный марксист. Говорят, М.А. Лаврентьев, не желая заводить у себя философов, долго сопротивлялся появлению философского подразделения в Городке. Но его успокоили, заверив, что этот конкретный философ не станет «опровергать» теорию относительности. Свечникову, как и многим другим советским философам, была свойственна своеобразная «ксенофобия» – хроническое недоверие ко всему, что выразимо не на русском языке. Както в разговоре со мной (а надо сказать, по идеологическим причинам терпеть он меня не мог, как и я его) он сказал, указывая на своего любимого сотрудника: «Вот Резванулла Султанович иностранных языков не знает, и поэтому истинный марксист». Самое смешное, что в некотором отношении это было чистой правдой. Вот так мы жили.

После смерти Свечникова я унаследовал его отдел философии. За короткое время были набраны молодые люди, только что окончившие институт. В течение десятилетия они стали докторами наук. Отдел со своими исследованиями в области логики и философии науки быстро приобрел известность в СССР и за рубежом. В конце 70-х и в начале 80-х годов у нас побывало много «знатных» и именитых гостей. Зарубежные гости с удивлением спрашивали: «Как же вам удается заниматься здесь аналитической философией?» Тот же вопрос я много раз слышал, находясь за рубежом. Полушутливый ответ «Далеко от Москвы!» был полуправ-

дой. Все мы прекрасно понимали, что при нашем философском багаже вряд ли удастся «процвести» даже в Сибирском отделении с его интеллектуальными традициями. Несмотря на это, мы продолжали заниматься подлинной философией. Научная школа, которую мы создали за короткое время, натолкнулась на жесткое сопротивление на всех уровнях. Ярлык «буржуазных философов» прочно прикрепился к нам. Как ни смешно, это тоже было в некотором смысле чистой правдой. А понимание того, что философия едина и не может быть ни «буржуазной», ни «марксистской», мало кого привлекало из власть имущих.

Хорошо помню, как перед визитом в Городок одного из лиц советской иерархии В.А. Коптюг, обходя выставку достижений, с удивлением наткнулся на наш исписанный формулами стенд. На нем были представлены наши последние результаты, ставшие частью, как говорят нынче, «мейнстрима» в тогдашней философии науки (а именно, verisimilitude теории). Глава Сибирского отделения произнес: «Хм, у нас и это есть!» Но это почти ничего не дало для поддержки серьезной философии.

В конце концов наше противостояние с «подлинными марксистами» кончилось тем, что наш отдел, почти сплошь состоящий из молодых докторов наук, соединили с отделом социологии, где был лишь один доктор – ныне член-корреспондент РАН В.И. Бойко. Он и стал нами руководить. У В.И. Бойко был ряд преимуществ перед молодыми философами – он считался близким другом первого секретаря обкома КПСС. А еще он активно занимался «актуальными вопросами ленинской национальной политики». Бойко говорил мне, что буржуазная философия тут развиваться не будет. Он, конечно, ошибся, но это его мало заботило тогда, как, впрочем, и сейчас, потому что об этой самой буржуазной философии он не имел ну никакого, совсем никакого представления. Что, однако, не помешало ему стать членом Академии по отделению философии и в течение долгого времени руководить сначала отделом, где работали философы, а потом и Институтом философии и права СО РАН.

Вряд ли стоит удивляться, что весьма перспективный и уже хорошо известный серьезным философам отдел под таким давле-

нием стал «расползаться». Кто сделал блестящую карьеру в Москве, кто работает профессором в Австралии, кто ушел в успешный бизнес... В общем, типичная картина для невостребованной науки.

Создание отдельного Института философии и права все при том же директоре В.И. Бойко мало что изменило. Разве что окончательно ухудшился статус нашей дисциплины. Ведь одной из причин плачевного положения философии в России по-прежнему было отсутствие профессионалов (и, как следствие, засилие в институтах и университетах «идеологически правильно настроенных кадров»). Право на занятие подлинной философией приходилось отстаивать не только перед партийным и академическим начальством. Гораздо хуже ситуация была с теми самыми «коллегами», которые иностранных языков не знали и знать не хотели, а весь их философский багаж состоял из «цитатника» или проходного курса для студентов. Естественно, что существование в атмосфере, какую они создавали, было делом нелегким.

Если первым своим серьезным делом я считаю организацию отдела философии и создание научной школы в Академии, то вторым по праву можно считать создание философского факультета НГУ. Когда философия в начале 90-х годов усохла и стала совсем призрачной, я не пожалел усилий на создание философского факультета. Таких попыток было несколько. Только при просвещенном ректоре Ю.Л. Ершове удалось организовать факультет, для которого я подготовил программу, продумал идеологию и механизм. Получился факультет нового типа, где идеологические шоры отброшены в сторону (мы первыми в России получили лицензию на магистратуру). Однако и тут мы столкнулись с массой препятствий. Поскольку среди наших преподавателей были и представители различных религий, кто-то пустил слух, дошедший до ушей В.А. Коптюга: дескать, Целищев организовал в НГУ богословский факультет. Я в очередной раз впал в немилость у руководства. Факультет все же встал на ноги, но его положение среди других факультетов напоминает о том месте, которое философия занимает в Городке. Налицо если не ущербность, то игнорирование интересов. Никто уже не отрицает нашей профессиональной компетентности, но поскольку джентльменского равнове-

сия в науках ожидать трудно, то при прочих равных условиях мы оказываемся в невыгодном положении. Хотя, может, следует благодарить судьбу за то, что вообще существуем и занимаемся тем, чем хотели?

Все же в философию пришли новые люди, она стала более профессиональной. Пять лет назад мне с моей программой реформирования философии удалось стать директором Института философии и права. Это тоже означает, что дела как-то идут. За пять лет директорства я смог набрать в институт талантливых молодых людей. Надеюсь повторить философский ренессанс, удавшийся в прошлом. Главным пороком в отношении наук и ученых к философии считаю идею какой-то единой программы, которая подчинила бы себе всех исследователей. Система грантов, несмотря на ее недостатки, противостоит этой идее. Помню, во времена директорства Бойко составили программу, объединявшую всех – логиков, философов, социологов и прочих. Ее выспренняя формулировка заканчивалась через двоеточие комическим признанием того, что вся программа представляет полный компот. «Общее и особенное» – вот что стояло в конце, и до сих пор меня это «общее и особенное» смешит как гримаса некомпетентности.

Я полагаю, что требовать «достижений» от гуманитариев нелепо, поскольку трудно представить себе, что можно считать у них достижением. Скорее, следует говорить о некотором уровне исследований, об интересной книге, о нашумевшей теме. Философии и такие критерии не очень подходят. Она обсуждает слишком сложный круг вопросов, чтобы он мог заинтересовать посторонних. Эта проблема профессионализации обща для всех наук, но почему-то считается, что философия должна быть доступна и понятна больше других профессиональных дисциплин.

Без чистой, свободной от политических догм философии невозможно представить культуру и цивилизацию. Философия способна стать посредником между обществом и наукой. Помочь науке найти свое место в изменившемся мире. Готовить людей к жизни с теми новыми вещами и явлениями, какие создает наука. А главное предназначение философии – уменьшать жестокость в мире и расширять границы понятия «мы», чтобы каждый человек

почувствовал свою родственную связь со всеми народами и со всей живой природой.

Не удивительно ли, что это нужно объяснять и доказывать в Городке, где интеллектуальная атмосфера когда-то считалась его главным преимуществом? Можно было ожидать, что небрежения и пренебрежения к гуманитарным наукам тут будет меньше, чем в любой другой «точке» страны. И что интеллектуальный порыв в Городке увлечет за собой философию, и ей не придется отстаивать свою значимость столь мучительно. Не случилось. И хотелось бы сказать пару слов о том, почему это не случилось.

Нет уже никаких идеологических препятствий свободному развитию подлинно философских исследований, однако же и «счастья нет». Философия как была, так и осталась маргинальной дисциплиной. Впрочем, эта ситуация свойственна всем академическим сообществам мира – философия, остававшаяся в центре внимания в XVII–XVIII веках, надолго уступила место естественным наукам и математике. Теперь это лишь одна из нескольких гуманитарных дисциплин. К тому же, в силу упомянутых исторических причин, с сильно подмоченной репутацией. Обидно только, что Городок, будучи самым северным форпостом подлинной цивилизации в мире и одновременно самым новым из интеллектуальных предприятий крупнейшего масштаба в нашей стране, унаследовал, принял эту маргинальность. А еще хуже то, что маргинальность дисциплины, с точки зрения власть имущих в Академии, обязательно должна распространяться на людей (как в кадровой политике, так и в понимании, кто чего стоит с точки зрения той философии, какой она должна была быть).

У всякой организации, по Максу Веберу, за стадией подъема неизбежно наступает «рутинизация харизмы». К сожалению, философии не посчастливилось насладиться плодами харизматического периода развития Городка. Мифология, возникающая вокруг истории Городка, формируется целенаправленно вокруг культовых фигур и так называемых достижений. Но это именно мифология, которая вряд ли может заменить подлинную историю. Знаменитый французский философ Мишель Фуко заметил, что наука представляет собой социальный институт, куда входят не только

достижения и результаты, но также проблемы финансирования и отношение общества к науке, интриги ученых и сплетни их жен, анекдоты об академической жизни и прочее. Так что «гомеровский» стиль разговора о Городке попросту неуместен. Но такой стиль проявляется даже в топонимике Городка: тут и улицы называют в честь своих героев, хотя правильнее присваивать их имена зданиям, где они работали, аудиториям, где они читали лекции, лабораториям, где они творили.

Подлинная история – это не только фанфары по поводу достижений, но и трезвый анализ фальстартов. Возможно, я слишком чувствителен к парадности официальной летописи Городка, но объясняется это тем, что в такой летописи философии попросту нет места. Я не жажду летописи достижений философии (в гуманитарных науках, как я уже говорил, вообще нет «достижений»). Я хочу видеть, знать настоящую историю Городка, из которой стало бы понятно, почему философия была и остается маргинальной дисциплиной. И я уверен: такая история будет написана и каждому в ней воздастся должное.

ГДЕ ЖЕ ВЫСОКИЕ ЦЕЛИ?

Ю.Л. ЕРШОВ,
академик РАН, директор
Института математики СО РАН

Первые пятнадцать-двадцать лет в Академгородке ощущалась особая, интеллектуально-возвышенная атмосфера. Энтузиазм был нормой жизни и у научных сотрудников, и у студентов. Все чувствовали свою причастность к большому делу. По-моему, мы и делали большое дело. Построить в Сибири мощный научный центр, сравнимый с классическими в Москве и в Петербурге, а в чем-то, может, и превосходящий их... Такое деяние достойно того, чтобы его вписали в историю страны. Дискуссии «физиков» и «лириков», встречи с опальными «бардами» создавали тонизирующий фон для занятий наукой. Сейчас многое утрачено. Хотя некоторые крупные ученые, приезжавшие недавно в Академгородок, говорили, что здесь еще сохранился дух настоящей науки...

Я коренной новосибирец, попал в так называемый «нулевой выпуск» НГУ. В 1959 году, когда открылся НГУ, набрали два курса: первый – обычным способом, через вступительные экзамены, а на второй набирали студентов новосибирских вузов. Я вначале учился в Томском университете (поступил туда после провала на вступительных экзаменах в Московском физико-техническом институте и года работы слесарем-сборщиком, а потом токарем-карусельщиком на Чкаловском заводе). В НГУ из Томска меня отпустили только на четвертом курсе, после того как мать написала жалобу в министерство.

Наукой я начал заниматься в Томском университете. В НГУ ходил на семинар академика Мальцева, ставшего моим учителем. С ноября 1963 года работаю в Институте математики. С февраля 1964-го преподаю в НГУ.

Мощный образовательный центр Академгородка – воплощение правильной идеи академика Лаврентьева. Он был воистину великим человеком. Помнится, академик Соболев однажды сказал: «Не будь Лаврентьева, меня и Христиановича, появились бы другие люди с такими же планами и все равно построили бы Академгородок». Я с этим мнением не согласен. Во всяком случае без Лаврентьева здесь ничего серьезного бы не получилось. Если бы не ФМШ, то НГУ превратился бы в захудалый провинциальный вузик для местных жителей. Уже и сейчас в НГУ слишком много абитуриентов из Академгородка и Новосибирска. Тем не менее ФМШ с ее 600 выпускниками позволяет держать наш университет на всероссийском уровне. У нас учатся представители всего Зауралья – с Камчатки, из Якутии, Казахстана и других азиатских регионов. При этом большинство членов президиума СО РАН видят в НГУ подобие опытного завода для поставки кадров в институты Сибирского отделения. А я считаю, что наш университет стал одним из тех вузов, что готовят элиту общества.

Почти восемь лет я был ректором НГУ – с декабря 1985 года до середины 1993-го. Время начала перестройки, бурного развития и крушения надежд... И в университете сперва все бурлило от социальной сверхактивности студентов, осложнявшей управление вузом. Были забастовки в знак протеста против военной кафедры и

прочие конфликты. А потом мы пережили период полной социальной апатии студенчества, что значительно хуже. Можно поразному относиться к комсомольской организации, но в НГУ она играла значительную и, в основном, положительную роль в воспитании выпускников. После ее «самороспуска» образовался вакуум, и пока его ничем не удалось заполнить.

В этих бурлениях, менявших психологию и мировоззрение, я пытался сохранить все лучшее, что было в НГУ. Думаю, мне немало удалось. К примеру, меня не устраивала «общая идея» перестройки вузовских кафедр общественных наук, сводившаяся к увольнению всех прежних, «устаревших» преподавателей. Но в НГУ преподаватели-обществоведы были вовсе не стандартными и не тупо послушными, большинство из них имели свои точки зрения. Мне удалось «перестроить» преподавание, не травмируя пожилых людей и не лишая молодежь знания. Вместо истории КПСС начали преподавать историю России. На мой взгляд, это лучше, чем оставить вместо прежних идеологизированных курсов пустое место.

Я ушел с ректорского поста, когда почувствовал, что уже не получается, как раньше, совмещать администраторскую работу с научной. Надо выбирать. Я выбрал науку.

К деятельности нынешних руководителей НГУ и Сибирского отделения отношусь отрицательно. И ректор университета Диканский, и председатель Президиума СО РАН Добрецов, выступая на всех уровнях, прежде всего и больше всего говорят об одном – где достать деньги? Понятно, что добывание денег стало «текущей задачей» для руководителей. Но это провозглашается и главной задачей всего Сибирского отделения и университета. На одном из общих собраний СО РАН (имеется в виду собрание в 2000 году. – Примеч. ред.) сформулировано пять основных задач, причем первая – увеличить число источников внебюджетного финансирования. Во всех остальных – ни слова о научных исследованиях.

Наука сегодня не реформируется, а деформируется. Отношение к институту в Сибирском отделении определяется не научными результатами, а тем, сколько у него грантов и контрактов с иностранцами. Передовик у нас – Институт катализа. А по-моему,

в этом институте искажается представление об академической науке. Директор - академик Пармон говорит, что у них создана «научно-техническая компания». Там работают по контрактам. И сотрудник одной лаборатории не может поговорить в «курилке» с коллегой из другой о своих разработках, так как при этом выдаст коммерческую тайну и контракт с зарубежной фирмой будет разорван.

Я ничего не имею против научно-технических, инновационных компаний. Но ясно, что они занимаются уже не академической наукой.

Возникает вопрос: может, академическая, фундаментальная наука не нужна? Один старый московский профессор сказал: если все силы бросить на прикладные разработки, то скоро прикладывать будет нечего. Действительно, имеет смысл обсудить масштабы фундаментальной науки. Возможно, в России ее слишком много. Но совсем ее прекратить?.. Если Россия хочет оставаться великой державой, она должна иметь свою фундаментальную науку. Я в этом убежден.

А государство, судя по всему, пока не решило, что делать с наукой. Какие бы красивые слова о науке ни произносились «наверху», но факт есть факт: государственное финансирование уменьшилось в десять раз. И вряд ли оно значительно увеличится, если Академия наук будет повторять: мы хорошие, дайте же нам все-таки денег... Мы опустились до уровня попрошаек.

Чем тяжелее ситуация, тем нужнее правильно сформулированные высокие лозунги. Это необходимо для развития, чтобы не дезориентироваться, не потерять из виду главные цели. Но и у НГУ, и у Сибирского отделения, и у Российской академии наук в целом не хватает большой идеи. И нет попыток ее сформулировать.

Значительную идею высказал недавно президент России (не знаю, кто его просветил). Он говорил о развитии новых информационных технологий. Понятно, что при нынешнем компьютерном буме на них можно заработать большие капиталы (к примеру, Билл Гейтс стал самым богатым человеком в мире не за счет «прихватизации», а за счет своих мозгов). И для ученых тут – большое поле деятельности. Выдайте лозунг! Но Академия (включая Сибирское отделение) молчит.

В прошлом десятилетии у Сибирского отделения была высокая идея. Идея устойчивого развития, прозвучавшая на конференции ООН в Рио-де-Жанейро и подхваченная прежним руководителем Сибирского отделения академиком Коптюгом... Эта идея затрагивала интересы всего человечества. Правда, переход на рельсы устойчивого развития потребует таких геополитических преобразований, к которым пока никто не готов. Уже ясно, что этих перемен не хочет «золотой миллиард» планеты, не склонный отказываться от расточительного потребления природных ресурсов. В российском правительстве идея устойчивого развития тоже не обрела страстных сторонников. Хотя в России, живущей небогато, легче перейти к мировоззрению, предполагающему разумное самоограничение потребностей. И почему бы Российской академии не поднять снова лозунг устойчивого развития, преданный забвению после смерти Коптюга? Правда, сейчас пропаганда этой идеи будет чистым алармизмом. Ведь пока можно лишь бить в набат и напоминать, что ресурсы Земли не бесконечны...

Нужны и более прагматичные лозунги. Сибирское отделение может вывести из ступора идея сотрудничества с наукой стран Азиатско-Тихоокеанского региона: Кореи, Японии, Китая, Индии и других. В этих странах повышено внимание к образованию и науке. Взаимодействие ученых было бы полезно и для всех государств региона. Но есть ли у руководителей Сибирского отделения потребность в такой масштабной деятельности?

В эпоху перемен и в университете, и в Сибирском отделении, да и во всей Российской академии наук не хватает лидеров лаврентьевского размаха и с гражданственностью Коптюга. Правда, Коптюг вырос как личность только в последние годы, на посту руководителя Сибирского отделения, когда выросли масштабы деятельности. Может, его личностный рост стимулировали и трагические стрессы после «шокотерапии», и выросшее бремя ответственности. А вначале он был, пожалуй, мелковат, починовнически педантичен, старался «разложить все по полочкам». До конца стремился сам заниматься всеми делами по руководству Сибирским отделением, не передавая ни одного серьезного вопроса заместителям. Он знал свой недостаток, но так и не избавился

от него. Это мешало и ему, и заместителям – рядом с ним замы не развивались, не росли. Теперешний глава Сибирского отделения Добрецов, который много лет был заместителем Коптюга, тоже начал медленно меняться, «расти» на председательском посту. Но достаточно ли у него ресурсов, чтобы вырасти в крупную личность? И позволительно ли так медленно выращивать руководителей, когда вокруг все хиреет? К тому же я вообще не вижу в Сибирском отделении таких лидеров, при которых Академгородок сразу расцветет.

И все-таки можно повысить эффективность руководства. Поучителен опыт управления университетами в Германии (я изучал его, будучи ректором НГУ). Там вузом руководят два человека: ректор (или президент) и канцлер. Канцлер ректору не подчиняется. Его назначает правительство, чтобы контролировал правильность использования государственных денег. Похожие функции (хотя и в несколько искаженной форме) в советском вузе исполнял секретарь парткома. Он тоже следил за тем, выполняет ли вуз свое назначение и те задачи, которые ставила партия (а партия ставила государственные задачи). Разумные секретари парткома приносили большую пользу университету. Я до сих пор с удовольствием вспоминаю сотрудничество с секретарем парткома НГУ Миндолиным. В наших отношениях были равновесие, гармония и четкое разделение обязанностей. И сегодня дуэты руководителей с узаконенным разделением функций пригодились бы и в университете, и в академических исследовательских институтах. Потому что крайне редко встречаются директора, способные быть и научными руководителями, и идеологами, и хозяйственниками, заботящимися о своевременном ремонте лабораторий. Особенно недостает в академических институтах менеджеров – спецов по финансированию, по добыванию денег. Может, еще и поэтому академики-директора позабыли о высоких целях?

Выскажу свое мнение о некоторых популярных идеях по реформированию науки. Вряд ли положение фундаментальной науки улучшится, если академические институты подчинить Министерству науки и промышленности, чтобы оно ведало и госбюджетным финансированием. Нынешнее министерство, в лучшем случае,

поддержит разработку новых технологий и прикладную науку, а фундаментальная останется ущемленной, в положении пасынка. По-моему, наука вообще не должна зависеть ни от министра, ни от любого другого чиновника. Не лучше ли оставить фундаментальную науку в ведении Академии с ее 275-летним опытом и авторитетом? Академия вправе получить свой «кусок» в госбюджете и самостоятельно определить, как его расходовать.

Вряд ли нужно специально проводить большие сокращения штатов, на чем настаивают сторонники жестких мер. Тем более, что уже происходит естественное сокращение численности научных сотрудников. Разумеется, останутся в институтах те активные ученые, кому удалось получить гранты и прочие надбавки к мизерной госбюджетной ставке. Чтобы удержать в НИИ талантливую молодежь, нужно предоставлять кредиты на покупку жилья. А те, кому не досталось ничего, кроме госбюджетной ставки, пусть принимают решение сами, без принуждения. По-моему, безнравственно «сокращать» пожилых сотрудников, желающих остаться в институте. А молодые, скорее всего, попробуют устроиться на лучше оплачиваемую работу. Например, в фирмы, занимающиеся интеллектуальным бизнесом – разработкой и продажей программного обеспечения для компьютеров. Хорошо, что такие фирмы появились в Академгородке. Не надо бояться «перекачки мозгов» из науки в этот бизнес. Возможно, некоторые потенциальные ученые, перекочевавшие в смутное время из НИИ в фирмы, впоследствии вернутся в науку.

Нынешнее состояние академической науки вписывается в одно слово: ожидание. Мы ждем, когда появится определенность «наверху». Как решиться на серьезные замыслы, требующие многолетней работы, если нет уверенности, что институт не закроют через три года? Психологический перелом произойдет, когда государство, наконец, решит, что наука в России нужна. И тогда научное сообщество само возьмется за свою реформацию.

Университет по-настоящему оживет, когда начнется новый подъем социальной активности студентов. Приказами «сверху» ее не поднимешь, у студентов должна появиться внутренняя потребность, они должны сами проявить инициативу... В свое время в

университете действовали дискуссионные клубы. В рамках «Интернедели» проходил семинар, обсуждавший реформирование ООН, идею устойчивого развития и другие проблемы цивилизации. Нынешние руководители Сибирского отделения и университета не поддержали организатора семинара Олега Матузова. И неудивительно: геополитический семинар не нужен там, где забыты высокие цели. Наверное, и многим нынешним студентам, которые пришли в университет из семей, задавленных нуждой, – не до дискуссий об ООН. И все же новый подъем не за горами. Недавно в НГУ возобновил работу дискуссионный клуб «Глобалист». Я выступил на одном из его заседаний. Аудитория была переполнена, студенты задавали много вопросов...

Я верю, что Россия не откажется ни от полноценного высшего образования, ни от науки. Хотя роль науки в обществе меняется, нет уже прежней веры в ее всемогущество. После «разгула демократии» ясна ошибочность идеи академика Сахарова, считавшего, что страной и миром должны править ученые. По-моему, эта идея ничуть не лучше ленинского утверждения, что и кухарке следует учиться управлять государством. Пусть ученые занимаются наукой и при необходимости консультируют политиков.

Новый, неожиданный смысл открывается сейчас в словах Вернадского, писавшего, что научная мысль стала планетарным явлением и человеческая деятельность в эпоху НТР сравнима с геологической. Когда-то из слов Вернадского делали сверхоптимистические выводы о грядущем «царстве разума». Но сейчас их правильнее истолковать по-другому: человеческая деятельность сравнима с землетрясениями и с другими стихийными бедствиями. И наука часто становится разрушительной силой. Чтобы все не завершилось вселенской катастрофой, необходима психологическая, мировоззренческая перестройка. Раньше нам внушали, что нужно быть покорителями природы. А сейчас надо воспитывать на принципе «Не убий». Начинать преподавать элементы экологического мышления в школе и продолжать в университете. При подготовке молодых ученых обращать внимание на воспитание чувства личной ответственности. Все это поможет науке найти свое место в меняющемся мире.

ПРОГРЕСС БЕЗ ПОЧВЫ ПОД НОГАМИ

В.П. ФОФАНОВ,
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии НГУ

Я из поколения «семидесятников», которое шло следом за «шестидесятниками» и тоже формировалось под влиянием XX съезда и послесталинской «оттепели». Критическое отношение к нашему обществу сложилось у меня едва не со школьных времен. Я принимал и принимаю принцип социальной справедливости, но считал и считаю: в советском обществе он реализовался гораздо меньше, чем это декларировалось. Критицизм в той или иной степени был присущ значительной части моего поколения. Только потом, по мере взросления, у многих это поразвеялось. А я все же решил разобраться, в каком обществе мы живем.

Отсюда и решение сменить профессию. В философию я пришел из психиатрии (закончил мединститут, проработал три года). Впрочем, профессиональные связи с коллегами-психиатрами я сохранил, иногда публикую научные статьи по психиатрии.

Чтобы понять природу общества, надо разобраться в фундаментальных основах социальной теории. Чем я и стал заниматься. Соответственно, большая часть моих публикаций посвящена довольно абстрактным разделам философии и других социально-гуманитарных наук – в частности, культурологии и политологии. В конце концов я пришел к выводу, что концептуальных средств для описания социальной системы, которая сформировалась в нашей стране, в науке просто нет.

Короче, я занимался наукой, преподавал, а также «участвовал в общественной жизни». Для меня это было формой «включенного наблюдения».

Чем меня привлек Академгородок? Нельзя сказать, что я питал к нему особый пиетет. Про «храм науки» мы еще от Базарова слышали; и не знаю, кто как, а я к сциентистскому пафосу отношусь саркастически. И в молодости слегка иронически воспринимал романтические славословия по поводу «физиков», которые «в почете». Хотя и признавал, что «лирики» (то бишь мы, гуманитарии) «в загоне» – по справедливости: по «трудовому вкладу». А Городок я ценил именно потому, что, несмотря на добродушно-ироническое отношение к социально-гуманитарным наукам, их здесь (по крайней мере, на первых порах) активно поддерживали. Так, именно здесь возникли первые «точки роста» социолингвистики, математической лингвистики, социологии и некоторых других перспективных направлений. Не все, разумеется, получилось, но возможность научного поиска привлекала. Потому я приехал сюда работать – и не пожалел. Уже давно заведую кафедрой философии в университете. Живу здесь немало лет, и за это время вдвойне оценил преимущества Академгородка. Храм не храм, но достаточно высокоразвитый научный центр. И далеко от Москвы, которую не люблю, – и близко.

Философской «почвы» в Сибири не было. Философского «десанта» из столиц в виде сложившихся школ тоже не было. А ведь

именно благодаря «десантам» в Академгородке возникли и математика, и физика, и химия, и биология, и многие другие направления фундаментальной науки. Не то с философией. Философское сообщество в Академгородке и сейчас небольшое. И наша кафедра, и я сам всегда были за сотрудничество со всеми, кто пытался поднимать здесь философскую «целину». Так, я участвовал в организации Института философии и права и некоторое время там работал (по совместительству).

Рост без «почвы» – трудное дело, но выручали возможности Академгородка. Когда на защите моей кандидатской профессор И.И. Матвеенков заявил, что диссертация представляет собой «покушение на материалистическое понимание истории», ничего страшного не произошло. Представляю, что было бы в такой ситуации в Москве! А здесь поспорили-поспорили и проголосовали: один голос – против, остальные – за. Только здесь стала возможна публикация моей первой книжки, в которой я (впервые в отечественной литературе!) выделил «экономическую форму сознания». Разумеется, и в Городке шла острая идейная борьба, и на мою книгу поступали возражения – вплоть до РИСО СО РАН. И на заседании РИСО прозвучало: выделять «экономическое сознание» – это же все равно что выделить в организме новый орган. К тому же у Маркса ни о каком «экономическом сознании» речи не было! Но председатель РИСО академик С.Л. Соболев выразился так: Маркс же писал не обо всем, а потому давайте опубликуем, и пусть специалисты посмотрят – может, и существует оно, это самое «экономическое сознание». Только предложил мне изменить название книги: ведь надо как-то реагировать на критические замечания. В конце концов книга вышла в свет. Потом выходили и другие мои книги – и тоже по довольно абстрактным разделам теории, так или иначе приближавшим меня к пониманию природы общества, в котором мы живем.

Официальная и западная концепции советского общества исходили, как известно, из прямо противоположных позиций. Но, как это ни покажется странным, в ключевом вопросе они едины. И там, и здесь советское общество считали социально однородным. Только в советской науке – со знаком «плюс», а там – со знаком

«минус». Здесь – «социальная однородность», «отсутствие существенных различий и противоречий между социальными группами», «дальнейшее стирание различий», «сближение города и деревни» и т.п. Там – «тоталитаризм», «социальная унификация и монотонность», «единомыслие». Единственное исключение – бюрократия, которая возвышается над обществом и его эксплуатирует.

Вообще, первым констатировал факт «бюрократического перерождения социализма» в СССР Троцкий (в тот период, когда начал проигрывать Сталину). Позднее, после Второй мировой войны эту концепцию озвучивал Джилас, один из крупных деятелей СКЮ и близкий друг Тито. Ее восприняли Итальянская компартия, ряд других европейских компартий и, что сыграло особенно серьезную роль, Коммунистическая партия Китая. В эмигрантском диссидентском движении ее детально разработал Восленский, ставший руководителем одного из крупнейших «советологических» центров в ФРГ (наглядный пример срастания диссидентства и «западной советологии»!).

Я пришел к принципиально иным выводам. Советское общество было многоукладным, с целой гаммой различных социально-экономических укладов. Назову, для примера, некоторые из них. Прежде всего – натуральное производство. Принцип его хорошо известен: сам произвел – сам потребил. Это и знаменитая «картошка», разного рода «мичуринские» участки и тому подобные формы хозяйственной деятельности – в выживании многих слоев они всегда играли не менее существенную роль, чем в нынешнем постсоветском обществе. Это простой товарный и капиталистический уклады производства (в виде так называемой теневой экономики).

Я пришел к выводу о необходимости обобщения самого понятия «социализм». Если отвлечься от конкретно-исторических форм обобществления и не связывать социализм с конкретным классом (например, с пролетариатом, на который делал ставку марксизм), то социализм целесообразно и определить как «обобществление». Обобществление тех или иных богатств, материальных и духовных ценностей, независимо от субъекта и формы этого обобществления. Тогда социализм действительно предстает в виде «всемирного явления», как в свое время это пытался показать М. Шафа-

ревич, находивший социализм и в древневосточных деспотиях, и в государстве инков.

Но если принять, что любой класс может осуществлять обобществление ресурсов на основе присущей ему формы собственности и в целях более полной реализации своих интересов, появляется возможность совсем по-новому представить всемирную историю и трактовать отдельное общество. В частности, появляется возможность выделить две основные группы различных типов социализма – социализм классов эксплуататорских и социализм классов трудовых.

В России реальностью был, например, трудовой крестьянский (общинный) социализм, в развитии которого видел будущее нашей страны Н. Чернышевский. Только западническое «спрямление» всемирной истории и имманентно присутствующая в марксизме как одной из форм западной идеологии интенция сглаживать цивилизационные различия и могли привести к известной формуле о том, что такие русские мыслители, как Герцен и Чернышевский, «двигались в сторону марксизма, но не вполне доросли до него». А на мой взгляд, вся линия поисков социальной справедливости в русле отечественной мысли прервалась из-за того, что, в силу исторического стечения обстоятельств, в качестве идеологии революционного движения в России в конце концов утвердилась западная, пролетарская концепция справедливости, а именно – марксизм. Это имело и позитивные, и негативные последствия.

Впрочем, я отвлекся. Я только хотел показать, сколь многое потребовала переосмыслить логика развиваемого мною подхода, а жизнь не очень-то этому помогала. Жить в обществе и быть свободным от него нельзя, как однажды сказал очень неглупый человек. Вот и я представил однажды на конференции, посвященной юбилею Чернышевского, доклад «Два "Что делать?" в истории русской общественной мысли», где собирался (без всяческих «заострений», разумеется) изложить только что упомянутый сюжет – марксизм как форма западничества в его взаимоотношении с отечественной традицией. Но опубликовать текст доклада я уже не успел, как не успел тогда написать многое другое. Начался новый, «парткомовский» период моей жизни, связанный с В.А. Коптюгом.

Месяца через полтора после того, как В.А. Коптюга назначили ректором университета, заведующих кафедрами общественных наук (В.А. Демидова, К.К. Вальтуха и меня) пригласили на очередное заседание парткома. Была дана информация о каком-то очередном постановлении ЦК и «мерах по его реализации». А потом в рамках «разного» партком обсуждал спорный вопрос.

Дело в том, что академик А.Д. Александров начал читать спецкурс «Этика науки» и в обком КПСС тут же поступил «сигнал» – не то, мол, читает. Из отдела науки и вузов позвонили в партком и предложили принять меры. А надо сказать, что А.Д., как его многие называли, умел эпатировать почтеннейшую публику. Вот, например, один из его коронных номеров. На официальном мероприятии он заявлял: нет, я не верю в коммунизм! И делал паузу. Можно представить, какой мороз проходил по спинам партийных чиновников. А после эффектной паузы А.Д. продолжал:

– Да, я не верю в коммунизм. Для меня коммунизм – не предмет веры, а предмет научного знания, знания законов развития общества. Его неизбежность доказана наукой.

И далее излагал все как по писаному. Зал облегченно вздыхал. Но эффект той паузы, разумеется, оставался. Так что от А.Д. можно было ждать чего угодно. И вот в парткоме завязался спор. Тогдашний секретарь требовал запретить спецкурс. А некоторые другие, в том числе и Коптюг, сомневались: уместно ли это, да и как это сделаешь при авторитете Александрова?

Тут я и предложил: может, сходить на лекции, послушать, что он читает, а потом и решать, что делать.

Все поддержали, а секретарь парткома сказал:

– Правильно, товарищ Фофанов, идея хорошая. А раз этика – философская дисциплина, значит, вам и идти.

Известное дело, инициатива наказуема. Вдруг Коптюг говорит: и я пойду. Так что мы ходили вдвоем. А потом вдвоем беседовали с Александровым. Валентин Афанасьевич отнесся к делу очень серьезно – он очень серьезно относился к любому делу. А тут начинающему ректору «схлопотать» идеологический скандал… В общем, я его понимал. Разговоры с Александровым были непро-

стые; он поставил перед ректором целый ряд проблем, связанных с жизнью университета. Мы, со своей стороны, высоко оценили и его лекцию, и программу курса, сделали некоторые замечания. Ну и тоже высказались по университетским проблемам. В конце концов взаимопонимания достигли. В обком сообщили, что «меры приняты».

А еще через полтора-два месяца подошел срок перевыборов парткома. Коптюг предложил мне поработать секретарем. Мою кандидатуру поддержали в райкоме. Секретарю парткома НГУ полагалось быть «не освобожденным». Как правило, попадал на этот пост кто-то из обществоведов (хотя, например, самым первым секретарем парткома НГУ был как раз академик Александров). И я согласился. Я ведь хотел понять, как работает партийная «кухня». А лучше случая не придумаешь.

Работали мы с Валентином Афанасьевичем в полном взаимопонимании. Примерно через год его избрали действительным членом Академии наук, а еще через год (в связи с отъездом академика Г.И. Марчука в Москву на работу в правительство) Коптюг был избран руководителем Сибирского отделения. Я остался в НГУ, и жизнь постепенно нас развела.

Коптюг рос как личность на посту председателя Сибирского отделения, потому что осознавал остроту общественных проблем и свою персональную ответственность. В 1991 году он чувствовал: все в стране идет к глубокому кризису. Пытался повлиять на ход событий. Сперва пробовал обратить внимание новосибирской и московской номенклатуры на признаки приближающейся катастрофы. Потом перешел к более активным действиям – выступал перед широкой аудиторией, публиковал статьи. Пытался организовать дискуссию, но собеседников не нашлось.

В обкоме очень хотели организовать дискуссию, и меня несколько раз просили написать отклик на его публикации. Я долго тянул, потом все же написал. Получилось, что моя статья должна была появиться в газете как раз 21 августа, во время пресловутого «августовского путча». Естественно, в последний момент ее сняли. Но Коптюга с ней познакомили заранее. И недели через полторы он меня разыскал. Он тогда лежал в «третьей терапии». Разговор

был длинный – и старое вспомнили, и о будущем поговорили. Так возобновилось наше сотрудничество.

Все последующие годы нас вновь объединяла идея борьбы за социальную справедливость. Но многое и разделяло.

Я исходил из того, что социальные силы, которые привели к ликвидации Советского Союза, вызревали давно и что происходящая трансформация имеет свои корни в самой природе многоукладного советского общества. Он, как практически вся оппозиция, объяснял происходящее скорее «субъективными факторами» – предательством Горбачева, изменой Ельцина и т.п. И потому верил в скорую «реставрацию». Я же говорил: никакой реставрации не будет, надо двигаться вперед и стараться, чтобы из набора объективно возможных вариантов дальнейшего развития страна избрала такой, который обеспечит ее выживание и возрождение. «Ельцинский» вариант я считал худшим из возможных, и в оценке его у нас расхождений не было.

Я помогал ему как политический аналитик. А поскольку с течением времени прогнозы мои подтверждались, он стал более внимательно вникать в суть моей концепции советского и постсоветского общества. Да и кроме того, на мой взгляд, у него нарастало разочарование в деятельности КПРФ. По крайней мере, он определенно сожалел, что те материалы по проблемам устойчивого развития, которые мы готовили, в документах и в практике компартии использовались явно формально.

По проблемам, связанным с концепцией устойчивого развития, существенных расхождений у нас не было. После возвращения со Всемирной конференции по окружающей среде и развитию, которая состоялась в Рио-де-Жанейро в августе 1992 года и куда он был приглашен как ученый, активно занимающийся глобальными проблемами, этот круг вопросов оказался в центре его внимания. Ему пришлось буквально «прорывать» информационную блокаду, сложившуюся вокруг конференции в Рио. Дело в том, что новая власть увлекла за собой значительную часть народа лозунгом присоединения к клубу развитых стран: «Возвратимся на путь мировой цивилизации – и заживем, как все!» Но как раз на конференции в Рио признано, что в современных условиях ни одна

страна больше не сможет повторить путь развитых капиталистических стран – уже просто из-за ограниченности природных ресурсов планеты. Более того, признано, что и сами развитые страны должны изменить путь своего экономического развития, – иначе человечество придет к гибели.

Понятно, что и саму эту конференцию, и ее выводы в России старались «замалчивать». А Коптюг, наоборот, видел в этих выводах концептуальное основание для поиска альтернативы курсу на «капитализацию» страны. Опять-таки, полностью разделяя его оценку значения конференции в Рио, я показывал в своих публикациях, что ни «дикого капитализма», ни, как позднее выразился Немцов, «вороватого капитализма» в стране не возникает. Капитализм является пусть несправедливой, но все же формой организации производства, более того – самой эффективной в смысле создания общественных богатств. А в постсоветском обществе, как и в советском, главным способом перераспределения и присвоения богатств осталась имитация продуктивной деятельности.

Не вполне разделяя мои взгляды, Валентин Афанасьевич не только доброжелательно, но и очень заинтересованно относился к моей работе по переосмыслению прошлого. И чем дальше, тем больше воспринимал мой анализ текущих событий. Так, он поддержал публикацию в местном органе КПРФ «Народовластие» моей статьи с критикой программы КПРФ. Когда В.А. Коптюга не стало, в этой же газете меня объявили «агентом западного влияния». На мой взгляд, подобные примеры подтверждают: КПРФ есть лишь затянувшаяся стадия распада КПСС, но отнюдь не форма обновления «социалистической идеи», на что так надеялся когда-то Валентин Афанасьевич. Сожалею, что ход событий помешал ему в полной мере проявить свою внутреннюю эволюцию.

По просьбе Валентина Афанасьевича я начал вести в Доме ученых теоретический семинар, посвященный анализу прошлого, настоящего и будущего нашей страны, а также обсуждению принципов «устойчивого развития». В связи с этим в центре внимания оказалась социальная роль науки и научного сообщества.

Наука так и не стала в полной мере движущей силой развития в советском обществе. Хотя вопрос об «ускорении научно-

технического прогресса» постоянно обсуждался на всех уровнях партийно-государственного управления, так и не удалось создать эффективный механизм применения достижений науки в производстве, механизм взаимодействия науки и практики. Уровень оплаты высококвалифицированного труда постоянно падал. Разумеется, декларировалось прямо противоположное. Важно подчеркнуть, что и реальная экономическая политика, и прикрывавшая ее социальная демагогия стали результатом сложной классовой борьбы в советском обществе. Да, эта борьба велась подспудно, но ее суть в том, что правящей бюрократии приходилось считаться с паразитическими интересами достаточно широких масс населения (в том числе и тех, кто формально назывался «трудящимися»). Когда технические новации не применялись, власть вынуждена была идти навстречу недовольству людей, занятых тяжелым, даже не механизированным трудом, – и повышать им заработную плату отнюдь не в зависимости от роста «общественной полезности» труда.

С другой стороны, высокий престиж науки и относительно высокая в 50–60-е годы оплата научного труда привлекали не только энтузиастов научной истины. По мере того, как научная деятельность становилась массовой профессией, в науку все больше «попер середняк».

«Отдушиной» для науки стала ее связь с ВПК, в интересах которого тоже происходило мощное перераспределение ресурсов (опять-таки отнюдь не в соответствии с мерой общественной полезности затрат).

Академгородок, по сути, и был одной из форм интенсификации развития науки. Назову только три фактора, сыгравших существенную роль. Во-первых, комплексный характер научного центра, создавший возможности междисциплинарного взаимодействия. Во-вторых, наличие механизма воспроизводства науки (НГУ – физматшкола – система отбора наиболее одаренных школьников через сибирские олимпиады). Это позволяло воспроизводить и развивать целый ряд научных школ, осуществлять экспансию науки из Новосибирска во все крупные города Сибири. В-третьих, атмосфера демократизма и научного поиска, предопределившая

всемирную славу Академгородка. Два первых факта упоминают постоянно. Третий, на мой взгляд, явно недооценивают.

Я с глубоким уважением отношусь к плеяде основателей Академгородка. Никого из них не идеализирую; слышал от работавших с ними рядом, насколько это были противоречивые и сложные люди, какие между ними разыгрывались жесткие конфликты. Но я считаю, что борьба различных позиций – это источник развития. Отцы-основатели, как и мы, были детьми своего времени, но сумели придать этому времени свой импульс, наложили на него отпечаток своей индивидуальности. К тому же, человека надо оценивать по его лучшим делам. Академгородок – дело, созданное ими в совместном труде и в борьбе между собой. Дело чрезвычайно важное.

Первоначальный, «романтический» период в истории Академгородка закончился еще в советские времена. Этот период очень противоречив. Да, здесь было значительно больше свободы и больше возможностей, чем в других научных центрах. Но свободой воспользовались прежде всего воры. А в результате сложилась система коррупции, которая, как справедливо отмечает Путин, угрожает безопасности и будущему страны.

Те члены Академии, которые и сегодня остаются живым воплощением прежнего романтического образа мысли и жизни, вызывают у меня сложные чувства. Я понимаю и разделяю их мировоззренческий настрой, отчасти разделяю и их ностальгию по лучшим временам Академгородка, страны в целом. Но разве не они, а вместе с ними и все мы, уже не молодые ученые, разве не мы все ответственны за то, что произошло и со страной, и с Академгородком?

Как получилось, что научное сообщество хотело перемен, было движущей силой этих перемен, а их результаты ударили и по самому научному сообществу? Очевидно, сами ученые чему-то не научились, чего-то не поняли и не смогли объяснить другим.

Уместно еще раз обратиться к В.А. Коптюгу – но теперь уже как к организатору науки. Его роль в судьбе Академгородка в постсоветский период некоторые считают двойственной: безусловно, он помог Академгородку выжить, однако не на-

чал реформирование науки. Да, он был слишком захвачен борьбой за выживание академической науки, тратил много сил на добывание денег и других ресурсов, на поддержку социальной сферы Академгородка. Да, он не соглашался с общей направленностью перемен в России и поэтому, видимо, не всегда поддерживал людей, стремившихся приблизить Академгородок к рыночной экономике. Но можно ли его за это судить? Ведь время было сверхсложное, и на его плечи свалилась колоссальная нагрузка. К тому же, все серьезные дела он «стягивал» на себя, «пропускал» через себя. Иногда даже мелочами предпочитал заниматься сам, а не поручал своим помощникам и заместителям. Работа его захлестывала, он в ней тонул... Возможно, это тоже помешало ему шире взглянуть на некоторые явления. Тем не менее он мыслил масштабнее тех многих ученых, которые свою ситуацию экстраполировали на науку в целом. Если у них в институте успех – значит, и вообще все прекрасно. Если у них в институте обвал – значит, и вообще все ужасно. Он же всегда стремился думать за «систему в целом» – и этим, очевидно, определялась его роль лидера.

Пожалуй, он одним из первых осознал стратегическую опасность отставания социально-гуманитарных наук, понял необходимость преодоления этого порока. В «устойчивом развитии» видел, кроме всего прочего, комплексную задачу, вокруг которой гуманитарии могут объединиться друг с другом и с представителями естественных наук через «призму» экологической проблематики.

Он отнюдь не был противником соединения рынка и науки. Однако понимал, что фундаментальная наука не может непосредственно включиться в систему рыночных отношений, что здесь необходимы госбюджетное финансирование и соответствующие формы организации науки. А дальше – цепочка «приложений», где возможны разные формы организации, но их еще предстоит найти и отработать. На мой взгляд, существо этой проблемы сформулировал великий Пушкин: не продается вдохновенье, но можно рукопись продать… Пушкин сказал это о художественном творчестве, но такой подход применим и к науке. Все дело действительно в том, какие организационные формы окажутся эффективными на разных этапах пути от фундаментальных разработок к практике –

и обратно. Сейчас поиски этого пути активизировались, и хочется подчеркнуть важность не только уже накопленного научным сообществом опыта, но и роль социально-гуманитарных исследований самой науки как сферы общественной жизни.

Коптюг понимал ключевую роль передачи новым поколениям ученых лучших традиций отечественной науки. В самом начале 90-х, когда рухнула вся система так называемой «воспитательной работы» в вузах, мы начали (отчасти по его инициативе) возрождать в НГУ различные формы работы с молодежью, очищая их от бюрократизации, характерной для эпохи «развитого застоя». Так, в частности, возродилась «Интернеделя». А ведь тогда общественная самодеятельность студентов была практически «на нуле».

С тех пор кое-что изменилось. Возникло довольно много небольших студенческих общественных организаций в рамках так называемого «третьего сектора». Однако, по большому счету, на руинах рассыпавшихся общественных структур ничего серьезного не выросло. По-моему, в НГУ остро ощущается необходимость мощной молодежной организации типа комсомола. Это может быть и «левая» организация, действительно – обновленный комсомол. Может быть и «центристская», и «правая» организация – все зависит от выбора самих ребят, благо нынешняя политическая система это позволяет. Напоминая о комсомоле, я имею в виду прежде всего степень организованности и масштаб организации. Нынешняя «тусовка» явно не в состоянии справиться с масштабом проблем, стоящих перед молодежью.

Постсоветское общество, в котором нам приходится жить, отравлено продуктами распада того паразитического социализма, что существовал в советском обществе всегда, паразитировал на трудовом социалистическом укладе и в конце концов подмял его под себя. Можно назвать это кризисом. Для нас кризис проявляется и в том, что прежний Академгородок исчерпал себя, исчерпал прежние ресурсы развития. А проблема нового жизненного цикла, проблема перехода в новое качество пока не решена. И опять возникает та же задача: необходимо радикально переосмыслить и прошлое, и настоящее, ибо, на мой взгляд, только так можно построить конструктивную модель будущего.

Особенно это важно для молодежи. Молодежь должна активнее включаться в общественную жизнь. Иначе деструкция, распад пойдут еще дальше и глубже. Например, можно только догадываться, насколько широко распространилось увлечение наркотиками. Противостоять этому студенты смогут, если будут хоть както организованы. Но для возникновения мощной организации нужна и мощная (по объяснительному, по прогностическому потенциалу) концепция. Значит, надо активнее вовлекать молодежь в развитие современных социально-гуманитарных наук. Видимо, только новые поколения внесут в эти науки качественное обновление. А это, по моему глубокому убеждению, невозможно без освоения лучших достижений советской социально-гуманитарной науки. Чтобы идти вперед, надо иметь опору, иметь почву под ногами.

МЫСЛИ И ЧУВСТВА НА ЗАКАТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ЦЕНТРА ЦИВИЛИЗАЦИИ

В.П. КАЗНАЧЕЕВ, академик РАМН, в прошлом председатель Президиума СО АМН СССР и директор Института клинической и экспериментальной медицины

Почему Академгородок был построен и вырос довольно быстро, несмотря на инертность и косность тоталитарной системы? Вряд ли это можно объяснить только выдающимися личными качествами М.А. Лаврентьева, ставшего основателем крупного научного центра в Зауралье. Необходимость такого цен-

тра назревала, вытекала из тех остаточных задач науки, что были недорешены во время войны. Даже самым консервативным правительственным чиновникам стало ясно: в стране (особенно в азиатской ее части) не хватает специалистов и крупных исследований для космических и военных целей, какие форсировались на Западе.

Но новосибирский Академгородок вырос совсем не похожим на закрытые военно-научные городки. Пожалуй, истинные корни этого феномена связаны не с конкретными государственными задачами, а с работами Вернадского от 1912 года. Тогда Вернадский предложил организовать Комиссию по изучению естественных природных сил страны. КЕПС существует до сих пор, хотя ее задачи трансформировались и деформировались под влиянием обстоятельств. А в начале века, формулируя исходные задачи новой научной структуры, Вернадский разделил всю науку на прикладную и фундаментальную, причем фундаментальную возвысил. Вернадский считал: фундаментальной науке ученый должен отдавать все что есть за душой, а без полета мысли не будет никакой прикладной науки с практическими результатами. Этот идейный импульс стал основополагающим и для новосибирского Академгородка.

Мне казалось, что с новосибирским Академгородком начинается новая эпоха науки как социального инструментария выживания. Помню, как Лаврентьев пригласил меня для разговора о сотрудничестве. Он сказал: «Я знаю, что вы в мединституте занимаетесь исследованиями, связанными с человеком; а здесь, в Академгородке начато много фундаментальных исследований по экологии и биологии. Попробуйте собрать все, что здесь есть, и сконцентрировать вокруг и для человека». Он подошел к карте, висевшей в его кабинете: «Смотрите, какая гигантская территория в Сибири и сколько тут запасов нефти, угля и других ископаемых! А сколько здесь людей и кто тут живет, мы толком не знаем. Не знаем, нужны ли вообще здесь люди, по силам ли им северные нагрузки?» Лаврентьев сказал убежденно: «Конечно, Север голыми руками не освоишь. Нужна техника в "северном" исполнении, требующем особых проводников и смазки, сверхпрочного металла... Каких специалистов надо готовить, чтобы делать эту технику

и обслуживать ее?» Такой разговор со мной состоялся, можно сказать, на старте Академгородка; при этом присутствовал тогдашний секретарь парткома Георгий Сергеевич Мигиренко. В речах Лаврентьева было больше вопросов, чем ответов. На мой взгляд, подобные вопросы не мог задавать «технарь» (Лаврентьева считали технократом). Тут он проявил себя как ученый с широким кругозором, которому не чужды гуманитарные умонастроения. Он не отделял человека от природы и от техносферы. Мне это импонировало. Ведь я побывал во многих экспедициях и видел, как на северах люди замерзают, спиваются, преждевременно умирают.

Лаврентьев поддержал предложение организовать в Новосибирске Сибирское отделение Академии сельскохозяйственных наук, помогал создавать Сибирское отделение Академии медицинских наук. Вначале создавали только Сибирский филиал медакадемии, на большее не хватало денег. Для решения финансовых и прочих проблем нужна была подпись Предсовмина Косыгина. Лаврентьев взял на себя переговоры с Косыгиным. Говорил с ним по «вертушке» из Госкомитета по науке и технике (в тот момент я тоже там находился). Косыгин сказал: «Если вы там, в одном месте "сочините" три академии, то в случае войны вас одной бомбой накроют». Лаврентьев возразил: «Три академии не накроют, а вот одну-то накроют!» Косыгин ответил: «Ну, коль так, стройте».

Думаю, Лаврентьев был инициатором союза трех академий в Сибири. Народ и армию надо кормить – для этого ВАСХНИЛ. Землю и воду надо беречь – и экологией тоже должен заправлять ВАСХНИЛ. А Сибирское отделение «большой» Академии займется техническим прогрессом (для этого в Академгородке создано «кольцо» НИИ и КБ, где предполагалось и разрабатывать фундаментальные идеи, и «клепать железки»). По замыслу Лаврентьева, Академгородок должен был стать как бы «солнечным сплетением» всей сибирской науки. Он формировался как методический и кадровый центр – для этого университет и физматшкола. По настоянию Лаврентьева появилось и военное училище. Он считал, что военным положено присутствовать там, где собраны ученые трех академий. Построили танкодром. Поставили бронированные двери в подвалах академических коттеджей. Ведь в пору «холодной вой-

ны» новосибирский Академгородок считался стратегическим объектом и был, можно сказать, на прицеле. К тому же он выполнял значительную долю «военного заказа». При всем этом гуманитарность, человечность заложены в фундаменте Академгородка (технократическим он стал позже, при содействии журналистов, односторонне оценивавших многие явления и события).

Мы с Лаврентьевым часто встречались, обсуждали задачи сибирской науки. Он внимательно следил за новациями в медицине, был в курсе основных тенденций. Памятен еще один наш разговор – о том, чем следует заниматься Сибирскому отделению медакадемии, которым я тогда руководил. «Ты не лечи! – говорил Лаврентьев. – Пусть Минздрав лечит и строит больницы. А Медакадемия должна открывать новое и думать о том, чтобы люди не болели».

В Сибирском отделении Академии медицинских наук проводились фундаментальные исследования генетики человека и малых народов, генетики смешанных браков и этнических изолятов. Изучались особенности питания, инфекций и эпидемий на Севере. Ученые-медики взяли на себя основную нагрузку «человековедческих» экспедиций, изучали особенности адаптации и утомление человека на Севере, его восстановление и реабилитацию. За все время существования Сибирского отделения Академии медицинских наук проведено более 300 полярных экспедиций, стартовавших в те годы, когда ученые-медики и ученые Сибирского отделения «большой» Академии взаимодействовали как единый организм.

Ученые-медики внесли много предложений по «очеловечиванию» экономики. Некоторые учтены. Например, смену работающих на Севере проводили в зависимости от «конституции» человека – спринтерской или стайерской, рассчитанной на кратковременные или продолжительные нагрузки. Разработан ряд профилактических мер против переохлаждений. А самое крупное наше достижение – введено понятие системы жизнеобеспечения, строящейся на постоянной информации о том, сколько людей рождается и умирает в регионе, сколько приезжает и уезжает, чем люди кормятся и чем дышат. Мы доказывали: необходимо научно обосновать и рассчитать все, без чего невозможна более или менее

полноценная жизнь в экстремальных климатических условиях. При разработке северных моделей системы жизнеобеспечения использовались математические схемы из космической медицины. Мы рассматривали Север как территорию большого космического корабля, а население Севера представляли экипажем, вынужденным жить в критических условиях. Подобная модель отчасти реализована в Норильске. А понятие системы жизнеобеспечения вошло в мировую литературу. Использовали в мировой науке и введенное нами представление о проточной популяции. Мы показали, что в некоторых «осваиваемых» северных регионах население ежегодно меняется на 80%. Впоследствии проточные популяции были замаскированы под вахты.

Я всегда интересовался дискуссионными научными вопросами. Всем, что обычно относят к метафизике. Тут телепатия, экстрасенсорный феномен и другие явления, которые существуют, однако их очень трудно воспроизвести в научном эксперименте. Но если наука сконцентрируется целиком на физике, опирающейся лишь на легко воспроизводящиеся и точно доказанные факты, то будет навязывать человечеству знания об 1% явлений для управления природными и космическими системами. Мне кажется, Лаврентьев понимал ограниченность «официального» естествознания. Во всяком случае он как любознательный естествоиспытатель поддерживал нетрадиционные опыты в Академгородке.

К примеру, здесь при Лаврентьеве проводили исследования трансперсональных психических связей. Это было в конце 60-х, когда в нашей стране начались первые «закрытые» опыты такого рода. Я считал, что подобные исследования можно и нужно проводить в Сибири, где этим займутся не «узкие специалисты», а представители разных наук. Обратился с таким предложением к директору Института механики Константину Борисовичу Карандееву, ныне покойному. В этом НИИ уже действовала небольшая лаборатория для парадоксальных опытов, их ставили вместе с медиками. После разговора со мной Карандеев подготовил материал, доказывающий необходимость расширения таких опытов. К нему приехал некий офицер Перов, и после их встречи целый этаж в Институте механики предоставили отделу, изучавшему транспер-

сональные взаимодействия. Перов организовал эксперименты, казавшиеся в то время фантастикой. Брали кроличье семейство; крольчат увозили в Кемерово и там помещали в подвал, а крольчиха оставалась в Новосибирске. Записывали энцефалограмму мамы и детенышей. Когда маму травмировали, то и на энцефалограмме детенышей фиксировался «всплеск». То же происходило и с энцефалограммой крольчихи, когда причиняли боль детенышам. Я тоже принимал участие в подобных исследованиях, продолжавшихся до тех пор, пока во главе Сибирского отделения стоял Лаврентьев.

Своеобразными, неповторимыми были и человеческие отношения в тогдашнем Академгородке, где собрались лидеры, талантливые ученые, ставившие перед собой романтичные задачи. Сформировалось настоящее научное братство. Вначале не было разделения на боссов и подчиненных, все держались на равных. В этой среде не отвергались инновации (во всяком случае, позволялось высказывать и обсуждать любые идеи). В коттеджах устраивались дискуссионные семинары. Я постоянно участвовал в семинарах кибернетика Алексея Андреевича Ляпунова, где обсуждались всевозможные эволюционные проблемы. Помню яркие доклады Раисы Львовны Берг... Потом семинар продолжился в коттедже геолога Яншина; там собирались не только геологи, но также историки, археологи и другие ученые. Впоследствии часть семинара перекочевала в мой дом. Я приглашал и приезжавших в город известных поэтов, музыкантов, художников. Мы как бы обменивались творчеством. Глубоко изучали наследие семьи Рерихов. Кому-то тогдашний Академгородок казался оазисом, кто-то видел тут воплощение глубинных отечественных традиций, которые в других местах глохли и замирали под партийно-бюрократическим прессом. Академгородок тех лет был гуманитарно-просветительским, первичными тут считались интеллектуальные и духовные потребности. И соперничество почти не ощущалось. Конкурировали только крупные научные школы, их конкуренция была здоровой и честной.

На мой взгляд, Академгородок вместе с сельскохозяйственным и медицинским научными центрами стал крупнейшим интеллектуальным центром цивилизации. Но взлет, восхождение не

длится вечно. В послехрущевскую эпоху активизировались интриги против Лаврентьева: мол, он задумал отделить Сибирское отделение от Академии наук СССР и создать Сибирскую академию. А в ЦК обычно резко реагировали на стремление уйти из-под власти Москвы. На «верхние этажи» поступила и такая кляуза: дескать, Лаврентьев спивается в компании сомнительных экспериментаторов. Обернулось это трагедией – в один из первомайских праздников перерезала себе горло Александра Васильевна Алёшкина, директор диспансера. В свое время она содействовала налаживанию контактов между мной и Лаврентьевым. А в кляузном письме ее обвиняли в том, что она споила главу Сибирского отделения.

После ухода Лаврентьева прежний курс Академгородка стал размываться. Орнамент жизни менялся: сузились горизонты, поблекла яркая многоцветность позиций, иссякло человеколюбие, угас гуманитарно-просветительский потенциал, разрушилось товарищество. После прежнего вольнодумства в моду вошли приспособленчество и карьеризм. При Марчуке, сменившем Лаврентьева на посту главы СО АН, все в Академгородке стало как бы более законно. И формально. И к медицинской науке Марчук относился иначе, чем Лаврентьев. Он считал, что медицинской науке положено, прежде всего, думать о лечении больных. Не без его влияния профилактическая, гуманитарная основа сибирской медицинской науки стала атрофироваться. В дальнейшем медицинская наука окончательно попала «в переплет» к чиновникам Минздрава; ее попытались механически объединить с лечебными учреждениями, но ничего хорошего из этого не получилось.

А Коптюга, ставшего преемником Марчука, вообще не интересовала ни медицинская, ни сельскохозяйственная наука. Он углубился в социальные проблемы, связанные не с эволюцией и здоровьем человека, а с государственными и геополитическими системами. И сибирский союз трех академий распался. Сибирская же экономика с ее масштабным строительством и «освоением» месторождений стала обесценивать человека.

Я участвовал в трех или четырех экспедициях, организованных прежним директором Института экономики академиком Аганбегяном. Знаю, что после этих экспедиций готовилось много об-

зорных и аналитических материалов экономического характера (какой транспорт в том или ином регионе, сколько добывают полезных ископаемых, сколько это стоит и т.п.). Но все меньше внимания к человеку. И сибирская прикладная социология лишь обслуживала экономические доктрины да беспокоилась о том, как больше «выжать» из человека для производства. Целые десятилетия я и мои коллеги безуспешно доказывали ученым-экономистам и местным властям: нужно ввести хотя бы в нашем регионе критерий, оценивающий подлинную эффективность и человечность экономики. Посмотреть, сколько человеко-часов здоровой жизни затрачивается на единицу ВВП – внутреннего валового продукта. Но и в науке, и в экономической практике, и в государственной политике не сделали ни шагу в этом направлении. Победила технократическая идеология.

Я дважды побывал в крупнейшем металлургическом центре США. Настрой там тоже технократический, однако технократизм технократизму – рознь. Американцы построили для своих работников такой диспансер, какой я до этого не видел ни в нашей стране, ни в других доступных мне странах Запада. При расстановке людей у конвейера учитывались их физиологические особенности (например, кто правша и кто левша), их возраст. При заключении трудового контракта выдвигалось требование – не курить. Поймают курящим – уволят. Фирма ценила здоровье работника. Если человек проработал года три-четыре и его «повышали» в должности, то ставили условие – жена не должна работать, пусть заботится о детях. И доплачивали мужу сумму, какую зарабатывала жена. А детей приглашали в колледжи и вузы, готовящие кадры для этого же центра. И на предприятиях Форда – такая же система. Правда, о будущем поколении заботятся не ради него самого, а ради обеспечения производства. Но хотя бы так... А наш социализм лишь обострил вопрос о человеке как средстве производства и инструменте для решения государственных задач, но не сделал его хозяином страны, хотя все лозунги кричали, что советский человек – хозяин. Теперь у нас утверждается экономика обреченного, гибнущего производителя. Ведь она рассчитана на дешевую рабочую силу. Фактически на бомжей, потому что на жилье ны-

нешняя молодежь заработать не в состоянии. До пенсионного возраста живи где-нибудь в канализационном колодце, а после «играй в ящик», поскольку на пенсионные копейки нормально жить невозможно. По-моему, экономика не выздоровеет, пока не станет настоящей политэкономией. Похоже, нужно возвращаться к Марксу, которого плохо читали и коммунисты, и антикоммунисты. Как сейчас не согласиться с таким выводом Маркса: люди через экономику и через производство производят друг друга и общество! Через нынешнюю экономику с диктатом «дикого» рынка производится беспредел.

А что Академгородок? Плывет по течению. Состарился, как старится любой организм. Новое поколение не пошло по стопам «отцов-основателей». И прежний интеллектуальный центр цивилизации стал локальной научно-коммерческой структурой, не более того. Хотя, бесспорно, он даже сейчас отражает уровень культуры цивилизации. И все еще остается престижным для страны. Однако перспективы неясны. Вроде, неплохо, что Академгородок много делает для образования (ученые Академгородка преподают не только в НГУ, но и в медицинском, в техническом университетах). Но неизвестно, к чему приведет нынешнее высшее образование (в основном, платное). Не формируется ли в вузах поток потенциальных эмигрантов, считающих, что родина там, где больше платят? Беспокоит меня и пресловутая «борьба с лженаукой», развернутая от имени Академии наук группой ортодоксальных физиков. Многие не принимают всерьез эту политизированную кампанию, а я вижу в ней признаки деградации не только Академгородка и Академии наук, но и всей страны.

Знаю, что многие считают: спасительный шанс для Академгородка, для страны (а может, и для всего человечества) давала идеология устойчивого развития, которую пропагандировал предыдущий глава Сибирского отделения РАН Коптюг. У меня с Коптюгом были уважительные отношения; мы нормально взаимодействовали, когда речь шла о различных организационных делах. Но такого сотрудничества, как с Лаврентьевым, не получалось. Я не приемлю идеологию устойчивого развития (ни в коптюговской трактовке, ни в варианте, озвученном на конференции ООН в Рио).

Возможно ли вообще устойчивое развитие? По-моему, либо устойчивость, либо развитие, эволюция с неизбежными резкими скачками. Может, эта идея – некий благой символ? Но на абстрактных символах и патриархально-идеалистических представлениях нельзя строить прогноз для всего земного шара – тем более, когда наша жизнь стала цепью катастроф. Нельзя строить глобальные проекты на добрых пожеланиях (чтобы человек человеку был друг, товарищ и брат) и на утопиях типа кампанелловских. Разве это не доказал исторический опыт? Но науке нельзя обслуживать и нынешний конкурентный, милитаризованный, варварский вариант выживания, к которому возвращается население планеты. Ученые должны иметь высокие идеи и благородные цели.

Может, пора вспомнить о великой отечественной космогонии, об идеях Вернадского, Циолковского, Чижевского, Ломоносова. Запад гордится Эйнштейном с его теорией относительности, но она используется для технократических целей, стала символом технократической, неэкологичной цивилизации. А российский космизм породил идеи, зовущие человека к нравственному, интеллектуальному, физическому совершенствованию, к гармоничному сосуществованию с природой и с эволюционирующим космическим разумом.

Я считаю очень перспективной идею Вернадского об автотрофном человечестве, которое научится усваивать космическую энергию с помощью новых технологий. Люди уже идут к этому. Одежда из искусственного волокна, пища из искусственного белка – это ступени к автотрофному будущему. Это техносфера, которая когда-нибудь поможет человеку жить, не вредя биосфере, природе.

Современному миру, взрывающемуся национальными конфликтами, не хватает иного представления о гражданственности и патриотизме, основы которого заложены в российском космизме. Высшая гражданственность утвердится, когда люди поймут: Земля – общая родина для всех наций и единственное наше отечество в космосе. И никакая страна, ни один политический блок в отдельности не в силах спасти и сохранить человечество и планету. Между тем государственные структуры продолжают использовать науку в политических целях, для защиты националь-

ных интересов, узконационального эгоизма. А сегодня необходимо объединить интеллектуальные, духовные усилия всех наций, всех людей – ученых и не ученых. Перед всеми нами встает космическая задача, о которой писал Вернадский, – строительство ноосферы, царства разума на Земле. Пока трудно сказать, что здесь пригодится больше – глобальная компьютеризация или воссоздание всеобщей телепатической связи, которая, по моему глубокому убеждению, соединяла людей в далеком прошлом. В поиске верных «ноосферных» решений проявится высшая форма планетарного патриотизма и планетарной гражданственности. И не нужно откладывать эту задачу на далекое будущее. Пора создавать международную программу по автотрофности, ведущей к ноосфере. Ни одна нация не может оставаться в стороне от этого дела.

И у Академгородка появится шанс. Без высокой миссии он растворится в среде, рассеется, как мираж. Почему бы сибирским ученым не взяться первыми за развитие идей отечественных космистов? Академгородок еще способен стать Институтом человека, то есть международным или государственным научно-исследовательским центром по проблемам человека и экологии. Главная его задача – помочь человечеству избежать генетического дефолта, при котором не включается конструктивная генетическая программа. Потребуются и комплексные исследования состояния биосферного генома, чье равновесие нарушено непродуманной технической деятельностью человека. И изучение миграционных потоков, пока они не захлестнули всю планету. Пришла пора и для «самопознания» науки, для гуманитарного анализа некоего суммарного итога научно-технического прогресса. Мы должны дать отчет прежде всего самим себе о собственных достижениях и прегрешениях. Должны очиститься от амбиций, мешающих видеть: все, что придумала и еще придумает наука, уже существовало в природе. И для ученого нет достойнее задачи, чем восстановление и сохранение подорванного здоровья биосферы.

В ПУТИ К «СОБОРНОМУ РАЗУМУ»

Н.Г. ЗАГОРУЙКО,
доктор технических наук, профессор
(Институт математики СО РАН)

По-моему, будущее Академгородка изображено в его символе – «сигма» с затухающим импульсом. Уже затухает импульс, которым был заряжен Академгородок в первые годы...

Я мечтал стать не ученым, а артистом, хотел даже поступать во ВГИК. Но поступил в Ленинградский институт киноинженеров на электротехнический факультет, где обучали инженеров-электриков в области акустики и звукотехники. О создающемся Сибирском отделении Академии наук услышал, когда уже закончил аспирантуру и работал мэнээсом. Наука меня интересовала, я даже ездил в Москву на семинары академика Капицы в Институте теоретической физики. Зашел «на разведку» и в московское представительство Сибирского отделения, оставил там свои документы. И через некоторое время ко мне приехали два человека из создавав-

шегося в Сибирском отделении Института математики: «Занимаешься магнитной записью? Для нашей вычислительной техники это нужно, поехали».

Для меня Сибирь – родные края (вырос в Краснозерском районе Новосибирской области). А жена-ленинградка, отправляясь вслед за мной, чувствовала себя почти декабристкой. Но обошлось без особых трудностей, мы сразу же получили квартиру (как и многие из приехавших в начале 60-х). Академгородок со всеми институтами создавался на наших глазах. Атмосфера – тонизирующая, все работали с азартом. В то время можно было остановить на улице первого встречного, взять за пуговицу и пообсуждать с ним любые «безумные» идеи. Все знали друг друга, всех тянуло к общению, физики и математики «пересекались» с биологами, медиками, социологами... Ни пьянства, ни краж, ни хулиганства. В строящемся Академгородке жили, в основном, молодые энтузиасты и ученые-корифеи.

Вскоре я занялся исследованиями, которые многим казались фантастическими. Может ли человек разговаривать с ЭВМ? Пока он «общался» с машиной, нажимая клавиши. А если научить машину слышать и узнавать (или, как выражаются специалисты, распознавать) человеческий голос, понимать речь?

Всем начинающим исследователям кажется, что это легкая задача. Но научив машину «распознавать» десять команд одного диктора, мы увидели, что она перестает понимать те же команды, если звучит другой голос. Увеличив число слов в командах до 40, опять споткнулись о барьер во «взаимопонимании». Наконец, решили впервые применить в диалоге с ЭВМ известный в математике метод динамического программирования. Я бы сравнил этот метод с резиновой пластиной, натягиваемой на горный хребет. Нечто подобное мы делали, сглаживая неровности человеческой речи: одни звуковые сигналы «сжимали», другие «растягивали»... Машина начала распознавать 200 слов. По тем временам – мировой рекорд!

Наша лаборатория стала лидером в стране и организовала уникальное научное сообщество – летнюю школу-семинар «АРСО» (Автоматическое распознавание слуховых образов). Сначала се-

минар проводили ежегодно, потом – раз в два года. Собирались «речевики» со всего Советского Союза, из Венгрии, Чехословакии, Польши и других соцстран. Учились (корифеи читали обзорные лекции для начинающих), обсуждали результаты работы, намечали темы будущих исследований. Мы провели 17 семинаров. Я возглавлял программный комитет. Фактически это был неформальный всесоюзный институт. Все одобренное нашим сообществом признавалось стóящим и в Академии наук. Кого только не заносило на наши семинары! Приезжали не только инженеры и физики, но и физиологи, лингвисты, психологи – все, кто с той или иной стороны интересовался речью. Заказчики наблюдали, кто чего стоит, и прикидывали, кому давать деньги. Заглядывали к нам и «искусствоведы в штатском» – сотрудники КГБ...

После распада СССР распались и наши коллективы, и семинар. Заглохли исследования по устному диалогу с машиной. Нам пришлось остановиться, когда машина безошибочно распознавала 400–800 слов в командах одного диктора. Но «сверху» смотрели на все это как на игрушку, на которую не стоит тратить деньги в кризисное время.

За рубежом к подобным «игрушкам» относятся серьезно. Знаменитый руководитель фирмы «Майкрософт» Билл Гейтс, приезжавший в Академгородок, сказал: «Главный тормоз компьютерного рынка – отсутствие устного диалога с машиной». Из-за этого к компьютеру не приобщаются многие люди старшего поколения. Кому-то не хватает образования и сообразительности, кто-то не может нажимать клавиши, потому что дрожат руки; кому-то трудно преодолеть психологический барьер... Мне рассказывали, как безуспешно пытались научить работать с компьютером одного российского министра. Компьютер станет общедоступным, когда можно будет с ним разговаривать. В Японии, в США и в Западной Европе интенсивно продолжают исследования в этом направлении. В США поставили грандиозную задачу: научить машину понимать до 20 тысяч слов, свободно общаться с любым человеком. Но результаты пока «полулабораторные». Наибольших успехов добились во Франции. Там горожане разговаривают со «справочным» компьютером по телефону. Можно спросить о метеопрогно-

зе, о театральном репертуаре, о вакансиях и о прочих ходовых новостях...

А многие наши «речевики» вынуждены заняться другой работой. Одни ушли из науки в коммерцию, другие сменили тему исследований. Я никуда не ушел и ничего не менял. Просто усохла одна ветвь моей деятельности. Я перестал учить машину понимать речь, но продолжал учить ее обнаруживать скрытые закономерности. Машине предлагаются таблицы, протоколы и прочие наборы информации из разных сфер человеческой деятельности – социологии, экологии, экономики, медицины. Обнаружив закономерности, машина может выдать прогноз, поставить диагноз…

Еще одна важная и трудная задача в области искусственного интеллекта – научить машину читать тексты статей, книг, патентов на естественном языке. Чтобы машина понимала смысл прочитанного. И такой задачей занимаюсь я вместе с сотрудниками нашей лаборатории.

Так что нам грех жаловаться. Продолжаем перспективные работы, используем средства, полученные по грантам. В рамках Сибирского математического конгресса проводим конференции по методам автоматического обнаружения закономерностей.

Я человек общительный, раньше всегда занимался и общественной деятельностью. Диапазон – от комсорга и парторга до лидера неформальных объединений. Никогда я не замыкался только на работе. И, кстати, исследования показывают: научные работники, всецело погруженные в науку, – не самые продуктивные. Двадцать пять процентов времени нужно тратить на другие дела и хобби. Это расширяет кругозор, не позволяет «зашориться» и остаться на всю жизнь узким специалистом.

Я стал одним из организаторов клуба «Под интегралом», который помог расширить кругозор многим ученым, но вызвал резкую реакцию в партийных инстанциях. Становление клуба происходило в 1961 году. В то время сюда приезжало много знаменитостей – физик Капица, генетик Тимофеев-Ресовский, другие питерские и московские академики. Им было интересно посмотреть на Академгородок, а нам интересно их послушать. Кроме официальных встреч, организованных Президиумом Сибирского отделения

в конференц-зале Института геологии, устраивались и неформальные встречи в узком кругу – в основном, в нашем Институте математики. Он тогда располагался в доме № 43 по Морскому проспекту, на первом этаже. В одной из трехкомнатных квартир сидел весь «административный аппарат» института (директор – академик С.Л. Соболев, бухгалтерия и – на кухне – ученый секретарь); в другой мы устраивали «междусобойчики». Приглашали не только приезжих знаменитостей, но и ученых из разных институтов Академгородка. Получился клуб межнаучных контактов. Каждый делился своими прогнозами и мечтами, рассказывал, зачем сюда приехал и что хочет сделать. Физики говорили, что хотят разобраться в устройстве ядра. Я хотел сделать машину, которая бы обладала интеллектом. Биологи мечтали о чем-то таком, что после осуществилось при открытии молекулы ДНК...

Мы решили превратить стихийный «междусобойчик» в нечто постоянно действующее, с учебными занятиями. Например, многих интересовали проблемы квантовой физики, сверхпроводимости. И физики рассказывали нам об этом. От биологов узнавали о новостях в их науке. Мы друг друга образовывали. Не помню, как (самостийно-самозванно или демократическим путем) возникла группа организаторов, устраивавшая встречи и приглашавшая людей. Мы написали устав – несерьезный по форме, но серьезный по существу. Главной целью объявили познание. И, кстати, почти все ходившие в наш клуб стали заметными учеными, докторами наук. На заседания клуба заглядывали и авторитеты Академгородка – С.Л. Соболев, Г.И. Будкер, М.А. Лаврентьев.

Неприятности возникли позже, когда к нам стали заходить приезжавшие из столицы люди, которых слегка «зажимали» власти и Академия наук. Высказывались завиральные идеи – например, из области кибернетики (в научных кругах ее уже признали, а в философских словарях еще называли буржуазной лженаукой). Все потихоньку политизировалось, зазвучали диссидентские нотки... И клуб «Под интегралом» приобрел репутацию не самого благонадежного и законопослушного собрания. Тем более, когда он, не ограничиваясь межнаучной деятельностью, стал организовывать художественные выставки и концерты, приглашать арти-

стов, в том числе и опальных «бардов». Клуб разросся (появились разные секции и подсекции) и переехал в новое помещение, где сейчас «Сибакадембанк». Не помню, как и почему он распался, – то ли отобрали помещение, то ли все запретили после «разборок», устроенных возбужденной властью. Я в то время уже отходил от клуба. Переключился на «Факел».

«Факел» возник в конце 60-х. Все началось с элементарного. В Вычислительном центре, которым руководил Г.И. Марчук, модернизировали старую вычислительную машину; понадобилось напаять много ячеек. Кто-то сказал: это могут сделать студенты и молодые инженеры, если им немного приплатить. Пусть какая-нибудь организация примет их на временную работу «по совместительству». Если бы договориться с райкомом комсомола...

С райкомом комсомола договорились, и он открыл специальный счет. На этот счет перечисляли деньги заказчики, которым, как и ВЦ, нужно было срочно что-то сделать, проверить и «внедрить» новые разработки. Райком нанимал молодых инженеров Академгородка и студентов. Затем стал привлекать специалистов с предприятий Новосибирска и других городов. Одно время в «Факеле» работала даже американская семья. В оплате труда ввели одинаковое для всех ограничение: не более половины ставки заводского инженера второй категории. А ведущие научные сотрудники участвовали бесплатно, чтобы реализовать свои идеи.

Сфера действия «Факела» быстро расширилась. Вскоре среди заказчиков появились не только институты Сибирского отделения, но и такие знаменитые столичные фирмы, как «космическое» КБ Королева. В «Факел» входило до 6 тысяч человек – каждый пятый сотрудник Сибирского отделения. Но это была виртуальная организация. Занимали мы всего три комнаты в ФМШ, где заседал наш совет директоров, помещались отдел снабжения и бухгалтерия. А все остальное делали «на базе» институтов, с которыми заключали договоры. В этом не участвовал только ИЯФ: там получали двойное финансирование – от Академии наук и от Минатома; директор Будкер неплохо «подкармливал» своих сотрудников и следил за тем, чтобы они «не отвлекались». А остальным институтам сотрудничество с «Факелом» было выгодно. Ведь им платили за ис-

пользование оборудования и «продвигали» работы по их тематике. У нас появился научный совет во главе с академиком Н.Н. Яненко (в него входили А.Г. Аганбегян, Е.И. Шемякин и другие известные ученые Академгородка).Он решал, стоит ли заключать договоры с той или иной организацией и когда делать те или иные работы. Научный совет, подобно фильтру, отбирал заказы, определял научную политику «Факела» и прикрывал его своим авторитетом.

Кстати, одним из проектов «Факела» руководил кандидат наук, будущий глава Сибирского отделения В.А. Коптюг. Под его руководством создавали обширные информационные системы для темы «Компьютерная химия», собирали сведения о биологически активных веществах и соединениях. Такую компьютерную базу данных заказали химические предприятия, занимающиеся производством удобрений и гербицидов. Во время работы над этой прикладной темой специалисты, которых набрал Коптюг, сплотились в коллектив, способный решать и более сложные задачи.

«Факел» не только помогал становлению известных ученых, не только ускорял внедрение новых технологий. Не простаивало дорогое оборудование в институтах. И молодежь не валяла дурака вечерами, а занималась делом. От прибыли «Факела» финансировалось множество секций и клубов: альпинистский клуб «Вертикаль» и клуб «Терпсихора», где занимались аэробикой и бальными танцами, секция подводного плавания и клуб для «трудных» подростков. Каждый год на деньги «Факела» организовывался летний лагерь, где подростки два месяца отдыхали и работали, занимались спортом. А воспитателями мы приглашали курсантов военно-политического училища.

Первые неприятности у «Факела» появились, когда во многих местах начали неудачно перенимать наш опыт. Одними из первых организовали хозрасчетную фирму в ДОСААФ. Но финансовая ревизия показала, что у них не все чисто. Потом образовалась фирма из академгородковских историков, – они писали заказанные «биографии» предприятий. Возникло несколько фирм в Москве... Все эти и многие другие предприятия, создававшиеся по образу и подобию «Факела», отличались от него в главном: они создавались только ради заработков. Но «наверху» сочли «Факел» глав-

ным нарушителем общественного спокойствия и финансовых порядков. Фининспекторов больше всего беспокоило появление дополнительного, не предусмотренного госбюджетом источника «живых денег». В Министерстве финансов говорили, что это вызовет дисбаланс в экономике. «Факел» предлагал Минфину: «Если вы не против, мы откроем участок по производству искусственных изумрудов, будем их продавать. И восстановится баланс между деньгами и «товарной массой».

Но нас стали «зажимать». Создатель «Факела» А.М. Казанцев смог создать мощный коллектив, но не умел «дипломатничать» и рассорился со всеми вышестоящими. В Президиуме Сибирского отделения дорожили «Факелом» и предложили мне стать его директором: «Выручай, молодежь зарвалась, и все может погибнуть».

Директорствовал я два года, с 1970-го по 1972-й. А «Факел» просуществовал четыре года. Минфин «давил» со всех сторон – через Госбанк и наш банк, через ЦК партии и ЦК комсомола, который вначале нас поддерживал. Бесчисленные финансовые ревизии, не находившие у нас никаких нарушений... Придирки к райкому комсомола: «Вы должны заниматься идеологической работой, а не хозяйственной...» В защиту «Факела» было написано много писем. Инструктор ЦК комсомола приехал в Новосибирск, чтобы закрыть «Факел», но его приказал выгнать первый секретарь Новосибирского обкома партии Ф.С. Горячев (я привлек его на нашу сторону – часто заходил к нему, рассказывал о «Факеле», показывал интересные экспонаты). М.А. Лаврентьев из-за «Факела» разругался с председателем Госбанка СССР, обозвал его по телефону «московским бюрократом». Я ездил в Москву к председателю Госбанка и к председателю Госкомитета по науке и технике...

И все-таки «Факел» закрыли. На счете райкома комсомола осталось полтора миллиона рублей, заработанных «Факелом». На эти деньги ЦК комсомола построил «Восточный Артек» – большой пионерский лагерь под Магаданом.

Опыт и связи «Факела» я использовал после, когда стал проректором НГУ, отвечающим за научную деятельность. Удалось расширить и укрепить прежде скромный научно-исследователь-

ский сектор университета. В секторе работали «по совместительству» научные сотрудники из разных институтов Сибирского отделения, даже завлабы. Возникло много лабораторий; объем работ вырос примерно в десять раз. Получилось что-то похожее на «Факел», но у «Факела» совсем не было накладных расходов, а тут надо содержать университет, ремонтировать аудитории... Я занимался еще и специализацией студентов, которые в последние годы учебы работали в институтах Академгородка, и распределением выпускников, а также аспирантурой, издательской деятельностью... Не скажу, чтобы все мне нравилось. Особенно тяготили бумажные дела. В конце каждого дня тратил полтора-два часа на подписание бухгалтерских документов. Оттрубил я на посту проректора восемь лет при трех ректорах (при С.Г. Беляеве, В.А. Коптюге и А.П. Деревянко) и вернулся в Институт математики.

В 1983 году я прочитал в машинописи доклад академика, хирурга Ф.Г. Углова о социальных последствиях пьянства. Копии доклада «ходили по рукам». Впервые пьянство предстало не только неприятной бытовой и медицинской проблемой, а общественным злом. Углов привел цифры, которые меня потрясли. Я подумал, что докладчик сгущает краски, и решил сам все проверить по статистическим справочникам. Оказалось, в докладе Углова ничего не преувеличено. Просто я, как и многие «культурно пьющие», не придавал всему этому большого значения.

Я систематизировал данные справочников и составил свою аналитическую справку – не в страстно-публицистическом тоне, как у Углова, а в отстраненно-абстрактной форме. Мол, вот статистика, подумайте над тем, какой вред приносит пьянство. Я показывал справку в Академгородке, рассылал по инстанциям – в обком комсомола, ЦК партии, КГБ, Академию наук.

Когда хирург Углов приехал с лекцией в Новосибирск, я с ним познакомился. Этот невысокий, жилистый человек показался мне очень сильным и здравым (кстати, он до сих пор оперирует, хотя ему далеко за 80). Сформировался круг единомышленников – и мы создали в Академгородке Добровольное общество трезвости (ДОТ). Вошли в него сотрудники из разных институтов. Мы стали проводить семинары. Готовили рефераты, приглашали выступить

медиков, биохимиков, экономистов, социологов. Вместе выяснили: людские потери из-за пьянства после Второй мировой войны больше потерь в этой войне. А экономические потери в несколько раз превысили потери за годы войны. Не говоря уже о том, что большинство преступлений совершается «по пьянке».

За два года я прочитал более 500 лекций о пьянстве. Выступал в Сибири, в Москве и в Прибалтике, в городах и селах, в научных институтах, в редакциях и на заводах. Во многих аудиториях я просил поднять руки всех, кто после моей лекции решил больше не пить. Поднималось 15–20 рук. И я чувствовал, что никогда не был настолько полезен народу, как в подобные моменты. Я спасал человеческие жизни. До сих пор один сотрудник из Института автоматики при встречах со мной говорит: «Как замечательно, что я вас послушал и совсем перестал пить. Как хорошо с тех пор стало жить!»

Члены ДОТ познакомились с известными наркологами страны. Наше внимание привлек метод кандидата биологических наук из Ленинграда Геннадия Андреевича Шичко. В отличие от тех наркологов, кто просто запугивал пьющих, Шичко говорил: норма жизни – трезвость, а употребление спиртного – это патология. Пьющим следует устыдиться того, что они травят себя и показывают дурной пример детям. Трезвая жизнь лучше, интереснее. Все это Шичко доводил до своих пациентов. Он их гипнотизировал, но не «отключал» разум. В их сознание «укладывалось» все, что объяснял Шичко: что такое алкоголь, как он действует на человеческий организм, на коллектив и на общество в целом. Люди с его помощью преодолевали порочные стереотипы, пропитывались здравой идеологией. Он спас многих «пропащих». К примеру, знаменитый Довженко принимал на лечение при условии, что перед этим человек два месяца не возьмет и капли в рот. А Шичко буквально подбирал пьяных с улицы, женщины приводили к нему запойных мужей...

Нам не позволили пригласить Шичко в Академгородок, чтобы он прочитал здесь лекции и провел лечебные сеансы. Главный нарколог района откровенно сказал: «Наверное, методика Шичко эффективна. Но вряд ли все наши наркологи сумеют работать столь же успешно. И как мы потом будем выглядеть, как к нам

отнесутся клиенты, которые пока к нам ходят?» – «Но ведь Шичко готов передать свою методику!» – «А зачем? У нас есть свои». Тогда до меня начало доходить, как много людей кормится за счет пьянства. И в производстве, и в торговле, и даже в медицине. Если бы пьянство вдруг исчезло, все эти люди остались бы без доходов.

Мы организовывали митинги (в том числе несанкционированные); однажды провели демонстрацию от ГПНТБ до ЦУМа и там собирали подписи о запрете торговли алкоголем. Народ подписывался так активно, что не хватило запасенной бумаги.

А сколько писем шло нам со всего Советского Союза! Крики души пострадавших... Писали матери и жены, писали и пьющие: «Хочу воздержаться и не пить, но вокруг – "забегаловки", пьяные друзья, в магазинах водка – главный товар. Хожу, будто облитый бензином по горящей улице...»

Мы призывали всех последовать нашему примеру и не пить. Но призывы сочли экстремистскими. Сыграл роль ярлык: мол, эти трезвенники – антисемиты. Были в ДОТ и антисемиты, точнее, антисионисты – где их не было? И много возбужденных, экзальтированных, устраивавших публичные скандалы. И самоутверждавшихся, которые раньше держались в тени, а теперь получили возможность выйти на общественную сцену. Однако главная причина настороженного отношения к ДОТ – в другом. Большинство людей не могли перестать пить совсем и находили отговорки: дескать, немножко, «с умом» пить можно. На самом деле нет допустимых доз алкоголя, как и допустимых доз радиации. Я убедился в этом, когда смоделировал на компьютере реакцию организма на спиртное: каждая молекула спирта, разлагаясь и вступая в биохимические реакции, образует ядовитые вещества, которые долго держатся в организме и разрушают его. Но представление о допустимости умеренного, «культурного» пьянства вросло в сознание населения.

Впоследствии я стал придерживаться программы поэтапного, постепенного расширения «зоны трезвости» в обществе. Например, все знают и согласны с тем, что нельзя пить беременным, а также шоферам за рулем, врачам и педагогам на рабочем месте. Надо призвать и научную, культурную элиту общества преодолеть

вредную привычку, подать пример другим. К сожалению, не сделаны и эти первые шаги. Тем более не удалось бы побороть пьянство запретами и насилием, как предлагали более радикально настроенные активисты ДОТ. Помню, как один из секретарей Новосибирского обкома партии сказал, что деятельность ДОТ – экономически вредная: «Если совсем не станет алкашей-"пятнадцатисуточников", кто же будет убирать улицы и работать на стройках?!» Чем отличаются от этого партократа известные экономисты-либералы, писавшие, что объявленная М.С. Горбачевым открытая борьба с пьянством нанесла вред народному хозяйству и госбюджету с его водочными доходами?

Алкоголизировано все государство, весь экономический механизм. И если сразу, в одночасье прекратить везде торговлю спиртным, экономика рухнет. Мы сами себя загнали в порочный круг. В какой-то газете писали: в городе, где проводилась детская олимпиада, на эти дни прекратили торговлю алкоголем – и торговый оборот уменьшился на пять миллионов рублей. А что у нас за неделю от водки гибнет столько людей, сколько погибло за всю афганскую войну, – этого мы словно не замечаем. Мне до сих пор не до конца понятна эта социальная слепота. Говорят о возрождении России... Какое возрождение, когда деревни выбиты пьянством, молодежь отравлена и уже почти нет женщин, способных рожать здоровых детей?..

И в Академгородке стали пить больше. Утром по пути в институт вижу научных сотрудников, постоянно дежурящих возле магазина с издевательским названием «Крепость», где торгуют спиртным…

До сих пор все это меня волнует, хотя ДОТ давно распался и больше не шокирует общество своими призывами. Я убежден: вряд ли Россия «поднимется», если не найдет в себе силы победить страшную болезнь.

Академгородок «самореализовался» в задуманном виде, постарел. На смену клубу «Под интегралом», «Факелу», ДОТу пришли другие общественные и хозяйственные начинания. При институтах появились компании-спутники, через которые накопленный в СО РАН интеллектуальный потенциал ищет выход в

наукоемкие технологии. Значительно расширился спектр специальностей в НГУ. Эти нововведения делают Академгородок более современным.

Однако жаль, что ушли времена, когда новосибирский Академгородок воспринимался как один из самых известных центров мировой науки. Правда, сохранилось главное наше преимущество – комплексность. Но просто сохраняясь, мы будем отставать от мирового уровня. Вернуть утраченный статус можно только динамично развиваясь. А для этого нужно постоянно пополнять коллективы молодыми сотрудниками и быть в гуще мировых научных событий. Страны-лидеры борются за право проведения у себя научных конгрессов так же упорно, как и за проведение Олимпийских игр. При этом учитываются два главных условия: есть ли там научная база (известные ученые, признанные научные школы) и материальная (гостиницы, конференц-залы). Хорошая научная база у нас есть, но нет просторных, соответствующих современным требованиям залов для конгрессов и комфортабельных гостиниц для участников. Из-за этого городок все заметнее выпадает из мировой среды прямого общения ученых.

А чтобы обеспечить приток молодежи в институты, необходима помощь в строительстве жилья. Кроме элитных домов, нужно строить и жилье попроще, по доступным для молодежи ценам, с привлечением недорогих долгосрочных кредитов.

Было приятно узнать, что Президиум Сибирского отделения и местные власти полны решимости действовать именно в этом направлении. Может, «зарядимся» новым мощным импульсом, выйдем на новую широкую дорогу?

Надеюсь, еще не иссякла одухотворенность Академгородка. В современном трудноуправляемом мире ученым нужно больше задумываться над общими философскими проблемами. Как было когда-то на заре Академгородка... Иначе усилится технократичность науки, и она принесет обществу больше зла, чем добра. Не зря же существует мнение: степень зрелости любой науки определяется по такому критерию – способна ли она уничтожить человечество? Физика, химия, биология дозрели до этой стадии, дозревает информатика... Человек, воображающий себя царем природы,

становится рабом орудий, созданных им же (то есть наукой). Нас могут ожидать впереди кризисы посуровее сегодняшних.

Чтобы этого не случилось, нужно усилить гуманитарный, морально-философский «нерв» науки. Культивировать то, что российская философская школа называла соборным разумом, разумом во благо человека. А пока ученые ценят только «нейтральный» разум, разум во имя истины. Институт перспективных исследований мог бы заняться разработкой социальных технологий, «поворачивающих» людей к соборному разуму. Каждому придется заново учиться работать не только на себя, но и на общество, ценить доброту и совесть. Наверное, нелегко совершить такой поворот. Но без этого не будет внимательного отношения к другим людям и к природе, не найдем исцеления от мучительных социальных болезней.

С КЕМ ВЫ – С НАРОДОМ ИЛИ С «ЗОЛОТЫМ МИЛЛИАРДОМ»?

Н.К. МАКСИМОВА,
журналист

Меня занесло в Академгородок, когда его романтическая молодость была уже позади. Может, поэтому я относилась к нему без благоговейного трепета. Все, что я тут увидела, вписывалось в прошлое слово «надстройка». Казалось, новосибирский Академгородок ближе к Москве, чем к какой-нибудь Усть-Тарке Новосибирской области. И взгляды большинства его обитателей мало отличались от мнений столичной интеллигентской тусовки, с которой мне довелось познакомиться именно за время работы в Академгородке. Конечно, я неравнодушна к Академгородку и сделала тут для себя немало открытий, но, хотя общаюсь с этим элитным центром без малого двадцать лет, осталась здесь как бы посторонним наблюдателем. Работала в академическом журнале «ЭКО», потом в региональных газетах, где одной из моих обязанностей стали контакты с учеными. Я описывала, как понимала,

их жизнь на фоне жизни народа. Порой мне казалось, что я исполняю миссию посредника между наукой и народом (тем более, что сама из народа: выросла в крестьянской семье, живу на городской окраине, маргиналкой среди маргиналов). Некоторые ученые считали меня кем-то вроде переводчика, поскольку в статьях и в интервью я переводила их научный язык на понятный всем русский.

Первый контакт с Академгородком меня не порадовал. Я обратилась в журнал «ЭКО» за помощью, но он мне не помог. Было это во время правления Андропова, призвавшего к борьбе за укрепление дисциплины. На металлургическом заводе, где я устроилась социологом, откликнулись на призыв генсека рейдами по проходным. Вылавливали опоздавших на работу. Инициатором облав стал самый жестокий заводской отдел – научной организации труда и управления (ОНОТиУ). А заводские социологи, по иронии судьбы, входили в штат ОНОТиУ, и обоих социологов, в том числе и меня, тоже послали «записывать» опаздывающих. Отказавшись в этом участвовать, я написала в редакцию «ЭКО». Бессмысленность подобной борьбы за дисциплину была очевидна. Весь завод трясло, начальники цехов неделями ругались с ОНОТиУ из-за «черных списков», куда попадали даже опоздавшие на пару минут. А завод стоял в отдалении от города, и опаздывали-то, в основном, из-за подводившего транспорта. Я надеялась с помощью письма из академического журнала убедить директора завода прекратить безобразие, достойное пера автора «Истории города Глупова». Но ответ из «ЭКО» меня ошеломил. Сотрудник редакции, кандидат экономических наук отписал, примерно, следующее: в борьбе за дисциплину все средства хороши, и почему я, заводской социолог, хочу остаться в стороне, с чистыми руками? Все же я предпочла остаться с чистыми руками и перевелась в социологическую службу другого завода, где до такой научной организации труда не додумались.

А накануне горбачевской перестройки я пришла в журнал «ЭКО». Автор злополучного письма по-прежнему работал в редакции и по совместительству – научным сотрудником в Институте экономики. Я сразу почувствовала: мы никогда не поймем друг друга, потому что живем, можно сказать, в разных измерениях. Но

мало ли с кем приходится соседствовать поневоле! Все остальное на первых порах казалось замечательным. Я ценила возможность поездок по стране (за рубежи меня до сих пор не тянет), старалась побывать на всех этажах общества, заглянуть в закоулки. Сумасшедший диапазон профессионального общения – от академиков и ведущих правительственных чиновников до диссидентов-правозащитников, рабочих, крестьян, народных мыслителей, знахарей и бичей – освободил меня от многих предрассудков.

В академическом журнале, где работали, в основном, жители Академгородка, я как «человек с улицы» нередко нарушала местные неписаные законы. Например, я не знала, что не принято спорить с академиком, главным редактором. Иногда с моими возражениями считались. Но когда я воображала, будто в «провинциальном независимом журнале» (так называли «ЭКО» за границей) возможна полная свобода слова для всех, то получала щелчок по носу. Однажды цензор потребовал вычеркнуть из подготовленной мной статьи цифры, дающие представление о каторжных условиях труда на старых шинных заводах. Я возразила: генсек Горбачев уже публиковал цифры похлеще. «Ему можно», – внушительно ответил цензор. И в пору гласности в «ЭКО» было столько свободы слова, сколько дозволял главный редактор. «Маленький скандальчик нам не помешает», – говорил Аганбегян, «пропуская» в печать острую статью, против которой возражали члены редколлегии. Но отказался печатать статьи Ципко, когда тот был еще не общепризнанной знаменитостью, а лишь одним из философов, навлекших на себя опалу «преждевременной» дискуссией о противоречиях социализма. Чуть позже для Ципко загорелся «зеленый свет». Может, потому, что он перешел из научного института в ЦК КПСС и стал одним из помощников М.С. Горбачева. С тех пор я начала понимать: чистой, непорочной свободы слова не существует.

Мне всегда казалось, что лучшему экономическому журналу страны (так тоже называли «ЭКО») многого не хватает. Хорошо, что в академическом журнале печатали не только абстрактно-научные труды, но и статьи журналистов, производственников о «жизни сиюминутной». Хорошо, что все публикации написаны

внятным русским языком. Эти достоинства сохранились в «ЭКО» по сей день. Но, на мой взгляд, журналу всегда недоставало души. И идущего от души внимания к человеку. Не помню публикаций, где бы автор сочувствовал и сострадал. Человека оценивали только как работника (производителя) и потребителя. Кем при таком усеченном подходе сочтут человека бескорыстного и несуетного, равнодушного к мирским благам? Существом неполноценным, с «неразвитыми потребностями». В «ЭКО» рассуждали о «человеческом факторе» экономики, анализировали деловой опыт предприятий и отдельных ИТР. Совсем не обращали внимание на рабочих и крестьян, то есть на народ. В конце концов я поняла, чем это объясняется: «ЭКО» издавали не для всех, а для управляющих. Удивительно, что здесь печатали мои статьи о том, как мало человеческого в производственных отношениях. Может, главный редактор видел в них тот самый «маленький скандальчик», который не помешает известному журналу? Хотя один из сотрудников все же сказал по поводу моих публикаций: «Это не наша идеология».

С первых месяцев пребывания в «ЭКО» я обратила внимание на эксперименты с рабочими коллективами. Теперь уже почти забытые бригадные формы организации труда (БОТ) с коэффициентами трудового участия (КТУ), различные варианты соцсоревнования – динамовский, ленполиграфмашевский... Подобные нововведения придумывали управленцы вместе с учеными-экономистами, а «внедряли» на заводах знакомые мне ОНОТиУ. В «ЭКО» и во множестве монографий писали о положительном влиянии экспериментов на производительность труда и дисциплину. А я попыталась понять, как они влияют на человека. Все сводилось к грубому манипулированию, напоминающему дрессировку животных, и к чрезмерной интенсификации труда. По сути – американский «тейлоризм», который когда-то в нашей стране назвали «научной системой выжимания пота». Экспериментаторы не щадили здоровье рабочих, а уж об их человеческом достоинстве и вовсе не вспоминали. Все больше искусственно усиленной состязательности, все меньше взаимопомощи... Уродовались человеческие отношения, начиналось что-то вроде массового психоза: люди в бригадах косились друг на друга, недолюбливали часто бо-

леющих, вели учет даже минутным отлучкам соседей с рабочего места «по нужде». Едва ли не каждому мерещилось, что он работает больше соседа, а достается ему из «общего котла» меньше. Если бы экспериментаторы сперва опробовали свои эксперименты на себе... Только «в шкуре» подопытного можно понять, насколько все это унижало и изматывало. Рабочие снимали стрессы водкой. Им не до книг и театров. Но кого из управленцев беспокоило, что у рабочих не остается сил на развитие личности?

Впоследствии выяснилось, что и экономический эффект от умопомрачительной борьбы за дисциплину и производительность был, мягко говоря, сомнительный. Рост производительности труда на заводах обернулся горами одних деталей, ржавевших на складах, и дефицитом других. На железной дороге, где во имя роста производительности сокращали штаты, учащались аварии. По-моему, иначе и быть не может: экономика, беспощадная к человеку, рано или поздно придет к банкротству. Хоть государственно-плановая, административно-командная, хоть частнокапиталистическая, рыночная. Не удивлюсь, если некоторые «новорусские» хозяева, жаждущие сверхприбылей, применят на своих заводах системы по выжиманию пота из рабочих, изобретенные для планово-командной экономики. Кстати, один из авторов «потогонных» экспериментов (он же автор упомянутого выше письма, которое я никогда не забуду), говорят, владеет консультационной экономической фирмой. Поди, и докторскую диссертацию уже защитил. Да и, по справедливости, чем он хуже высокотитулованных спецов по экономике? Многие из них считали и считают, что для достижения экономической эффективности любые средства хороши.

После пережитых всеми нами «шокотерапий» БОТ и НОТ 80-х годов, как и облавы на заводских проходных, выглядят «цветочками». А мне уже тогда все так называемое народное хозяйство представлялось жестокой машиной. Истинный Молох с «инструментами», «рычагами» и «стимулами», о которых столь охотно рассуждают экономисты... Почему они не чувствуют, что в их лексике, в терминах запрограммирована бесчеловечность? Почему не вспомнят, что стимулом – остроконечной палкой в древности подгоняли только животных и рабов?

Может, экономика жестока оттого, что строится на неверии в положительные качества человека? От хабаровского исследователя Юрия Салина я узнала новость о нашем историческом прошлом: оказывается, основоположник политэкономии Адам Смит написал два варианта, два сценария ведения народного хозяйства. Оптимистический – с опорой на альтруизм, солидарность. И пессимистический – в расчете на индивидуализм, конкуренцию и на представление, что человек по натуре нечистоплотен, ленив, агрессивен, жаден, завистлив. Почему-то оптимистический сценарий предан забвению. А мне вера в совесть и в трудолюбие человека кажется более здравой, чем вера в механизмы с матмоделями.

Я давно не доверяю декларациям правителей. Чтобы понять, «куда ведет нас рок событий», всматриваюсь в мелкие детали жизни. «Моментом истины» стал для меня один эпизод в «ЭКО». Прочитав мой очерк о первой шахтерской забастовке в Кузбассе, сотрудница обронила задумчиво: «Надо же, а я думала, что они – не совсем люди...» «Они» – шахтеры, показавшие всей стране, что еще живы, не вытравлены управленческими экспериментами их человеческое достоинство и рабочая солидарность. Удивившая меня сотрудница – урожденная москвичка, жила всегда рядом с научной элитой и к простонародью не приглядывалась, не было нужды. А до меня, наконец, дошло, почему образованные люди изобретали безжалостные, унизительные эксперименты для рабочих, не видя в них нарушения прав человека. Вероятно, весь народ в их представлении похож на Шарикова из булгаковского «Собачьего сердца». Дебильноватое быдло, вроде биороботов или «братьев наших меньших»... Таких не грешно превратить в сырье для опытов. А я убеждена не только в умственной полноценности простонародья, но и в том, что ум и книжная ученость – вовсе не одно и то же. Приходилось встречать людей малограмотных, но умудренных жизнью. И глупых эрудитов, плотно забитых непереваренной книжной информацией.

Все это невольно вспоминается, когда слышишь: почему общество, народ не сочувствуют Академгородку и отечественной науке, униженной и оскорбленной, ввергнутой в нищету? Возможно, люди из «низов» не видят разницы между учеными и

управляющими, которые «всё врут», «гребут под себя», мучают народ реформами и экспериментами. К тому же среди нынешних революционеров-реформаторов, перекраивающих нашу жизнь по западным меркам, немало людей с учеными степенями – Гайдар, Греф, Гавриил Попов, Борис Федоров... Правда, большинство ученых и сами теперь оказались в положении подопытных. Однако, судя по последним статданным, средняя зарплата в Академгородке все же чуть выше, чем в целом по области. Разве школьным учителям легче, чем ученым? А крестьянам, живущим в вечном эксперименте? В двадцатом веке их протащили через две деколлективизации – столыпинскую и ельцинскую, да еще через одну коллективизацию – сталинскую, да еще укрупнения и разукрупнения хозяйств, ликвидация «неперспективных» деревень и т.д., и т.п. К некоторым деяниям «прикладывалась» наука: правители иногда советовались с двумя-тремя академиками. Только у крестьян никогда не спрашивали, как они хотят жить. И сейчас не поинтересовались, как крестьяне относятся к частной собственности на землю, навязываемую стране из столицы. Почему экономистам и социологам Академгородка не пришло в голову изучить этот вопрос? Не ожидая заказа от правительства или богатых «фирмачей», из чувства гражданского долга. И почему бы не разобраться, где, по уму и по совести, проходить границе между частной, общественной (коллективной) и государственной собственностью, между правами человека, народа и природы? Вправе ли люди торговать землей? Если ученые отбросят предрассудки и с помощью народа начнут искать ответы на эти вопросы, то, возможно, откроют для себя много неожиданного. И сократится дистанция между наукой и народом, которая пока не располагает к взаимному сочувствию.

Пожалуй, с наибольшим почтением я относилась к Академгородку в «шоковые» 90-е годы. Пока был жив глава Сибирского отделения академик Коптюг... Говорят, после его выступлений и статей об устойчивом развитии в Академгородок приходили письма из «глубинки», от сельских учителей. Идея, которую пропагандировал Валентин Афанасьевич Коптюг, вернула им надежду на «просветление» жизни.

Могла ли измениться судьба России, если бы идея устойчивого развития не опоздала, не разминулась с горбачевской перестройкой? Если бы прозвучала на конференции ООН не в 1992 году, когда Россию уже повернули «курсом реформ» к варварству первоначального накопления капитала, а хотя бы на пять лет раньше... Может, забуксовавшая перестройка обрела бы «второе дыхание»? Хочется верить, что Горбачев искренне хотел построить государство «с человеческим лицом». А идея устойчивого развития могла бы уточнить цель – будущее без пропасти между богатством и нищетой, без войн и катастрофических кризисов. По-моему, эта идея сродни преданному забвению сценарию Адама Смита: тоже исходила из веры в добрые начала человека, в его способность к разумному ограничению своих потребностей и к согласию не только с обществом себе подобных, но и со всей природой, в которой до сих пор многие видят лишь «кладовую ресурсов».

Не хочется терять надежду, что нас вытащит из любых пропастей правильная идея. Хотя где гарантии, что ее не извратят до неузнаваемости?.. Вспоминается конференция в Улан-Удэ. Одна из тех, что созывал Коптюг для расширения представлений об устойчивом развитии. Я отправилась туда уже не от «ЭКО», а от «Сибирской газеты». Ожидала, что на конференцию съедутся энтузиасты, увлеченные идеей. А увидела там дежурную публику, что тусуется на оргмероприятиях. Энтузиастов-пассионариев было только двое. Сам инициатор конференции – он мало ел, много курил, об устойчивом развитии говорил со страстью. И американская девушка, которая недавно прошагала пешком через всю Россию, обращаясь к россиянам «от имени природы» и призывая к умеренному, экологичному образу жизни. Был там еще один гость из Америки – сэр Джордж, агитировавший совсем за иное устойчивое развитие, с собственным выгодным бизнесом: рассчитывал прикупить земли у Байкала и построить резиденции для богатых интуристов. Для некоторых докладчиков любимая идея главы Сибирского отделения была лишь идеологической конъюнктурой. Местные чиновники надеялись выпросить под идею денег – хоть в Кремле, хоть у сэра Джорджа. Перед закрытием конференции – пикничок на берегу Байкала с обжорством и выпивкой во имя са-

моограничения потребностей... Разумеется, на пикнике не было ни американки, ни академика Коптюга – в те часы он редактировал проект итогового документа. Такова жизнь: одних высокая идея ведет к подвижничеству, другие умудряются на ней мясо жарить. Как ни грустно, но пока побеждает хитроумный сэр Джордж: идея устойчивого развития всего человечества перерождается в свою противоположность – в идею благополучного выживания «золотого миллиарда», куда входят жители США, богатого Запада, да еще часть «элиты» из других стран. Коптюг предвидел такую ситуацию, предупреждал о ней, но мог ли предотвратить?.. Не царь ведь, не бог и не титан, а всего лишь академик. Может, и удалось бы ему совершить необратимый положительный сдвиг в общественном сознании, если бы нашлось больше настоящих, а не мнимых союзников.

Возможно, самым надежным союзником академика Коптюга был Олег Матузов. Студент, проводивший международные семинары по проблемам цивилизации... По-моему, они значили для Академгородка не меньше, чем дискуссионный клуб «Под интегралом», о котором с восхищением вспоминают старожилы. Людей на семинаре было немного (помещались в малом зале Дома ученых), но каков «охват»: сюда приезжали из Римского клуба, из ЮНЕСКО, из Совета Европы и из ООН. Здесь сходились «исследователи будущего» из разных стран, философы, политологи и социологи, экономисты, инженеры и журналисты. Не обходилось и без «чайников» (они, между прочим, на неинтересные сборища не ходят). Обсуждали модели устойчивого развития, а также другие варианты будущего России и мировой цивилизации, возможности реформирования ООН... Все это так далеко от российских кризисов, толкавших всех к разобщенности, к индивидуальному выживанию! Но не зря многие прекрасные проекты создавались вовсе не в благополучных условиях. Мне кажется, идея устойчивого развития вместе с этим семинаром сделали Академгородок центром духовного притяжения не только для ученых.

А как забавно выглядел рядом со знаменитостями, съезжавшимися на популярный семинар, его организатор – совсем мальчишка с живыми темными глазами и густой шевелюрой! Конечно,

он важничал, «изображал» солидность, называл себя президентом фонда. Говорили о Матузове разное, но я не усомнилась в том, что он мне сам рассказал в интервью для «Сибирской газеты». Попал в Академгородок и в НГУ, как многие, через олимпиады. Наверное, мог с успехом закончить свой химико-биологический факультет, защитить диссертацию. Но по характеру скорее деятель, чем исследователь. Способен к глубоким чувствам и решительным поступкам. Книга основателя Римского клуба Печчеи «Человеческие качества» перевернула его жизнь. Он удивился: почему все, о чем писал Печчеи, нигде не обсуждают? Ведь эти мировые проблемы (демографические, экологические и ресурсные ограничения, противоречия между богатыми и бедными странами) касаются каждого жителя планеты. Олег обошел знакомых, сколотил группу единомышленников и убедил тех, от кого это зависело, включить в университетскую «Интернеделю» семинар по проблемам цивилизации. По его словам, установить контакт с Римским клубом и с ООН, даже найти спонсоров было легче, чем пробиться к главе Сибирского отделения. Секретари и референты стояли стеной.... Но когда бывший секретарь парткома НГУ Миндолин познакомил его с Коптюгом, тот сразу увидел в Матузове союзника. Поддержал его и тогдашний ректор НГУ академик Ершов. Скорее всего, без их поддержки геополитический семинар не состоялся бы.

После смерти Коптюга и ухода академика Ершова с поста ректора НГУ семинар заглох. Хотя никто не возражает, что такой семинар нужен. Но нынешний ректор университета собирается подобрать для него академика. Несолидно, мол, поручать такое дело «недоучке». О том, что без Матузова не было бы семинара, уже и не вспоминают. Что это, если не ортодоксальное академическое чванство? Матузов, действительно, настолько увлекся геополитическим семинаром, что оставил учебу на химико-биологическом факультете, ушел с 4-го курса. Не захотел и карьеры в районной администрации, где ему предлагали место «столоначальника». Нормальный юношеский максимализм... Вероятно, Матузов нашел, где заработать на жизнь, но от того, что он не востребован по призванию, Академгородок теряет немало. А может, и не только Академгородок.

Меня долго мучил вопрос: почему не ладили академики Коптюг и Казначеев? Многие считали их антиподами, а мне казалось: они рождены, чтобы сотрудничать друг с другом. Два российских интеллигента-пассионария, ученые с мировыми именами... Я видела в них даже внешнее сходство и удивлялась, что этого не замечают другие. Хрупкая телесная оболочка – и сильная воля, крупномасштабное мышление. В общем, минимум плотной материи, максимум интеллекта. Кажется, бедствия страны и мировые кризисы тревожили их больше, чем личные, семейные и корпоративные неприятности. Им бы вместе разрабатывать проект устойчивого развития для России...

Когда я при случае спрашивала их, что они не поделили, оба говорили о несовпадении позиций. Коптюг сказал: «Ученый всегда должен класть под подушку сомнение. А Влаиль Петрович иногда слишком увлекается и выдает желаемое за действительное».

Вероятно, их конфронтация началась со столкновения из-за книги Казначеева о «дистантных взаимодействиях». В ней описывались парадоксальные опыты, проведенные Казначеевым с соавторами. Фибробласты – клетки из соединительных тканей человека – помещали в два сосуда с общей стенкой из кварцевого стекла. В одном сосуде клетки поражали смертельным для них вирусом (или ядом), в другом оставляли здоровые. Клетки изолировали от посторонних влияний (оставляли на 36 часов в темноте, в термостате). После оказывалось, что погибали не только зараженные, но и не соприкасавшиеся с ними здоровые. Одно из предположений Казначеева: клетки «сообщаются» через митогенетические, ультрафиолетовые излучения, проникавшие сквозь кварцевое стекло (об этих излучениях писал когда-то опальный биолог Гурвич). После Казначеев увидел в этих опытах доказательство существования био- и пси-полей и такого дистантного (т.е. на расстоянии) взаимодействия, которое называют экстрасенсорным и которое проявляется даже на клеточном уровне. В послесловии к книге Казначеев писал: телепатия, ясновидение и прочие феномены, считающиеся «сверхъестественными», идут от недр природы. И людям с необычными способностями эти дары достались в наследство от «доисторического» прошлого.

Накануне перестройки, когда еще не открылись шлюзы для подобного вольномыслия, книга Казначеева казалась ересью, фантастикой. Выход ее в свет в Сибирском отделении издательства «Наука» притормозили по указанию Коптюга. Потом все-таки напечатали. Коптюг распорядился проверить опыты Казначеева в институтах Сибирского отделения. Никому в Академгородке не удалось воспроизвести «межклеточные дистантные взаимодействия». Самого Казначеева это не смущало: он объяснил неудачи тем, что проверяющие пользовались другими методиками и слишком скептически относились к опытам. Между тем, как сказал мне Казначеев в одном из интервью, за рубежом «межклеточные дистантные взаимодействия» воспроизведены. А сотрудники Казначеева в Сибирском отделении Академии медицинских наук поставили за тридцать лет больше 20 тысяч таких опытов. В дальнейшем группа исследователей под руководством Казначеева и одного из его учеников Трофимова организовала несколько экспериментов, которые можно назвать массовыми телепатическими сеансами; в них пожелали участвовать тысячи людей из разных стран. Результаты этих экспериментов обсудил международный съезд нейрофизиологов, считающихся самыми большими консерваторами в медицине, и признал «первым научным доказательством существования парапсихологических явлений». В Академгородке же до сих пор принято относиться к Казначееву со скепсисом. Причем многие скептики не читали его книг и не слушали лекций, лишь «наслышаны» о его странных идеях и опытах. Я-то, по своей наивности, долго верила, что поверхностное осуждение немыслимо в ученой среде!

«Всегда инакомыслящий» – так называлось подробное интервью академика Казначеева (я опубликовала его в газете «Сибирское здоровье»). Видимо, он оказался вечным диссидентом в науке потому, что его мировоззрение эволюционировало быстрее, чем тот комплекс представлений, какой принято считать взглядами научного сообщества. И потому, что критически относится к самой науке. По его мнению, современная наука слишком рассудочна, прагматична, технократична, формирует ущербную «компьютерную» цивилизацию. Полтора десятка лет назад он уже гово-

рил то, что до сих пор сознают немногие: научно-технический прогресс и экономика навязывают людям излишние потребности и толкают на расточительное потребление, на перерасход ресурсов и варварскую эксплуатацию природы. Иногда кажется, что этот человек смотрит на земную жизнь с космической высоты и видит ход эволюции. В науке его ведет не столько логика, сколько интуиция. Его «преждевременные» идеи так же похожи на пророчества, как идеи близких ему по настрою Вернадского и Тейяра де Шардена.

Коптюг однажды назвал его «поэтом в науке». А сам Коптюг вначале был строгим логиком, аналитиком и материалистом. Правда, потом выяснилось, что он тоже писал стихи. Похоже, инцидент с книгой Казначеева возбудил его интерес к «аномальным», «сверхъестественным» явлениям, и он завел специальную папку, куда складывал публикации на эту тему. «Изучал вопрос». Насколько мне известно, ему приходилось обращаться к знахарю. Стал проявлять интерес к религии, ценил ее «моральную основу» и признавался, что ему особенно симпатичен буддизм... Мне казалось, в конце концов Коптюг и Казначеев сойдутся, их соединит беспокойство за судьбу страны и человечества. В газетной статье я назвала их «идейными противниками, которые могут стать союзниками». Геополитический настрой одного и космопланетарный настрой другого совместимы, словно части единого мировоззрения. Представления Вернадского и Казначеева о будущей автотрофности человечества, об автотрофной экономике с замкнутыми технологическими циклами так дополнили и продвинули бы идею устойчивого развития... Но увы! Может, где-то на высоте общечеловеческого интеллекта их стремления «сплюсовались», но в повседневной жизни академики остались непримиримы. «Если один говорил "да", "нет" говорил другой...» Коптюга раздражал полет мысли Казначеева, и он почти не приглашал его на конференции по устойчивому развитию. А Казначеев не упускал случая куснуть любимую идею Коптюга.

Идеологию устойчивого развития мог углубить, расширить, возвысить не только несостоявшийся союз Коптюга и Казначеева. В нее вписывалось и «общество знаний», о котором писал в своих

статьях академик Накоряков. С помощью «Шерлока Холмса российской экономики» – доктора наук Ханина, много лет расследовавшего подспудные тенденции отечественного хозяйства, легче понять, с какими подводными течениями и рифами предстоит столкнуться в пути к устойчивому развитию. Для положительного образа будущей экономики пригодятся представления профессора Олдака, считающего, что прибыльной экономики не существует; миф о прибыли появился, поскольку промышленники не учитывали стоимость израсходованных природных ресурсов и здоровья человека (впоследствии и академик Казначеев заговорил о том, что эффективность экономики стоит оценивать по человеко-часам здоровой жизни). Почему бы не присоединить сюда и суждения, которые я слышала от Святослава Забелина, человека со стороны, из невостребованной общественной организации – Социально-экологического союза? Он считает, что промышленное производство надо не наращивать, а настраивать на выпуск долговечных вещей и переводить большинство работников в сферу ремонта. А сколько еще драгоценных идей «в русле» идеологии устойчивого развития слышала я в Академгородке и за его пределами! Все же умов и талантов у нас хватает, не хватает согласия, доброй воли. Таланты привыкли соперничать. Каждый лелеет собственную идею и равнодушен к чужим. Чем выше титул, тем меньше стремлений к союзу с кем бы то ни было. Нет, не позиции, а амбиции мешают титулованным сотрудничать друг с другом, мешают разглядеть союзников в нетитулованных. А ведь так прекрасно говорят, что нужно стремиться к «соборному разуму», смягчать нравы, расширять границы понятия «мы»... Однако из-за эгоцентризма «генераторов идей» благородные идеи остаются просто словами. Болтовней в пользу бедных. Может, этот интеллектуальный кризис и есть главное несчастье нашей цивилизации?

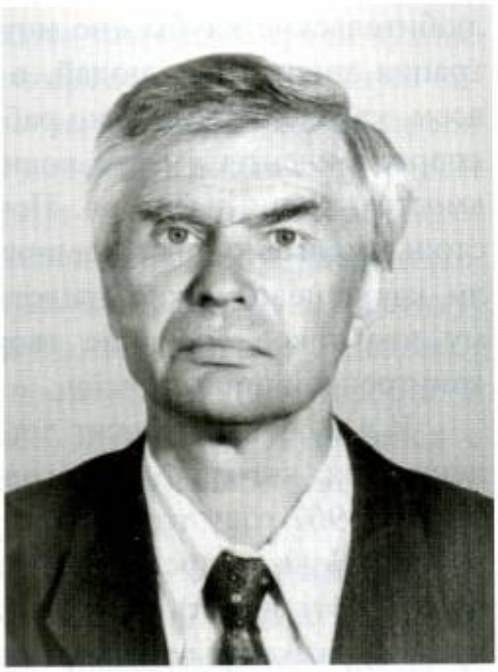
Когда-то я мечтала организовать журнал «Ноосфера», помогающий ученым сотрудничать друг с другом и с народом, вместе строить коллективный (или соборный) разум. Может, оттого, что нет в Академгородке коллективного разума, так быстро угасает после смерти Коптюга идея устойчивого развития? Неудивительно, что Академгородок «посерел», перестал быть центром духов-

ного притяжения. Теперь он одинаково далек и от Усть-Тарки, и от Кремля, да и Парижу с Нью-Йорком вряд ли близок (хотя взгляды и интересы многих сибирских интеллектуалов устремлены на богатый Запад). Боюсь, что ведущей вместо идеи устойчивого развития тут может стать идея борьбы с лженаукой. Ведь люди науки, как и политики, умеют бороться куда лучше, чем сотрудничать... Не потому ли и всему обществу навязывается культ конкуренции вместо сотрудничества? Утверждается, что конкуренция – двигатель прогресса. Может, и двигает, но в том ли направлении? Не зря один из мыслителей прошлого говорил: конкуренция – война всех против всех.

Недавно я узнала, что Золотая долина называлась когда-то Волчьим логом. Переименовавшие территорию молодые ученые, видимо, верили в необыкновенное будущее Академгородка. Надеялись создать красивый, счастливый, добрый город знаний. Но иногда город знаний напоминает парящий над жизнью остров Лапуту, изображенный Свифтом в «Путешествиях Гулливера». Тот же культ холодного элитарного интеллекта, некоего абстрактного гения, «мозгов» без души. Та же склонность титулованных умов к монологам и неспособность к диалогу...

И все-таки надеюсь, что Академгородок научится строить соборный разум. Не только ради собственного выживания, но и во имя народа, уже отчаявшегося ждать сочувствия и помощи.

ФАНТОМЫ В ОАЗИСЕ



А.В. ЕВСЕЕНКО,
доктор экономических наук, профессор
(Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН)

В одной из своих статей я назвал Академгородок городком одного поколения. Теперешние директора, академики и все люди, так и или иначе определяющие судьбу научного центра, – из числа тех, кто когда-то приехал сюда вместе с Лаврентьевым. Или был аспирантом у такого научного руководителя, или работал тогда лаборантом или младшим научным сотрудником. Несмотря на немалую разницу в возрасте (до 20–30 лет), это люди одного поколения. И все руководители Сибирского отделения (Лаврентьев, Марчук, Коптюг, Добрецов) – из одного поколения. По сути, все они – «шестидесятники», дети послесталинской «оттепели». Они жили примерно одинаково и говорили почти одинаково. Раз-

личия незначительны. Некоторые считают, что Лаврентьев был наиболее жесток, деспотичен, властен. А разве Марчук менее деспотичен и властен? И он тоже немало сделал для Академгородка, ставшего социокультурным феноменом. Почему здесь появились не только научные институты, но и всевозможные спортивные, любительские клубы «по интересам»? Тут была высокая концентрация творческих людей, а они многогранны и талантливы во всем, увлечены не только работой. Студенты, аспиранты и члены-корреспонденты вместе ходили в горы и сплавлялись по рекам, вместе играли в футбол. Почему в Академгородке устраивались столь смелые художественные выставки и музыкальные фестивали, какие невозможно представить в другом уголке страны? Потому что такое собрание творческих людей не могло не стать «внутренней оппозицией».

И я в свои пятьдесят лет ощущаю себя представителем поколения тех, кого в Академгородке считают отцами-основателями. Хотя в 1967 году только поступил в НГУ. Приехал из Татарского района Новосибирской области. Участвовал в Сибирской олимпиаде, мечтал стать ученым. Кого не завораживали тогда полеты в космос, разговоры о кибернетике и прочие атрибуты НТР? Со студенческих лет я жил жизнью Академгородка.

Был счастлив, когда меня приняли стажером в Институт экономики на ставку 100 рублей. Взяли туда лучших выпускников экономического факультета – семь человек из семидесяти. А кандидатскую диссертацию защищал, будучи уже не научным, а комсомольским работником. Так вышло – пригласили в райком комсомола, где начинал вторым секретарем, стал первым. Потом пригласили в обком комсомола секретарем по идеологии. Запомнился поистине исторический разговор с Горячевым, тогдашним первым секретарем обкома партии. Он сказал: «Ну что ж, пора их брать». То есть, пора сделать шаг навстречу «оппозиционному» Академгородку и брать оттуда людей на работу в партийно-комсомольские органы.

Полтора года проработал я в обкоме комсомола. Тут была совсем не такая атмосфера, как в райкоме Академгородка, где я вместе с советом молодых ученых организовывал туристические по-

ходы, спортивные соревнования, джазовые фестивали... В обкоме я сразу увидел жуткий формализм. Я уже чувствовал себя исследователем и убеждал себя, что полезно изучить эту структуру «изнутри». Иногда мне удавалось вырваться в Академгородок, встретиться с приятелями, сыграть в футбол... Но все же в обкоме мне было психологически тяжело, я оставался там своим среди чужих. Однако и после возвращения в Академгородок, в родственную научную среду мне стало не намного легче. На меня уже смотрели как на «варяга» из неуважаемых здесь начальственных структур. И в Президиуме Сибирского отделения, где я работал ученым секретарем по общественным наукам, и в Новосибирском университете, где прошел все ступени от ассистента до профессора, и в Институте экономики, где «вырос» от стажера до заведующего отделом… Еще одна (может, главная) причина постоянного дискомфорта: я идеалист, напридумал себе принципов, плохо согласующихся с реальностью, и до седых волос искал «идейный стержень» для опоры в жизни, в науке, в мировоззрении...

Вскоре после моего прихода в Президиум Сибирского отделения Валентин Афанасьевич Коптюг поставил передо мной задачу – проследить судьбу разработок Академгородка. Когда я, изучив вопрос, показал свои материалы, он не поверил: «Не может быть! Неужели у нас так мало внедренных результатов?!»

Наверное, романтический период «саморазвития» Академгородка закончился, когда мы стали задавать себе такие отрезвляющие вопросы. Раньше все определялось внутренними импульсами, творческими порывами. Наука увлекала нас не меньше, чем главного героя знаменитого фильма «Девять дней одного года». Мы совсем не задумывались о том, что наука – занятие дорогостоящее; не имели представления об интеллектуальной собственности (это понятие вошло в жизнь позже, в 80-е годы). Получали копеечную зарплату, в то время как на Западе научные разработки продавали за миллионы и миллиарды долларов. А людям новосибирского Академгородка достаточно было надежды, что все «сумасшедшие» идеи, привезенные из московских и ленинградских «коммуналок», могут тут стать результатами. И часть их действительно стала результатами. Но вот где и как?..

Многие «проявившиеся» физики и математики эмигрировали и настоящее подтверждение своей значимости получили не в нашей стране. Некоторые крупные результаты «материализовались» с помощью Министерства обороны и «космических» министерств. Эти ведомства нередко использовали наши работы, но при этом наше авторство как бы растворялось, исчезало бесследно.

Примерно то же происходило и с другими научными разработками, которые Сибирское отделение передавало Госплану. Их потом направляли на доработку отраслевым, прикладным институтам. Там научная идея обрастала плотью, превращалась в производственную технологию, в станок, в двигатель, в энергию. Но к финишу, к внедрению, к рынку все доходило со знаками отраслевых НИИ, последних и предпоследних доработчиков, а о вкладе Сибирского отделения Академии наук забывали.

Вспоминается история с молотом «Ермак» – она была когда-то у всех на слуху. Были и огромные затраты, и высокие награды у руководителей. Организовывались комсомольские отряды, чтобы ускорить внедрение знаменитого новшества. Но молот «Ермак» так и остался в единственном экземпляре. Оказалось, он продавливает заготовки с такой силой, что металл разрывается. Нужна была значительная технологическая доработка, еще много усилий и средств. Немало затрат требовалось и для превращения в эффективные технологии других научных идей. Вот почему марка Сибирского отделения существовала лишь на старте научной идеи и «терялась» на пути к потребителю.

Попытки Сибирского отделения организовать собственный «пояс внедрения» оказались малоуспешными, были быстро подавлены отраслевыми министерствами, за которыми стояли многотысячные коллективы технического профиля. При Марчуке в институтах СО АН создавались маленькие лаборатории, принадлежавшие отраслевым (оборонным) министерствам. Эти лаборатории должны были доводить наши разработки до отраслевых требований и стандартов. А они «уводили» все в свои министерства, в свои отрасли, там сами дорабатывали и сами внедряли, зачастую не вспоминая об авторстве ученых.

Проводили в Сибирском отделении еще один внедренческий эксперимент. Это было в конце 70-х годов, когда собирались ввести в науку хозрасчет и получать дополнительное финансирование за внедренные разработки. Многие уже понимали, что ученые вправе претендовать на часть прибыли, полученной в промышленности от научной идеи. В Сибирском отделении за внедрение отвечал Евгений Иванович Шемякин, один из заместителей председателя Президиума. При нем ввели понятие «условный эффект». Вычислить полный эффект от научных разработок очень трудно. Вот и договаривались с заказчиком, определяли долю первого разработчика-ученого в реальном эффекте от внедренного новшества. Разумеется, «условный эффект» был неким фантомом, но помогал хоть как-то защищать права ученых.

Если спокойно, без патетики проанализировать историю Академгородка, то нельзя не увидеть: нас окружало множество фантомов разного рода. Взять хотя бы еще не забытую научную программу «Сибирь». Придумал ее Гурий Иванович Марчук, а я одно время состоял в числе ее ученых секретарей. Эта программа стала как бы откликом на постановление ЦК КПСС об Академгородке, призывавшее усилить влияние науки на развитие производительных сил Сибири. Были предприняты колоссальные усилия по целенаправленной интеграции, по объединению разнопрофильных исследований во имя процветания холодной окраины страны... Но в конце концов многое свелось только к пропаганде.

Задолго до перестроек в Академгородке были «изобретены», опробованы кооперативы и другие «предрыночные» структуры. Все здесь рождалось раньше, чем созревали подходящие условия в стране. Опередил свое время и «Факел», который я называю организационной инновацией. «Факел» ярко вспыхнул – и погас. Разумеется, он не мог стать долговечной, устойчивой структурой. Инициативы, начинания творческих людей, собравшихся в Академгородке, разбивались о стену, об огромный массив страны, построенной по другим законам и правилам.

Почему враз рассыпалась единая страна с монолитными устоями? Я долго размышлял об этом и пришел к выводу: мы построили страну с искусственной экономикой. А устойчива лишь та

страна, в которой экономика формируется естественно, эволюционно. У нас же все подгоняли под идеологию, под спущенную сверху идею: так провели индустриализацию и организовали крупные коллективные хозяйства в деревне, разогнали «частников»... Почему на последнем этапе размножились всякого рода АСУ и АСП – автоматизированные системы управления и планирования? Потому что огромный чиновничий аппарат не успевал проследить за функционированием всех искусственных структур и систем. Надеялись выстроить на ЭВМ необходимые схемы и с помощью машины всем управлять. Конечно же, искусственная планово-командная экономика была неинновационной. Все постановления ЦК КПСС по науке, принимавшиеся примерно раз в десятилетие, повторялись, потому что ничего не выполнялось, не решалось. Управление и планирование держалось на нормативах. Отторгались радикальные изменения, отбрасывались чужеродные идеи, которые могли расшатать и разрушить систему. Если никаких нововведений не принимать, то и не будет никакого развития. Так можно жить. И даже счастливо жить. Может поэтому северяне упорно не желали менять свой образ жизни и отвергали современную цивилизацию. Неизвестно, приносит ли человеку счастье общественный и научно-технический прогресс, только его нельзя остановить. Потому и рухнула вдруг вся искусственно созданная, противостоящая прогрессу государственная и экономическая система. Коммунистическая (или социалистическая) идея, на которую она опиралась, была иллюзией. Яркая, но преждевременная идея. Главный наш фантом...

На каком-то этапе я начал писать учебное пособие по политэкономии социализма. И, копаясь в литературе, обнаружил: горы диссертаций и почти все написанное про социализм – просто ненаучный треп, не соответствующий действительности. Собрание мифов, которые мы развивали и доказывали их жизненность, непротиворечивость. Для этого создавались даже экономико-математические модели. Пытаясь понять основы социалистической идеи, я обратился к Марксу. В «Критике Готской программы» нашел маленькое замечание о том, когда станет возможен социализм: когда производительность труда многократно превысит воз-

можности и потребности человека. Тогда один человек будет работать с такой производительностью, что сможет кормить, содержать еще десятерых, а те займутся наукой, искусством, спортом. Разумеется, подобное возможно только на основе высочайшего научно-технического прогресса, на основе овладения знаниями. Значит, условия для социализма еще не подготовлены, не созрели. И до сих пор нигде не построили никакого социализма. В нашей стране был мнимый социализм, а если точнее – модифицированный капитализм. С его помощью старались реализовать якобы социалистическую идею, обеспечить якобы равенство, якобы справедливость. Какие усилия надо было затратить, чтобы создать у людей представление, будто у нас действительный социализм! Для этого придумано и соцсоревнование, и множество прочих мифов, фикций, «передовых опытов». Миллионы людей увлеклись социалистической идеей – и обманывали друг друга, убеждали себя и других, что строят правильную, счастливую жизнь. Сейчас наступило похмелье. Тяжело сознавать, что жестокий опыт нашей страны оттолкнул многих людей от социалистической идеи. Жаль, что мы так куце поняли Маркса. Жаль, что по-настоящему не развивали идею равенства людей и общества равных возможностей. В этой идее было могучее объединяющее начало. Сейчас общество расколото неравенством, равенство даже не декларируется. Я убежден: когда-нибудь мы вернемся к социалистической идее, но естественным, эволюционным путем.

Академгородок был таким же фантомом, как и социалистическая идея. Его пытались сделать оазисом, где творческие люди занимались тем, чем хотели, что им самим интересно. Им все разрешалось, но многие их идеи, начинания пресекали, останавливали «на уровне» обкома партии. Все это напоминает сюжет драмы «Гибель 31-го отдела», где группе талантливых журналистов позволили писать все, что они считают нужным; только выходило их издание в единственном экземпляре, и никто, кроме самих авторов, его не читал. «Творческий оазис» блокировали ради государственной безопасности, чтобы не «раскачивал» страну. Всего этого следовало ожидать, когда создавался Академгородок.

А вот что открылось неожиданно после разрушения прежнего искусственного порядка – оказывается, Академгородок со всей его вольнодумной оппозиционностью мог существовать только в той централизованной, директивной системе. Потому что, как я уже сказал, он не выдавал конкретных технологий. Не упрочила положение Академгородка даже математизация наук. Видимо, таким образом, по замыслу академика Лаврентьева, старались уйти от «идеологизации» и обеспечить доказательность наук. В моем дипломе тоже написано: экономист-математик. Даже здешние философы «вышли» из математиков и физиков. И все же многие наши научные результаты обречены были остаться фантомами. Как ни горько, никуда от этого не денешься. Ведь все ученые (а особенно в гуманитарных и общественных науках) не могут не зависеть от модели общества, которое они как бы изучают и в котором живут.

Это свое осознание я вложил в стихи, написанные к юбилею друга:

Нам всем казалось: мы у цели.
А оказались у черты.

Но я ни о чем не жалею и не считаю, что прожил большую часть жизни напрасно. Я был счастлив в общении с интересными людьми. Это богатство часто не ценится. Хотя, может, смысл существования Академгородка – в людях, которых он объединял, формировал, учил?

Сегодня утром я столкнулся во дворе со старым знакомым, которого долго не видел. «Где ты пропадал?» – спрашиваю. «Водил группу на Белуху». Много лет назад он был руководителем туристического клуба, действовавшего при райкоме комсомола. До сих пор ходит в горы, хотя ему уже за 60. Один из тех, кто стал «несущей конструкцией» Академгородка. Такие еще и душой молоды, и романтизм не выветрился. Другие «переключились» на садово-огородные участки. Долго ли продержится «несущая конструкция»? А за нами, шестидесятилетними и пятидесятилетними – пустота. Нам не удалось вырастить преемников и «идейных наследников». Те, что моложе, – другое поколение. Люди из другой эпохи, из другой страны. Другой этнос.

Наше поколение не выдало идеи послеперестроечной жизни; не создало образ будущего Академгородка. Наверное, новый Академгородок и новая Россия будут строиться естественно, эволюционно, сами собой. Вот чего я боюсь – не вырастет ли вместо прежнего псевдосоциализма что-нибудь подобное фашизму? Ведь гитлеровский фашизм когда-то тоже возник естественно – вдруг появилось много людей с экстремистскими взглядами...

Внимательно присматриваюсь к молодежи. Много слышу о наркомании и о юношеском алкоголизме, но поблизости, рядом с собой ничего такого не вижу. Может, Академгородок в этом смысле благополучнее других городских районов. Мои сыновья и их знакомые почти не пьют спиртного и не курят. Играют в футбол и ходят в походы, как мы. Но они более деловые, потому что сейчас все решают деньги. Мой молодой сотрудник, способный математик, получает в Институте экономики копеечную зарплату, а в софтовой компании – полторы тысячи долларов в месяц. Такие деньги я даже представить не могу! Сын коллеги всего год назад закончил механико-математический факультет НГУ и еще не женат, но уже купил трехкомнатную квартиру и машину. Один мой способный ученик, написавший замечательную дипломную работу о финансовом капитале, после окончания НГУ пошел работать не научным сотрудником, а региональным представителем в зарубежную табачную фирму. Его обязанности просты до примитивности – следить за тем, чтобы не убывали запасы табачных изделий в складах. А зарплата намного выше, чем профессорская. Еще несколько моих учеников, тоже ставших предпринимателями, решили взяться за оборудование пляжа и тоже надеются на этом заработать, получить прибыль.

Я не вижу ничего плохого в их прагматизме. Однако после общения с ними все чаще задаю вопрос: есть ли у нынешней молодежи то, что мы называли гражданственностью? Пусть прошлая идеология была придуманной, но для нашего поколения до сих пор много значит Российское государство. А дети Академгородка – потенциальные эмигранты. Они говорят: лучше уехать в другую страну, где благоприятнее условия для карьеры, больше платят и комфортнее быт. Не знаю, что опаснее для страны – эта полная

раскрепощенность и свобода от привязанности к родине у молодежи или чрезмерная привязанность к прошлому у тех представителей старшего поколения, что с прежней категоричностью твердят о реальности рухнувших мифов. Для меня несомненно одно: мосты между поколениями необходимы, не должно быть пропасти между отцами и детьми. Мы должны вместе думать о нашем завтрашнем дне.

Только сейчас в Академгородке всерьез задумались о будущем. Молодежь надеется на софтвэрные фирмы, работающие «на Запад», – мол, они могут вытащить Академгородок и вписать его в другую, богатую систему. Слышал я и такие разговоры: лучше бы «прибиться» к Китаю... Мы, как пиявки, все время ищем организм и систему, к которой нужно присосаться, чтобы выжить. О чем это говорит? Академгородок не может оставаться абсолютно автономным, независимым. Это не княжество Монако. Это хрупкая искусственная система, до сих пор зависящая от госбюджета.

Каким мне хочется видеть будущий Академгородок? Большим международным университетом. Все научные институты стали бы базой для факультетов университета, готовили бы аспирантов и кандидатов наук. Подобную идею высказывал когда-то академик Аганбегян, предлагая «доводить» в нашем научном центре специалистов до уровней кандидатов наук, а потом пусть ищут себе место в жизни за пределами Академгородка. Эта идея кажется мне разумной. Фактически главной целью Академгородка стало бы образование. Сотрудники институтов совмещали бы подготовку высококвалифицированных кадров с фундаментальными исследованиями.

Сам я давно совмещаю преподавательскую и исследовательскую работу. Изучаю трансформацию социально-экономических систем на основе инноваций, собираюсь исследовать экономику управления – труднодоступную и крайне затратную. Своими выводами, идеями, накопленной информацией делюсь со студентами НГУ, где веду спецкурс, и с учащимися Академии госслужбы. Организовал в своем отделе и семинар для аспирантов. Мы встречаемся по субботам уже целый год. Говорим и о трансформации социально-экономических систем, и об устойчивом развитии. Аспи-

ранты пишут статьи, делают доклады. Каждый получает возможность высказать свои идеи, свою точку зрения – мирно и доброжелательно, без негативных оценок. Образовалась положительная общность, все мы учимся слушать и слышать друг друга. Я вижу, что подобное общение нужно даже тем моим ученикам, которые стали владельцами магазинов и приезжают на семинар на собственных авто. Ведь они получили интеллектуальный заряд в университете. Я уверен: полноценное общение принесет свои плоды, даже если молодые люди просто хотят приобрести ученый лоск. На научном семинаре они ведут себя иначе, чем в привычной среде бизнеса; тут не мат-перемат и не «вечный бой», а искреннее сотрудничество. Может, так сформируются новые бизнесмены, у которых на уме не только деньги. Хорошо, если бы в похожих семинарах участвовали и работники административных органов. Чтобы приобщались к культуре и на своем рабочем месте, в своем чиновничьем кресле не отвыкали думать и по-человечески говорить с людьми.

Верю, что наука, укрепив связь с образованием, выживет. Наука способна выживать в невероятно сложных условиях. Но, видимо, не избежать структурных перестроек и трансформаций. Возможно, ради сохранения научного потенциала в регионе стоит создать Сибирскую академию наук, включив в нее некоторые институты СО РАН, СО РАСХН, СО РАМН и те отраслевые, чьи результаты признаны мировым научным сообществом. Надо ввести в Сибирскую академию и три крупнейших государственных университета фундаментальных наук – Новосибирский, Томский и Иркутский. Для финансирования Сибирской академии нужно перераспределить ту часть госбюджета, что выделяли на содержание всей Российской академии наук. Региональные академии могли бы появиться также на Урале и на Дальнем Востоке, а Российская академия наук превратилась бы в ассоциацию региональных академий, которые отнюдь не замыкались бы на региональных проблемах, а вели бы исследования общероссийского и глобального масштаба.

Часть отраслевых, проектно-технологических НИИ и КБ может войти в состав крупных промышленных предприятий и стать основой для преобразования заводского сектора науки в корпоративный – в Академию корпоративных исследований. Сюда можно

отнести и «корпоративные» вузы – политехнический, медицинский, аграрный университеты и т.п. Есть смысл особо выделить и Сибирскую академию региональных исследований – с институтами экономики и конъюнктуры, социологии и демократии, охраны окружающей среды. Научное руководство этими институтами может осуществлять Сибирская академия наук, а финансирование будет базироваться на целевых взносах субъектов Российской Федерации, ставших членами ассоциации «Сибирское соглашение», и на заказах бизнесменов, органов управления и других структур.

Мы считали и продолжаем считать, что наука должна служить обществу, народу, стране. Так же считают и в западноевропейских странах, и в США (к примеру, Клинтон и Гор во время предвыборной кампании говорили: наука должна изучить и понять, чего хочет основная часть населения). Бесспорно и другое – углубляется разрыв между наукой и народом. Это ощущается не менее болезненно, чем утрата интеллигентского духа. Какая-то связь Академгородка с народом поддерживалась через олимпиады, с помощью которых набирали способных детей в ФМШ. Но этого недостаточно, тем более что обратно в народ, в «глубинку» обученные и отшлифованные «самородки» не возвращаются. В далеком прошлом русские интеллигенты, дворяне «ходили в народ», несли в деревню культуру. Но тогда звучал нравственный призыв. В советское время в деревню «распределяли» из пединститутов молодых, талантливых учителей. Не все там приживались; для некоторых деревня становилась чем-то вроде ссылки. Однако сельские школы, клубы и библиотеки превращались в настоящие очаги культуры. О том, что сейчас происходит во многих деревнях, написано немало «чернухи». Говорят, народ деградирует, теряет веру в добро и совесть. Никто больше не «распределяет» в деревню специалистов из города. И нравственного призыва не слышно. Может, самая чуткая часть интеллигенции проявит инициативу и создаст журнал – посредник между интеллектуальной, творческой элитой и народом? Не для поднадоевшей всем «чернухи», а для поиска, восстановления положительных устоев, ради взаимоуважения и взаимопонимания. Без этого вряд ли можно надеяться на оздоровление науки и общества.

ИЩУ МОСТ МЕЖДУ РАЗУМОМ И ДУШОЙ

Г.И. КАРПАЧЕВ,
кандидат технических наук
(Институт вычислительной математики
и математической геофизики СО РАН)

«Границы Академгородка будут расплываться, и он неизбежно превратится из чисто академического сообщества в нечто другое». Это сказал в 1975 году тогдашний глава Сибирского отделения Г.И. Марчук. Он считал, что Академгородок стал меняться из-за проникновения в институты заказов «оборонки» и других отраслей. Все это деформировало инфраструктуру, обустраивавшуюся только для науки. Возникло множество проблем, которые лучше обсуждать и решать с конкретными цифрами в руках. И он поставил в своем ВЦ задачу – разработать

систему, дающую ему «фактическую основу для переговоров на любом уровне».

Я с самого начала работал в отделе, выполнявшем это задание. Примерно к 1980 году мы разработали систему «Население» и потом пополняли ее информацией, поступавшей к нам из паспортного стола, ЗАГСа и из других учреждений. Это были сведения о рождаемости, заболеваемости и смертности, о приезжающих и уезжающих (отдельно выделяли отъезд за границу), о жилом фонде Академгородка и об обменах жилья... Постепенно система расширялась и пополнялась новой статистической информацией о том, чем и как живут люди. Но Г.И. Марчук вскоре переехал в Москву и, как все стартовавшие отсюда, перестал интересоваться Сибирью и Академгородком. И теперь наш «банк данных» словно уже никому не нужен. Я один продолжаю работать с этой информацией. Мне все еще кажется, что она понадобится.

Я всегда, сколько себя помню, стремился к знаниям. Несмотря на все препоны, на тяжелую жизнь... Родился я перед войной в Омской области, в деревне. Отца не помню – погиб на фронте. Матери трудно было растить троих детей. Решила учить в школе только старшего, а младшие пусть сидят дома. Я целый месяц плакал, просился в школу. А наш русский народ все-таки отзывчивый... Односельчане уговорили мать: мол, будем помогать, только учи всех детей. В нашей деревне старших классов не было. Я, голодный и босой, ходил на уроки в другую деревню.

Учился я хорошо. Но все равно не мог сравниться с городскими школьниками. И как только мы переехали в Прокопьевск, выяснилось, что у меня и моих новых одноклассников разные уровни подготовки. За три года (8–10 классы) я их так и не догнал. Читал много художественных книг, но не мог состязаться с ними по физике и математике. Ничего удивительного, что я не прошел по конкурсу в Томский политехнический институт. Поступил сперва в техникум и лишь потом – в вуз, в Томский университет на престижный тогда радиофизический факультет. Только на этом факультете в 60-е годы изучали интересовавшую меня электронно-вычислительную технику. Тут уж я учился не хуже других.

Потом мне пришлось отработать три года «по распределению» в оборонном КБ, где все секретно, довольно затхлая атмосфера... Почувствовал себя «в своей тарелке» только в Академгородке. Живу здесь с 1970 года. Уже есть дети и внуки. И, несмотря ни на что, интересная работа.

Мой «банк данных» о населении стал не просто набором данных, а интегрированной информационной системой, с помощью которой можно выявить «болевые» точки и патологические перекосы в социальных взаимосвязях. Жилищные проблемы пересекались с криминальными, с заболеваемостью и много с чем еще. Я планировал подключить к разрастающейся системе ГАИ, налоговую инспекцию, медицинский и пенсионный фонды. Были налажены тесные контакты с райсобесом и с вычислительным центром областного УВД.

На материале УВД я подготовил несколько информационных систем. К примеру, состыковав блоки «Уголовное преступление» и «Население», можно было выяснить, кто из совершивших преступление живет в Академгородке, в какой семье и в каких условиях, где работает, чем болеет не только он, но и его родители. Эта информация помогает понять причины и мотивы проступков, продумать меры профилактики. Используя наши данные, легко получить и дополнительные сведения о владельцах личного оружия: если в компьютерах фиксировалась смерть того или иного владельца, районный ОВД мог обратиться к семье умершего и вовремя узнать, к кому попало его оружие.

Все это позволяло милиции и другим нашим партнерам получать не фрагментарное, а более или менее широкое представление об интересующем их явлении.

На основе таких же принципов я планировал для райсобеса интегрированную систему «Социальное обеспечение». Для начала привез из Москвы автономный пакет программы. Началась экспериментальная эксплуатация в райсобесе. Я обратился в облсобес, чтобы «распространить» систему на область. Кроме всего прочего, мы предложили создать совместную фирму, которая бы внедряла пакет в райсобесе и зарабатывала деньги, вкладывала их в развитие интегрированной информационной системы. Но как только

мы показали, где «лежат деньги», нас сразу «выкинули» из собеса.

И так везде. Едва наши партнеры «усекали», как действует система и как с ее помощью зарабатывать деньги, они сразу же отказывались от наших услуг.

Много лет назад несколько энтузиастов из ВЦ разработали и внедрили в поликлинике СО РАН, что на Морском проспекте, систему анализа заболеваемости. Потом энтузиастов не стало (кто-то уехал сам, кому-то предложили уволиться) – и заботу об их детище перевалили на меня. В поликлинике система продолжает действовать. А сотрудничество с Центральной клинической больницей СО РАН не сложилось. Главврач поступил так, как поступил бы на его месте любой чиновник. Направил меня с моими предложениями к своему программисту. А многие программисты не имеют достаточного кругозора. И программист ЦКБ что-то соображает только в проблемах своего учреждения, эксплуатирует локальную систему. Я же предлагаю изменить подход, посмотреть на ЦКБ как на часть большой системы. Но при этом, конечно же, выявится множество противоречий, способных разрушить ту удобную нишу, что создал для себя программист. Каждый «узкий специалист» в такой ситуации ощущает дискомфорт, начинает беспокоиться за свое место. Понятно, какое мнение доложит он начальству.

Везде нас воспринимают как нарушителей стандартов и покоя. Ведь все работают в режиме выживания. Почти не осталось полноценных руководителей, которых не удивят мои слова: «Думайте об эффективности использования средств». Нынешние руководители привыкли считать главной совсем другую задачу – «выбить» как можно больше ресурсов. Но ведь это не выживание, а безответственное отношение к ресурсам! Болезнь затратной экономики воспроизводится нынешними руководителями.

Пример расточительного, безответственного отношения к ресурсам подают областная и городская администрации, где мощная современная вычислительная техника часто используется для канцелярских работ. Секретаршам и чиновникам, имеющим небольшие деловые архивы и отправляющим бумажки с ответами и приветами, не нужны суперкомпьютеры с гигабайтами памяти, с мощными процессорами и с подключением к глобальной сети.

Лучше бы поставить суперкомпьютеры в ЗАГС – для налаживания системы регистрации умерших и пополнения банка «Население». Известно, что в Новосибирске ежегодно умирает 15 тысяч человек. По масштабу – целый сельский район! Если проанализировать причины смертей (кто, по каким причинам и в каких микрорайонах уходит из жизни), узнаешь «болевые точки» города. Мэру и губернатору необходимо их знать. Я доказывал это местным властям много лет. Доказывал заместителю Толоконского (когда Толоконский был еще мэром). Со мной соглашались. Но трех компьютеров для ЗАГСа так и не нашли.

Нас «выставили» из УВД, из паспортного стола, почти отовсюду; нам преградили доступ к информации. Многие данные в нашей системе уже два года не обновляются. Наши идеи и подходы не интересовали ни Президиум СО РАН, ни бывших руководителей районной администрации. Не знаю, как отнесется к нашим предложениям нынешний глава районной администрации Гордиенко – все же он бывший ученый, философ...

Может, я потому продолжаю заниматься невостребуемым «банком данных», что мне кажется: не прежний мой руководитель, а сама судьба подвела меня к этому делу. С детства я напряженно думал о смысле жизни. В зрелом возрасте многим уже не до таких размышлений. И у меня эти мысли отходили на второй план. Но в последние десять-пятнадцать лет я вернулся к «вечным» вопросам, анализируя накопленную статистику. Думал о том, как управлять обществом. По каким законам развивается сообщество и человек? Какова цель жизни человека, народа и государства, человечества в целом? Я убежден, что на эти вопросы можно найти точные и однозначные ответы.

Попробуем подойти к этим ответам через умственный эксперимент. Будем продвигаться вперед постепенно, шаг за шагом, через моделирование ситуаций и построение логических схем. Как создаются все сложные системы? Путем объединения простых. С какой целью? Чтобы получить новое качество, каким не обладают отдельные элементы, входящие в более сложную систему. Какой тут осуществляется закон? Объединяя, совершенствуй. Это космический закон, он дан свыше.

А что происходит в нашей стране? Пытаются добиться каких-то улучшений, не объединяя, а разъединяя. Разъединили общественную собственность. Разъединение происходит на всех уровнях, в том числе и на уровне оплаты труда. Оплата труда у нас никогда не была справедливой. Но если принцип «Разъединяя, обогащайтесь и решайте свои личные проблемы» становится главным в государстве... Не значит ли это, что государство само себя разваливает? Отказавшись от некоторых очень хороших принципов социализма, мы нарушили и другие космические законы: а) уходя, оставайся; б) сохраняя, развивай. Пока мы разрушаем все доставшееся нам от прошлого. А нужно сохранять и совершенствовать наработанное. Ничего удивительного, что страна деградирует. Из нарушения космических законов ничего хорошего не получается.

Запомнилась мне информация из лекции о Швеции (я слушал ее лет пятнадцать назад). Оказывается, в этой стране оплата труда премьер-министра только в два-три раза выше оплаты низового работника. А в нашей стране фактическая разница между высоко- и малооплачиваемыми в сотни или даже в тысячи раз больше! Нас много лет стращали «уравниловкой», а шведов это не пугает. Наверное, они давно поняли, как разъединяет людей пропасть в оплате труда, образующаяся потому, что так называемая элита попросту присваивает значительную часть ренты от национального богатства. Но должны же найтись и в нашем обществе здоровые силы, которые захотят и предложат объединяться! И кому сделать первый шаг к объединению людей, если не тем, кто занимается поиском новых знаний? Для начала – отступить от действующей Единой тарифной сетки и изменить систему оплаты труда ученых либо в Сибирском отделении в целом, либо в каком-нибудь одном институте. Установить предельный минимум оплаты труда (выше прожиточного минимума) и предельный максимум (больше минимума всего в два-три раза). Не согласится ли Институт перспективных исследований поставить такой эксперимент и первым сойти с тупикового пути? Может, тогда и появится шанс на то, что реформы в России обретут человеческое лицо, а потом – и на возрождение национального духа.

Честно признаться, я не очень верю, что какой-нибудь коллектив откликнется на подобный призыв. Вряд ли моя идея понравится высокооплачиваемым руководителям. Не склонна к таким экспериментам и вся наука, в которой интеллект отделен от души. А политики наши давно бы уж издали закон о приватизации солнечного света, если бы могли.

Я не принадлежу ни к каким религиозным или околорелигиозным сектам и обществам. Пытался контактировать с последователями идей Рериха. Но в каждом обществе есть лидеры, они преследуют личные цели... Убедившись в этом, я не стал примыкать ни к «рериховцам», ни к другим объединениям. Остался один. Есть круг знакомых, с ними я обсуждаю интересные для меня вопросы и обмениваюсь информацией. Постепенно этот круг расширяется, появляются новые люди, с которыми сразу возникает общение «на одной волне». Появляется новая информация для размышления. Если человек устремлен к высокому познанию, его ведут высшие силы...

Я обратил внимание на учение Ориса – в миру Сергея Васильевича Цвелева. Он живет в Крыму, написал пятьдесят книг. Тридцать книг изданы, но только на Украине. Россияне могут прочесть их в Интернете (канал «Орис»). Эти книги дали мне такую духовную пищу, какую не дала наука.

Согласно Орису (развивающему учение Живой Этики), нынешние кризисы и противоречия объясняются близостью космического Апокалипсиса. Земля, которая вместе со всей Солнечной системой вращается вокруг центральной звезды Плеяд по орбите-эллипсу, проходит сейчас крайнюю, самую дальнюю точку траектории. На этом участке траектории под действием космических излучений произошло погружение духа в материю. Дух покрылся плотной материей, как оковами, и забыл, кто он есть. Человеческие души претерпевают искушение материального мира и проходят испытание, как выпускной экзамен на зрелость. Кто мы – разумные космические единицы, действующие по законам общего блага, или хищники, решающие свои личные проблемы любой ценой? Эпоха погружения духа в материю закончится 25 декабря 2012 года. К этому сроку нужно подготовиться, очистить созна-

ние. В потреблении ограничиться минимумом, необходимым для поддержания жизни тела. Отказаться от порочных излишеств – прежде всего от табака и спиртного, от трупоедения, при котором человек если не прямо, то косвенно содействует убийству.

Я отнесся к этим заповедям серьезно. Как физик, ничего не беру на веру, просто так. Нас учили проверять все экспериментом. Вот я и решил провести эксперимент со своим телом. Очиститься от шлаков, чтобы проверять своим телом и своим сознанием знания от учителей человечества. Восьмой год не ем мяса, не курю и почти совсем не пью. Иногда хочется чего-нибудь такого, но есть же сила воли...

Самая трудная задача – донести эти идеи до других. Не знаю ни одного доктора наук, с которым я мог бы свободно говорить об этом. Их скепсис и насмешки объясняю тем, что они не прошли этап искушений, увязли.

Недавно в Интернете опубликовано потрясшее меня обращение Ориса: «Время катастрофически сжимается, скорость процессов преобразования Земли нарастает...» По словам Ориса, этап индивидуального накопления космических знаний закончился. И теперь наибольший вклад в развитие цивилизации и человеческого духа внесут коллективы. Поэтому все, кто разделяет идеи, провозглашенные в Живой Этике и Орисом, должны искать созвучные по вибрациям души и объединяться. И приобщать к космическим знаниям и идеям как можно больше других людей.

Я отправил Орису через Интернет письмо с предложением – решить вопрос об издании его книг в Новосибирске. Ответа не получил. Возможно, сработала система тотального контроля за электронной перепиской. Есть подобная система и у нас, и на Западе; мы все уже «под колпаком». Так нынешние правители стараются укрепить свою власть, но дни их сочтены.

Помня об обращении Ориса, я перешагнул через сомнения и высказал предложение для Института перспективных исследований. Пусть оно покажется странным. Однако вы все же подумайте. Если каждый из нас сделает все от него зависящее для объединения людей, то рано или поздно мы увидим свет в конце тоннеля.

ПОБРОДИТЬ БЫ КОНСТРУКТОРУ ПО ТАЙГЕ...

В.Н. МАМОНТОВ,
безработный инженер-конструктор

На днях мне стукнуло пятьдесят. Размышлял, как быть дальше. Пожалуй, уже сделал все, что мог. Высоких статусов и званий не достиг, да и не стремился к ним. Живу один, хотя дважды был женат. Имею двоих детей: сыну 27 лет, дочке – десять. С женами расходился, когда заканчивался ресурс совместной счастливой жизни. Зачем превращать ее во что-то неудобоваримое? Обеспечил жен жильем, сохранил с ними дружеские отношения. Никому не должен. Ничего не хочу. Иногда подумываю: а не свалить ли из этой жизни пораньше, пока никого не обременяю? Тоже выход, если дел для меня уже не осталось...

На мою судьбу повлияла страсть к путешествиям, к перемене мест. Я унаследовал это от отца и передал сыну: он работает инженером в Институте физики полупроводников, учится в аспирантуре и со студенческих лет ходит в горы. Четверых товарищей там потерял (двоих накрыло лавиной снега, двоих – лавиной воды). Но отказаться от походов не может – для него это как вторая жизнь; он и в ней уже профессионал, инструктор. Мой отец, защитивший кандидатскую диссертацию по метеорологии, много лет жил в Новосибирске, работал в Западно-Сибирском гидрометеоцентре, потом – в Обнинске, в международном центре по сбору метеоинформации с искусственных космических спутников. В 1956–1958 годах участвовал в антарктической экспедиции и полтора года находился в Антарктиде. А мать, врач-микробиолог, в это время жила вместе со мной и с моим братом в землянке (в районе нынешнего Дворца культуры имени Чкалова).

Впервые я увидел Академгородок в 1965 году, когда мне было 14 лет. Уже тогда захотелось жить здесь, рядом с лесом и почти настоящим морем. Впоследствии оценил и интеллектуальную атмосферу Академгородка.

Закончив НЭТИ, я «распределился» в Институт прикладной физики (что в микрорайоне «Щ»). Меня покорило суперсовременное оборудование, вычислительные машины – не хуже, чем в ИЯФе.

Рабочий темп у нас был задан такой, что на его фоне сотрудники знаменитого ФИАНа (Физического института АН, куда я ездил в командировки) казались бездельниками. Вместе с другими инженерами я занимался разработкой алгоритмов, используемых в оптимизации проектирования. А машина БЭСМ-6 потом в течение недели обсчитывала, анализировала 30–50 тысяч вариантов – и выдавала оптимальный. Работа меня засосала. От темна до темна в лаборатории; не видел ни неба, ни солнышка. Появились мысли: как бы не сгнить, подобно червяку, в этом институте... Мне же хотелось и мир посмотреть. Хотелось объять необъятное.

А тут еще неприятная история. Ввязался я в конфликт. В институт пришел на практику студент и красиво решил очень сложную задачу. Никому из сотрудников не удавалось обобщить ре-

зультаты работы, выделить закономерности и алгоритм, построить теорию. А мальчишка-практикант это сделал. Все вокруг обалдели... Вскорости парень закончил вуз, «распределился» в наш институт. А примерно через год мы с ним случайно обнаружили то самое решение, оформленное в виде авторского отчета нашего руководства. Наверное, руководитель присвоил чужой результат, чтобы поднять собственный престиж. Мы, конечно, возмутились, пошли в совет молодых специалистов, в комитет комсомола... Я подробно описал всю историю в письме отцу. А он возьми да и пошли мое письмо в «Комсомольскую правду».

Все закрутилось. Приехал собкор «Комсомолки». Пока он сам во все вникал, был на нашей стороне. Но когда вышел из кабинета директора, изменил позицию и с нами говорил холодно. Нас вызывали в 1-й отдел, в райком комсомола... С обворованным автором поработали отдельно – и тот решил отказаться от своего авторства, просил меня прекратить борьбу. Приходил ко мне и комсорг института: «Ты, конечно, прав, но лучше отзови свое заявление». Сейчас бы я, наверное, так не настаивал. Уже понял, что у каждого своя правда, а чистой и абсолютной нет на Земле и выше. Тогда думал иначе. И продолжал один бороться за восстановление справедливости. Вышел на местную (институтскую) парторганизацию, а там порешили, что негоже автору отказываться от своей задачи и надо перед ним извиниться. Меня познакомили с выпиской из решения, пожали руку: все правильно, товарищ. Правда, один член бюро дал дружеский совет: «Ты, конечно, молодец, но на твоем месте я бы после такой истории уволился из института». Я тоже об этом подумывал, разборки меня измотали...

Случайно я узнал о наборе в геологическую партию на БАМ. Желающих ехать туда по комсомольской путевке отпускали даже из «секретных» институтов, разрешали не отрабатывать положенные три года после вуза. Я решил воспользоваться случаем и сорваться из института, где отработал всего полтора года. Сагитировал еще двух кандидатов наук, они тоже захотели поехать на полгода чернорабочими на БАМ, прошли медкомиссию и переговорили с начальником партии, но в самый последний момент передумали. А я свои планы не изменил, даже когда ведущий специа-

лист института предложил мне перейти в его лабораторию. Предложил, несмотря на тот злополучный конфликт. Когда я сообщил ему, что хочу пошататься по тайге и уже оформил документы на БАМ, он сказал: «Как я тебе завидую!»

Со мной на БАМ поехал младший брат, учившийся в МГУ на факультете «Экономика зарубежных стран». Ну, хлебнули мы романтики! Народ в партии разный, устраивались даже зэки, но сбежали, не выдержали нагрузки. Мы жили в палатках, ходили в дырявых сапогах, рабочие инструменты – кирка, лопата и лом. Рыли шурфы в вечной мерзлоте.

Время от времени нас с братом «забрасывали» на вертолете далеко в тайгу, мы жили там вдвоем по двое-трое суток, готовили фронт работ для геологов. Однажды на трехметровой глубине выковыряли глыбу смерзшегося песка, а когда та на солнце развалилась, увидели внутри существо, напоминающее тритона, но гораздо больше, с вертикальным плоским хвостом. Неизвестно, сколько оно пролежало во льдах, но, оттаяв, ожило и сбежало из укрытия, которое мы для него соорудили.

За полгода мы пережили в Прибайкалье немало приключений и многому научились, освоили правила жизни в тайге. Ни разу не стреляли в зверей. Если где-то неподалеку «ломится» зверь, достаточно стукнуть металлом о металл. Заслышав чуждый звук, зверь уйдет. Ружья были только у инженера и командира партии. Мы с братом брали их, когда уходили отдохнуть, побродить пару дней по тайге, по Становому нагорью. Заберемся на гору, выдадим пару залпов... Лето в тех краях необыкновенное. Много ледяных гротов, пещер. Вокруг прозрачных глыб вьется зелень наподобие лиан. На солнце все искрится. А небо такое многоцветное... Почему-то самое красивое небо – в труднодоступных, суровых краях (в Магадане, куда я попал в студенчестве со стройотрядом, небо еще красивее, чем на БАМе).

Отработав положенные полгода, мы с братом решили не ждать, пока нас со всей партией вывезут вертолетами, самолетами и поездом. На это бы ушло не меньше полумесяца, а мы спешили. Брат – на занятия в университет, а я – к жене (перед моим отъездом на БАМ мы крупно поссорились, а потом наша переписка ста-

новилась все более любовной, так что я готов был лететь домой как на крыльях). Ушли пешком ночью, оставив записку, потому что нас не отпускали. Шли 800 километров около месяца, время не выиграли. Но путешествие стоило того. Стоял сентябрь, красотища вокруг...

Взяли мы только по плащ-палатке (просто плащ с капюшоном) да четыре булки хлеба. Питались «подножным» кормом. Первые 200 километров шли по дикой тайге. Несколько раз сбивались, блудили, но выбирались, повезло. Иногда выходили на затесы, оставленные в довоенное время. На ночь разжигали два костра. Спали прямо на земле. Когда становилось холодно, перемещали тлеющий костерок на другое место и ложились на разогретую землю... Прошли верхом Северо-Муйский перевал, шли над строившимся Северо-Муйским тоннелем, выбрались к автотрассе и к железной дороге. Только тут стали встречаться поселки. В пути мы обсуждали, что видели: как меняется человек при приближении к цивилизации. В тайге все люди – как братья, все равны, с открытой душой. А ближе к городу люди становились чужими, сухими, равнодушными, даже враждебными.

Вернулся я в город раскрепощенным. Понял, что не пропаду, если не найду места в городской жизни. У меня появилась альтернатива: жить с семьей в тайге, добывать пропитание охотой и прочими «первобытными» способами. Я знал, что это вовсе не второсортная жизнь. Однако пока не спешил расставаться с цивилизацией. Искал работу с «перспективой на жилье» (надоело скитаться с женой и сыном по чужим углам).

Такая перспектива появилась не сразу. Сперва пришлось поработать пять лет в Институте неорганической химии. Там я участвовал в разработке прецизионных электронных весов непрерывного действия, нужных для автоматизации процессов выращивания искусственных кристаллов. Мои партнеры со своей задачей не справились, и мне пришлось одному доводить до ума начатое дело. Сконструированные мной весы до сих пор используются в Академгородке и в других местах.

Я получил несколько авторских свидетельств, а защищать диссертацию не стал. Не видел в этом смысла, потому что мог за-

работать больше кандидата наук. Летом во время отпуска уезжал на «шабашку»: строил, ремонтировал жилье и скотные дворы, огораживал водозаборы. За пару недель зарабатывал 750 долларов. Тогда «шабашникам» не разрешали платить такие большие деньги. Оформлял «мертвые» души. По документам на стройке числилась бригада (до 8 человек), а на деле со всем справлялся я один, нанимая для некоторых работ двух-трех человек. Настоящее человеческое дело: тут и деньги, и романтика, и другая жизнь. Такой я сделал выбор. Тяжелого труда не боялся, а для защиты диссертации пришлось бы «прогибаться» (начиная с «кандидатского минимума», с экзаменов по марксистско-ленинской философии, где требовалось говорить не то, что думаешь). Вот это делать противно и лень.

В СКТБ монокристаллов, где мне дали жилье, я продолжал дело, начатое в Институте неорганической химии. Конструировал датчики, потом их выпускал Феодосийский приборостроительный завод. Правда, я ничего не получил за свои изобретения (тогда авторам платили немного, да еще нужно оформить кучу бумаг). Но «грело» то, что я единственный из семи ведущих конструкторов работал не на «корзину», доводил идеи до внедрения.

Я все еще был легок на подъем и в отпуске продолжал нырять в другую жизнь – в «шабашку», в археологические экспедиции и по так называемым аномальным зонам, где, по рассказам очевидцев, летали НЛО и творились чудеса. «Аномальщиной» увлекался лет пять. В одной из экспедиций на Алтае придумал, как объяснить привидения, полтергейсты и прочие явления, выходящие за пределы известных природных законов. Я объяснял все быстродействием, точнее – разной скоростью природных процессов в разных мирах и измерениях (для сравнения брал мир минералов, растений и животных). Из-за этого человек успевает увидеть лишь «кусочек» какого-то явления, и оно кажется ему сверхъестественным. Я отослал свою статью в журнал «Природа и человек», и там ее напечатали. Потом «выдал» еще несколько версий, их тоже напечатали. Побывал в Томске на конференциях Сибирского научно-исследовательского центра «Аномальные явления», но там все сводилось к говорильне. Несколько раз съездил в экспедиции с

известным академгородковским «аномальщиком» Журавлевым. Сам посетил пару аномальных зон – возле Перми и в Самарской Луке. В Самарской Луке чудес не видел, зато погулял – много интересных знакомств, встречи с женщинами... А в «Пермском треугольнике» собралось так много охотников за чудесами, что не поймешь, где вспышка фотоаппарата, а где то самое, чего все ждали. Но однажды часа в два ночи мы увидели-таки нечто странное: летели две звезды, от одной отошли три искривленных луча, потом светящиеся концентрические круги – и все скрылось за лесом. Примерно то же описывали и жители ближней деревни, которых я потом опросил. Впоследствии я поговорил и с военными, служившими рядом с космодромом. Они сказали, что при неудачных запусках ракет ничего подобного не наблюдали. Так и не узнал, что это было. Однако интерес к загадочным явлениям пропал.

Думаю, нет ничего загадочнее обыкновенной человеческой жизни – то она кажется романтичной и возвышенной, то пустой и бессмысленной.

Кто из образованных людей не размышлял о мироустройстве, об облагораживании общества! Я не хотел ограничиваться размышлениями. После возвращения с БАМа, уже работая в СКТБ монокристаллов и все еще помня злополучную историю с плагиатом, направил в Политбюро ЦК КПСС письмо «О соотношении профессиональных и нравственных ценностей у руководителей предприятий в СССР». В письме я впервые высказался о том, что необходимо выяснить соотношение основных ценностей жизни. Фактически поставил вопрос о научном подходе к иерархии ценностей. Чуть позже я узнал, что аксиология (наука о ценностях) в СССР объявлена «буржуазной» (или наукой «неверных»). А тогда мне казалось: рассуждениями о ценностях я убедительно обосновал вывод о том, как надо изменить государственную политику. Я считал, что следует перераспределить ресурсы общества в пользу дошкольного воспитания, повысить оплату труда воспитателей и учителей, а также медиков и работников, занятых охраной природы. Вместе со мной письмо подписали около 30 сотрудников различных институтов Академгородка. В ответ мы получили благо-

дарность… из Новосибирского обкома КПСС. Но в политике, конечно же, ничего не изменилось.

Впоследствии я написал ряд работ о научном подходе к формированию прогрессивной государственной идеологии (без которой нет общества). С 1992 года, став постоянным участником семинара академика И.С. Ладенко «Интеллектуальные системы в науке и образовании», не раз докладывал результаты собственных исследований. Постепенно пришел к выводу: не философия, а аксиология станет со временем «царицей наук» и поможет объединению (о котором так много говорят) точных наук с гуманитарными. Без аксиологии не сформировать ни здравую идеологию, ни нормальный алгоритм взаимодействия общественных структур с природными.

Расскажу еще об одном эпизоде, заставившем меня вплотную заняться прикладной аксиологией. Примерно в декабре 1989 года я случайно попал на учредительное собрание православной общины, проходившее в Доме ученых. Решался вопрос и о выборе места для церковного храма. Приглашенный аппаратчик районного масштаба выступил с предложением – построить церковь в трех километрах от Академгородка, в деревне Нижняя Ельцовка (ныне она входит в Советский район). Деревня – на открытой местности, на берегу Оби. Свободных площадок уйма, хотя территория загрязнена. Через Нижнюю Ельцовку проходят авто- и железнодорожные трассы, связывающие деревню с городом и с Академгородком. Среди приземистых избушек церковь бы хорошо смотрелась, ее было бы видно отовсюду, даже из окна автобуса и электрички.

Этот вариант не захотели даже обсуждать. Верующей интеллигенции (там были и кандидаты, и доктора наук) больше приглянулось экологически чистое место в лесу, на задворках Академгородка.

Тогда я попросил слова. И вот что вынужден был сказать. Хорошо, что есть церковь и люди, заботящиеся о чистоте помыслов и души человеческой. Но самое чистое – это природа. И почему-то получается так: везде, куда ступает нога человека, природа разрушается. Неужели верующим не жаль губить еще один прекрасный

уголок? Ведь храм со временем, наверняка, расширится, рядом появятся новые дороги, гостиницы, будет срублено много деревьев... Не лучше ли все же поставить храм в захламленной Нижней Ельцовке и очистить ее окрестности?

Но все проголосовали за чистое место. Стоит теперь деревянная церковь, скрытая от людских глаз, в темном густом лесу. Подготовлен проект застройки церковными сооружениями близлежащей местности, площадь которой двадцатикратно превышает уже освоенную. Все это может показаться мелочью, «семечками» в сравнении с головотяпством и злом, переполняющим мирскую жизнь. Но когда духовенство выбирает те же приоритеты, что и «несознательные» миряне, – это, согласитесь, уже не «семечки».

После я много думал о том, какое же содержание вкладывают люди в словосочетание «иерархия ценностей», мелькающее в печати. За последние 200 лет произнесено много общих слов по поводу ценностей, называемых духовными и высшими. Чаще всего высшими ценностями считают национальные интересы или социальную справедливость, проливают за них свою или чужую кровь. Но и поныне нет такой иерархии ценностей, которая бы устремляла к гармонии или хотя бы просто к выживанию. Нет опоры.

Мировое общественное мнение долгое время склонялось к представлению о нерушимой устойчивости здоровья природы, человека и его души, так что не возбранялись какие угодно естественнонаучные и социальные эксперименты. И «подсознательным» критерием оценки ценностей до сих пор остается устойчивость – способность сопротивляться разрушающему воздействию. Чем устойчивее кажется ценность, тем более наплевательски к ней относятся. Из-за этого мир уже катится в пропасть, а наши профессора, преклоняющиеся перед модным плюрализмом, все еще возражают против выработки единого мнения о высших и низших ценностях. Но при таком плюралистском подходе можно только болтать о ценностях да сокрушаться об их утрате!

В 90-е годы я публиковал свои работы по прикладной аксиологии (в том числе и в сборниках материалов международных конференций), искал опорные «связки» ценностей для прогрессивной идеологии. Вчерне построил ЕИС – Естественную иерар-

хию средств-целей, которая может стать методологией выживания и развития современной цивилизации. Кроме всего прочего, сформулировал новое понятие собственности, определил ее место среди других ценностей и показал, в каких условиях отношения собственности ведут к положительному развитию, а в каких – к деградации.

В 1997 году я полностью переключился на прикладную аксиологию: внедрение разработанного мной подхода в региональную и общероссийскую государственную политику стало моей главной целью. Но дело движется медленно, приходится часто отвлекаться на случайные заработки, на добывание средств для существования.

Что-то сломалось в моей жизни, я словно выпал из ниши. Нечто подобное пережили в конце прошлого века миллионы в России. Запомнилось, как оценил «катастройку» в своем выступлении местный философ – профессор Фофанов: «Наша интеллигенция продала все за свободу болтать». Ярко сказано, вот только относится это к тем, кто крутится возле философии, СМИ и политики. Но никак не к учителям, не к медикам и не к той интеллигенции, что занималась техникой и точными науками. Подумать только: наше государство отказалось от идеалов социализма, за которые положили свои жизни столько людей... В прошлой мировой войне тут не родину защищали, а социализм и советский строй. А если бы знали наперед, какие перестройки ждут страну в конце века?.. Ту войну мы бы не выиграли, это точно.

После СКТБ монокристаллов, где отработал пятнадцать лет, я устроился на завод редких металлов. Тут пришлось заняться не приборной техникой, а технологией выращивания монокристаллов. Поставили задачу – в кратчайший срок создать новую технологию. Без финансовых вливаний, на старом оборудовании... Опять дневал и ночевал на работе. И платили неплохо. Но через полтора года пришел новый генеральный директор, которому не нужны перспективные исследования. Стал выживать начальника научно-технического отдела (этот руководитель пригласил меня на завод, и я был его «правой рукой»). Меня же подкупали, предлагали заняться другой темой... Но мое «чувство справедливости»

оставалось при мне: в знак протеста я ушел с завода вместе со своим начальником.

Какое-то время перебивался разовыми работами по конструированию. Заработал компьютер (для дочери). А после два года работал в Институте физики полупроводников. Дворником.

Пристроила меня вторая жена Ася (будучи инженером, пять лет подрабатывала дворником и решила уступить мне свое место). Я согласился ради здоровья. Раньше о здоровье не беспокоился, а на заводе вдруг почувствовал себя плохо. Обратился к врачам, они записали ЭКГ – и уложили в больницу. Пролежал я там дней десять, меня подлечили. Правда, после проверки ЭКГ опасения врачей не подтвердились, но я, помня про свою сверхнапряженную работу и бессонные ночи, решил: это «первый звонок». К тому же через месяц я вдруг растолстел...

Я то стеснялся дворницкой работы, то гордился ею. Временами укорял себя: ты же еще можешь решать сложные задачи, а уже спасовал, к метле пристроился. Или убеждал себя в другом: занимаюсь чистым и, бесспорно, полезным делом. А любая научная работа рано или поздно оборачивается страшными последствиями для многих людей.

Работы у дворника – на три-четыре часа в день, да и то после снегопада. Еще я сбрасывал снег с крыши. Семь потов с тебя сойдет, а это хорошо для здоровья. И в весе я сбавил. Платили, в среднем, 20–30 долларов в месяц. В свободное время я заканчивал свою главную книгу о разумном управлении обществом с помощью Естественной иерархии средств-целей. Закончив книгу, уволился из дворников и встал на учет на бирже труда. Теперь безработный. Пытаюсь найти работу инженера или конструктора.

В Академгородке и сейчас чувствую себя лучше, чем где бы то ни было. Здесь немало людей, близких мне по духу, – наберется на половину малого зала в Доме ученых. Это люди, с которыми я общался в клубе межнаучных контактов, ездил в экспедиции, ходил в походы... Другого Академгородка не знаю.

Удивляюсь, когда слышу, как руководители ломают голову над поиском вариантов выживания Академгородка и Академии наук. Бессмысленно спасать что-либо в отдельности. В Академго-

родке не происходит ничего такого, чего бы не происходило в России. А все российские кризисы – лишь отражение планетарных, общечеловеческих. И сдается мне, не выбраться нам из кризисов, пока не найдем ответ на вопрос: зачем природа (не более глупая, чем мы с вами) создала человека, или в чем смысл человеческого вида?

Однажды я услышал от академика Казначеева вопрос, над которым много думал и сам: «Весь мир живет органически, симбиотически – одно другому служит. А человек выпал из этой упряжки. Почему?»

Одну причину поняли мы с братом, когда шли пешком с БАМа. Душа человеческая устает и меняется не к лучшему, если люди живут слишком кучно. Поэтому городские – более равнодушные, холодные, жестокие и горделивые, а деревенские – добрее и ближе к природе.

Думаю, разлад в души внесла и философия христианства. Попробуйте посмотреть на христианские каноны и символы глазами ребенка: здоровые дяди и тети просят помощи у бессильного, распятого... Тут и пропаганда смирения перед жестокостью, и привыкание к жестокости. Это может «сдвинуть» психику с детства. Неудивительно, что самые разрушительные мировые войны начинались в Западной Европе, где почитали образ распятого Христа.

Возможно, нравственная деформация заложена в фундаменте человеческого общества. Если эволюция шла по Дарвину, то, скорее всего, наши обезьяноподобные пращуры были самыми слабыми детенышами и «выбились в люди», обрели интеллект благодаря хитрости, коварству и подлости.

Во многом виновато государство – с некоторых пор оно способствует перерождению человеческого общества в извращенцев. Государство культивирует и тиражирует слабые наркотики – табак и спиртное. Государство делает вид, будто борется с преступностью. На самом-то деле оно, как аппарат насилия, не может существовать без преступности и потому заинтересовано в ее непрерывном возобновлении на определенном уровне.

Вопрос академика Казначеева можно переформулировать и так: способно ли человечество вернуться к гармоническому сосу-

ществованию, симбиозу с природой? Надеюсь, это в наших силах. Из природной среды и человечества будет когда-нибудь синтезирован новый единый организм – природосоциум. Именно для этого обществу и нужна Естественная иерархия ценностей – она станет «метром» для оценки истории и даст алгоритм, ориентиры, опору для управляемого развития. Предлагаю выбрать из обширного ассортимента ценностей, «наработанных» историей, только испытанные временем (которые прошли стадии феномена, неустойчивости, сомнительной необходимости и продолжают заявлять о себе вне зависимости от того, как мы к ним относимся). Например, аристократия, патриотизм, интернационализм, собственность, социальная справедливость... В разработанной мной иерархии – 33 позиции и все ценности связаны друг с другом как средства-цели. Вот в чем смысл иерархии – она предлагает решать любую задачу не как «вещь в себе» (сколь бы привлекательным ни казалось решение), а в связи с последствиями от принимаемых решений. В конечном счете иерархия ценностей (мной ли предложенная либо совсем другая) может превратиться в костяк новой религии и государственной идеологии, в суть будущей государственной политики.

В нашем сознании засел ошибочный тезис «Практика – критерий истины». Пора заменить его другим – «Семь раз отмерь, один раз отрежь». В культуру поведения человека должны войти новые навыки и правила – первостепенный учет взаимодействия общества с природой, а также непрерывная оценка собственных действий и помыслов с точки зрения совершенствования нравственности.

Пора усваивать уроки истории. Наш исторический опыт доказал: попытки нивелирования, устранения классов не ведут к построению гуманного общества. Ведь основой развития интеллекта стало соревнование физически слабых, но зато хитрых и коварных людей с сильными, но недальновидными. Поэтому неистребима причина зарождения сословий, каст, классов в той или иной форме. Всегда будет существовать аристократия, так как неизбежно выделение лидеров и людей с преимущественным доступом к информации, к богатству, к власти. А вот если бы сдвинуть усилия

общества к установлению отношений, позволяющих оседать на высоких постах людям с высокой нравственностью... В деле управления обществом нужно признать приоритет нравственности перед профессионализмом (я убежден, что профессионализм порождается нравственностью, но не наоборот). Необходимо придумать систему управления, функционирующую за счет нравственной энергии и порождающую эту энергию.

Разумеется, все это непросто. Нам придется сознательно копировать порядок функционирования самой биологической эволюции. Изменить методологию науки, практики, планирования, опираясь на объединение гуманитарных и точных видов деятельности. Искать такие варианты общественных отношений, когда добро и зло не борются, а сотрудничают друг с другом и богатство соединяется с высоконравственным делом.

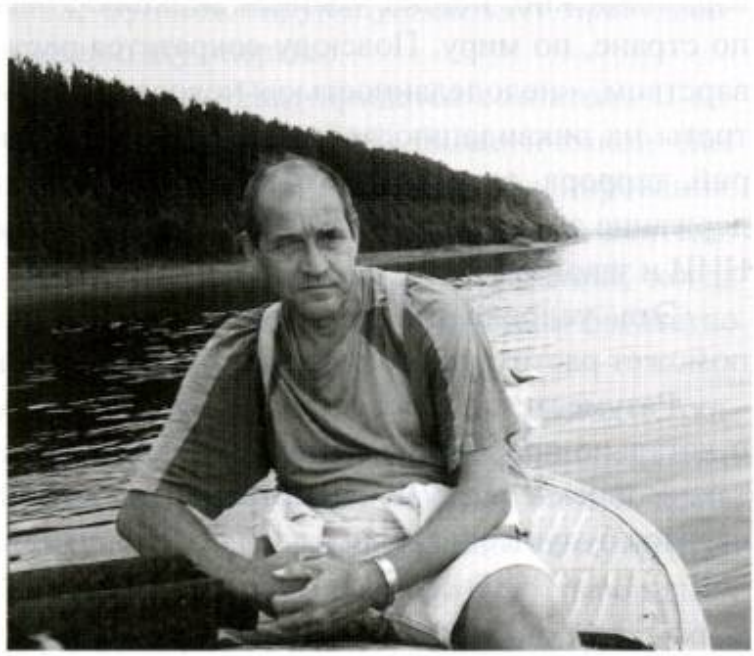
Предлагаю стартовый эксперимент для новосибирского Академгородка – самого интеллектуального и интеллигентного «островка» планеты. Необходимо и участие богатых людей, которые захотят помогать «улучшению людей», то бишь качественному воспитанию детей. Состоятельный вкладчик будет заключать договор с малообеспеченными семьями, имеющими маленьких детей, или даже с будущими родителями (начиная, к примеру, с 18-летнего возраста). И платить им хорошую зарплату за все, что мы не ценим, – за здоровый образ жизни, за образование в области педагогики, психологии и общекультурное. Чтобы эти люди хотели и могли растить здоровых детей и грамотно воспитывать их «с пеленок». Вкладчик будет платить хорошие деньги и комиссии экспертов, чтобы постоянно и всесторонне оценивала успехи и неудачи родителей и детей. С пяти-шестилетнего возраста начнут получать зарплату от вкладчика и дети (за нормальное поведение и общее образование). А когда они встанут на ноги, приобретут профессию и работу, то начнут выплачивать вкладчику довольно высокий процент от всех своих доходов. Этого вкладчику придется ждать долго, зато потом схема будет непрерывно приносить ему прибыль куда больше, чем все паразитические финансовые «пирамиды» вместе взятые. Тем более если вкладчик рискнет и станет расширять круг семей, получающих от него зарплату. А в

Академгородке достаточно специалистов, способных разработать юридические аспекты договора, создать комиссию экспертов и провести вместе с вкладчиком эксперимент, который без революций и потрясений повернет современную иерархию ценностей на 180 градусов. Хотя бы на маленьком «островке» планеты… А после, возможно, пойдет «цепная реакция», распространение опыта по стране, по миру. Повсюду сократятся расходы, вызванные варварством, «недоделанностью» человека в семье. Уменьшатся затраты на ликвидацию лесных пожаров, заражений водоемов, аварий, террора, воровства и бандитизма. Сократятся затраты на содержание таких служб, как МЧС, МВД, тюрьмы, армия, военные НИИ и заводы.

Эта, условно говоря, капиталистическая система воспитания поможет растить чистоплотных, мудрых руководителей.

Разумеется, я с радостью участвовал бы в реализации проекта и детально проработал его схему, изложенную здесь в общих чертах. Вопреки всему и несмотря ни на что так хочется верить в светлое будущее и сделать для него все, что можешь…

НИ ШАГУ БЕЗ КОЛЛЕКТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ!



С.Э. ПАЩЕНКО,
кандидат физико-математических наук,
старший научный сотрудник
Института химической кинетики и горения,
директор общественного института
«Ученые Сибири за глобальную ответственность»

Почему-то мне запомнились слова Будкера об ответственности ученых за научные результаты, сказанные им в последние годы жизни студентам. Он любил широко помыслить, пофилософствовать. Однажды задал себе и аудитории вопрос: «Почему нас, ядерщиков, обвиняют в создании ядерной бомбы?» И сам на него ответил: «Наука – это исследования, а правильное и неправильное приложение научных результатов – дело политиков». Раньше слова Будкера мне казались истиной, а теперь я в этом усомнился...

Всей моей семье пришлось поработать на военно-промышленный комплекс. Родители по образованию были геологами, но согласились участвовать в работах, связанных с созданием ядерной бомбы. В конце 40-х годов на Украине, где они учились и жили, было голодное время... Я родился в закрытом военном городке-колонии на оккупированной территории Германии, а школу заканчивал в Киргизии, где родители работали на таком же «закрытом» заводе. Их материальный достаток был выше, чем у среднего советского человека, – в те времена наша семья имела автомашину.

Я усиленно изучал физику, занял первое место в областной и затем, в 1968 году – в республиканской олимпиаде. А когда съездил на Всесоюзную олимпиаду в Ереван, увидел свой низкий, провинциальный уровень – не решил ни одной задачи. Я пережил шок. После этого еще больше подналег на физику и через олимпиады пробился в новосибирскую ФМШ. Побывал на двух летних школах (насовсем в ФМШ мама не отпустила) – и в 1970 году поступил на физфак НГУ. Стал «атмосферщиком» – специалистом по аэрозолям в атмосфере (тоже подходяще для военных целей – например, для создания дымовой завесы).

Все время работаю в одном институте. С 1975 года до перестройки объездил все московские полигоны. Меня всегда тянуло за границы «военных» исследований. Работая на полигоне возле Загорска, я проводил вечера в беседах с семинаристами... А потом на «отходы» от прежнего богатого финансирования мы начали организовывать экспедиции на Байкал. Сперва – с чисто исследовательской целью. Там можно наблюдать редкие атмосферные явления, особую циркуляцию воздуха; оттуда начинаются многие воздушные потоки, направляющиеся в Японию...

На Байкале мы столкнулись с ЦБК (целлюлозно-бумажным комбинатом) и с «зелеными» – в конце 70-х годов они уже вовсю действовали. ЦБК, вредивший озеру, собирались расширять, а «зеленые» хотели этому помешать и попросили у нас материалы исследований. Я дал им обычные научные отчеты, понятные лишь специалистам. И с ужасом увидел, как «зеленых» громят с помощью наших же материалов. Ведь отчеты у нас брала и другая сторона. И когда «зеленые» высказывались, не очень понимая детали

проблемы, на них натравливали специалистов... Я сочувствовал «зеленым», считал их позицию в целом правильной. В то время и появилась мысль: чтобы вооружить «зеленых» убедительными аргументами, надо переводить «птичий» язык науки на нормальный.

С группой сотрудников нашего института я начал проводить исследования для Сибирского экологического фонда (он и сейчас действует под председательством академика М.М. Лаврентьева). А в 1997 году мне удалось организовать поездку группы представителей нашего региона на Всемирную климатическую конференцию в Киото. Там я еще раз убедился, что политики используют результаты научных исследований по собственному корыстному усмотрению и в клановых интересах. Из 2500 участников было всего 50 ученых, остальные – политики. Они никого не слушали, принимали и утверждали неизвестно откуда взятые рекомендации и рецепты. Ученые еще не знают, чем обернется для Земли парниковый эффект, а политики уже делили отведенные на него квоты деньги. Цинизм большой политики привел меня в ужас. Примерно то же чувствовали, говорили и другие представители экологической общественности. Тогда я обратил внимание на мировой институт «Ученые – за глобальную ответственность». Группа представителей нашего региона стала как бы его сибирским филиалом.

Как и все общественные организации, наш филиал подобен фантому: у нас нет помещения с вывеской, но в любой момент, когда нужно, соберется человек сорок. Есть у нас и экономисты, и журналисты, не хватает только юристов. Большое значение мы придаем воспитанию будущих ученых, аспирантов, развиваем их «общественное лицо». Удивительно, как много молодежи хочет участвовать в наших начинаниях... Кто сказал, что нынешняя молодежь пассивна? В экспедицию по окрестностям Челябинска мы вывозили до 30 человек. Ездили с нами крепкие парни из разных уголков России и 18-летние журналистки. Мы проводили исследования, приобщали участников экспедиции к радиационным измерениям. С трудом удерживали девушек, чтобы не рвались в «радиоактивное болото»... Особенно привлекали молодежь наши политические акции – вплоть до блокирования подъезда дома, где жил губернатор. Произошла даже драка с милицией... В общем, я

убедился, что нынешняя молодежь активно ищет свое место в жизни, но это совсем не учитывается в современном мире. И неслучайно молодежь охотно примыкает к «зеленым». Пожалуй, это самое чуткое общественное движение, откликающееся на наиболее болезненные проблемы цивилизации.

Началось «зеленое» движение в 40–50-е годы XX века в Англии, когда там впервые выявили зависимость здоровья населения от смогов. В то время Англия была страной каминов и низких труб. Знаменитые английские смоги заволакивали улицы. Когда ученые провели соответствующие измерения и пришли к выводу, что в Лондоне за год умирает от смога 2000 человек, «зеленые» объявили войну низким трубам. В Лондоне построили высокие трубы, в Дублине перестали топить торфом... Чистых дней там теперь больше, чем у нас. Правда, выбросы из высоких труб относит в Скандинавию, где выпадают кислотные дожди. Но неразрешимых проблем нет, если есть искреннее беспокойство о здоровье людей.

В нашем относительно молодом и современном городе сразу строили высокие трубы. Зато в Новосибирске через каждые семь лет удваивается количество автомобилей и другого автотранспорта, а выбросы от него составляют 90–95% всех выбросов в нижнем слое атмосферы. С трудом нам удалось добыть статистические данные по смертности за 1996 год. Мы провели корреляционный анализ – и определили, что за год в Новосибирске из-за выбросов автотранспорта умирает 300 человек (примерно столько же погибает в автокатастрофах). Конечно, это, в основном, пожилые люди, «нагруженные» разными болезнями – ишемической, бронхиальной астмой и другими. Но так или иначе в 2004 году, по нашим подсчетам, от «автосмога» могут умереть не 300, а 2000 новосибирцев. А дальше?.. Ведь наш автотранспорт еще долго не будет оборудоваться устройствами, дожигающими вредные примеси (на Западе цена дожигателей доходит до половины стоимости автомашины, зато на нью-йоркских проспектах люди не дышат свинцом и бензопиреном, хотя автомобилей там в два раза больше, чем на нашем Красном проспекте). Мы ищем партию, которая согласится пойти на выборы с нашими материалами. Как бы ни было

плохо или хорошо с экономикой, но 2000 дополнительных смертей в год игнорировать нельзя.

Ни один исследователь, соединившийся с «зелеными», не застрахован от служебных неприятностей. И я не избежал конфликтов, тем более что держусь независимо, а администраторов это раздражает. Кто-то может сказать, что экологические разработки – это не научная, а общественная деятельность. Но если ученый занимается исследованиями атмосферы, он не может не работать на экологию. Мы добились закрытия котельной возле милиции в Академгородке, снимаем фильмы о радиационных загрязнениях, публикуем статьи в авторитетных научных журналах... Как тут разделить, где общественная работа, а где научная? И все же однажды под Новый год меня уволили за «плохую тематику» (сделал это Цветков, как только стал директором нашего института). Я обратился в суд, и меня за три дня «восстановили».

Я продолжил свои исследования. Кроме всего прочего, наша лаборатория горения изучает последствия сжигания старых ракет на Алтае: аэрозольные облака уносятся высоко вверх и гуляют над всей Сибирью, неизвестно где оседая и неизвестно что принося. Работаю сейчас чаще дома, чем в лаборатории. У меня здесь собственный «технический комплекс», занимающий всего один квадратный метр. Приборы, фиксирующие аэрозольные выбросы от автотранспорта... Американские переносные дозиметры, измеряющие даже бета- и альфа-радиацию, не улавливаемую многими современными приборами... Я не рискую переводить все это «на баланс» института, чтобы не потерять. Сюда, домой ко мне приходят мои ученики – аспиранты и студенты-старшекурсники. Не выходя за порог дома, я могу через Интернет общаться со всеми интересующими меня научными лабораториями мира, получать необходимые для работы данные из Ирландии, Англии и других стран.

С нашими приборами мы побывали на тех заводах, куда раньше «зеленых» не пускали. В Красноярске-26, на предприятии, где «хоронят» радиоактивные отходы, мы обнаружили несколько опасно загрязненных цистерн. И ни одного исправного дозиметра под рукой у рабочих! Попробуем достать хотя бы несколько десятков американских дозиметров для таких заводов. Нас об этом

просили рабочие. С приборами им будет спокойнее, и аварий станет меньше. Но руководители предприятий этого как будто не понимают, а некоторые с неудовольствием говорят, что мы раздуваем радиофобию. Не знаю, как, но нужно менять мышление руководителей, привыкших к секретности. Они должны понять, что люди вправе иметь информацию об условиях труда, о состоянии окружающей среды и о том, как все это влияет на здоровье.

Не я со своими сподвижниками обязан помогать общественности, а скорее общественность должна помогать нам. Ведь мы просим только выслушать и осознать информацию, которую сообщаем. Проводя свои передачи по радио и телевидению, открываем «горячую линию» на нескольких телефонах. И получаем до 200 звонков. Убеждаемся, что население наше грамотное, делает правильные выводы из экологической информации. Вот только почему-то до сих пор чувствую себя виноватым перед старушкой, которая после нашей передачи не смогла найти покупателя на свой дом в Пашино... Хотя загрязнил среду возле Пашино не я с товарищами, а завод химконцентратов.

«Зеленые» раньше, чем кто-либо, почувствовали себя гражданами мира. Мне и моим коллегам пришлось оценивать последствия радиационного пожара в американском Лос-Аламосе (местные ученые долго скрывали от населения объективные показатели). А в нашей стране прошлым летом побывала американская делегация, посетившая бывшие «почтовые ящики» в Челябинске, Томске, Новосибирске, Красноярске. На днях уехала в Вашингтон на пресс-конференцию моя жена. Она расскажет, что мы нашли на реке Томи, неподалеку от Сибирского химического комбината, место, загрязненное выбросами короткоживущих изотопов больше любой другой территории на земле.

В Академгородке, где я живу много лет, начальство меня до сих пор, в лучшем случае, не понимает. А я не понимаю, почему большинство наших академиков, которым положено быть лидерами прогресса, живут будто с завязанными глазами, не видя перемен и цепляясь за прошлые каноны.

Несколько лет назад мне казалось, что Академгородок умирает. После того, как «обрезали» финансирование науки, я иногда не

знал, на что купить хлеб. Потом, как и многие научные сотрудники, не понимал, как оформлять гранты. Пока мы этому учились, пережили настоящее сумасшествие (я говорил: восемь месяцев в году пишем грант, а четыре работаем). В конце концов во многих исследовательских группах люди разделились «по функциям»: пять-шесть человек занимались только наукой, а один становился менеджером и разузнавал, где их продукцию можно продать, как получить гранты и контракты.

Пора раскрыть глаза: «башня из слоновой кости» рухнула. В Академгородке уже трудно найти людей, занимающихся только «чистой» наукой. Наука соединяется и с бизнесом, и с общественной деятельностью. Раньше многие ученые мечтали о выдающихся открытиях, сейчас – о том, чтобы их разработки пригодились нефтяным и другим богатым фирмам.

А я всегда удивлялся, почему в Академии делили науку как бы на два сорта: наука высшего сорта – фундаментальная, а прикладная – нечто второсортное. По-моему, это элитарный «бзик». На Западе удивленно таращат глаза, когда наши говорят про фундаментальную науку. Не понимают, что это такое. А я горжусь, что занимаюсь прикладными исследованиями, хотя при этом, конечно же, приходится работать и с фундаментальными формулами.

Знакомый физик рассказал на конференции о компьютерной программе, которую он играючи сделал за три дня, – и получил на нее кучу заказов. Он эмигрировал из нашей страны, молод и пока одинок, имеет богатый дом в Вашингтоне. Часто уезжает по делам. Возвращаясь, находил в своем доме дохлых мышей – их в его отсутствие притаскивала с улицы кошка. Когда хозяину это надоело, он сконструировал видеотаймер, который посылал изображение на компьютер, «командующий» входной дверью. Если кошка несет мышь, дверь не открывается... Между прочим, этот ученый решил сложную задачу по распознаванию образов – над подобными задачами математики бьются много лет. Разве здесь не большая наука?

Какой средний возраст у наших академиков? Наверное, семьдесят «с хвостиком». Ни в одной стране мира нет такой старой академии на госфинансировании.

А сколько наших 30-, 40-, 50-летних завлабов работают одновременно и за границей, и в Академгородке! Они не хотят насовсем уезжать отсюда: тут в их распоряжении опытные специалисты. Завлабы достают на Западе гранты и привозят в свои лаборатории, поддерживают сотрудников, аспирантов... Большинство лабораторий только этим и держатся. Значит, мы уже интегрировались в мировую науку. А институты превратились в формальные организации, похожие на ассоциации. Расходиться совсем нет резона: у нас общее помещение, кое-какое общее оборудование, ну и еще, может, кое-что общее осталось.

Я сторонник не туманных высоких целей, а теории малых дел. И конкретных проектов, без которых нет прогресса. В науке и сегодня хватает фантастических, смелых идей. Например, несколько моих знакомых мотаются между Западом и Востоком, Японией и Германией, работая над темой «Магнитные подводные лодки будущего». Раньше подобные проекты были сверхсекретными, теперь стали международными. Может, и наше поколение успеет с кайфом прокатиться на скоростной подводной лодке до Америки и вокруг света!

Плохо, что наука многие годы работала на военные цели. Но разве наука изобрела войну? Когда не было бомб и другого современного оружия, люди сражались мечами и палками...

Обвинения в адрес науки меня коробят так же, как обвинения в адрес Сталина: вот, мол, он уничтожил миллионы... Я не сталинист, но всегда задаю обвиняющим вопрос: а разве один Сталин заварил кашу, и разве он единолично всех расстреливал? Неужели стрелявшие в невинных виновны меньше, чем Сталин? Что с того, что палачей потом тоже убили? Мне кажется, мы так и не поняли до конца: за репрессии ответствен весь народ. Может, и мой дед боялся что-то сказать против репрессий, не хотел быть уничтоженным или сосланным в Сибирь... Нам недостает чувства коллективной ответственности. Пожалуй, это хорошо понимают лишь молодые люди, дети «шестидесятников».

Не только Сталин и правительство, а все общество допустило такой порядок, когда наука работала, в основном, на войну. В прошлом наука была подобна избалованному ребенку – ее щедро

финансировали и говорили: сделай бомбу. «На бомбу» работали не только ученые, а миллионы людей, пусть даже не зная этого. И получали за такую работу деньги. Как оценить столь сложный общественный процесс?

Негоже валить на правителей и ученых всенародные грехи, винить их за все кризисы и беды. Путина ругали и за гибель подводной лодки, и за то, что долго не могли потушить пожар на Останкинской телебашне... Но несколько лет назад ученые предлагали для Останкинской башни аэрозольные тушители пожара, которые загасили бы все мгновенно. Такие тушители давно выпускают на Алтае, их закупила у России Голландия. Разве Путин виноват, что на Останкинской башне их не оказалось? Гораздо больше виноват директор Останкинской башни. И общественная инертность, равнодушие к новшествам.

А кого признают виноватым, если науку снова заставят работать на войну? Ведь это не исключено: США опять носится с идеей «звездных войн»... Наука так и не развернется к мирным высоким технологиям, если ей не поможет общество, не помогут народы всех стран.

Чтобы никто не поворачивал высокие технологии на войну и не использовал во вред обществу, нужно сделать все крупные научные проекты открытыми, привлекать к их обсуждению как можно больше людей. Только так можно избежать непредсказуемых негативных последствий и побочных эффектов от любых новшеств.

На Западе открытость общественно значимых научных, технических и прочих проектов стала правилом. К примеру, если вы захотите построить мост в каком-нибудь из городов Германии, то обязаны опубликовать проект. На его обсуждение в назначенный срок может прийти любой человек и оставить свои записки, замечания. На каждый его вопрос необходимо дать письменное разъяснение. Если кто-либо скажет, что новый мост будет привлекать самоубийц, это будет серьезно рассматриваться. Обратятся за консультацией к медикам, к психологам... Я знаю случаи, когда меняли конструкцию высотных мостов, чтобы эти мосты не «притягивали» потенциальных самоубийц.

В Англии запретили клонирование, потому что возмутились общественные организации. Реакцию общественных организаций при обсуждении научных и прочих проектов я сравниваю с обычным физиологическим явлением – с рефлексом. Дотронувшись до горячего, вы мгновенно отдернете руку, чтобы не обжечься. Сработали нервы. Такую же роль в обществе играют общественные организации. Не зря на Западе в общественные организации вкладывают большие деньги...

Почему бы не поступить так же с проектом по застройке Верхней зоны Академгородка? Ведь в нем – сплетение научных проблем, прежде всего экологических. Однако проект пока скорее «закрытый», чем открытый. Кажется, есть мнение, что нужно уплотнить застройку на Морском проспекте, чтобы здания стояли непрерывной стеной. Но «зеленые» уже давно борются против таких непродуваемых «американских каньонов» в городах! А если еще учесть, что вместе с богатыми новоселами в Академгородке добавится автотранспорта и «выхлопов»... Просчитал ли кто-нибудь все возможные последствия? Я бы попробовал кое-что просчитать, но в милиции не дают сведения о том, сколько сейчас здесь автомашин. Приходится чуть ли не воровать информацию, хотя нам должны ее предоставлять по закону. По-моему, все подобные недоразумения объясняются тем, что некоторые местные руководители стремятся к сиюминутной выгоде. Выиграют 10%, а сколько проиграют? И не только они, а весь Академгородок... Не лучше ли опубликовать проект в местной газете и устроить его общественное обсуждение?

Мы любим говорить о «великой России», об «уникальном Академгородке», но предпочитаем работать с импортными приборами. И когда я в первый раз выехал за рубеж, то казался себе полуварваром. Не умел пользоваться современными устройствами, с какими на Западе запросто обращаются даже дети. Не знал, какую кнопку нажимать на фотоаппарате... Сделал я и еще одно неприятное открытие: мы с нашими проблемами и идеями не очень интересуем жителей других стран. Мир может обойтись без нас. Нам нужно многому научиться, чтобы стать необходимыми миру и с полным правом называть себя цивилизованным народом.

С ПАМЯТЬЮ «ОТ РАСКАЛЕННОЙ ПЛАНЕТЫ»

Р.П. ЗВЕРЕВА,
социолог, профессор,
член Международной славянской академии

В Академгородке живу без малого полвека, с лета 1958 года. Приехала не с «первым десантом», а с мужем и с двухлетней дочкой. Ехали сюда через всю страну, из Иваново.

Там родина мужа, а я сибирячка. Не смогла привыкнуть к «городу ткачих», к замедленной речи ивановцев. Все меня угнетало – и низкое небо, и «застойная» атмосфера. Мечтала вернуться в Сибирь, найти город или новостройку, где можно быстро получить квартиру и устроить жизнь по душе. В библиотеку, где я работала, поступало много газет и журналов, и я искала в них свою «страну обетованную». В феврале 1958 года мне в руки попал номер журнала «Техника – молодежи», посвященный строительству

новосибирского Академгородка. До сих пор храню обложку с планом городка. Я решила, что должна в нем жить. Полгода уговаривала мужа, твердившего, что я тащу его в пропасть. Готова была уехать без него, но он все-таки согласился.

Сейчас часто рассуждают о прогнозах и предсказаниях, о предчувствиях и предвидениях. И я тогда как бы предугадала свое будущее. Была уверена, что на новом месте все сложится хорошо. Но и в самых отчаянных мечтах не могла представить тех подарков судьбы, какие меня здесь ожидали.

Через два месяца после приезда мы получили квартиру в щитовом домике, а через четыре года переехали в двухкомнатную в Верхней зоне. Скромные бытовые условия казались нам раем, ведь в те годы страна стонала от бараков и коммуналок. Муж сначала работал плотником на стройке, потом устроился в ИЯФ. Играл на гитаре в оркестре народных инструментов (самый первый самодеятельный оркестр, до сих пор успешно выступает). Вскоре муж поступил в университет, а я училась заочно в Институте культуры (потом в шутку говорила, что закончила вуз между «делом и досугом»). И с работой у меня все было нормально. Вначале взяли в «Сибакадемстрой» разнорабочей, потом перешла в библиотеку. Мои тоскливые мысли остались в прошлом, все меня устраивало. И небо здесь высокое, и люди необыкновенные.

Больше всего мне нравилась работа с читателями: конференции, дискуссии. Маленький клуб «Академстроя» (где сейчас библиотека) был переполнен молодежью, и такие горячие завязывались споры… Это поколение строителей. Академгородок строили 13 тысяч человек. И все молодые, задорные, у всех – оригинальные взгляды, широкие интересы.

Однажды я устроила для молодежи «вечер Есенина». Тогда книги этого поэта почти не издавали. Я и сама впервые прочитала его стихи в журнальной подборке. Стихи мне понравились, к тому же приближалась юбилейная дата… На поэтический вечер пришла Таня Осташко (сейчас она работает в Институте истории), прекрасно читала стихи и отрывки из поэмы «Анна Снегина». Все прошло великолепно, людей на вечере было много. А наутро мне устроили «выволочку» в райкоме комсомола и в райкоме партии.

Меня отчитывал ныне уже покойный, всем известный «дед» Григорьев: «Как вы смели отмечать юбилей поэта, у которого несчастная мама ходила в бедном шушуне! Вот Юрий Гагарин лучше относился к матери, он бы такого не допустил!» Сейчас смешно это вспоминать, а тогда меня ожидали крупные неприятности. Но, на наше счастье, почти все газеты вышли «с Есениным»: воспоминания, стихи, портреты… И нас оставили в покое.

Мимо меня не прошли ни легендарный концерт «бардов», ни сочинявшиеся в Академгородке письма в защиту демократии, евреев, трудов Рерихов и Блаватской. «Диссидентство» меня увлекало, во всей этой «буче кипучей» я так или иначе участвовала. В нашем доме «крутили» магнитофонные записи песен Высоцкого и Окуджавы, обсуждали последствия сталинского «культа личности». Я не только много читала об этом, но и подготовила 20-часовой цикл бесед и дискуссий о Солженицыне. В дискуссии включились и бывшие политзэки, работавшие в институтах городка.

Тогда я не понимала, почему меня в мои двадцать лет беспокоили судьбы репрессированных, невинно осужденных. Лишь много лет спустя узнала, что мою семью не миновали репрессии. Отца с группой других мужиков арестовали в глухой сибирской деревне Толбакуль Омской области. Мама убежала из колхоза в Омск. Было это летом 1936 года; она прошла пешком 250 километров. Я родилась через пять месяцев. Маме негде было жить, и она отдала меня скромной чувашской семье, мечтавшей иметь девочку. В этой семье меня назвали Риммой. А через четыре года и приемных родителей арестовали по доносу, «дали» по 10 лет. Мама взяла меня к себе. Сейчас ей 90 лет, она живет со мной. Неслучайно я выросла упрямой и целеустремленной, неслучайно превыше всего ценю сочувствие и доброту.

В точных науках, главенствующих в Академгородке, я не разбиралась и разбираться не хотела. Меня волновало совсем другое: как узнать человека, понять его душу и помочь? Не выносила, когда ругали молодежь, не вникая в ее переживания. Помню, как я сама, романтическая особа, в первые месяцы замужества пришла в ужас от столкновения с реальностью. Меня возмущало: почему молодежи не говорят о семейной жизни (я не имела в виду секс,

ни-ни-ни!), почему не готовят к «прозе будней»? Если не считать циничных посулов от тех, кто во всем разуверился: «Подожди, жизнь тебя обкатает, тогда и узнаешь, что мир – бардак и люди – дрянь». А я сказала: нет, у меня люди не будут дрянью.

Удивительно, что в физико-математическом городке я всегда находила близких мне по настрою людей. В 1967 году на деньги, заработанные «Факелом», под крышей фехтовального клуба «Виктория» мы организовали психологический клуб. Вместе с физиком Робертом Лебедевым собрали генетиков, нейрофизиологов, историков – всех, кто мог хоть что-то говорить о человеке. О генетике человека нам читали лекции известные всему Академгородку Людмила Труд, Гриша Голубовский, ныне академик Лев Штарк. В школе № 166, а потом в «Юности» мы открыли для старшеклассников клуб «Научите меня жить».

Мной владела идея реабилитации людей в их собственных глазах. Попытавшись помочь бывшим политзаключенным, я была потрясена тем, что многие невинно осужденные нуждались в оправдании перед собой. Они такое на себя наговаривали, такую напраслину возводили… И в повседневной жизни мне приходилось часто сталкиваться с самоуничижением. Девчонка приходит, рыдает: я такая виноватая, такая плохая… Оказывается, взяла взаймы пятерку и не вернула. Настолько совестливый народ, за мелочи себя казнит! Я начала предлагать людям маленькие психологические тесты, старалась помочь им понять и уважать себя. Мне не хватало помощи квалифицированных психологов. Но где их взять? Если даже в МГУ на факультет психологии принимали тогда не больше 25 человек в год… Сегодня психологов-профессионалов достаточно. Но можем ли мы сказать, что стало легче понять душу человека?

Вольница с дискуссиями, выставками и концертами продолжалась до конца 60-х годов. Мне говорили, что в то время в КГБ считали контакты с людьми Академгородка не менее «вредными», чем контакты с зарубежьем. И рядом с нашими психологическими клубами околачивалась бдительная компания, которая докладывала про нас «куда надо». Писали и доклады на меня. Я все это знала. Что «оттепель» в стране кончилась, поняла по злым газетным

статьям про Евтушенко и других авангардных поэтов и художников. Тогда и мне сказали: «Подумай, стоит ли лезть на рожон?» Я возразила: «В родной стране дрожать не буду». «А ты о детях подумай». Я подумала. О муже, о дочке, о родившемся здесь сыне…

Ушла в Институт истории, филологии и философии. Это был единственный в Академгородке институт, где обращали главное внимание не на абстрактные научные категории, а на человека. Такой настрой задал директор института – археолог академик Алексей Павлович Окладников. Выдающаяся, светлая личность – подобных в прошлом называли «учителями». «Институт Окладникова» знали в Сибири даже люди, не имевшие отношения к науке. Такая репутация дорого стоит. В командировках я убедилась: в любом сибирском городе и поселке для сотрудников этого института находили лодки и теплоходы, их везде кормили и устраивали на ночлег. Однажды нанайские женщины даже спасли молоденьких девушек из «института Окладникова» от расконвоированных зэков, живших в их селе и решивших поухаживать за приезжими. Рыбак ночью вывез девушек на своей лодке, хотя по Амуру гуляла высокая волна. Кто знает «нравы» суровой реки и расконвоированных зэков, поймет подвиг нанайцев.

И сейчас, тридцать с лишним лет спустя, я считаю счастьем и удачей, что попала в отдел социологии «института Окладникова». У нас был дружный коллектив, мы двадцать пять лет проработали вместе. Как родные… Вот что важно: наши личные дела тут не игнорировались, не зачеркивались во имя работы. Это и есть настоящая жизнь. Руководил отделом Владимир Иванович Бойко. За ним мы были как за каменной стеной. Он всем давал волю, никому не навязывал свои представления. Мудрый, прозорливый и дальновидный, чувствовавший положительные движения истории. Любую научную теорию мог пересказать простыми, человеческими словами.

Наш отдел изучал коренное население Сибири, народы Севера. Нам полагалось руководствоваться установками «ленинской национальной политики». Владимир Иванович Бойко как член-корреспондент Академии наук обязан был придерживаться «официального курса». Конечно, он произносил в докладах обязатель-

ные слова, поддерживал дипломатические связи с «верхами». Но сердцем понимал трагизм положения северных народов и нашу великую ответственность перед ними. Запомнились его слова: «Ну, что историки напишут о прошлом, то и ладно, сойдет. А мы, социологи, имеем дело с живыми людьми… Не торопитесь с выводами». Он скромен и не станет напоминать о собственных заслугах. Но именно его усилиями была создана Межведомственная региональная комиссия по работе с северными народами. Ее называли комиссией трех академий; в ней участвовали не только сотрудники СО АН, но и академий сельскохозяйственных и медицинских наук. За десятилетие до распада СССР и до разрушения советских структур нам удалось сделать немало добрых дел, за которые и теперь не стыдно.

Бойко сказал: хватит занудных научных сборищ, где никто никого не слушает! Из всех сибирских национальных автономий и регионов на наши конференции приезжали, как на праздник. Мы показывали документальные фильмы о народах Севера, устраивали концерты… На одной из таких конференций выступил с потрясающей речью о «великих малых народах» академик Казначеев.

В экспедициях почти все наши социологи опрашивали взрослых. А я сразу переключилась на детей. Впервые увидев школы-интернаты для северян, сказала: «Это концлагеря, их надо закрыть». Считала кощунством, что у родителей забирают детей и увозят на целый учебный год, на девять месяцев. Я поняла, что разлаживается святая святых – «инстинкт гнезда», родительский инстинкт. Подрываются устои семьи, а это главные устои, на которых держится народ. Но разговоры об «инстинктах» в социологии тогда называли «биологизаторством», не совместимым с марксизмом.

Из-за моего радикализма Владимир Иванович Бойко не разговаривал со мной пять лет. Но не уволил. А потом его взяли в оборот биологи. Во время поездки в Магадан доказывали ему, что в Чукотке из-за «интернатной политики» все меньше остается крепких семей и все меньше рождается детей. Судя по всему, в чем-то убедили. Впоследствии Владимир Иванович относился к моей работе с детьми Севера с вниманием и интересом. Теперь я и сама в

своем отделе была на положении балованного ребенка. Куда Римма хочет поехать? Во Владивосток? В Тынду? В Комсомольск? Мне подписывали все командировки.

Вместе с другими социологами Института истории я ездила в экспедиции по тем местам, где «копали» археологи. Работать вместе предложил Алексей Павлович Окладников: «Археологи будут изучать прошлое, а социологи пусть смотрят, что там сегодня происходит, как живут коренные народы». Для чего такой параллелизм, что мы вместе искали? Ответ – во фразе на 67-й странице книги Окладникова «Лики Амура»: «Связь времен не прервалась». Я видела живую связь времен в удивительном сходстве девочек современного приамурского рода с древней «сибирской Нефертити» из раскопок Окладникова. Тысячелетиями сохраняется тип – те же этнические и антропологические черты, те же показатели крови… Тысячелетиями сохраняется и культура: сибирский мальчик из айнинского народа смастерил подставку для карандашей, напоминавшую урну для праха мертвых в древней Японии – совпадали даже детали орнамента. «Связь времен» я находила и в рисунках детей Севера.

Я предлагала детям отвечать рисунками на вопросы теста. В тесте – символы, входящие во все национальные орнаменты: точка, волнистая линия, две параллельные, квадрат… «Можете включить эти элементы в свои рисунки или не обращать на них внимания». Большинство северян не обращало внимания на заданные элементы. Такой у них тип психики: не оглядываясь на сигналы извне, идут своей дорогой («Собака лает, а караван идет».). Рисунками они рассказывали о себе, о родной земле. Я заметила, что рисунки маленьких эвенков отличаются от рисунков ребятишек-нивхов. И даже дети из одной деревни, но из разных родов рисуют по-разному, с разными динамическими стереотипами. Я сделала много таких нечаянных открытий.

В 1976 году побывала в эвенкийском интернате в Тынде. Там сплошным потоком шла техника на БАМ. А дети рисовали тундру, палатки, оленей. Девять месяцев они учились возле большой стройки, а мысленно оставались в тундре. Только в двух рисунках промелькнуло изображение техники.

В социологии есть такое понятие – ценности. Семьям, селениям и целым народам выставляют оценки за их отношение к так называемым ценностям прогресса, цивилизации. Если в хакасской или в какой-либо другой семье нет утюга, телевизора (теперь еще и компьютера) – значит, это люди отсталые, не идут в ногу с прогрессом. А я опиралась на другие ценности – на ценности традиционной культуры. Еще в 1969 году разработала сложную анкету «Национальные традиционные занятия и прикладное искусство народов Нижнего Амура». Ведь ценности цивилизации и прогресса меняются; многие оказываются ложными, «суетой сует». А ценности традиционной культуры – непреходящие, вечные. Их мне и рисовали дети Севера, не замечая технического прогресса. Рисунки фантастические! И когда учителя математики жаловались на плохую успеваемость маленьких северян, я советовала дать детям карандаши: пусть рисуют ответы на задачи.

Вот мое мнение – не было и нет в Сибири отсталых, диких и полудиких народов, о которых твердили авторитеты «национальной политики». У народов Севера – древнейшие, высочайшие, экологически оптимальные культуры. Каждый малыш там – гений в графическом искусстве. И во всем, что жизненно важно. Каждый с малолетства знает тундру, тайгу и как там жить. Почему такие способности совсем не ценятся?

Я говорила: «В нашей стране нельзя устраивать митинги и шествия в защиту коренных северных народов подобно тому, как в Америке выступают в защиту индейцев. Нам надо делать иначе».

Первую большую коллекцию детских рисунков я привезла из нанайского села Кондон, близ которого археологи раскопали древнейшее поселение (возраст 25 тысяч лет). Алексей Павлович Окладников показывал эти рисунки всем гостям института. Потом они вместе с другими экспонатами попали на зарубежные и советские выставки – в Москву (в том числе в Совмин) и в Ленинград. В Ленинграде, в Музее народов СССР, под выставку, посвященную народам Севера, выделили мраморный зал площадью в квадратный километр. Нам предложили выставить 400 экспонатов. А мы выставили в четыре раза больше. У художницы, оформлявшей выставку, не поднялась рука отложить в сторону хотя бы один

экспонат. Чтобы все разместить, отовсюду, из разных залов музея притащили стенды и щиты. Кроме детских творческих работ, выставили еще много сверхценных экспозиций – одежды, посуды и других шедевров от конца позапрошлого века. Рядом с кухлянками – русские сарафаны и рубахи, расшитые ученицами 162-й школы Академгородка по образцам из нашего институтского музея. И все посетители музея увидели: «связь времен» существует. Выставка в Ленинграде, как и остальные, имела большой успех.

Вот такую мы придумали защиту для народов Севера – не митинговыми речами об их несчастной доле, а их собственным гениальным творчеством, вызывающим восхищение.

Постоянно приходилось спорить со скептиками, повторявшими, будто «все всё забыли», что традиции национальной культуры, как и прочий «музейный хлам», никому больше не нужны и какой смысл в их восстановлении и укреплении? Но на меня произвела большое впечатление книга канадского этнографа Фаоли Моуэта о гибели эскимосов в Северной Канаде. Накануне Первой мировой войны им не завезли продукты на зиму, а они уже разучились стрелять из луков, охотиться на диких оленей… Вспоминая эту трагическую историю, я говорила: «А вдруг подобное случится с нашими северянами?..» Над моими опасениями смеялись: «На Камчатку всегда завезут сгущенку и тушенку, и никому не надо шевелиться, чтобы добыть пропитание». Никто тогда еще не предвидел нынешних перебоев в снабжении Севера, но я видела, что отнюдь не все «национальные окраины» снабжаются первоклассно, как Камчатка. В приамурских сельских магазинах стояли только банки с венгерской морковкой и бутылки с водкой.

А еще я запомнила, что мне сказал почти тридцать лет назад Анатолий Александрович Останькович. Он подтвердил мою догадку: при разрушении основ национальной традиционной культуры разрушается и биологический иммунитет. «Только на фонемы родного языка, только на звуки национальной музыки, только на цвет национальной одежды и на знакомый контур национального жилища откликается, включается иммунная программа». Возможно, и СПИД мы получили из-за разладившихся устоев народной памяти. Я верила Анатолию Александровичу, как оракулу.

Знаю, что он закончил Военно-медицинскую академию и химико-биологический факультет НГУ. Совсем не похож на типичных интеллектуалов Академгородка. Ушел из научного института и занялся врачеванием. Познакомила меня с ним его жена Галя, работавшая в Институте истории. Он стал нашим семейным врачом, спас мою дочь и двух внуков. В Академгородке его знают: он вылечил многих тяжелобольных. Меня поражают его энциклопедические знания и безошибочная интуиция. Кажется, его феноменальный ум связывает все науки в единое целое. Всегда обращаюсь к нему, когда ищу ответ на сложные вопросы.

После успешных выставок творчества народов Сибири нашей Межведомственной комиссии дали возможность организовать тематические смены в пионерском лагере «Океан» во Владивостоке (этот лагерь называли дальневосточным «Артеком»). Тематические смены стали «школой народной культуры». Сколько писем разослали мы в сибирские регионы! Рука уставала подписывать. Мы писали местным властям, чтобы обратили внимание на традиционную культуру и помогли детям, отправляющимся в «Океан». Просили сшить национальные костюмы, вспомнить и отрепетировать с ними обряды. Потом северяне говорили: «С вашими письмами мы ходили, как со знаменами. Если Академия нас поддерживает – значит, мы нужны».

Раз в год я отправлялась в «Океан» в командировку на целую смену, на тридцать дней. Вместе со мной туда ездила ученый секретарь Межведомственной комиссии Екатерина Ивановна Швецова. Нам помогали пионервожатые. Делали они это с удовольствием и с вдохновением, иначе бы ничего не вышло. Приезжали фольклорные коллективы – чукотские, корякские, русские и другие.

Всем 650 детям, попадавшим на тот месяц в «Океан», было дано право говорить на своем родном языке, петь свои песни, носить свою национальную одежду и есть свою традиционную пищу. И снова я убеждалась: не прервалась связь времен. Несмотря на то, что в 30-е годы расстреляли многих хранителей национального духа – шаманов, а национальную одежду сжигали в кострах, выдавая взамен спецовку с кирзовыми сапогами. Национальное самосознание в «Океане» росло как на дрожжах. Интересно было

наблюдать за детьми. Приезжая в лагерь, все одевали одинаковую одежду – серенькие брючки, рубашечки в клетку. Надежда Кайзовна Хелол, руководитель фольклорного коллектива с Камчатки, всплескивала руками: «Где же мои коряки? Я их не вижу, тут все на одно лицо». Но когда коряки, якуты, буряты и все остальные (в «Океан» приезжали дети тридцати национальностей) нарядятся в народные костюмы, их уже не спутаешь друг с другом. Каждую неделю – по два-три концерта, да еще яркие обряды с рассказами о быте народов. Тут и мальчишка из маленького народа ульчи начинал гордиться своими традициями. В современных сибирских деревнях над этими традициями нередко смеялись, называли аборигенов дикарями, неучами. А в «Океане» создавали условия для того, чтобы все униженное, полузабытое восстало и расцвело.

Я потом говорила: «Господи, для кого я устраиваю этот праздник? Для себя». Хотя жить в праздничном сверхнапряжении тридцать дней нелегко. Когда я возвращалась в Академгородок, сотрудницы сочувственно спрашивали: «Ты живая?» – «Живая. Но больше не могу». А потом какая-то сила снова поднимала меня, и я готовилась к следующей встрече с детьми, придумывала новую программу.

Артист из фольклорного ансамбля, приезжавшего в «Океан», заметил: «Эти дети так энергетичны. Никогда не наблюдал ничего подобного. Когда на сцене играют и поют, из зрительного зала, где сидят сотни детей, идет горячий дух…»

Мне говорили: «Римма Петровна, почему вы совсем не занимаетесь православием?» – «А можно?» – «Можно». В 1991 году в лагерь приехал хор из Благовещенска (в основном, профессура мединститута), учил детей церковному песнопению. И надо было слышать, как сотни детских голосов подхватывали вслед за взрослым хором «Отче наш» и «Святый Боже»…

Никогда не забуду 19 августа 1991 года. Решено было отметить православный праздник «Яблочный Спас» массовым ритуалом. В девять часов утра все дети вышли к берегу океана. Каждый должен исполнить национальный обряд обращения к природе с просьбой о помощи себе, своему народу и, разумеется, всей стране. Такое задание получили они накануне. Дети взывали на разных

языках: «Мать Природа, защити и помоги». Запомнилось, как русские девочки из села под Магаданом призывали силы небесные: «Помогите победить гадину, что вредит русскому народу». Когда вернулись в лагерь, нам рассказали про переворот в стране…

Я позвонила в Москву астрологу Людмиле Федоровне Дубицкой, к которой не раз обращалась за консультацией по программам и сменам в «Океане». Рассказала о детском празднике. «Это поможет стране?» – «Обязательно поможет». Лет через семь и женщина-экстрасенс из Новосибирска сказала: от тех детских молитв по всей стране пошла чистая волна. А над местом массового обряда, по ее словам, до сих пор стоит розовое облако…

Я никогда не занималась стерильной социологией. Не любила спецтермины. Сотрудников, употреблявших термины в обычном разговоре, просила: «Коллеги, не выражайтесь при мне вашим социологическим матом, а то у меня скулы сводит». Сотрудники смеялись и прощали мне нелюбовь к терминам. Правда, некоторые удивлялись, что меня устраивает роль «мелкой пташки» в штатном расписании. Я долго числилась лаборантом, не планировала защищать диссертацию. Ведь диссертацию надо вгонять в стандартную ученую логику, а для меня даже написание отчета на этом языке становилось мучением.

В мои социологические исследования вплетались не только психологические и общекультурные знания, но и информация из книг по этнографии, биологии, нейрофизиологии и экологии, интерес к астрологии и экстрасенсорике.

Экстрасенсорикой я заинтересовалась давным-давно, после чтения «Аленького цветочка» и других русских волшебных сказок. И к звездам влекло с раннего детства – чуть ли не первоклассницей обратила внимание на книгу Зигеля «Звездный мир». В социологических командировках разговаривала с шаманами, расспрашивала про видения и «запредельные» ощущения. Знания по астрологии собирала по крохам с 1965 года – после того как сотрудница Ира Удалова принесла мне листочки папиросной бумаги со сведениями о знаках Зодиака. С тех пор я просила всех детей, отвечавших на мои тесты рисунками, написать на листочке и свой день рождения. В конце 60-х вместе с сотрудницами прошла за

экспедиционный месяц два города – Амурск и Комсомольск-на-Амуре с так называемой женской анкетой. Сама я побывала в сотне семей и везде спрашивала день рождения жены и мужа. Зная это, можно рассчитать степень «звездной» совместимости семейной пары. Я сравнивала свои расчеты с рассказами женщин об их семейной жизни.

Тридцать лет сотрудники отдела социологии, да и других отделов Института истории рассказывали мне свои сны: «К чему бы это? К плохому или к хорошему?» А я толковала сновидения. «Ключ» нашла в книге академика Анохина «Биология и нейрофизиология условного рефлекса», изданной в 1968 году издательством «Медицина». Обратила внимание на главы, которые, по-моему, до сих пор не оценены по достоинству: «Время и первичная жизнь» и «Опережающее отражение действительности в живой протоплазме». Конечно, при толковании сновидений я опиралась не только на книжные знания – включались интуиция и врожденные способности. Меня поражала красота снов. Придет ко мне Галя, тоненькая, как газель, и такое расскажет… Богатство деталей, причудливые узоры ассоциаций, настоящее сплетено с прошлым и будущим, личное – с коллективным, всенародным, всечеловеческим… И вдруг мне открывается нечто общее в живых картинах сновидений молоденькой жительницы Академгородка и в рисунке мальчика из приамурской глуши. Ведь «расшифровкой» снов и рисунков я занималась одновременно, параллельно. Делюсь своими наблюдениями и предположениями с Анатолием Александровичем Останьковичем: видимо, в момент творчества и сновидений в человеке пробуждается дремлющая память не только от отцов и дедов, но и от древних пращуров, и даже от пра-океана. «Нет, – говорит Анатолий Александрович. – Бери больше: память от раскаленной планеты». Представьте себе эту «фантастическую реальность»: в каждой нашей клеточке есть тайный внутренний мир, где «память от раскаленной планеты» встречается с «опережающим отражением» далекого будущего и с прозой сегодняшних будней!

Невозможно однозначно ответить на вопрос, для чего нужно такого рода познание и куда ведут такие исследования, где и аст-

рология, и социология, и еще много неопределенного, не имеющего пока названия. Могу только сказать, что взяла себе за эпиграф стихотворение Евтушенко, с которого начинала выступление в любой аудитории:

Когда, плеща невоплощенно,
Эпоха ищет ритм,
Пусть у плеча невсполошенно
Свеча раздумия горит.

Каким угодно тешься пиром,
Лукавствуй, смейся и пляши,
Но за своим столом ты Пимен,
Скрипящим перышком пиши.

И что тебе рука царева,
Когда в своей ты келье скрыт!

Разумеется, на научных семинарах в отделе социологии не говорили ни об астрологии, ни об экстрасенсорике, ни о связях сновидений с жизнью. Но эти знания накапливались – и, «плеща невоплощенно», рождалось (а может, пробуждалось) мировоззрение, не совпадающее с официозными установками. О том, что нечто подобное происходило и в «кулуарах» рационалистичного, прагматичного Запада, я узнала из книги «Полеты вне тела», написанной американским бизнесменом. Нас всех уносил один мировой поток, хотя мы этого и не сознавали. В официальной науке все названо «поворотом к иррационализму». А по-моему, так возвращался интерес к внутреннему миру человека, к душе. Надеюсь, придет время, когда все поймут: у выхолощенного официоза и рассудочной науки нет перспектив. Такая наука обманывает себя и других. Зорко одно лишь сердце. И социологии надо идти от сердца, от души.

Владимир Иванович Бойко сквозь пальцы смотрел на то, чем «забавляются» девушки в его отделе. Ведь когда надо, мы все дружно, безотказно выезжали в экспедиции в любую сибирскую «тмутаракань». Однажды ему при мне рассказали, что в каком-то НИИ разогнали социологов за увлечение «зодиаками». Бойко не-

возмутимо ответил: «У нас Римма чем-то таким занимается. И пусть. Вдруг из этого получится что-нибудь доброе». В другой раз он мог поворчать о недопустимости «биологизма» и прочих вольностей. И когда я, удивляясь детальности графических рисунков маленьких северян, называла этих детей «правополушарными», Владимир Иванович сердился: «При чем тут правополушарность?» Мне тогда еще не на кого было сослаться и опереться, чтобы отстоять свои выводы перед руководителями. Но что мне «рука царева»! Степеней и должностей я не искала, а думать по-своему мне никто не запрещал.

Впоследствии у меня появились и аргументы, убедительные для любого начальства. В трудах академика медицины Казначеева употребляется выражение «правополушарная Азия»; он тоже объяснял некоторые социальные и культурные феномены Сибири тем, что у коренного населения активнее работает правое полушарие головного мозга.

Сотрудничать с командой Казначеева я начала в 80-е годы, когда академик Казначеев стал президентом Рериховского общества. Мне позвонил Евгений Палладиевич Маточкин: не хочу ли я включиться в работу с наследием Рериха? Я ответила: «При одном условии – если мы будем делать то, что не успела сделать семья Николая Константиновича Рериха». Рерих исследовал Центральную Азию – и как художник, и как этнограф. А нам бы продолжить дело Рериха в Северной Азии. Много лет эта территория оставалась засекреченной. Почти вся Сибирь состояла из лагерей и «почтовых ящиков», между ними ютились коренные жители. Только через «первый отдел» можно было узнать, например, что удэгейцев осталось всего 500, что резко сократилась численность и других северных и дальневосточных народов. Такие сведения считались «закрытыми». А мы, можно сказать, открывали Север заново.

Вместе с Маточкиным и с директором ДК «Академия» Нелли Мироновной Малиновской мы устроили серию выставок «Сибирский Эрмитаж» с картинами профессиональных художников, любителей и детей. Инициировали съемки документальных фильмов. Художники и документалисты выступили в роли иссле-

дователей Севера: они и этнографы, и антропологи, и социологи. Их труды обсуждали на семинарах академика Казначеева. В Доме ученых мы провели семинары «Народы Северной Азии в документальном кино» и «Документальное кино как метод исследования».

Продолжением дела Рериха я считаю и те исследования в Институте истории, на которые вдохновил нас Алексей Павлович Окладников, и «школу народной культуры» в детском лагере «Океан». Я не забыла, как преображались дети в «Океане». Вернувшись домой, они, наверняка, делились впечатлениями с сородичами; их рассказы разносились «сарафанным радио» по всему Северу и Дальнему Востоку.

В 1968 году, когда я вместе с другими социологами Института истории приехала в нанайское село Ачан, там никто не носил национальную одежду, все ходили в «ширпотребе». А двадцать лет спустя мы увидели в том же селе полную коллекцию традиционной одежды и сняли там несколько документальных фильмов.

Мы придумывали для фильмов светлые, воодушевляющие названия (к примеру, «Исцеление радостью», «Птенцов в гнезде обереги»). Сознательно «запускали» в народ такие слова. Давно поняли: слово и лечит, и калечит. К сожалению, далеко не все ученые, не все социологи чутки к слову, к звучанию терминов. Наверняка, глава экономической прикладной социологии академик Заславская не желала зла крестьянству, но «запущенный» ею термин «неперспективная деревня» стал разрушительной силой. Пастух из русских сибиряков рассказывал нам, как быстро пустела та деревня, куда привозили из райкома слово «неперспективная»: люди заколачивали дома, грузили скарб на телеги и уезжали в города, селились в панельные многоэтажки.

Полтора десятка лет я сотрудничала с командой Казначеева, продолжая работать и в Институте истории. А в 1994 году распалась Межведомственная региональная комиссия по делам народов Севера, потому что ее перестали финансировать. В Институте истории сократили всех пенсионеров, в том числе и меня. За работу в этом институте я получила две медали и Почетную грамоту, подписанную академиком Коптюгом (за программу «Дети Севера: жизнь и творчество»). Жаль, что так и не удалось закрыть школы-

интернаты, которые я называла концлагерями. Поздно спохватились. Если закрыть их теперь, многим детям некуда будет деться. Уже два-три поколения выросли в интернатах, семейный инстинкт разлажен. Раньше у народов Севера, да и у русских, на ребенка молились, боялись его обидеть. Считалось, что ребенка дал Бог, что в его образе в семью вернулся прапрадедушка. А в 80-е годы в Тынде мне рассказывали, что эвенки и другие северяне сильно пьют. Напьется мать – и замерзнет, а куда девать детей-сирот? Даже ненцы, этот святой народ, стали бросать детей. Но я думаю, принесет благие плоды возрождение национального сознания; скажется и та невидимая миру работа, которую вели когда-то социологи «Института Окладникова» вместе с Межведомственной комиссией, при деятельной поддержке правительственного комитета по делам Севера, а точнее, Сергея Ивановича Балабанова, руководившего этим комитетом много лет. Он, без преувеличения, любил северные народы и был любим ими. Без его «отцовской руки» вряд ли состоялись бы московские и ленинградские выставки, да и «школа народной культуры» в «Океане».

Без таких «батек», как Сергей Иванович Балабанов, Владимир Иванович Бойко и Алексей Павлович Окладников, мы бы, наверное, не осмелились «лезть на рожон» и «соваться в пекло», отстаивая собственные позиции и интересы «великих малых народов».

Я стала членом и даже профессором Международной славянской академии, работаю «под крылом» академика Казначеева. И тут нашла понимание. Скажешь академику Казначееву: «Влаиль Петрович, с Камчатки приехали интересные люди. Можно, они придут поговорить с вами?» – «Да, пожалуйста». С Казначеевым-младшим, сыном академика, сходим в детдом, побеседуем с детьми. И с Евгением Палладиевичем Маточкиным мы настолько «совпали позициями», что я говорю полушутя-полусерьезно: «Наверное, в прошлой жизни мы с вами тоже были рядом». «Да, помню, – в тон мне отвечает Маточкин. – Я был королем, а вы – моим звездочетом». Самая подходящая атмосфера для добрых дел! Продолжаю работу, начатую в Институте истории. Написала черновики книг с размышлениями о национальных традициях, о социологии, о культуре. Запланировала возвращение к «школе народной куль-

туры» в программе «"Океан": десять лет спустя» (дальневосточный «Артек» еще действует). Углубила свои знания о связях медико-биологических и космических явлений с социальными. И попыталась развить некоторые традиции Академгородка.

Вспомнив о физико-математических олимпиадах для сибирских школьников, начатых на заре Академгородка по замыслу М.А. Лаврентьева, я вместе с коллегами из Славянской академии решила проводить гуманитарную олимпиаду «XXI век: познай, возлюби, сотвори себя». Цель – изучение человека «для самого себя», а не для профориентации. Исходная установка – каждый человек универсально одарен и гениален, каждый – художник, поэт, композитор, артист и режиссер. Всё всем дано. Каждый сам ставит спектакль собственной жизни.

Олимпиаду проводили на Алтае, участвовали люди разных национальностей и профессий, от «детсадовского» возраста до 75-летних. Им задавали такие же вопросы, какие я задавала когда-то детям Севера. Они так же отвечали рисунками и литературными текстами. Снова я находила в ответах-импровизациях «память от раскаленной планеты» и убеждалась, что человек не внушаем. В рисунках – никаких «памперсов», «сниккерсов» и прочих «ценностей прогресса» из назойливых рекламных роликов. Будто люди живут вне времени. И даже пятилетний ребенок не спрашивает, что означает «священное древо жизни», которое ему предлагают изобразить. Понимает «подсознанием» то, что в научном институте знают только специалисты по этнографии. Лишь на одном рисунке «древо жизни» было срублено. Все остальные рисовали могучее, цветущее дерево. Несмотря на пронесшиеся над нами мировые и гражданские войны, репрессии, катастрофы…

Материалы олимпиады представлены на Сибирской ярмарке 2001 года. Мы получили диплом и золотую медаль за «народное гениальное искусство третьего тысячелетия», за «педагогическую методику формирования личности», за «безмедикаментозную систему формирования здоровья». Ведь мы помогали людям выразить себя через творчество, через традиционную культуру. Тут путь к целительному очищению души, к познанию своих корней и жизненной миссии, отнюдь не сводящейся к «узкой специализации».

Это укрепляет иммунитет и здоровье (так считает не только народный целитель Анатолий Александрович Останькович, но и академик медицины Казначеев).

Продолжая заниматься «крамольной» астрологией, я решила укрепить ее такой научной базой, которая ни у кого не вызывает возражений. Меня познакомили с астрономом Николаем Михайловичем Водяницким. Он еще и кандидат физико-математических наук, работает в Институте генетики. Мой ровесник, тоже за шестьдесят. Согласился помочь мне в составлении гороскопов, соединяя астрологию с астрономией и с компьютерными программами. Я спросила, почему он раньше не брался за астрологию – неужели астроному неинтересны древние знания о связях космоса с земной жизнью? Николай Михайлович ответил: «Мы, научные сотрудники, боялись друг друга. Избави бог заговорить об астрологии или еще о чем-то таком! Засмеют, а то и объявят ненормальным». Я (в который уже раз!) поблагодарила судьбу за то, что мне посчастливилось работать в другой атмосфере.

Мы подготовили более тысячи гороскопов. В основном, на Академгородок, на основные моменты его жизни, на самых ярких лидеров – М.А. Лаврентьева, В.А. Коптюга и других. Гороскоп составлен на 84 года – тут и прошлое, и ближайшее будущее.

Мой новый соратник предложил мне выступить в клубе межнаучных контактов. Я всегда обходила этот клуб стороной. Представляла, как накинутся на меня физики с химиками… А тут вдруг решилась.

Выступая в клубе, сказала, что в науку нужно вводить понятие «астрономического времени», в котором формируются судьбы народов, сообществ, личностей и идеи, властвующие над людьми. Говорила о гениальности Академгородка. И о том, что его ждет будущее не менее прекрасное, чем прошлое. Академгородок рожден под «королевским градусом», под оптимальным излучением. Есть в его «звездном маршруте» также градус взлетов и падений. Звезда Регул должна была дать Академгородку власть (и разве он не имел власти?). От Прозерпины получил легендарную славу и особое место в прошлом веке. От звезды Суалохин – везение: человеку, родившемуся под этой звездой, обычно прощается все, что

не простят никому другому. То же дано и Академгородку: ни в столице, ни в любом другом уголке страны не смели и пикнуть ничего о том, что «во весь голос» обсуждалось здесь.

Трагически повлияла на судьбу Академгородка звезда Баззак, олицетворяющая связь с разрушением и массовым уничтожением. Мы уверены, что сами творим свою судьбу, но мировые тенденции, в которые вплетаются наши судьбы, не зависят от людей. Так и Академгородок при всем его вольнодумстве некоторое время должен был работать в резонанс со своим временем. Большинство ученых не ведало, что творило, выполняя военные заказы. Когда я говорила знакомым физикам: «Вы же делаете смерть!» – они возмущались: «Да ну, придумала! Работа как работа. Кушать-то надо». За все годы жизни в Академгородке встретила только одного человека (из руководителей среднего звена), который, слегка подвыпив, признавался, что его мучает совесть за изобретение, погубившее много людей в разных странах. Даже Михаилу Алексеевичу Лаврентьеву с его божественной гениальностью пришлось работать на войну. Но он работал и на мир, когда закладывал Академгородок для XXI века.

С 1982 года, после «парада планет» под знаком Скорпиона, Академгородок вместе со всей страной «поплыл» к новым берегам, теряя старые опоры. Академик Коптюг, подобно Атланту, семнадцать лет держал Академгородок на своих плечах, пытался вернуть прежнюю устойчивость. По гороскопу видно, чего ему это стоило. Гениален в Марсе, устремлен к «вечному бою», однако ограничен в запасе внутренней энергии. Но он так сконцентрировался и так целенаправленно действовал... Да еще и был мудрым, уравновешенным, демократичным, уважал людей любого ранга, не только академиков. Жаль, довелось ему защищать отжившее – науку, привязанную к государственной кормушке...

С 1991 года прекратилось движение Академгородка и всей страны по «тропе войны». Остановлено силами небесными. Через шесть-восемь лет ученые совсем перестанут получать военные заказы. Закроются окончательно военные заводы. Завершается эра мирового опосредованного каннибализма, фантастического смертоубийства. Начинается эпоха человечности. Мы уже близки к

этому берегу. У Академгородка есть шанс стать столицей новой мировой науки. Неслучайно же под этим высоким небом подспудно вызревала мысль гуманитарная, «во имя человека»…

К моей речи в клубе межнаучных контактов отнеслись, мягко говоря, неоднозначно. Я видела скептические и иронические улыбки. Кто-то с запальчивостью спросил: «Если Академгородок гениален и будущее его прекрасно, то почему же здесь так много пьют?» Не привыкли современные ученые слушать голос сердца и уважать древние знания. Больше верят формулам и поверхностной логике. До сих пор не все осознали, что «удовлетворение личного любопытства за государственный счет» было не только милой забавой интеллектуалов, но и оборачивалось безоглядно жестокими, опасными экспериментами. Но это затмение ума пройдет. Ведь и физики с химиками, и социологи с археологами, и «команда Казначеева» – все мы плывем на одном корабле. Над каждым из нас – все звезды Академгородка, разрушительные и созидательные. На наших лицах и судьбах – одна печать. Здесь мы кажемся такими разными, а за границей, говорят, людей из новосибирского Академгородка «вычисляют» по внешнему сходству (почти как у Грибоедова: «от головы до пяток – особый отпечаток»).

Отчетливо помню сон, приснившийся мне тридцать лет назад, когда возвращалась из села Кондон. Снилось, что иду по снежному полю с чемоданчиком, а в чемоданчике – рисунки нанайских детей. На горизонте – суперэлектровоз с поездом. Спешу, хочу успеть на поезд, но так устала, ноги не идут… Однако чемоданчик из рук не выпускаю. Наконец, дошла, но поезд тронулся. Все вагоны заперты. Кричу: «Возьмите меня!» В одном из вагонов открывается дверь – и чья-то рука поднимает меня в вагон вместе с моим чемоданчиком…

Свой сон я расшифровала так: обязательно возьмут в поезд, идущий в XXI век, мой багаж, где и детские рисунки, и психологические тесты, и серьезная социологическая работа, и «баловство» с астрологическими гороскопами.

ЖАР КОСТРА, ИЛИ НЕ НАВРЕДИ

Э.П. КРУГЛЯКОВ, академик РАН

Весной 1999 года я увидела в одной из новосибирских газет заголовок – «Комиссия по борьбе с лженаукой начинает действовать». Комиссия с настораживающим названием образовалась на вершине научного Олимпа – при президиуме Российской академии наук. Возглавил ее сибирский академик Эдуард Павлович Кругляков, который уже несколько лет печатал в газетах статьи против экстрасенсов, астрологов, а заодно и против исследователей, интересующихся ясновидением, телепатией, НЛО и прочими чудесами. Побывав на заседании президиума СО РАН, где автор боевых статей

делился с академиками планами борьбы, я всерьез испугалась. Мне кажется, ученым вообще стоит наложить запрет на слово «лженаука». Знакомство с мрачными эпизодами из прошлого убедило меня: после призывов к борьбе с лженаукой научные дискуссии могут перерасти в репрессии, в «охоту на ведьм». Ярлык «лжеученый» ничуть не лучше ярлыков «враг народа» и «пособник дьявола»...

Я решила познакомиться с главным «санитаром» науки. Диалог получился затяжной, потребовалось несколько встреч. Привожу его в сокращенном виде, сохраняя логику и эмоциональный накал.

Несколько слов о собеседнике. Эдуард Павлович Кругляков, с его слов, вырос в семье служащих, был отличником и в школе, и в вузе. После окончания престижного Московского физико-технического института принят по конкурсу в престижный НИИ – в Институт ядерной физики СО АН. Сейчас ему за 60, он заместитель директора ИЯФ, считается не только лидером в борьбе с лженаукой, но и специалистом по экспериментальной физике, физике плазмы и лазерам. За труды по своей специальности получил Государственную премию СССР. В сборнике «Научная элита» я прочла, что его увлечение – быстрые шахматы. Эдуард Павлович сказал: однажды он даже одержал победу в игре с чемпионкой. И, мол, он вообще натура глубоко творческая: в молодости писал стихи и даже сочинял музыку. Но сейчас ему явно не до шахмат, не до поэзии и не до музыки...

– Почему вы, физик-ядерщик, ввязались в идеологическую борьбу? Чем вам помешали экстрасенсы, астрологи и уфологи? Может, вас обманул кто-то из «кудесников» – знахарь или гадалка?

– Упаси бог, я никогда к ним не обращался и не обращусь! Тридцать-сорок лет назад возникал у меня мимолетный интерес к «летающим тарелкам» и к другим неопознанным явлениям. Просто тогда это все как-то отличалось от обыденности... Однажды знакомый журналист рассказал, каких он встречал людей с необыкновенными способностями. Говорил про водителя из Харькова, который «читал мысли» и «видел сквозь стену». Ну, не может такого быть, но тем не менее... Журналист же говорил, что самолично присутствовал при экспериментах в одной из московских

редакций! Пообещал, что об этом напишут в большом журнале (то ли «Техника – молодежи», то ли «Знание – сила»). После этого я каждый месяц ходил в библиотеку и листал журналы. Наконец, месяцев через девять увидел разгромную статью про некоего фокусника, демонстрировавшего в редакции те самые чудеса. Объяснилось все просто: человек «видел сквозь стену», потому что просверлил дырки. Такой примитив! С тех пор я не верю рассказам всех, кто якобы своими глазами наблюдал чудеса. Людям хочется таинственности, они склонны выдавать желаемое за действительное…

В конце 80-х словно вдруг что-то где-то прорвало – и «аномальщина» стала массовым явлением. Появились кашпировские, чумаки – жулики первостатейные… Меня это возмущало, но все не хватало времени написать статью. Толчком к первой статье, разоблачающей «потустороннюю» чушь, стали два события, случившиеся в один день. Мне на работу позвонил человек (не помню его фамилию) и пригласил на сеанс приезжей целительницы, которая якобы усилием воли замедляет и ускоряет процессы радиоактивного распада, лечит рак и все прочее. Я, конечно, отказался. Сказал: ничего подобного не может быть. А вечером, придя домой, увидел на телеэкране еще одного целителя, работавшего раньше лаборантом в нашем институте. Все, что он говорил, было чудовищным, безграмотным бредом. Мое терпение лопнуло. Первая статья вызвала резонанс, какого я, признаться, не ожидал. Ее перепечатали около двадцати изданий, перевели за границей, я получил много писем… С тех пор недостатка в информации нет – шлют отовсюду. Теперь регулярно пишу статьи на эту «больную» тему, выступаю с лекциями. Недавно выступал в НГУ. То, что я говорил, явно не нравилось группе пожилых людей, интересующихся так называемыми аномальными явлениями. А студенты смеялись, аплодировали.

Тут я сделала первый вывод: академику пришлась по вкусу популярность, «греют» аплодисменты. Но ведь студенты и прочая публика аплодируют всем – правым и неправым, священникам и комиссарам, клоунам и пророкам, красным и белым, и «зеленым», и «голубым»...

– Эдуард Павлович, а вы не боитесь, что академическая комиссия сыграет реакционную роль и скатится к борьбе с инакомыслием?

– Нет, не боюсь. Я хорошо представляю, чем должна заниматься такая комиссия. Мы не собираемся устраивать гонения на научные школы. Наша цель – разоблачать жуликов и шарлатанов, рядящихся под науку. Большинство членов комиссии – физики. А физики, как известно, сыграли благородную роль в те времена, когда громили генетику. Они защищали генетику.

– Но это не значит, что физикам навсегда забронирована благородная роль! Неужели вас не смущает слово «лженаука»? Это же политический ярлык, бранное клеймо! Сколько идей, названных лженаучными, позже вошли в золотой фонд науки! И не мне бы напоминать вам, что генетику с кибернетикой тоже называли лженауками...

– А почему слово «лженаука» должно меня смущать? Насколько мне известно, этот термин ввела византийская принцесса Анна Комнина еще на границе XI–XII веков. Речь шла об астрологии. Причем без всякой политической подоплеки! Что же касается генетики, то не ученые развязали кампанию против этой науки. Точно так же, как не композиторы и не писатели начали травлю журналов «Звезда» и «Ленинград», оперы Мурадели «Великая дружба». Надеюсь, с этим вы не будете спорить?

– Не буду. Ведь вы подтвердили, что «лженаука» и тому подобные слова были в ходу у политических демагогов. И не странно ли, что современный академик ищет единомышленников в далеком прошлом, в ряду средневековых правителей? Вынуждена напомнить еще один общеизвестный факт: «лжеученые»-астрологи вместе с Джордано Бруно (его-то вы, наверняка, считаете истинным ученым!) горели в одном костре средневековой инквизиции. Не рискуете ли вы так же ошибиться, отделяя лжеученых от настоящих? Мне все больше хочется узнать предысторию академической комиссии по борьбе с лженаукой. Кому и зачем понадобилось создавать этот странный орган?

– Летом прошлого года мне позвонил президент Российской академии наук Осипов и сообщил, что создается такая комиссия, предложил в нее войти. Я согласился. Потом меня поставили перед фактом: я назначен председателем комиссии. Наверное, сыграли роль мои публикации. Особенно история с «Российской газетой».

Мне казалось странным, что в «Российской газете», которая считается правительственным органом, печатаются безобразные статьи о колдунах, экстрасенсах и вампирах, о несуществующих достижениях физической науки (например, об обнаружении подземных нефтяных залежей с помощью «торсионных излучений»). Я считал, что в правительственной газете не следует помещать подобные нелепости; достаточно, что ими заполнена бульварная пресса. Написал статью «Ненаучная фантастика» и отправил в редакцию «Российской газеты». Статья провалялась там несколько месяцев – и ни ответа, ни привета. Чтобы пробиться на страницы газеты, мне пришлось не раз говорить с журналистами. Один из сотрудников отдела науки сразу признал, что с чудесами от торсионных полей «промашка вышла» – он живописал их с чужих слов, а сам не мог критически оценить информацию, поскольку в школе по физике не получал больше «тройки». Заведующий отделом уговаривал меня убрать из статьи критику журналистов. Главный редактор заявил, что такие, как я, душили генетику с кибернетикой. Только когда я передал новый вариант своей статьи не в редакцию, а в Министерство науки, ее напечатали. С комментарием, обвинявшим меня в том, что я действовал «в режиме застойных времен» и «продавливал» статью через органы власти. Кстати, мне единственному из ученых-физиков удалось прорваться на страницы «Российской газеты», хотя туда писали еще академики Гинзбург и Александров, член-корреспондент Черепащук. Они тоже критиковали «ненаучную фантастику». А журналисты вели себя, как купчики: мол, кого хотим, того и печатаем.

Эта история возмутила многих академиков и президента Академии наук. Так и появилась комиссия по борьбе с лженаукой. Кроме физиков, в комиссии есть химик, биолог, математик, геолог (он же палеонтолог), нейрофизиолог и философ. Всего 12 ученых – десять академиков, один член-корреспондент и один профессор.

– Получается, что борьбу с лженаукой простимулировали мои коллеги-журналисты?.. Если бы не зажимали критику оппонентов-ученых, то, может, и не появилась бы комиссия с многообещающим названием?.. Еще один аргумент в пользу честных, открытых дискуссий. Но не слишком ли крутые требования намереваетесь предъявить к журналистам? Требуете уволить главного редактора и заведующего отделом науки «Российской газеты». Собираетесь создавать при газетах наблюдательные советы – не цензура ли это?

– А что прикажете делать? Мы видели, что правительственная газета участвует в оболванивании населения, за два года опубликовала 35 статей антинаучного содержания. Журналисты объясняют это так: «чернуху» и «клубничку» надо печатать для привлечения читателей. Ну, если нет таланта на доброкачественные статьи… Мы не собираемся вводить в газетах цензуру – на кой черт?.. А вот воспитывать журналистов нужно! Нужно привести их в порядок, напомнить, что они отвечают за информирование населения. Чушь и бред печатать нельзя. Ну, а если напечатали, то позвольте высказаться и компетентным специалистам, которые возражают, критикуют и опровергают. Разве это ненормальное требование?

– Нормальное, если критики-специалисты не входят в роль всезнающих судей. Но вот что, точно, ненормально – втягивать в споры власть. А ваша комиссия обратилась к премьер-министру, как бы приглашая поучаствовать в борьбе...

– Власти на все это наплевать, вот в чем трагедия! И как не обращаться к правительству, если мы уже имеем дело с организованной лженаукой, которая начинает влиять на государственную политику!

– «Организованная лженаука», да еще и вмешивающаяся в государственную политику... Звучит жутковато, наподобие «организованной преступности». Что вы имеете в виду?

– Расплодившиеся самозваные академии – прежде всего международные академии информатизации и энергоинформационных наук. Они вовсе не безобидны, как может показаться на первый взгляд. Они злокозненны и вредны, даже преступны.

– По-моему, вы сгущаете краски!

– Нисколько! Люди, близкие к самозваным академиям, проникают в государственные и в международные органы, вплоть до ООН. Астрологи и экстрасенсы появились и в окружении руководителей страны; специалисты по «оккультным наукам» выдают политические прогнозы. В Госдуме принимают российскую Вангу – малограмотную старушку. Устраивают выставку с чудодейственным диваном, исцеляющим от всех болезней. Проводят слушания по уфологической безопасности и всерьез заявляют, будто наших мужиков похищают инопланетяне и забирают у них сперму. Многие депутаты Госдумы состоят в самозваных академиях.

Неудивительно, что Госдума даже собиралась принять закон об энергоинформационном благополучии населения. Председатель Комитета по науке в Госдуме – математик из МГУ Мельников удивился, когда я начал расспрашивать его об этом законопроекте: «Да, мы его уже завизировали, а что там такого?» Я ему объяснил, что за безобидными словами о защите природы и человека пряталась стопроцентная лженаука. Обратил внимание на персональный список тех, кто так или иначе участвовал в подготовке законопроекта: экстрасенсы и люди, верящие в то, что можно брать энергию Космоса с помощью пирамид и спиралей. Кроме всего прочего, речь шла о том, чтобы легализовать некие области нетрадиционной науки, а точнее – лженауки в ВАКе, ввести в классификаторы Минтруда и Миннауки. Говорилось и о создании федеральной программы по обеспечению энергоинформационного благополучия населения.

– Ах, вот в чем дело! Ведь федеральные программы финансируются государством. И вы подозреваете, что люди, называющие себя представителями нетрадиционной науки, охотятся за госбюджетными рублями, «перебегают дорогу» академической науке?

– Вы чересчур узко понимаете заботы академической комиссии и ее председателя: будто мы лишь стараемся отнять «кусок» у лженауки для себя. А вам не приходит в голову, что тут могут быть и более высокие чувства, борьба за чистоту науки?

Когда я объяснил в Комитете по науке Госдумы потенциальный вред законопроекта об энергоинформационном благополучии (и опубликовал об этом статью «Новое в экологии»), законопроект удалось приостановить. Во всяком случае, в Комитете по науке пообещали снять свою визу. Но вскоре в Госдуме стали протаскивать новый законопроект такого же рода – «Об обеспечении безопасности психосферы человека».

К подобному законотворчеству, наверняка, имеет отношение Министерство обороны. В этом ведомстве уже много лет под видом новейших научных разработок творилось что-то странное, похожее на коррупцию. Перекачивались огромные средства на исследования, связанные с антигравитацией, торсионными полями, экстрасенсорикой. Знакомый академик признался мне, что ему предлагали подключиться к таким разработкам, но с условием: 80% отводящихся на это средств он должен вернуть генералам. Вот еще один факт: однажды из Министерства науки в наш Институт ядерной физики поступила просьба: срочно дать заключение по проекту, в котором шла речь об антигравитации. Разумеется, мы выдали отрицательное заключение. Между прочим, нам не сообщили имя автора и название организации, разрабатывавшей проект. Все подобные исследования засекречены, а это чревато обманом.

– Однако в науке, связанной с военными ведомствами, было много секретов...

– Да, секретно создавали атомное оружие. Но наиболее значимые работы по ядерной физике выполнены перед войной и опубликованы в научных журналах. Лишь когда физики почувствовали возможность военных применений, они добровольно согласились отказаться от открытых публикаций. Когда же сегодня пытаются вести секретные работы по изучению новых, не известных науке фундаментальных законов, это выглядит абсурдом. Появляются даже законопроекты на основе секретных работ. Бред, чушь собачья, жульничество! Так можно породить только коррупцию. Никакой науки под этим нет.

– Вы уверены?..

– Это понятно любому здравомыслящему человеку. С одной стороны, лженаука прячется под «совершенно секретными» разработками. С другой стороны, наводнила газеты бредовыми сообщениями о чудесах и великих открытиях, не признающихся официальной наукой. Иногда такие опусы попадают даже в серьезные научные издания. Десять лет назад в журнале «Доклады Академии наук» появилась статья некоего Охатрина об открытии новых частиц – микролептонов. Тогда существовало нелепое правило: если статью представляет академик, то научный журнал ее печатает. Эту статью представил академик Садовский. Говорят, он геолог, а статья – о физике. Открытие новой частицы – это же сенсация, заявка на Нобелевскую премию, тут весь научный мир должен переполошиться… А после статьи о микролептонах – никакого шума. Почему? Единственный вывод – не было никакого открытия.

– Разве современники всегда верно оценивали смысл открытий? Вспомните: даже открытие Менделем законов наследственности в опытах с горохом прошло незамеченным. Лишь спустя полвека его опыты повторили другие исследователи и было положено начало генетике...

– Сейчас так не бывает. К примеру, когда мне и моим коллегам удалось продемонстрировать в эксперименте возможность удержания плазмы в некой новой конфигурации, то сразу же выяснилось, что мы лишь на две недели опередили американских исследователей. Теперь крупные идеи в мировой науке рождаются почти одновременно, и на них тут же откликаются. А если нет отклика… Не надо сравнивать Охатрина с Менделем, тут совсем другой случай. Кто по профессии Охатрин, не знаю, но не физик. Сейчас он академик энергоинформационных наук. По слухам, открыл 10 микролептонов, потом изобрел прибор «Гамма-7», который назвал активатором и нейтрализатором. В описании говорится, что прибор улавливает микролептонные излучения из Космоса и создает вокруг человека хорошую ауру, защищает от любых вредных воздействий (даже от радиации).

Я решил проверить, существуют ли те вредные воздействия, которые, согласно описанию, блокирует прибор. Взял радиометрическую аппаратуру, обмерил несколько телевизоров и персо-

нальных компьютеров. И, разумеется, никаких радиационных излучений не обнаружил.

– Однако многочасовое сидение у компьютера и телевизора считается вредным для здоровья...

– Из-за обычного переутомления, а не из-за несуществующих излучений. Я проверил и кое-какие другие сведения. В описании прибора говорилось, что и сам он генерирует очень слабые излучения и для их регистрации разработали специальную технику. В числе разработчиков назывались два нижегородских института. С помощью коллег из Нижнего Новгорода удалось выяснить: один из названных НИИ не существует, а во втором никогда не разрабатывали такую аппаратуру. Проверены и некоторые положительные заключения научных учреждений. Среди тех, кто дал положительное заключение, был Институт общей генетики РАН. Подписано заключение доктором биологических наук, не имевшей права пользоваться бланком и печатью института. Подделана подпись человека, заверявшего отзыв.

Стоит прибор Охатрина 120 долларов, я держал его в руках. Маленькая пластиковая коробка. В сеть не включается, и батарейки ей не нужны. В описании сказано: все хитрости прибора – в спирали из благородных металлов. Сделано интересное предупреждение: вся тайная сила сразу пропадет, если вскрыть коробочку.

– А вам не захотелось вскрыть и заглянуть?

– Нельзя! Коробочка чужая, мне ее дали на время. Да и какой в этом смысл? Кого и в чем хотим убедить? Разве не ясно, с чем имеем дело? Афера! Представьте: на прибор получены и патент, и сертификат, и лицензия, и разрешение Минздрава на его продажу… О чем это говорит? О том, что при нынешнем взяточничестве можно купить патент и лицензию на что угодно.

– А положительные отзывы из клиник были?

– 1500 положительных отзывов! Говорилось даже о положительном эффекте при лечении рака груди в стадии метастаз. Но, наверняка, это просто психологические эффекты: если человек верит, он может на время (только на короткое время!) почувствовать облегчение. Моему коллеге в больнице тоже предлагали полечиться прибором Охатрина, но он отказался, он физик и в чудеса не верил.

– Возможно, с прибором Охатрина и впрямь что-то нечисто, хотя называть это аферой пока не стоит. Стоит внимательно проверить все, вплоть до отзывов из клиник.

Академик Кругляков обрушивает на меня поток обвинений. Конечно же, он вписал в свой «реестр лженаук» эксперименты, исследования и проекты, связанные с упомянутыми идеями антигравитации и торсионных полей, с получением энергии из физического вакуума и от «холодного термояда». Словом, почти все сенсации, сообщавшиеся в «расцензуренных» СМИ. В его постоянно расширяющемся «черном списке» много известных и малоизвестных имен. Туда попали все, кого в Средневековье сожгли бы на костре. А что ожидает их сегодня?

– Надо гонять лженауку «по всему полю». Не давать передышки. У-ни-что-жать!

– То есть как?..

– Еще раз говорю: не представляйте комиссию по борьбе с лженаукой в виде инквизиции. У нас совсем другие цели. Мы хотим, чтобы все ученые реагировали на мракобесие, писали в газеты и журналы, выступали на телевидении. Считаем, что необходима централизованная финансовая поддержка научно-популярных изданий. Хотим добиться, чтобы российское правительство направляло в Академию наук для экспертизы все проекты новой техники, в том числе и военной (особенно когда идет речь об использовании не известных академической науке «фундаментальных законов природы»). Нужно предоставить Академии наук и право визировать перечни сведений, запрещенных к публикации в открытой печати. Редакционно-издательскому совету РАН следует ужесточить требования к издательствам академических институтов. Если у автора монографии нет публикаций, но есть оригинальные идеи, то его монографию издать можно, но только по специальному распоряжению вице-президентов РАН и советов РАН по различным направлениям наук. Так мы оградим Академию от позора, от фальшивых сенсаций.

А самое главное сейчас – любой ценой поставить заслон лженауке в Госдуме. Мы настаиваем на проведении слушаний и экс-

пертиз законопроектов с участием представителей нашей комиссии и Академии наук. Ведь не похоже на инквизицию?

– Все по отдельности будто не похоже. Но слишком высокая стена воздвигается перед спорными идеями. И к некоторым ученым вы относитесь, мягко говоря, предвзято. Например, идеи академика Казначеева вызывают у вас аллергию...

– Не берусь судить о заслугах академика Казначеева в медицине, но утверждение о возможности передачи информации от клетки к клетке через фотоны… Это, извините, собачий бред. Помню, как в конце 60-х «казначеевцы» проводили эксперименты в Институте автоматики. Залезли в физику, а это уж моя епархия, и я могу оценить… Они открывали холодильник, где держали образцы крови, и начинали считать фотоны. Но кровь еще две недели будет флюоресцировать, после того как ее вынули из холодильника на свет. Как при этом считать фотоны? Счет фотонов – сложное дело даже для физиков, а уж биологи никогда с этим не справятся… Эксперимент был абсолютно безграмотный.

– Эксперимент был междисциплинарный, и биологи нуждались в помощи физиков. Однако физики, судя по всему, сразу встали в позу ревнивых ревизоров-разоблачителей. Идея о передаче информации от клетки к клетке через фотоны была рабочей гипотезой Казначеева; впоследствии он от нее отказался и говорил, что в межклеточном информационном взаимодействии участвуют полевые структуры. Но вы «сразу и навсегда» объявили его нестандартные поиски антинаучными. Так же отнеслись и к нетрадиционным исследованиям под руководством академика-математика Михаила Михайловича Лаврентьева. На заседании президиума СО РАН я услышала, что с вашей подачи готовится «оценка» деятельности академика Лаврентьева. Ясно, что предполагалось осуждение. А это уже смахивает на карательную акцию...

– Никаких карательных акций! Для начала опубликуем рецензии на три книжки, изданные Институтом математики, которым руководит академик Лаврентьев. Это книжонки весьма зловред-

ные – о «неоднородном физическом вакууме», об НЛО, торнадо и еще о чем-то подобном. Сам я написал рецензию на книгу некоего Дмитриева. Он геолог и лучше бы занимался своей геологией, не лез бы с дикими умозаключениями в физику, да еще в такую сложную, как физика высоких энергий! Я выступил в Институте геологии, где работает Дмитриев, и продемонстрировал его полное невежество в вопросах, за которые он осмелился взяться. Еще две книги я передал для рецензирования в Москву академику Рубакову, он эксперт по физическому вакууму. Эти рецензии тоже доведем до профессионалов и массового читателя. Хлестать по морде прилюдно – это, по-моему, самое правильное.

– А может, самое правильное – уважительная, культурная дискуссия людей, стоящих на разных позициях?

– Позиция может быть в политике, а тут есть только наука и антинаука. Поймите: сегодня не любая новая идея имеет право на существование. Особенно в физике, куда пытается пролезть особенно много дилетантов. До 70% лженаучных сенсаций соприкасаются с физикой. Вот поэтому в нашей комиссии по борьбе с лженаукой большинство составляют физики. Мы знаем, что здание нашей науки, в основном, построено, и никаких революций тут не ожидается. Поверьте: все, о чем мы с вами спорим, яйца выеденного не стоит! И достаточно уже взаимодействовали с распоясавшимися, компрометирующими науку персонажами, достаточно на них смотрели! У истоков всех их «течений» стоит ряд известных личностей, заслуги которых сильно преувеличены. Например, много говорят о Вернадском, о его учении про ноосферу. А у меня создалось такое впечатление – в тот момент, когда Вернадский сочинял это учение, у него уже, извините, были не все дома. Или вот вознесли Циолковского. Когда говорят о ракетной технике, сразу ссылаются на Циолковского, хотя одна из основополагающих формул почему-то называется «формулой Мещерского». Вряд ли Циолковского всерьез можно считать основоположником космонавтики. Кто он такой? Заштатный учитель провинциальной школы. Наверное, у него был какой-то полет фантазии, но он человек малограмотный. И даже, извините, больной. В его книгах можно прочитать про «разумные атомы» и другие подоб-

ные высказывания – просто абсурдные, крамольные с точки зрения науки.

До сих пор много шума вокруг некоего Козырева, а на самом деле это трагическая фигура. Сам я с ним не встречался, но верю мнению уважаемых ученых. Говорят, он долго сидел в тюрьме и, по-видимому, там свихнулся. Вот что сам Козырев рассказывал о том, как он пришел к одной своей странной идее. Его поставили в жутко холодный карцер. Он замерзал. А потом вдруг ему стало тепло. Отсюда он пришел к мысли, что время переходит в энергию.

– Однако и Ньютону идею всемирного тяготения подсказало яблоко, упавшее ему на голову...

– Не падало никакое яблоко, это легенда!.. А Козырева все жалели, сочувствовали ему. Некоторые ученые безуспешно пытались воспроизвести его опыты. Ленинградский академик Евгений Борисович Александров видел лабораторию Козырева и его приборы, которые вопреки законам механики вдруг уменьшали массу тела. Он сказал Козыреву, что опыты его не совсем чистые, надо бы откачать воздух и создать вакуум. Козырев возразил: «Интересная мысль, но это совсем другая постановка». А его единственный лаборант и соавтор, много лет работавший с ним, вдруг буркнул: «Да пробовали уже откачивать! Ничего не получается, ничего не работает». Александров вспоминал: «И тут я увидел другого Козырева. Это был уже не интересный, осанистый мужчина, который всегда хорошо держался. Передо мной стоял жалкий, обмякший человек, вмиг потерявший весь свой лоск». В конце концов отношение серьезных ученых свелось к одному мнению: за идеями Козырева ничего нет, пустота. И когда он на самом деле открыл вулкан на Луне, большинство физиков ему не поверило. Однако потом это было подтверждено и зафиксировано как открытие Козырева. Все прочее из его наследия никакого смысла не имеет. В том числе и книга «Механика» с заложенной в ней странной мыслью: скорость распространения взаимодействий может быть мгновенной, то есть много больше скорости света. По этому поводу идут сложные философские дискуссии, однако все сводится к тому, что мы должны признать одно из двух: либо скорость рас-

пространения взаимодействий, как и скорость света, конечна, либо бесконечна. Либо соглашаться с Козыревым, чьи опыты не удалось повторить, и с его сомнительными последователями, либо верить Эйнштейну, чей авторитет бесспорен.

– Но у Эйнштейна тоже есть оппоненты...

– Есть, есть, ну что поделаешь? Либо «темные» люди, либо антисемиты. Всем, кто пытается бороться с Эйнштейном, я говорю, что они не преодолели трех страничек «Введения в теорию поля» Ландау. Нет в науке ни одного противоречия, которое бы не объяснялось теорией Эйнштейна!

Многие авторы и сторонники бредовых гипотез о биополях, торсионных излучениях и прочей аномальщине ссылаются не только на Циолковского, Вернадского и Козырева, но и на нобелевских лауреатов. И меня спрашивали: почему я не верю, что некоторые экстрасенсы способны усилием мысли и воли менять даже время и скорость радиоактивного распада? Ведь знаменитый биолог, нобелевский лауреат утверждал: подобное возможно.

– А вдруг?!

– Никаких «вдруг»! У нобелевских лауреатов есть привилегия: они пожизненно остаются профессорами университета. И как бы навсегда причисляются к гениям. Один знаменитый английский физик, получивший Нобелевскую премию лет тридцать назад, уже несет старческую, шизофреническую околесицу, но до сих пор читает лекции студентам. Трагедия! В Англии не знают, что с этим делать. Так рассказывал Сергей Капица, встречавшийся с престарелым лауреатом.

А знаете ли вы, что в нашей стране, по официальной статистике, сейчас 3% сумасшедших? Среди ученых, наверняка, еще больше. На чтениях, конференциях, где гуртуется такой контингент, крутится и много жуликов. Между прочим, там требуют отменить запрет на разработки «вечного двигателя». И пусть, мол, государство финансирует эти проекты. Просто национальное бедствие!

– Вы уверены, что «вечных двигателей» не может быть? Но вспомните, когда научные иерархи решили не принимать проекты «вечных двигателей». Давным-давно, одновременно

с выводом, что с неба не могут падать камни. А сейчас даже дети знают: иногда камни с неба падают, метеориты – это факт!

– Ну, вы меня просто умиляете! Нужно же учитывать уровень развития цивилизации: Парижская академия наук не могла принять другого решения, когда еще не было никаких достоверных наблюдений метеоритов. А от проектов «вечных двигателей» Академия и тогда изнемогала, да ведь и закон сохранения энергии уже был известен…

– Разве представления об этом законе природы не могут измениться, расшириться?

– Это возможно, допускаю. И скажу, где та грань, за которой будут всерьез говорить даже о вечном двигателе. Энергия физического вакуума… Если из вакуума действительно научатся извлекать энергию, получится жуткое количество энергии. Тогда действительно станет возможным вечное движение. С одной стороны, вакуум – пустота, а с другой стороны, там, вроде, есть энергия. Черпайте и черпайте… В принципе, остается открытым и вопрос: возможен ли пятый тип физических взаимодействий – всякие торсионные поля и излучения. Нормальные физики сошлись во мнении: если подобное и возможно, то это настолько слабые взаимодействия, что могут быть зафиксированы не в лабораториях, а лишь в космических экспериментах, в межгалактическом пространстве.

– Не пойму, почему же вы «клеймите позором» нетрадиционных исследователей, интересующихся как раз энергетикой вакуума, торсионными взаимодействиями и прочими «пограничными» вопросами, которые могут привести к большому научному прорыву. Боитесь конкурентов?

– Помилуйте, какая тут может быть конкуренция? Специфические научные проблемы, доступные пониманию небольшого количества людей... Это удел профессионалов, и не надо впутывать сюда все население страны. Но именно за такие идеи и хватаются свихнувшиеся.

– Наконец, я поняла, какой порок есть в ваших расследованиях, которые вы обстоятельно описываете в своих статьях. Вы настроены на разоблачения, исходите из пре-

зумпции виновности. По-вашему, все авторы еретических идей – жулики или сумасшедшие? Но при таком подходе придется записать в сумасшедшие не только состарившихся нобелевских лауреатов, не только Вернадского, Циолковского и Козырева, но и еще многих оригинальных мыслителей. Я читала, что в Средние века называли то ли безумцем, то ли колдуном Роджера Бэкона, предсказавшего появление транспорта наподобие нынешних самолетов, автомобилей, железной дороги. И как же быть с интуицией, близкой родственницей фантазии, без которой нет творчества и которая заставляет исследователей перелетать через несколько логических ступеней?

– Один известный ученый сказал, что интуиция идет впереди логики. Но ничего потустороннего и безумного в интуиции нет, она вытекает из опыта.

– Напрасно вы, Эдуард Павлович, не стремитесь к встречам с теми людьми, которых называете своими «персонажами» и которым посвящаете разоблачительные статьи. Напрасно отказались сходить на сеанс целительницы. Могли бы попробовать разоблачить мошенничество воочию. Или убедились бы: мошенничества нет и слова о целебной энергетике ввсе не пустые...

– Не ходил и не буду ходить на подобные мероприятия, не собираюсь иметь никаких дел с людьми такого сорта. Никогда и ни при каких обстоятельствах! Отношусь ко всему этому с брезгливостью.

– Брезгливость? Не странно ли для исследователя?

– Зачем проверять каждую ахинею? У меня что – дел нет в серьезной науке? К экстрасенсам надо выезжать с бригадой, проводить сложные приборные измерения, а не просто наблюдать. Сейчас же не семнадцатый век и даже не начало двадцатого, когда можно было легко разоблачить всякие «потусторонние» фокусы. Теперь такие проверки намного сложнее технически. Да и зачем идти на поводу?.. Разоблачений уже более чем достаточно.

Знаете ли вы, что ученые разоблачили Нинель Кулагину и Джуну Давиташвили? Мой однокурсник академик Гуляев решил

разобраться с этими и другими «звездами», которых «раскрутили» журналисты. Через прекрасно оснащенную научную лабораторию прошло 217 экстрасенсов. И ни в одном случае не обнаружено никаких эффектов, выходящих за пределы физических наук. Что касается Кулагиной – да, тут обнаружилось кое-что необычное. Одному моему знакомому она даже сделала ожог, не прикасаясь. Очень редкое явление, но ничего сверхъестественного. У нее ядовитый пот…

Не знаю, как кому, а мне легче представить, что Нинель Кулагина делала ожоги (и перемещала предметы, не прикасаясь к ним), действуя усилием воли и мысли или своей энергетикой. Но вообразить, будто из пор ее тела сочилось что-то вроде серной кислоты?.. Суперфантастика!

– …А Джуну академик Гуляев вообще «занулил». Приборы не зафиксировали никаких излучений от ее пальцев. После долгих исследований она призналась, что просто массажистка. Бесконтактный массаж, может греть своим теплом. У нее на пальцах повышенная температура… Ну, это не противоречит физическим законам. А нам же рассказывали, что творятся чудеса: проведет Джуна рукой – и роза расцветает…

– Мало ли какие легенды рассказывают о людях с необыкновенными способностями! Разве не понятно, почему известная целительница назвалась «просто массажисткой»? Чтобы отвязались разоблачители. Кстати, я помню статью академика Гуляева об упомянутых вами исследованиях, хотя она печаталась в «Литературной газете» давно, лет пятнадцать назад. Статья показалась мне неубедительной. То, что приборы не зафиксировали никаких особых излучений от рук Джуны и других экстрасенсов, ничего не доказывает и не опровергает. Этот факт можно истолковать по-разному. То ли никакой особой энергетики у экстрасенсов нет, то ли приборная техника не улавливает... К тому же исследователи, «проверявшие» экстрасенсов, не знали, что именно следует улавливать и измерять. Задача у них была, примерно, такая – найдите то, не знаю что...

– Понимаю, подвохи тут есть. Но лаборатория Гуляева привлекала для своих опытов квалифицированных исследователей разных типов – и физиков, и биологов. Они изучали не только экстрасенсов, брали и других – случайных людей, потом сопоставляли показания приборов. Проделали огромную работу. Им тогда нужно было продемонстрировать абсурдность того, что творилось в Генеральном штабе армии и в КГБ, где экстрасенсы чувствовали себя как дома. Ничего плохого лаборатория не делала. Она занималась чистой наукой и демонстрировала, что нет ничего потустороннего и сверхъестественного.

И зачем придумывать, будто человек способен излучать и воспринимать нечто такое, чего не улавливают приборы? Это наивно! Например, глаз человека не может фиксировать отдельные фотоны, а приборы фиксируют. Человеческое ухо «не слышит» тончайшие звуки очень малой амплитуды, а приборы «слышат». И температурные колебания приборы фиксируют лучше, тоньше. Человек может почувствовать разницу только в несколько градусов, а приборы «чувствуют» и 10^{-3}, 10^{-4} градуса Кельвина. Современный приборный парк совершеннее человеческих органов чувств. Техника все умеет делать лучше человека.

– Как компьютер, который, уверяют, скоро станет умнее человека?

– Меня возмущают заявления, будто компьютер играет в шахматы лучше человека. Я-то знаю, что все не совсем так.

– Настолько же лучше человека «работают» и другие приборы. Они решают узкоспециальные задачи, поставленные человеком и в пределах человеческих познаний... Нет, вы меня не убедили, как не убедил в свое время и академик Гуляев. Остаюсь при своем мнении – возможно, экстрасенсорные «токи» пока не научились фиксировать приборами, потому что неизвестна их природа. Однако многие опытные медики не отрицают, что неграмотные деревенские «бабки» лучше и быстрее лечат рожу, геморрой и даже «сибирку». Знаю уважаемого врача с больным сердцем, который обращался к девочке-экстрасенсу, и та ему помогла. При всем том и сами народные целители не ведают, какой силой

владеют. В меру своей образованности люди сочиняют гипотезы – кто-то говорит о даре Божьем, кто-то о нечистой силе, кто-то об энергетике Космоса, о биополях, о «слабых экологических» и торсионных взаимодействиях. Рядом с одаренными, конечно же, крутятся и имитаторы, и жулики, и любопытствующие исследователи. А вы придираетесь к терминам, сваливаете всех, всё и вся в одну кучу, объявляя шарлатанством и антинаукой. Так можно все неведомое затоптать...

– Да, ничего я не хочу топтать! Я убежден: единственный эффект, который возможен у экстрасенсов, – это воздействие на слабую психику. Допускаю, что среди экстрасенсов и знахарей встречаются выдающиеся психологи, способные внушить людям веру. И больной начинает верить, будто исцеление наступит, после того как кто-то помашет возле него руками. Некоторые целители, наверное, пользуются и травками, и другими хитростями народной медицины, которые пока не изучены наукой. Но у меня твердое предубеждение против такого лечения. Чудесных исцелений не бывает! Если говорят: был рак – и прошел после сеансов у экстрасенса… Тут скорее всего был неправильный диагноз. А если еще уверяют, будто целитель связан с Высшим Разумом и с прочими сверхъестественными силами... Это я просто не хочу комментировать.

– Неужели вы начисто лишены религиозного инстинкта? Неужели никогда не допускали мысли о существовании Бога, Космического Разума или других высших сил?

– Вы что, смеетесь? Поймите, ученому Бог не нужен! Наука отказывается от веры в чудеса, все и без Бога объясняет.

– Есть верующие ученые, думающие иначе...

– В семье не без урода… Думаю, среди физиков не найдете ни одного.

Я не напомнила ему о «космической религии» Эйнштейна и о Вернере Гейзенберге с его представлением об «энергетических недрах» материи, которое многим кажется «околорелигиозным». Не напомнила о Ньютоне, посвятившем много лет толкованию «Апокалипсиса». Только спросила: читал ли академик Кругляков

что-нибудь, кроме книг по своей специальности? Читал ли Библию или хотя бы «Жизнь после жизни» Моуди? Слышал ли про плащаницу, ставшую одной из самых сложных загадок для науки?

– Это все сказки для людей, которым хочется верить в чудо. А надо верить в то, что достоверно. Достоверно то, что доказано, подтверждено наукой. Религиозные книги мне читать некогда, да и скучно. Не хватает нормального чтения, что ли? Надо жить сейчас, потому что после этой жизни ничего нету. Нету, нету!

Однако что-то задело академика за живое, потянуло на размышления:

– Ладно, давайте допустим, что Бог создал мир. Создал некие законы, по которым мир живет. Эти законы на него самого распространяются или он вне их?

Рассказываю ему о знакомом предпринимателе лет тридцати с небольшим, который задавал себе такие же вопросы и нашел свои ответы. По его представлению, Бог обитает в сотворенном им мире, как писатель в написанной им книге. Если он не хочет разрушить свое творение, то должен соблюдать его законы.

– Извините, а что это такое – Бог? Если он что-то создавал, значит, сам он – нечто разумное. Если он хочет, чтобы мы не сделали с этим миром что-то страшное и не уничтожили его, то должен нами командовать, управлять. Но мы же, наверное, не одни во Вселенной. Сдается мне, и в других галактиках может быть что-то разумное. Но тогда где находится Бог? Если недалеко от нас, то как управляет теми, что в других галактиках?

– А если он и далеко, и близко, рядом со всеми одновременно? Если он вездесущ?..

– Так не бывает. Не верю. И в контакты с инопланетянами – тоже. Не зря про них сообщают только в газетах. Незачем инопланетянам сюда лететь. Не может быть никакого общения разных космических цивилизаций. По той простой причине, что скорость света конечна, и ничего с этим не поделаешь. Значит, и скорость космической ракеты не может быть больше скорости света. Допустим, вы затратите на перелет к другим планетам и галактикам в

собственной системе отсчета десятилетие, а на Земле пройдет сто миллионов лет… Какой смысл в таком путешествии? За время путешествия земная цивилизация настолько изменится, что привезенные знания окажутся ненужными.

– Но есть же гипотезы о мгновенных перемещениях во времени!

– Фантастика любая допустима, но когда всерьез говорят о мгновенном «прошивании» времени, о «машине времени», а также о предвидениях и о других проникновениях в будущее… Это уж – извините… Это как раз то самое, чего не было, нет и не будет никогда. Обидно, конечно, но не будет. Потому что противоречит законам природы.

– Но вы ведь согласились с тем, что наши представления о физических законах могут расшириться. Зачем же объявляете «собачьей чушью» и «бредом» нестандартные представления? Вы берете грех на душу... Кстати, как вы думаете – душа есть или нет?

– Нет. Есть обиходное понятие «душа», и есть группа жуликов, утверждающих, будто они исследуют душу и что это «электромагнитный энергетический сгусток», который они фотографировали, взвешивали и держали в руках. Все вранье. Ничего нет.

– По-моему, ваш жизненный опыт скуден, кругозор узок, чувства притуплены. Вы так мало видите и слышите, так мало знаете! Ваше мировоззрение ограничено академическим высокомерием – оно мешает узреть чудесные странности жизни, мешает повнимательнее посмотреть за «горизонт» повседневности...

– А зачем это мне? Чего вы от меня хотите? Если бы моя жизнь продолжалась 500 лет, может, я и дошел бы до всего этого… А сейчас меня волнует жульничество на государственном уровне, с ним бы побороться. Остановить бы прохождение законопроектов, которые уничтожат всю науку. Но вы берете жуликов под защиту и влечете меня куда-то не туда…

Вместо послесловия. После бесед с академиком Кругляковым прошло почти три года. Так получилось, что я ушла из газеты, не успев опубликовать диалог. А потом казалось: на фоне кризисов, перерастающих в планетарную катастрофу, так мало значат и судьба отдельно взятого Академгородка, и борьба непримиримого академика. И все же я часто вспоминала, мысленно продолжала, оценивала дискуссию. Возможно, мы оба были неправы, потому что стремились не к истине и не к миру. Мы воевали друг с другом. Ох уж эта привычка к «вечному бою»... Не она ли мешает усваивать исторические уроки? Может, поэтому мы не застрахованы от возвращения к самому мрачному прошлому? Готовы снова провалиться и в эпоху средневековой инквизиции. Костры для «ведьм», для инакомыслящих и инакочувствующих нетрудно заменить газовыми камерами, электрическими стульями, компьютерными плахами или чем-нибудь еще попрогрессивнее.

Разговаривая с академиком Кругляковым, я ощущала жар костра...

«Не навреди». Эти слова из клятвы Гиппократа пора принять за главное правило не только врачам, но и политикам, хозяйственникам, ученым, журналистам. Всем бы нам научиться доброму, бережному отношению к жизни во всех проявлениях... Не навязывать друг другу собственное мировоззрение (а вдруг оно неполноценное, как у дальтоника, подслеповатого или глухого от рождения?). Не преграждать дорогу тому, с чем не согласны. Не отсекать то, что кажется чуждым, неправильным, невероятным.

Что, если в «сверхъестественных» способностях целителей-экстрасенсов и ясновидцев проявлено божественное происхождение человека или свидетельство его продолжающейся эволюции, или шанс на спасение в планетарной катастрофе? И этот шанс все еще жив, не сгорел дотла в кострах вражды. Благоразумно ли его отвергать? И нужно ли его исследовать? Может, тут наука должна отступить. Признать, что не везде уместно ученое любопытство.

Раньше мы восхищались грандиозными, дерзкими научными экспериментами. А сейчас наука часто вызывает страх. Уверена:

не только я боюсь экспериментаторов, терзающих общество экономической «шокотерапией», собирающихся создать искусственный интеллект и машину-экстрасенса и сбивать кометы атомными бомбами. Не восхищение, а ужас вызывают безумные проекты клонирования Христа и попытки воспроизведения в научной лаборатории начала начал, «первичного взрыва» во Вселенной. Все это ничем не лучше тех медицинских экспериментов над узниками фашистских концлагерей, которые более полувека назад на Нюрнбергском процессе названы преступлением против человечества.

И будь я главой академической комиссии, о которой шла речь в интервью, я бы ее «переориентировала». Пусть бы академики попытались притормозить НТП на опасных поворотах, чтобы мы все не ухнули в «черную дыру». По-моему, это более достойное дело, чем «борьба с лженаукой», превращающаяся в драку за госбюджетные рубли, за близость к власти. К ней уж непременно «примажутся» как раз жулики, которых намерен разоблачать пламенный академик, современный Фома Неверующий.

И вот что мне показалось: академику, «по долгу службы» отвергающему чудеса, на самом-то деле хочется чего-нибудь такого... Как и не очень ученому обывателю. Ведь скучно жить в выхолощенном мире, где существует только то, что подтверждено, объяснено и доказано наукой, и нет ничего необъяснимого, неповторимого. Нет чуда.

Нина Максимова,
журналист

НЕ ВИЖУ НИЧЕГО ПЛОХОГО В СОЮЗЕ НАУКИ С РЕЛИГИЕЙ

В.И. МОЛОДИН,
академик РАН, заместитель председателя Президиума Сибирского отделения РАН

В юности на меня произвел огромное впечатление фильм «Девять дней одного года». Я боготворил науку и Академгородок. А послушав лекции знаменитого археолога Алексея Павловича Окладникова, влюбился в него и решил тоже стать археологом. Не прошел по конкурсу в НГУ (тогда, в середине 60-х, выпускными были и 10-й, и 11-й классы и число абитуриентов во многих вузах удвоилось). С отличием закончил местный пединститут. С первого курса занимался археологией, а после вуза поступил в заочную аспирантуру к Окладникову.

С 1973 года Академгородок стал моей «малой родиной». И по-прежнему остается для меня святым местом.

Минувшее десятилетие сильно ударило по нашей науке. Археология СССР была хоть и не впереди планеты всей, но на очень высоком уровне. Сейчас многие университетские центры перестали существовать, а в сохранившихся на порядок сократился объем экспедиционных работ.

Археология – наука затратная. Во-первых, нужны большие деньги на экспедиции и раскопки. Во-вторых (если это настоящая археология, а не краеведение), требуются всевозможные дорогие анализы материалов, добытых при раскопках. А еще необходимы средства на археологическую практику, обязательную для вузовских гуманитарных факультетов, и на научные публикации, книги.

В Сибирском отделении положение археологии лучше, чем где-либо в России. Здесь всегда находили деньги на экспедиции. Мы получили уникальные возможности для междисциплинарных исследований. Представители естественных и точных наук охотно участвуют в наших разработках (к примеру, из ИЯФа к нам пришел с идеей член-корреспондент РАН Геннадий Николаевич Кулипанов, и мы вместе с ним пытаемся выяснить пищевой рацион древних людей). И в проекте по изучению палеоклимата участвует полтора десятка институтов. Руководит этим проектом нынешний директор нашего Института археологии и этнографии академик Анатолий Пантелеевич Деревянко. Без его организаторских способностей сибирской археологии жилось бы намного труднее. По его замыслу в самые трудные годы организован научный туризм, который помог нам выжить.

– Сейчас много говорят о «непредсказуемом» прошлом. И об истории, которую переписывали не раз в угоду идеологической конъюнктуре... Вы уверены, что археология дает объективные знания о прошлом, об истории человечества?

– Безусловно! Но некоторые представления меняются, когда углубляются и расширяются знания о прошлом. По последним сведениям, добытым при раскопках, человечество существует около двух миллионов лет. Мы уже можем более или менее точно датировать события, происходившие до 40 тысяч лет назад. У рос-

сийских ученых – свой подход к истории человечества, отличающийся от позиций ученых Запада. На Западе широко распространена такая точка зрения: настоящая история началась с возникновением письменности, а все, что до письменности, – протоистория. В Сибири письменность появилась только в VII веке. Однако это же не значит, что раньше, в скифские времена, здесь не было своей истории!

– У отечественных археологов – полное «единомыслие» по всем вопросам и никакой идейной борьбы?

– Уж чего-чего, а борьбы хватает! Со всеми нами что-то случилось... Например, известный археолог Леонид Романович Кызласов когда-то во введении к своим работам по древним культурам писал: слава русскому народу, который помог нам, хакасам, выйти из феодализма к современной цивилизации. А после демократических перетрясок стал писать «с точностью до наоборот»: хакасы и в средневековье были цивилизованным народом, а русские принесли в Сибирь только вшей, блох, клопов и болезни. Он выпускает свои книги не в глухом закоулке, а в МГУ, и читает лекции об этом студентам.

– А вас не беспокоят статьи академика-математика Фоменко, считающего, что вся история в учебниках – собрание мифов? По его мнению, история человечества очень короткая, спрессована чуть ли не в несколько столетий. И не было в России никакого татаро-монгольского ига, да и другие события древности, о которых повествуют историки и летописцы, перевраны...

– Да, Фоменко утверждает, что археология не может выдавать «отправные точки» для истории. Он говорит, что несовершенен радиоуглеродный метод анализа материалов раскопок, при определении сроков получаются большие погрешности... Но эти погрешности – не больше 20-30 лет, самое большее – 100 лет. А при датировке событий средневековой истории, о которых он спорит, и таких погрешностей быть не может: с помощью дендрохронологии время определяется с точностью до года. Ведь с тех пор сохранились не только летописи, которым Фоменко не верит, но и деревья, слои бревенчатых мостовых, монеты... Насколько мне

известно, гипотезы Фоменко опровергали и астрономы, и филологи, специалисты по летописям. В мае в МГУ собрались, наконец, поговорить о статьях Фоменко за «круглым столом». Но он со своей группой не явился и написал жалобу президенту Российской академии наук, что свободе его творчества хотят помешать.

– А каково мнение археологов об известном тезисе теологов, не соглашавшихся с тем, что человек произошел от обезьяны, и утверждавших, что не найдены останки «промежуточных существ», не обнаружены звенья эволюции от обезьяны к человеку?

– Теологи говорили это давно, в XIX веке. Таким был их основной тезис при критике дарвинизма. С тех пор представление об эволюции изменилось. Видимо, не стоит представлять эволюцию человечества в виде прямой восходящей линии. Были и тупики. Скажем, считается доказанной гипотеза о том, что неандертальцы были тупиковой ветвью.

– Вам повезло на интересные археологические находки. Но я помню, какие конфликты, чуть ли не международные скандалы возникли из-за вывезенных мумий «Алтайской принцессы» и «Алтайского воина». Из Горного Алтая потребовали вернуть мумии на место, где они были захоронены... Как вы сейчас оцениваете эти прошлые страсти?

– Политики постарались и все раздули! Голова моя побелела, в основном, из-за них. Такая политическая позиция – глупость или даже преступление. Это национализм. Плоды чего-то подобного мы пожинаем в Чечне.

– Но можно посмотреть на это и другими глазами. Можно вспомнить о правах человека. Ведь вы потревожили человеческие останки. А далеко не каждому захочется, чтобы когда-нибудь его кости вырыли из могилы и выставили напоказ...

– Вы можете воспринимать мои слова как угодно, но я скажу: телесные останки – это не все, что остается от человека. Помимо телесной оболочки есть еще и душа. Я не могу это доказать, но...

– Тогда тем более удивительно, что вас не смущают раскопки.

– Не смущают! Я знаю, что есть и всегда существовала христианская археология. Никогда христианская церковь не ставила табу на раскопках. Все нормально, если ученый ничего не оскверняет, а изучает. Грань эту могут перейти только такие люди, которым вообще не следует заниматься археологией. Их не допустит к раскопкам полевой комитет, регламентирующий работы.

И мы ведь раскапываем захоронения не для того, чтобы потом выбросить кости. Останки служат науке и человечеству. И душа древнего человека на нас за это не обидится.

– А помните, как во время прошлого интервью я вас спрашивала: не боитесь ли вы «проклятия гробниц»? Во многих газетах и журналах писали, что участники археологических экспедиций, побывавшие в гробницах египетских фараонов, вскоре умерли один за другим, при загадочных обстоятельствах...

– Наверняка, журналисты сгустили краски. Правда, в закрытой гробнице могли концентрироваться неизвестные микробы, вирусы... Конечно, надо соблюдать меры предосторожности, чтобы не «расконсервировать» какую-нибудь уснувшую заразу. Но пока мне кажется, куда опаснее иметь дело с некоторыми живыми современниками, чем с останками древних людей.

– Значит, вы не разуверились ни в своей археологии, ни в науке вообще. Убеждены, что истина в науке всегда побеждает?

– Надеюсь, что истина победит рано или поздно... В науке есть все, что свойственно человеческой натуре. Есть блуждания и сомнения, эгоизм и зависть. Может, в ученых сообществах больше, чем где бы то ни было, развито стремление к индивидуальному успеху. Но в нынешней науке подлинно индивидуальные успехи просто невозможны. Сейчас науку двигают коллективы.

– Как вы относитесь к появлению церквей в Академгородке? Дань моде, или действительно совершается духовный переворот и наука ищет потерянную дорогу к Храму? Помнится, нечто подобное предрекалось в статьях философа Игоря Клямкина и в фильме «Покаяние»...

– Это очень непростой вопрос. Тут не общество и наука, а каждый человек сам все решает для себя. И приходит в церковь тоже сам.

– А вы?..

– А я от имени Президиума Сибирского отделения сотрудничаю со священником Борисом Ивановичем Пивоваровым, которого глубоко уважаю. Он, кстати, тоже ученый, у него есть хорошие работы по этнографии и истории миссионерства. Мы с ним – и друзья, и деловые партнеры. Почему бы Сибирскому отделению не помочь церкви? Ведь туда приходят и наши ученые... Вот отец Борис затеял строить Дом престарелых и пришел к нам: помогите. Ну как мы можем остаться в стороне?

Кстати, еще при Коптюге в Академгородке появилась прекрасная церковно-приходская школа. Почти все ее выпускники поступают в НГУ. Церковный хор недавно занял первое место в России.

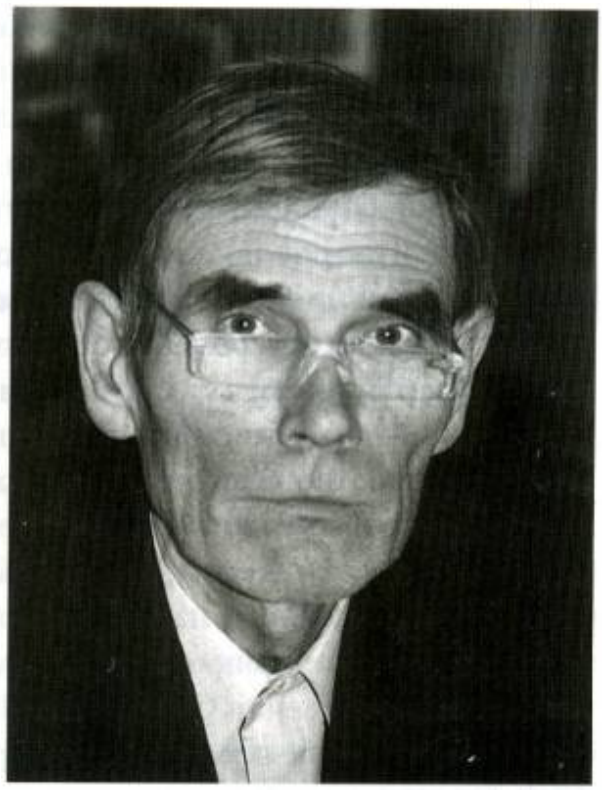
Я не вижу ничего противоестественного в союзе науки с религией и с церковью, тем более в такое тяжелое время. Ученый, как и любой человек, не может быть бездуховным.

– Кажется, раньше вы были материалистом...

– Я и сейчас материалист! И марксистом по многим позициям как был, так и остался. Но это не значит, что я не могу размышлять о душе. Если все это кажется несовместимым, то только из-за «зашоренности». Я прекрасно знаю Новый Завет и «Моральный кодекс строителя коммунизма» в школе выучил. В них много общего. У меня нет никаких сомнений, что Иисус Христос существовал как историческая личность. Сохранились свидетельства, написанные по «горячим следам». Был ли Иисус Богочеловеком? Доказать это невозможно. Можно просто верить. В вере нет ничего плохого, предосудительного. Куда хуже, если общество утрачивает вечную мораль, а демократия трактуется как анархия и вседозволенность. Плоды такой перестройки мы, к великому сожалению, пожинаем сегодня.

Беседовала Н.К. Максимова,
журналист

ВУНДЕРКИНДОМ МОЖЕШЬ И НЕ БЫТЬ, А УВАЖАТЬ КОЛЛЕКТИВ ОБЯЗАН...



Ю.В. МИХЕЕВ, выпускник ФМШ, заместитель директора ФМШ по учебной части (1975—1987 гг.), начальник учебного отдела СУНЦ НГУ

В Академгородок и в ФМШ я попал неожиданно для самого себя. Родом я из Кемеровской области, из крупного рабочего поселка Тисуль. Ни о чем определенном в школьные годы не мечтал и никакого призвания не чувствовал, в голове был сплошной туман. Вроде, получалось что-то по математике. Вот учителя и затянули меня в математические олимпиады. После областной олимпиады поехал на Всероссийскую. В команде из Кемеровской области было человек пять. Трое очень шустрых ребят

из Новокузнецка захватили с собой «простыню» с задачами 1-й Всесибирской заочной олимпиады. Мы коллективом решили эти задачи. Вернувшись домой, я отправил письмо с решениями по адресу, указанному в объявлении.

После все развивалось стремительно. Во время летних каникул меня вызвали на олимпиаду в Кемерово. А оттуда вместе с несколькими другими лидерами олимпиады повезли в Новосибирск, в молодой Академгородок. Родители узнали обо всем только из моего письма. Так и собрали около 200 старшеклассников из разных городов Сибири на первую Летнюю школу. Помню все очень хорошо, будто и не прошло с тех пор почти сорок лет. Все ребята вокруг казались мне «вундеркиндами» (потом я слышал и от других такие же мнения об окружающих).

Жили мы полтора месяца в доме 27 по Цветному проезду. Во дворе – фонтан, ставший почти исторической достопримечательностью (жаль, его больше нет, засыпали). У фонтана первые фымышата встречались с молодыми учеными и знаменитостями – с Лаврентьевым, Будкером, Ляпуновым. Я был замкнутым, застенчивым и, в основном, наблюдал, как ребята пошустрее задавали академикам такие вопросы, после которых ученые иногда озадаченно чесали затылки. С тех пор в ФМШ вошла в традицию защита фантастических проектов – говорили и о создании «идеальной автоматизированной» школы, и, конечно же, о путешествиях в другие миры... Ближе к концу Летней школы снова провели олимпиаду – и тут я выступил, наверное, неважно. Однако когда мы разъезжались, всем сказали, что нас пригласят учиться в ФМШ, как только она будет открыта.

В конце зимних каникул, когда Летняя школа уже почти забылась, я получил приглашение в ФМШ. Занятия начались 21 января 1963 года. Поселили нас вначале в квартиры. Жили в «полусемейных» условиях, по 11-12 человек в блоке. Большие блоки называли «хатами».

С самого начала ФМШ была совсем не похожа на обычную школу. Мы учились с утра до вечера. После уроков пытались разобраться с «неподъемными» научными книгами, решали сложные

задачи. Их «подбрасывали» видные ученые, приходившие в школу и собиравшие около себя группки ребят.

Я ходил на спецкурс к Алексею Андреевичу Ляпунову. С ним мы более полугода изучали тоненькую книжицу Бэра по теории разрывных функций, она непростая и для профессионала-математика. Ляпунов предлагал всем приходившим на спецкурс по очереди прочитывать разделы книги, докладывать о них на занятиях и затем разбираться в смысле прочитанного. Он был одним из лучших учителей, понимал разницу между школьником и взрослым профессионалом. Чувствовал, что мы способны понять, а что – нет; многое объяснял сам, старался доступно, просто излагать сложнейшие научные идеи. Но все же заниматься на этом спецкурсе оказалось нелегко, как и на всех остальных. Ляпунов был широко эрудированным человеком, помогал и нам расширять кругозор. От него мы услышали про Вернадского, про его представления о жизни в целом и о том, как эту жизнь сохранить. И с физикой пришлось разбираться серьезно – совсем не так, как мы привыкли «учить уроки» в обычной школе. Углубленно изучали также химию и биологию. От молодых сотрудников Института цитологии и генетики мы услышали о законах наследственности – тогда это звучало почти революционно.

Те, у кого что-то не получалось на одном спецкурсе, могли перейти на другой. В конце концов выявилось, кто больше склонен к математике, кто – к физике, кто – к химии. Об этом неформальном разделении знали и ученики, и учителя. «Великому химику» позволялось что-то немного недоделать в математике, но уж в химии он обязан произвести «взрыв». Такая условная, естественно формирующаяся специализация существует до сих пор.

На очень высоком уровне всегда преподавали и гуманитарные предметы. Помнится, я не сразу понял, чего хотел добиться от нас учитель истории, задавая странные вопросы, на которые нет прямого ответа в учебнике. Он хотел, чтобы ученики самостоятельно мыслили и составляли собственное мировоззрение. В прежней школе по истории у меня были одни «пятерки», а в ФМШ я по гуманитарным предметам не «тянул», получал не больше «четверки».

Попадают в ФМШ и гуманитарно одаренные подростки. И среди моих ровесников были ребята, с удовольствием занимавшиеся в литературном кружке, выпускавшие стенгазету «Эллипс». У одного парня был альбом с интересными репродукциями, он неплохо разбирался в живописи. Многие умели играть на музыкальных инструментах. А я предпочитал отдыхать на спортплощадке – играл в баскетбол и в настольный теннис. Совсем свободного, ничем не занятого времени у нас не было. Даже скучать по дому некогда.

Мне было интересно учиться в ФМШ не только потому, что тут хорошие преподаватели. Стимулировало и то, что рядом сильные, способные ребята. Возникал спортивный азарт и стремление хотя бы чуть-чуть превзойти друга. Я завидовал другу, друг завидовал мне... В нашей детской конкуренции не было злости, агрессивности, большой неприязни к кому-либо. И резкого расслоения не возникало. Возможно, многое сглаживал парень, любивший и умевший придумывать всем клички – смешные, но не злые и не обидные.

Для нас, первых фымышат, решили совместить выпускные школьные экзамены со вступительными в НГУ. Спустя много лет это возродили, чуть-чуть изменив форму, и сделали правилом для нынешних выпускников ФМШ. Среди первых выпускников пятеро получили золотые медали и десять человек – серебряные. А во втором выпуске – пятнадцать золотых и полсотни серебряных. «Звездный» выпуск, такого больше не было.

Сразу после НГУ я вернулся в ФМШ – учить детей всему, чему учился сам. Среди наших преподавателей много бывших фымышат. Вместе мы стараемся сохранить традиции, которые сделали нашу физматшколу одним из самых замечательных учебных заведений страны.

Я не считаю, что в ФМШ следует принимать только «вундеркиндов». Мы берем и явно одаренных «пятерочников», и с «четверками». Те, что кажутся послабее, могут сильно «вырасти» здесь за два года. Некоторые в ФМШ только набирают потенциал, а в университете резко идут в гору. В общем, в нашу школу попадают разные дети, но абсолютное большинство хочет учиться и серьез-

но готовит себя к взрослой жизни. Около 70% выпускников сдают экзамены без «троек».

Отсев относительно небольшой: из 550 поступивших выбывает за год до 40. Некоторые – по семейным причинам, около десятка – потому что не справились с выросшей нагрузкой. Согласно правилам, отчисляем и за дисциплинарные нарушения – за употребление и даже за хранение спиртного. Наркотики у нас, слава богу, пока не «мелькали».

Одаренность – это замечательно, но что делать, если одаренный ученик не желает считаться с коллективом? Вот пример: мальчик учится только на «пятерки», но живет обособленно и старается «уходить» от всех обязанностей. Вплоть до того, что кто-то должен убирать за него комнату... Он может просуществовать так месяц, два или три. А потом либо «притрется» к коллективу и начнет признавать, выполнять общие правила, либо родителям придется забрать его домой и доучивать в обычной школе. У нас нельзя жить, не выполняя обязанностей и не участвуя в коллективных делах. И не только потому, что неуживчивый подросток внесет разлад в наш большой коллектив. Не стоит поощрять высокомерие. Настоящая элита общества – это люди не только с высоким интеллектом, но и уважающие окружающих, коллектив. Такую элиту нужно воспитывать и в ФМШ, и в НГУ.

КАК ОТШЛИФОВАТЬ «САМОРОДОК»?

Воспитатель ФМШ (СУНЦ НГУ)

Почти все дети, попавшие в ФМШ, кажутся вундеркиндами. Они очень отличаются от ребят из обычных школ. Главное – все здесь хотят учиться, учатся с интересом и, я бы даже сказала, с энтузиазмом. Так было всегда. Хотя «окраска» интереса со временем менялась.

Мне запомнился мальчик, который после уроков отправлялся в один из научных институтов (то ли в Институт геологии, то ли в ИЯФ) и пропадал там надолго, забывал даже прийти пообедать.

Сейчас самозабвенно увлеченных, пожалуй, нет. У нынешних детей интерес к учебе – прагматический. Они знают, что образование поможет им сделать карьеру, более или менее благополучно жить. Дети стали «приземленнее», суше. Не по возрасту деловые. И не бросаются тут же выполнять просьбу воспитателя. Прежде чем что-либо сделать, уточняют, что это им даст и зачем нужно.

Завышенные самооценки, чрезмерное самолюбие – все это есть у наших учеников. Дано, так сказать, в нагрузку к дарованиям. Но на то и воспитатели, чтобы сглаживать углы, трения и противоречия.

Иногда приходится иметь дело и с индивидами, не умеющими и не желающими ладить с коллективом. Они не хотят выполнять общие для всех обязанности (например, дежурить в общежитии или участвовать в уборке). Некоторые требуют себе отдельную комнату, недовольны питанием (хотя кормят в ФМШ хорошо и четыре раза в день). В основном, это дети «новых русских». Непростая задача – помочь такому сойтись с коллективом. Если он отличник и эрудит, попросишь «подтянуть» одноклассника, который учится похуже. Соглашается не очень охотно, да и не каждо-

му отличнику удается найти общий язык с «подшефным», понятно растолковать сложные темы и задачи.

Хотя ФМШ как школа-интернат живет обособленно и ее контакты с окружением ограничены, но от всероссийских кризисов не изолируешься. Влияние «фона» сказывается. В коридорах можно услышать мат. Недавно в столовой девочка пырнула мальчика ножом и вилкой лишь за то, что взял ее сок. Ее отчислили. Если бы отчислением можно было избавить ФМШ от проблем, терзающих нашу жизнь...

Изменились даже отношения между мальчиками и девочками. Раньше девочек в ФМШ было мало, и на них смотрели как на богинь. А сейчас их здесь много, и утвердилось вульгарное «равноправие»: парню, идущему рядом с девочкой, уже и в голову не приходит помочь ей, взять ее сумку. Романы в ФМШ – не редкость, а через несколько лет после школы появляются фымышовские семейные пары. Но раньше ухаживания были красивее, с цветами и с обожанием. А сейчас все ближе к сексу. Воспитателям и руководителям ФМШ приходится ломать голову над тем, как деликатно корректировать такие отношения, чтобы не вышли за «рамки»...

Надолго запоминаются несчастные случаи и трагедии, от которых никто не застрахован. Однажды мальчик выбросился из окна из-за несчастной любви. Хорошо, что дело было зимой, и он упал в снег, но без переломов не обошлось. Потом, после выздоровления, его любовь прошла. Девочка, свалившаяся из окна по неизвестной причине, сломала позвоночник и долго ходила в корсете, но закончила ФМШ и успешно училась в НГУ. А на днях пришлось звонить родителям другой нашей ученицы – ее недалеко от школы сбила машина, которая неслась на всей скорости. Тоже поврежден позвоночник. В таких случаях воспитатели всегда чувствуют себя немного виноватыми. Все кажется, что-то где-то недоглядели...

Большинство наших опытных воспитателей относятся к ученикам ФМШ и как к детям, и как к личностям. Всегда готовы были беречь и лелеять, чуть ли не на руках носили... Обидно, когда некоторые ребята этим злоупотребляли и относились к нам как к

«обслуге». Такая потребительская нотка в наших взаимоотношениях появилась тоже в последнее время. Да и зарплата у воспитателей – как у самой дешевой «обслуги».

По моему, при нынешнем директоре в ФМШ стало скучнее. Нет больше кружков музыки и рисования, политинформаций и дискуссий. Отменены дни самоуправления. В дни самоуправления директором, учителями и техничками в школе становились дети. Взрослые наблюдали со стороны, потом оценивали. Один директор из учеников приказал закрыть «курилку», где курили преподаватели (это распоряжение осталось «в силе», и с тех пор курят только за стенами школы).

Почему все это «ушло»? Осталась только учеба – уроки и спецкурсы (в основном, по физике и математике). Кого же будут выпускать ФМШ и НГУ? Узких специалистов, равнодушных ко всему, кроме точных наук? Вряд ли такие люди способны «поднять» страну.

БЫТЬ СИЛЬНЫМ, ВЕРИТЬ В СЕБЯ

Андрей ЧЕРНОВ, аспирант

– Родился и вырос я на Сахалине. С ранних лет заинтересовался наукой. В Академгородок попал через областную олимпиаду, где занял призовые места по физике и математике. После меня пригласили в ФМШ; потом я поступил на физфак НГУ; сейчас учусь в аспирантуре Института теплофизики.

– Не трудно «учиться, учиться и еще раз учиться»?

– Нет, это интересно.

– Я слышала, что вы не только учитесь, но уже и с успехом работаете. За год после окончания вуза успели подготовить кандидатскую диссертацию, назначены заместителем декана физического факультета НГУ. Как вам в ваши 24 года удается столь успешно совмещать исследовательскую деятельность с административной?

– У меня хорошие научные руководители – доктор физико-математических наук Александр Иванович Федорченко и академик Владимир Елиферьевич Накоряков. Их советы помогли мне уско-

рить подготовку диссертации. Работа заместителя декана физфака – это дань моему университету. Занимаюсь «общими вопросами» – курирую молодежные клубы, «отслеживаю» поведение студентов, разбираю конфликты. Согласился я и преподавать, вести семинары в ФМШ. Все эти дела мне интересны, а когда интересно, можно много успеть.

– Ваша диссертация «выходит» на практику, на промышленность?

– Тема диссертации – «Гидродинамика и фазовые переходы при соударении капли расплава с твердой поверхностью». В ней разработана физико-математическая база технологических процессов, основанных на методах закалки и используемых для получения нанокристаллических, микрокристаллических, аморфных, биоактивных и других материалов нового поколения. Эти материалы уже применяются в авангардных отраслях промышленности (прежде всего в машиностроении и приборостроении, в микроэлектронике).

– Где вы планируете работать после аспирантуры и защиты диссертации?

– Хочу работать в Академгородке, приносить пользу отечественной науке.

– Вы считаете себя специалистом узкого или широкого профиля?

– На мой взгляд, настоящий ученый должен иметь большой кругозор, знать современное состояние науки, актуальные задачи и проблемы, стоящие перед ней. И углубленно работать в конкретной области. Только так можно получить хорошие результаты.

– Чем вы еще интересуетесь, кроме науки?

– Политикой, социологией, философией… Занимаюсь спортом: волейбол, дзюдо, люблю ходить в бассейн. И искусство мне не чуждо: в детстве я окончил музыкальную школу по классу фортепиано.

– По-моему, ваше поколение предпочитает телевизор книгам, а рок и «попсу» – классике. У вас нестандартные вкусы…

– Вполне стандартные. Для определенного круга.

– А чем вам так приглянулся Академгородок, что вы захотели здесь остаться после вуза и аспирантуры?

– Это перспективное место, здесь можно реализоваться.

– Сразу же, с первого взгляда узрели перспективность, а не красоту?

– О перспективности Академгородка я знал еще с детства. Природа же приятно удивила.

– Но зарубежные научные центры, наверняка, перспективнее новосибирского Академгородка, и заработать там можно больше...

– Во-первых, с тем, что зарубежные центры перспективнее, я не согласен. А во-вторых, с ними можно сотрудничать, работая здесь.

– А поглядеть мир, попутешествовать не тянет?

– Научная работа связана с такого рода путешествиями: конференции, симпозиумы в разных уголках планеты… Надо быть активным.

– Каким вы хотите видеть Академгородок в будущем? Как он должен развиваться? Чего ему не хватает?

– Необходимо, чтобы Академгородок по-прежнему оставался крупным научным центром, а не превращался в рай для бизнесменов. Только тогда он сохранит свой «вес». Опять же встает актуальный вопрос о привлечении в науку молодежи, которой в нынешних условиях приходится нелегко. Но надо ей помогать.

– Как помогать?

– Прежде всего – морально. Заинтересовать, дать задачи, показать перспективу... Это главное. А финансовые трудности надо пережить. Не все дается сразу.

– Молодые люди часто знакомятся, находят друг друга на дискотеках. Вы там бываете?

– Дискотеки и прочие подобные мероприятия меня не привлекают. Я предпочитаю по-другому устраивать свой досуг. Мой круг общения довольно узок и специфичен. Но это не значит, что я не могу найти общий язык с другими людьми.

– Как и все выпускники ФМШ, вы рано попали в среду, где много одаренных людей. Не угнетали ли вас «конфликты самолюбий», конкуренция?

– На мой взгляд, здоровая конкуренция и высокий уровень окружающих людей только заставляют тебя сконцентрировать все силы и стимулируют быстрый рост – как в умственном, так и в духовном плане. Надо быть сильным.

– Да, это вам здесь пригодится. Академгородок слабых не любит и, как Москва, слезам не верит. А у вас слабости, недостатки имеются?

– Да, как и у любого другого нормального человека. Но они не видны, я стараюсь их не показывать и постоянно работаю над собой.

– Как вы оцениваете компьютер, Интернет? Открывают ли информационные технологии новые возможности для науки и экономики или все усложняют и запутывают? Это новая Вселенная или тупик?

– Я считаю, что создание компьютера – один из значимых этапов научно-технического прогресса. Очень полезная вещь. Реально помогает в работе. Многие расчеты без компьютера сейчас немыслимы. Интернет же меня привлекает, прежде всего, как удобное средство связи и доступа к огромной базе данных. Хотя, по прогнозам, бурный рост информационных технологий в скором времени прекратится, но за ними все же большое будущее.

– Наверняка, вы читали книги-предупреждения о непредсказуемых побочных эффектах и негативных последствиях научно-технического прогресса. Атомную бомбу и атомные электростанции человечеству подарила наука. Неизвестно, чем закончатся эксперименты по клонированию. Что вы думаете об этом?

– Во-первых, позитивных эффектов наука приносит гораздо больше, чем негативных. Во-вторых, негативность некоторых эффектов сильно преувеличена. Не понимаю тревог из-за клонирования. Очень полезное и перспективное направление. А без альтернативных источников энергии (например, ядерной) в ближайшем будущем не обойтись.

– Недавно в Академгородке жил философ Дмитрий Никулин, который говорил, что современные естествоиспытатели «пытают» природу, насильно вырывают новые знания. Его мнение: науке нужно вернуться к античному созерцательному познанию. Познавать лишь то, что природа сама откроет человеку...

– Как говорится, сколько людей, столько и мнений. У меня другое мнение по этому поводу.

– Ученый, с которым я недавно разговаривала, вспомнил чье-то парадоксальное высказывание на эту же тему. Вот его суть: любая современная наука считается зрелой, если она способна уничтожить человечество. Физика способна...

– Мне кажется, путь научно-технического прогресса – единственно возможный путь развития человечества. А изобретение смертельного оружия – это, конечно же, негативная сторона. Но есть такой афоризм: «Любое изобретение, которое может быть использовано как оружие, обязательно будет использовано как оружие». Такова суть человека.

– Вы любите фантастику?

– Любил в далеком детстве. Научную. И сейчас часто задумываюсь над вопросами, которые поднимали фантасты. Например, почему человечество до сих пор не встретилось с инопланетным разумом? Одно из трех: либо его нет; либо он настолько выше человеческого, что мы просто не способны это осознать; либо живые существа в принципе не могут достичь уровня «межпланетного сообщения», не уничтожив прежде себя. Если верно последнее, это печально. Надеюсь, людям хватит ума, чтобы оградить себя от самоуничтожения.

– Для этого нужен только ум? А может, и душа, и совесть?

– Вообще-то вопросы, касающиеся морали и совести, очень сложны, и это огромная тема для философских измышлений. Я думаю, на них никогда не будет однозначного ответа. К этим понятиям надо относиться очень аккуратно.

– Не удается взвесить, пощупать, исследовать... Может, и слава богу?

– Возможно. Вся жизнь состоит из таких вопросов. И чем больше мы даем ответов, тем больше возникает новых вопросов.

– Вы бываете в церкви?

– Бывал в киевских, московских храмах. Они меня интересуют как архитектурные памятники.

– Как вы относитесь к нынешним экономическим и политическим реформам в России?

– Не зря говорят: не дай вам бог жить в эпоху перемен. Это всегда очень тяжелое время. Куда бы мы ни шли… России трудно

ориентироваться на чей-либо опыт рыночных реформ. Уникальная страна с большими территориями и огромными запасами природных ресурсов, поэтому и реформы должны быть уникальными. Если удастся их грамотно провести, то, надеюсь, Россия в скором будущем опять станет сильной страной, сверхдержавой. Все наше «дорыночное» прошлое тоже нельзя считать ошибкой… Однако сейчас человеку надо верить только в себя.

– А вы не хотите участвовать в политической деятельности?

– Есть такие планы. Однако, по моему глубокому убеждению, идти в политику надо не раньше тридцати лет. Необходимо, чтобы твое мировоззрение, взгляды и убеждения были устойчивы. Кроме того, должны быть хорошие волевые качества.

– Слышали ли вы что-нибудь о комиссии по борьбе с лженаукой, которая активно действует в Академгородке? По-моему, это знаковое явление. Вот только с каким знаком, как оценить?

– О комиссии слышал, хотя не особенно осведомлен о подробностях. Вообще, лженаука – страшное явление. С ней надо бороться.

– Вы думаете, легко отличить лженауку от не лже...?

– Для этого и создаются комиссии, состоящие из авторитетных ученых и специалистов-экспертов в конкретной области.

– А может, просто не надо бороться? Может, в науке, как и в политике, слишком много борьбы во имя высоких целей? Образовался патологический «борцовский синдром»...

– Борьба – главный компонент такой деятельности, где «правила игры» диктуются мужской психологией. Это заложено в природе мужчины. Меня борьба не пугает. Я знаю, что мне придется еще очень много бороться.

– Зачем, почему, за что?

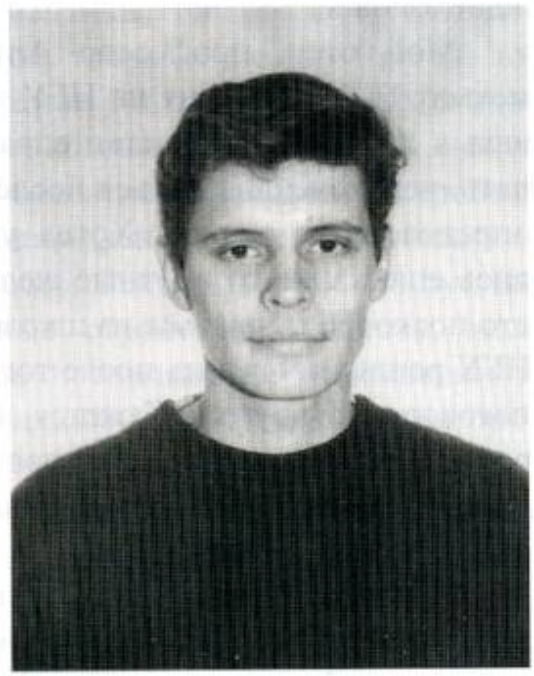
– За свои идеалы, за свою точку зрения… Без этого нельзя.

– Ну, быть вам академиком!

– Хотелось бы.

Беседовала Нина Максимова,
журналист

ПАДАЕМ ИЛИ ЛЕТИМ?



И. МЕДВЕДЕВ,
студент Новосибирского госуниверситета

Академгородок напоминает мне городок, изображенный в книге Гессе «Игра в бисер». В этом фантастическом городке поселились мастера странной игры, сводившейся к поиску аналогий и построению взаимосвязей между различными областями жизни и знаний. Считалось престижным отдавать туда детей для обучения. Главный герой книги достиг вершин, стал магистром игры. И задумался: а для чего же нужна эта игра, кому и какую пользу она принесет? Актуальный вопрос и для Академгородка...

Академгородок даже сейчас выглядит элитным, с «тепличными» условиями. Чистые тротуары, аккуратные асфальтированные дорожки – и в дождь пройдешь, не запачкаешься. Можно гулять по улице и поздно вечером. Тут расслабляешься, создается иллюзия, что и везде все так ровно, спокойно и безопасно. А приезжая

на каникулы в свой Барнаул, я попадаю в другую жизнь. Там от дома до ближайшей автобусной остановки не доберешься без стрессов и напряжения: обязательно где-то что-то перекопают, выроют яму посреди улицы и забудут оградить, вывесить флажки для пешеходов...

Мой отец, профессор Алтайского университета, закончил мехмат НГУ. Но меня на НГУ не настраивал. Только когда я пошел в девятый класс, стал спрашивать: куда собираешься поступать, чем хочешь заняться после школы? У меня не было никаких определенных планов. Хотел учиться на программиста, появлялись еще какие-то смутные желания. Больше всего хотелось просто поскорее вырваться из школы, казавшейся мне «болотом». А в НГУ решил поступать после того, как побывал в Академгородке и поговорил с другом. Кажется, из моих одноклассников в иногородние вузы попали только двое: я да еще девчонка, которую родители пристроили в какой-то институт «на платной основе», чтобы прилично замуж вышла.

В университете я стал активно включаться в общественные дела. Организовывал посвящение в студенты, «искал себя» в КВН, в спорте, в бальных танцах... Однажды меня выбрали «студенческим ректором». Разумеется, никаких полномочий ни на день, ни на час я не получил. Побыл шуточным ректором, понарошку. Перед своей инаугурацией попил кофе с настоящим ректором Диканским.

А если бы я хоть на день получил право решать... Первым бы делом уволил Диканского из ректоров. Нам бы такого ректора, как Спартак Беляев (до сих пор в НГУ о нем легенды ходят). А Диканский, насколько я понял, – прототип Ельцина. Выслушает предложения по решению университетских проблем – и сделает все по-своему, топорно. Вот свежий пример: ничего не обсудив со студентами, ввел пропускную систему в общежитиях. Правила дурацкие: после 22:00 ты не можешь сходить в гости даже в соседнюю общагу. И к тебе не пустят даже родственников, если они приехали вечером и у них нет пропуска. Планировали совсем закрывать общежития на ночь. Разумеется, ребят это раздражало.

Диканский слишком часто повторяет, что НГУ не хватает денег, надо их где-то «достать»... Возникает ощущение, что ректор

ходит везде с протянутой рукой и просит милостыню. Я в своем ректорском докладе сказал: студенты сами способны зарабатывать деньги для университета. Почему не возродить студенческие стройотряды? Я завидую отцу, которому удалось попасть в стройотряд. Были там и заработки, и романтика... Просто интересно поехать летом с ровесниками в глухие таежные места, строить дома... Наверняка, стройотряды сплотили бы однокурсников, а сейчас они разобщены, разбрелись по компаниям. Один мой знакомый говорил, что согласен даже бесплатно поработать в стройотряде. А я предлагал 20% заработанных денег отчислять университету. Мое предложение «потерялось». Ректор Диканский тут же возразил: нужны интеллектуальные стройотряды. Пусть, мол, лучше студенты зарабатывают на преподавании математики и программировании. Но пока нет никаких стройотрядов – ни простых, ни интеллектуальных. Говорят, будто какие-то студенты зарабатывают на программировании. Наверное, надо подключать к этому больше ребят. Пока влияние таких заработков на университетские дела не заметно. Зато заметно, что все больше берут со студентов за учебу, расширяют прием в вуз «на платной основе». Даже на мехмате уже 100 «платных» студентов из 300. Они платят по 600 долларов в месяц. Ясно, что это дети богатых. А учатся «платные» хуже «бесплатных».

Если бы удалось возродить стройотряды, они бы заработали деньги на спорткомплекс. Слишком долго он строится... Наверное, так и не удастся мне поплавать в университетском бассейне. Еще в школе я начал заниматься плаванием всерьез, здесь вошел в университетскую команду. На городских межвузовских соревнованиях мы заняли призовое третье место. Такой успех впервые за десять лет... Нашей команде обещали помогать, чтобы мы завоевали первое место. Но, как и раньше, нам пришлось платить за тренировки в «чужом» бассейне (НГУ оплачивал меньше трети расходов). И мой спортивный азарт угас.

Живу я в общежитии. Весь мой месячный бюджет – 500 рублей, их мне дают родители. Живу скромно, но не голодаю. По совету отца, каждый день варю из тушенки супчик, чтобы избежать гастрита. Как и все студенты, три недели в году провожу в профи-

лактории, там отъедаюсь. Знаю, что многие сокурсники регулярно подрабатывают – маркерами в барах, ночными продавцами в гастрономах, сторожами. Недавно почти весь наш курс влился в «Чистую воду» – стоят на «бойких» местах, предлагают прохожим попробовать, принимают заказы... А у меня на заработки не хватало времени из-за общественных дел. Один раз ходил разгружать вагоны. Недавно привез из дома компьютер, поищу более интеллектуальный заработок (но не в программировании, которое меня уже совсем не привлекает).

Думаю, пожилые люди напрасно ругают нынешнюю молодежь. К спиртному и наркотикам склонны не больше 10% студентов, и все эти «слабаки» отсеются, не закончат вуз. Я атеист, как и большинство учившихся в советской школе, но есть среди нас и любящие рассуждать о Боге. Имеют право... Политикой мы не интересуемся и не любим жаловаться на жизнь, даже когда нам тяжело. Отец мне говорил: постарайся держаться оптимистом. Держусь. И среди знакомых студентов больше оптимистов, чем пессимистов. А вот от профессоров мы часто слышим: в стране все разрушено, все плохо, Россия куда-то падает... А я думаю: мы не падаем, а летим. Лучше считать, что мир дружелюбен и полон ресурсов. Я вижу: все так и есть. Мы не пропадем. Что-нибудь придумаем, найдем выход, пробьемся...

Судя по всему, нынешний президент стремится восстановить империю, снова сделать Россию великой страной. Мне этот курс нравится. Не вижу большого греха в автократичности президента: по-моему, нашему народу нужен царь-батюшка.

Энтузиастов и альтруистов среди нынешних студентов я почти не встречал. Наверное, сегодня это такая же редкость, как и «вундеркинды». Целеустремленных гениев не видел даже среди выпускников ФМШ (они выделяются своей раскованностью и лучшей подготовкой только на первых курсах, потом граница стирается). По-моему, сейчас мало и просто людей с призванием, которые при поступлении в вуз точно знают, кем хотят стать. Наверное, эта неопределенность – из-за общественной нестабильности. И я до сих пор не знаю, где буду жить после вуза и что делать. Постараюсь попасть в заграничную аспирантуру.

Лучше всего – в один из европейских университетов. Хочется посмотреть мир.

А мой приятель, когда-то убедивший меня поступать в НГУ, собрался за границу насовсем, вместе с семьей. Принял это решение после поездки в Швейцарию. На него произвели впечатление условия в тамошнем научном центре. Рассказывает, что там на каждом этаже – принтер и ксерокс. Скажешь в лаборатории: для эксперимента нужно распечатать то и это – через день все приносят. А в ИЯФе, где он работает, столь необходимых мелочей не хватает. И завлаб не понимает или делает вид, будто не понимает, что нужно сотруднику... Мой друг хочет заниматься наукой в нормальных условиях. Он хочет жить. И поэтому уезжает.

А что будет с Академгородком, где усилились процессы разложения и образовалась гремучая смесь старого с новым? По-моему, он не погибнет, если станет ближе к народу (кстати, такой же вывод о судьбе фантастического «надстроечного» городка сделал и главный герой книги «Игра в бисер»). Что означает для Академгородка сближение с народом? Больше прикладных разработок, приносящих ощутимую пользу городу, области, стране... Академгородок должен изменить свою «психологию», стать открытым для общества, отказаться от аристократической замкнутости, отчужденности. Особенно это касается НГУ. Нужно, чтобы обучение в НГУ снова стало бесплатным. Чтобы сюда приезжали учиться умные, талантливые ребята из Хабаровска, Красноярска, Казахстана и других дальних мест. И пусть НГУ не держится особняком среди местных вузов. Студентам НГУ не стоит считать себя «самыми крутыми». Пусть отбросят свой снобизм и станут проще, контактируют со студентами из других вузов – там немало интересных ребят. Чем меньше элитарного высокомерия, тем ближе к народу. И больше шансов на нормальную жизнь, а не на успехи «игры в бисер».

ЖИТЬ В ГОРОДКЕ У ОЗЕРА...

В.А. МИНДОЛИН

Помню Морской проспект без Дома ученых – только большая котловина, залитая водой. Летом – колокольчиковый рай; колокольчики рвали все; в стеклянных банках они быстро увядали. Осенью – печальное пиршество желтых листьев; деревья, еще молодые и сильные тогда, зеленели с ходу и опадали хором, так что идущие по тропинкам по щиколотки увязали в шуршащих «червонцах». Лаврентьев не был тогда еще ни проспектом, ни памятником, ни памятью. Говорили, что он запретил это варварство – рвать колокольчики и турнул кого-то из Городка за срубленную под Новый, 1961 год елку. Насчет елки – это было точно, а про колокольчики как-то не верилось, но и их стали рвать с оглядкой.

Тогда Городок был как будто дальше от города. Автобусы шли сюда бесконечно долго, экспрессы – быстрее; они ходили не строго по расписанию, в них полагались только сидячие места. С той стороны Жемчужной, где лес, разрасталась настоящая сельва – травы и кустарник до груди, до самой шеи. По Бердскому шоссе, которое надо было переходить на пути к морю, редко-редко проезжали одинокие грузовики; дальше – тихий, пустынный и чистый пляж с уже намытым песком.

Во дворе нашего дома молодые академики играли в волейбол с аспирантами; в одном из подъездов располагалась лаборатория Ю.Б. Румера, рядом и жилье. Придя утром на теорсеминар к Румеру, молодежь мимоходом выносила мусорные ведра – не из пиетета перед профессором, просто мусорили вместе, по очереди и выносили.

Новосибирск по населению уже перевалил за миллион, и темпо-ритм его ускорялся прямо на глазах. В Городке время текло медленнее; его медленный ход символизировали здешние женщины; разговорившись, они останавливались на тропинках как раз посередине; говорили обстоятельно, не оглядываясь по сторонам; чтобы их обойти, надо было обязательно сойти с тропинки. В магазинах у кассы они медленно открывали сумочку, потом столь же медленно – кошелек, спокойно и деловито вынимали деньги; рассчитавшись и получив сдачу, так же невозмутимо и долго начинали укладываться; те, кто стоял за ними в небольших очередях, смотрели в пол или потолок либо вполголоса разговаривали о делах.

В театре оперетты назревала шумная премьера – «У моря Обского»: девушка, решившая стать «сибакадемстроевцем», непонятно зачем, как это часто бывает в комедиях, наряжалась мальчиком; ученые и строители незатейливо острили и плясали; в финале беззлобные интриганы оказывались посрамленными, и все дружно пели песню про Городок. В антракте знатоки новостей перешептывались о том, что Лаврентьев привез в Городок из Москвы какой-то диковинный импортный рояль, на котором будет играть французская пианистка.

Французской пианисткой (приглашенной Лаврентьевым в Городок, как оказалось, навсегда) была Вера Августовна Лотар-

Шевченко. Я помню один из вечеров в ее квартирке на улице Терешковой: грубый стол, на нем бутылка легкого «Каберне», банка оливок и буханка хлеба, четверо нас – гостей, непривычное сочетание серьезности и смеха, и то, как она играла Баха – Бузони. Вера Августовна была незаурядная женщина, с мужской силой в руках и в сердце. Блиставшая в Вене и в Париже, последовавшая вслед за мужем в сталинскую Москву, она на многие годы оказалась в далеком сибирском лагере и, нарисовав на нижних нарах клавиатуру, десятилетиями неустанно упражняла руки. Потом я слушал это адажио в исполнении многих, но никогда больше не чувствовал в нем такого спокойного и уверенного соединения трагизма и смирения.

А в кинотеатре «Москва», будущем ДК «Академия» где-то в то же время развернулась графическая экспозиция Эрнста Неизвестного – человека, чей гений далек от смирения. После острого диалога с Хрущевым в Манеже Мастера не привечали в Москве; Лаврентьева уговорили заказать ему здесь панно; шли переговоры, а пока – выставка: на рисунках пульсирующие тела живых переплетались, как в братских могилах.

Кто-то из мелких, важных и грубых центральных чиновников, проехавшись по институтам и не встретив там даже тени почтения, в раздражении назвал Городок «царством непуганых идиотов».

Со своей точки зрения он был прав. На танцплощадке, что располагалась напротив Президиума, вечерами гремел твист, из окон дальних домов на Золотодолинской доносились тихие песни Окуджавы; кругом – лес, и веял теплый летний ветерок. Заканчивалось «великое десятилетие»; «шестидесятников» в стране становилось все меньше, а здесь они не убывали пока. Здесь все еще решительно и не без пафоса отвергали Сталина и сталинизм, привычно говорили о возвращении к первоначальным идеалам справедливости, о духовных ценностях и о презрении к мещанству.

Мы не знали еще, что многим из нас не достанет ни уверенности, ни стойкости, ни последовательности, ни самостоятельности в суждениях и поведении. Заканчивалась оттепель; в кинотеатре шел фильм с названием «Время тревог и надежд», а умница Виз-

бор, который тоже заглядывал в Городок, неожиданно спел маленькую грустную песенку: «А зима будет большая…»

Смирились с «похолоданием» как-то наскоро; может, потому, что казалось – это ненадолго. В прошлом оказались и «Факел», и «Интеграл», и фестиваль «бардов»; быстро обсудили и осудили «письмо сорока шести». И уже вечера, посвященные Н. Гумилеву, воспринимались инициаторами как смелость, едва ли не дерзость, а безобидное приглашение в Дом ученых Л. Гумилева – просто как настоящий скандал и вызов: «Ай да мы!»

Первоначальный Городок становился историей, Лаврентьев – раритетом. Как-то после не помню какого торжественного заседания, где в президиуме сидел Михаил Алексеевич, нежданно-негаданно прилетевший из Москвы, мы с ним оказались вдвоем за ужином у как всегда не горевшего камина в Доме ученых. Он не был в тот вечер разговорчив; я, раньше ни разу не встречавшийся с ним, просто не знал о чем говорить; так в молчании тянулось время. Лаврентьев думал о чем-то своем. Вдруг сказал: «Чего смотришь? Думаешь, совсем старенький стал. Ничего. Я еще могу отличить сокола от цапли». Когда привезли сюда его прах и на балконе Дома ученых был митинг, меня поразило, что студенты, которых специально никто не звал и которые приехали в Городок уже после «эпохи Лаврентьева», тысячами устремились по прямой, как стрелка, улице Ильича к Морскому проспекту. Люди всегда остро чувствуют важные, экзистенциальные моменты жизни; это оставляет надежду.

Между тем Городок втягивался в новый период своей судьбы. Пришли 70-е годы. Вокруг жизнь явно замедлялась. Институтам же предложена была сильная, а то и непосильная динамика. Она была связана с неуемным характером нового председателя Отделения Г.И. Марчука, с возникшей в период «развитого социализма» модой на науку и на Городок, с ростом милитаризации хозяйства и с увеличением доли ориентированных на «оборонку» фундаментальных и прикладных разработок. Наконец, с тем, что требования прогресса и эффективности властно заявляли о себе, и это тоже сказалось на Городке: он брал на себя все новые и новые напряженные обязательства по прикладным разра-

боткам и «внедрению». Именно такими запомнились мне 70-е годы – напряженными. Городок работал буднично, однообразно, ритмично; по утрам люди шли в институты такими же дружными колоннами, как рабочие – на заводы. От романтики первого десятилетия немного осталось.

Разве что университетские маевки и фестивали политпесни с их духом справедливости и солидарности. В начале 90-х некоторые услужливые постсоветские обозреватели из местных, отрекаясь от «старого мира», умудрились даже маевки выставить символом тоталитаризма. Это вздор, конечно. Маевки 70–80-х были глотками свободы. Я не раз выступал на них, не откажусь ни от одного сказанного тогда слова, но не в этом суть. Никогда и нигде я не чувствовал больше такого подъема духа: вдруг ощущаешь, как безалаберная толпа вокруг тебя на одном выдохе становится чем-то единым, целеустремленным, цельным; эти моменты человеческого единения – из высших в моей жизни. Не только моей.

Исключительность Городка даже укрепилась. Здесь обязательно бывали европейские и мировые лидеры, которые часто посещали Новосибирск, руководители многих партий и государств и, конечно, наши собственные вожди; Городок как бы стоял на магистрали. О нем продолжали писать в прессе; и где бы мы ни оказывались – в Минске, Ленинграде, в Алма-Ате или на Горном Алтае, – повсюду знали о Городке и, как правило, умилялись им. Оно и понятно: веры в настоящее и будущее у «простых людей» становилось все меньше, человеку же трудно без веры; поэтому верили в науку.

А в науке далеко не все верили в самих себя. Давали знать о себе общие для общества болезни: бесконтрольность начальников, сгустившиеся интриги, несправедливость, эксплуатация умов институтской иерархией. У вполне достойных людей, еще вчера независимых и решительных, незаметно формировался «комплекс маленького человека» – смиренное мироощущение, которое казалось мне тогда едва ли не юродством и которое в годы «переоценки ценностей» у многих вдруг неправдоподобно быстро обернулось малоубедительной и досадной амбициозностью, ка-

кой-то торопливостью. Может, боялись, что опять не успеют реализовать себя.

Изменилось население. Одни первопоселенцы уехали в Центр, другие – за границу, третьи – в новые центры на Восток. Все больше людей не находило себе применения в Городке – эти ездили в город; иные совсем переезжали туда. В обмен из города потянулись в Городок, к морю, к лесу и к «столам заказов» пенсионеры – неожиданные и требовательные новоселы. Особой категорией стали жильцы общежитий, десятилетиями не получавшие квартир, томившиеся бытовой неустроенностью и общей бесперспективностью жизни. Невесело чувствовали себя немногочисленные обитатели деревянных двухэтажек и многочисленные – ветшавших панельных пятиэтажек, которые прямо на глазах превращались из «хрущовок» в «хрущобы». Жилищный вопрос стал, пожалуй, ключевым. Читая изготовленный на ЦПУ знаменитый булгаковский роман, здесь с особенным пониманием улыбались при словах Воланда:

– Изменились ли эти горожане внутренне?.. Люди как люди. Обыкновенные люди… в общем, напоминают прежних… квартирный вопрос только испортил их…

Стало скучнее, скученнее в Городке. Уже и в помине не было той первоначальной обстановки интеллектуальной артели и большой, продуваемой всеми ветрами общаги; затишье водворилось и здесь. Уже многие обзавелись «скелетами в шкафах», иные спивались; и надо было иметь некоторое мужество, чтобы не отчаяться в этих сумерках, показавшихся нескончаемыми. Я грустил тогда, как и многие; тянуло уехать: «Нельзя всю жизнь прожить у озера». Обское море, кстати, стало «цвести»; в разгаре лета вода здесь становилась зеленой и липкой.

В 84-м большая компания выпускников матфака отмечала десятилетие выпуска; виски у моих бывших студентов начинали седеть, на лицах их читалось:

– А не может ли статься так, что под эту «музыку» вся жизнь пройдет?

Я отвечал на немые и высказанные вопросы; говорил, что исключаю подобный жизненный тупик; чеховским персонажам жи-

лось печальнее: в те времена застой мог длиться поколениями. Сейчас – нет. Сейчас счет «безвременья», в худшем случае, – лет на десять. Нам предстоит жить во времена невероятно сильных перемен: «Если честно, я не уверен, что перемены пойдут к лучшему – слишком уж все прогнило».

Когда началась «перестройка», Городок прогремел на весь Союз своим ДОТом и своей «Памятью». Но, как показало время, гораздо больше здесь оказалось приверженцев либеральных ценностей, не смущавшихся, увы, их крайне поверхностным толкованием, наивно поверивших в «500 дней», в благотворность «крушения империи», в неизбежность и краткосрочность «дикого капитализма». И в то, что теневые капиталы, если их легализовать, станут чистыми. Что надо «зажмуриться и прыгнуть» и «преодолеть пропасть в один прыжок». Что, вообще, если хочешь выйти на чистую дорогу, надо иметь решительность пройти через грязь. Люди поверили во все это, как говорится, «до святости». Одни потом озлобились, другие приуныли, третьи с поруганным достоинством продолжают нести свой прежний радикализм, не расплескав ни капли.

Для Городка же наступил большой «переходный» период, и он на долгое время оказался на перекрестке своей судьбы. Это время определенно затянулось. Похоже, оно заканчивается именно сейчас.

Выживет ли Городок? К чему приведет современная его мутация? Городок возник в свое время по мановению «руководящей и направляющей» руки – как любимый ребенок молодой еще сверхдержавы, на волне молодого энтузиазма. Он стар сейчас, растерян, немного грустен; гордость на месте, но пообносилась. Ослабели, но продолжают жить и по-прежнему чисты питающие его истоки.

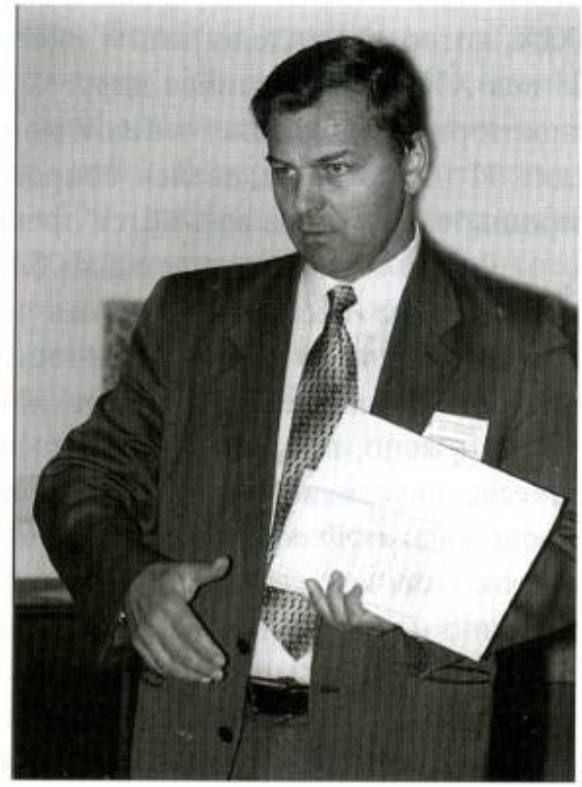
В ФМШ я вижу те же лица, что и тридцать, и сорок лет назад. Буквально те же: здесь учатся дети студентов 80-х годов, и, кажется, уже на подходе внуки первых «фымышат». Внешнее сходство между отцами и детьми подчас просто поразительно. Но мне много важнее сходство внутреннее: способность к непредвзятому пониманию, к анализу, к быстрой и точной интуиции. Жив еще и, по

определению, молод университет. Что их ждет, этих людей XXI века?

Любопытно, что каждый свой новый век человечество встречало с изрядной долей оптимизма. С надеждой встречали век Просвещения, который не узнавали потом «в крови и пламени». И век XIX, который увидели потом «железным» и «поистине жестоким». И век XX, обернувшийся вдруг «людоедом» и «волкодавом». Был некоторый вздох облегчения и на пороге XXI века: «Ну, наконец-то!» И никто не задавался вопросом: «Если у нас такое ужасное прошлое, то откуда возьмется прекрасное будущее?»

Лично мне исключительно близка жизненная философия, исповедующая пессимизм разума и оптимизм воли. Надо просто жить и исполнять свои обязанности. Жить в Городке, у озера. Сейчас стихия владеет жизнью, и ничего предсказать нельзя. Нельзя увидеть ясно, во что выльется нынешнее непривычное, непритершееся, неустоявшееся сотрудничество обмелевших институтов, очень разных «софтовых» фирм и элитных домов для «новых русских». Лет через десять Городок станет совсем иным. Что-то монотонно и внятно подсказывает мне, что он, как Солярис, еще даст на наши сигналы нетривиальные ответы. Не всегда приятные, но обязательно поучительные. Поток времени течет из будущего в прошлое, и в этой жизни мы все идем против течения. И все мы, как водится, обречены на то, чтобы с каждым новым поворотом реки все чаще устало и благодарно возвращаться к началу.

ЖИВОЙ, А НЕ МУМИЯ!



А.А. ГОРДИЕНКО,
доктор философских наук,
глава администрации
Советского района г. Новосибирска

Я никогда не мечтал об управленческой, административной карьере. Закончил факультет самолетостроения НЭТИ и мог бы работать в конструкторском бюро. Но мою судьбу определило то, что я рано включился в общественные дела, постепенно из «технаря» стал гуманитарием и обществоведом, потянуло в философскую аспирантуру… Изучал народы Севера, потом послереформенные процессы в Академгородке. Исследованиями занимался в перерыве между административными делами, за которые брал-

ся не по собственному желанию, а в буквальном смысле слова по призванию. Сначала партком НЭТИ призвал руководить комитетом комсомола вуза. Потом обком партии направил на партийную работу в Академгородок – третьим секретарем райкома. Тут я «дорос» до второго секретаря. И ушел из райкома, когда принуждали делать то, что не соответствовало моему характеру. Заставляли садить человека в «психушку». Посадили его другие, а я вытащил, за что меня «чистили» на вышестоящих заседаниях. Потом все проверяла комиссия ЦК (дело было в конце 80-х годов); мне предложили вернуться в райком, но я не вернулся. Думал, больше не буду «раздваиваться» между научными и общественными делами. Но в прошлом году меня снова призвали. Руководители Сибирского отделения уговорили перейти на работу в районную администрацию. Я согласился, так как верю: пришло время для нового прорыва Академгородка в будущее.

По-моему, в образе Академгордка есть вечные черты, непреходящие ценности, доброкачественные начала. Они начинают пробуждаться, прорастают неожиданными всходами. Этим и спасемся, тут найдем «точки роста».

Я убежден: «отцы-основатели» появились тут не только потому, что надо было осваивать Сибирь (а без науки освоение невозможно). Эти люди интуитивно почувствовали необходимость новых форм организации науки. В советское время и на том этапе, когда М.А. Лаврентьев осмысливал ситуацию, наука организовывалась по-индустриальному. Научные коллективы походили на производственные, где главное – технология и где «железки» управляют человеком. На определенном этапе развития в таких коллективах блокировалось выдвижение талантов, задерживалось обновление и омоложение. Коллективы мумифицировались, становились подобны мумиям. Фиксируя этот момент, М.А. Лаврентьев писал: «Человек рождается и живет, и, слава Богу, помирает. А вот научное учреждение рождается, живет и часто не умирает. И мы видим немало учреждений, с которыми не знают что делать, – они себя изжили, но жить продолжают».

На мой взгляд, М.А. Лаврентьев интуитивно нашел способ преодоления этой самой мумификации. Мы все еще недостаточно

осознали, что через академика-«технаря» шло провидение гуманистичных способов организации науки. Лаврентьев увел за собой «невостребованных» ученых и на новом месте попробовал организовать науку по-новому. Делал он это отчасти административным методом. Но умел и «открывать инициативу». Редко можно встретить руководителя, который бы столь же внимательно следил за взаимоотношениями крупных и начинающих ученых, мог столь же запросто общаться с аспирантами и студентами. Настрой «отцов-основателей» совпал с настроем приехавших сюда молодых людей. Наверняка, ни в каком другом научном центре страны не относились так серьезно к сногсшибательным проектам творческой молодежи. Юность Академгородка была обогащена сознанием предстоящего огромного дела и масштабами открывшихся возможностей. Старожилы вспоминают о прежнем всеобщем воодушевлении: вечерами все выходили на улицу, «митинговали», общались...

Этот потенциал не погиб. Именно благодаря ему свершилось почти невозможное – в трудное «шоковое» десятилетие в новосибирском Академгородке не только выжили все НИИ, они еще и инкубировали малый инновационный бизнес. Феномен потрясающий!

В советскую эпоху в Академгородке пытались вести инновационную деятельность через «пояс внедрения» с КБ двойного подчинения, потом – через программы «выхода на отрасль», через программу «Сибирь». Все это организовывалось Президиумом Сибирского отделения. А в конце 80-х годов тогдашний глава Сибирского отделения В.А. Коптюг признал, что все это «не работает». Тем не менее в СО РАН до сих пор пытаются использовать традиционные внедренческие механизмы, напрямую взаимодействовать с предприятиями. А малый бизнес возник самопроизвольно, на обочине, «в стороне» от официального курса.

В развитых странах малый инновационный бизнес развивался при государственной поддержке – при льготах, кредитах. Государство создавало своеобразный инкубатор с благоприятными условиями для взращивания малых фирм, которые перерастали в технопарк, а впоследствии – в технополис, где наука и инновацион-

ный бизнес превращались в единый социальный организм. Малые инновационные фирмы становятся посредниками на рынке, играют важную роль в регулировании отношений между наукой, государством и обществом. Фундаментальные и масштабные исследования, имеющие общенациональное значение и рассчитанные на длительное время, финансируются государствами и крупным бизнесом. А технологии, живущие не более 5–10 лет, «отрабатываются» через малые фирмы. Фирмы покупают научно-технический продукт (фундаментальные разработки и технологии) в исследовательских лабораториях, доводят до уровня, обеспечивающего более или менее высокий спрос на рынке. Когда спрос начинает снижаться, малая фирма заказывает ученым новые разработки и финансирует их. Ученым и инженерам-разработчикам трудно выходить на рынок без фирмы-посредника, они не могут самостоятельно превращать свой продукт в товар, пользующийся спросом. А инновационные фирмы чувствуют, что нужно рынку, и знают, что взять для рынка у науки. Эта система давно действует в странах, занявших авангардные позиции в современной цивилизации.

В России малый инновационный бизнес зародился в экстремальных условиях. Не было ни кредитов, ни льгот, ни другой государственной поддержки, необходимой для нормального развития бизнеса с повышенной долей риска. Значительно «урезав» финансирование науки, наше государство предложило ученым заняться «коммерциализацией».

Об этом периоде я могу судить не понаслышке. И сам, будучи заместителем директора Института философии и права, получал всего 5–10 долларов в месяц. Пришлось «крутиться», чтобы прокормить семью. Тогда многие вынуждены были подрабатывать на «левых» заказах, не вписанных в планы и отчеты. «Калымили» группами и поодиночке. Вечерами в окнах институтов долго не гас свет: малооплачиваемые сотрудники после основной работы «клепали товар», мастерили научно-технические поделки за дополнительные «бабки».

В многофункциональных институтах, созданных в советскую эпоху, было все – и фундаментальная наука, и прикладная, и производственные участки. А внедрялось мало; образовались залежи

невнедренных разработок. Научные сотрудники и инженеры, подрабатывавшие на заказах «со стороны», использовали оборудование института, свои научно-технические заделы вперемешку с чужими, коллективными. К тому же еще не было ясности с интеллектуальной собственностью. В таких условиях «самоорганизовались» внутри НИИ первые малые инновационные фирмы.

Академик В.А. Коптюг по-своему отреагировал на ситуацию: первым в СССР инициировал разработку пакета законов об интеллектуальной собственности. И пытался что-то отрегулировать, упорядочить, оздоровить. Если бы это было поддержано государством (с образованием венчурных и инновационных фондов), то осуществилась бы классическая схема диверсификации науки. А в процессе диверсификации возникла бы инновационная сфера. Фундаментальное «ядро» (с небольшим штатом сотрудников) осталось бы в НИИ, а вокруг институтов возникли бы малые фирмы. И тогда, дав им кредиты, можно было строить нормальные отношения между теми, кто остался ученым, и начинающими предпринимателями.

Но таких предпосылок не было. В институтах, по сути, шла приватизация по той же схеме, что и везде. Сейчас можно назвать это присвоением, рвачеством, даже воровством. Но только так и могла идти «коммерциализация» науки, «брошенной» государством. И только так, небезгрешно мог родиться малый бизнес. Это объективный процесс, иного не дано. Многие малые фирмы вначале были «теневыми».

Даже в тех странах, где государство создало благоприятные условия для малого инновационного бизнеса, он не стал абсолютно чистым и изначально непорочным. Об этом мы говорили недавно с ректором НГУ Н.С. Диканским, поделившимся со мной своими впечатлениями от поездки в Кембридж. Там есть большой технопарк и много малых фирм, их организуют преподаватели и студенты университета. Когда руководителю университета сказали: «Но ведь эти фирмы присваивают и продают научно-технический продукт, созданный в ваших лабораториях», – тот спокойно возразил: «Если бы не присвоили, этот продукт не вышел бы из лаборатории, остался бы никому не нужным. А в фир-

мах его дорабатывают, все идет на рынок и дает прибыль, фирма платит налог в местный бюджет – и так мы развиваемся».

На Западе подобное присвоение никого не беспокоит. У нас же это предмет обостренного внимания. В институтах возникла социальная напряженность, конфликтными стали отношения ученых с новоявленными «фирмачами». И это тоже не могло быть иначе, если одни нищали, а другие приезжали в институт на «иномарках».

Во второй половине 90-х годов я вместе с группой коллег из Института философии и права изучал малый инновационный бизнес как социальное явление. Мы продумывали, как нормализовать его развитие. И взяли на себя обязательство – не разглашать информацию о фирмах. У нас появился список фирм с именами их руководителей, с телефонами и точно указанным «рабочим местом». В Президиуме Сибирского отделения таких сведений не было. У «фирмачей» возник прямо-таки ажиотажный интерес к исследованию. Им хотелось и просто выговориться (с одним руководителем фирмы мы проговорили полтора часа), и предложить варианты оздоровления ситуации, которая их тяготила. Ведь это не чужие «новые русские», а, в основном, наши, академгородковские. Среди них немало бывших научных сотрудников и детей из тех ученых семей, что приехали сюда с «первым десантом». Способные тридцати- и сорокалетние ребята, гибкие, быстро адаптирующиеся, с прогнозным сознанием. Многих приглашали в зарубежные фирмы, но они предпочли остаться в Академгородке. Они, если хотите, почувствовали общественную потребность в формировании инновационной сферы и не побоялись взяться за это рискованное дело. Как показало исследование, руководила ими не только корысть: профессиональное самоопределение и осуществление собственных замыслов для них важнее материальных интересов.

По нашим оценкам, в Академгородке не менее 50 малых фирм; а некоторые эксперты считают, что их не менее 100. Они занимаются приборостроением, выпуском лекарств, разнообразного «ширпотреба». Некоторые уже готовы финансировать новые научные разработки. Организуя встречи предпринимателей с ди-

ректорами НИИ, мы старались сформировать положительное отношение к инновационному бизнесу. Убеждали всех, что он имеет важное значение для будущего Академгородка и научное сообщество должно как бы «амнистировать» неизбежные грехи, случившиеся на старте. На наш взгляд, малые фирмы становятся тем самым «поясом внедрения», о котором мечтал М.А. Лаврентьев. Но этот «пояс внедрения» откорректирован рыночными отношениями. Плохо, что во многих институтах так не считают. Там терпят малые фирмы только ради дополнительного заработка сотрудников. И не хотят, чтобы фирмы отделялись, потому что они могут увести из институтов немало специалистов. Поэтому директора НИИ мирятся с тем, что многие фирмы продолжают существовать внутри институтов инкогнито.

Мы не можем приказать всем строиться в одну шеренгу и враз, махом отделить чистых от нечистых, легальные и узаконенные фирмы от «теневых». При нынешнем налоговом кодексе и отсутствии четкой инновационной политики у государства «теневые» фирмы, уклоняющиеся от налогов, будут существовать еще долго, пока ученые получают маленькую зарплату и нуждаются в дополнительных заработках. Нужно учесть и психологию «несунов» (таких в советской стране было 30 миллионов). Да еще целое десятилетие реформаторы кричали: «Приватизируйся – и делай, что хочешь!» За два-три года невозможно изменить все, что вросло в сознание. Однако необходимо создавать такие условия, при которых фирмы захотят выйти из «тени».

Для этого важно, чтобы малый инновационный бизнес становился равноправным партнером академической науки. Разумное решение приняли в Институте теплофизики – организуют ассоциацию малых фирм, чтобы помочь им выйти из «тени». Появилась надежда на государственную поддержку. Президент России наконец-то заговорил о том, что нужно снизить налоги и дать льготы таким фирмам. В новосибирском Академгородке тоже ищут средства на кредиты, гранты и льготы для легализовавшихся фирм с гласным, «прозрачным» финансовым балансом. Президиум СО РАН вместе с районной администрацией продумывают и дальнейшую тактику укрепления и развития инновационного бизнеса.

Малые инновационные и софтвэрные фирмы, а также сумевшие выжить научные институты – вот наши важнейшие «точки роста».

Опираясь на них, новосибирский Академгородок может и должен вернуть прежний статус одного из крупнейших центров мировой науки.

Что нужно и можно сделать ради этого? Строить технополис. Тогда все институты постепенно обрастут поясом из «малых фирм». Как в японской Цукубе и в южнокорейском Тэнджоне, созданных по образу и подобию новосибирского Академгородка, но опередивших его в своем развитии. Мы должны построить для наших инновационных и софтвэрных фирм новые офисы – скажем, на Инженерной улице, сразу за корпусами институтов (некоторые фирмы готовы вложить в это строительство сотни тысяч долларов). В дальнейшем и у институтов появятся средства на обновление зданий, на строительство жилья для ученых.

Нужно осовременить облик нашего городка, сделать его привлекательным в соответствии с изменившимися «мировыми стандартами». Интеллект должен бытовать в комфортной среде. Надо модернизировать традиционную инфраструктуру. Привести в порядок автомобильные дороги и обустроить дорожки для любителей велосипедных прогулок, которых тут до сих пор немало. Обновить старые и оборудовать новые спортивные площадки. Достроить, наконец, спорткомплекс НГУ, который может стать любимым местом отдыха для жителей всех возрастов. А вот казино лучше бы вытеснить из центра (во всех цивилизованных странах игорный бизнес устраивается «на задворках»). Пора отремонтировать давно не ремонтировавшиеся школы и больницы. Образование, медицину и культуру в Академгородке нужно финансировать по международным нормативам или хотя бы приближаться к ним. Не обойтись и без «пятизвездочной» гостиницы, без Конгресс-центра с современными коммуникациями и с выходом на Интернет (Дом ученых, где в свое время прошло много ответственных международных форумов, и гостиница «Золотая долина» уже устарели, это почти реликвии). В обновленном Академгородке снова будут проходить представительные международные конференции.

И многие молодые ученые предпочтут остаться здесь, не уезжать в зарубежные научные центры.

Технополис – не роскошь, а единственный шанс для сохранения международных контактов и престижа Академгородка в нынешнее время, когда наука остается изгоем в собственной стране. Технополис нужен и Новосибирску. Новосибирск не имеет таких богатых природных ресурсов, какие есть в Кузбассе и в Тюменской области, зато может стать городом науки, интеллектуальной столицей Зауралья. Технополис нужен и всей Сибири.

Средства для запуска технополисных механизмов и для поддержки малого инновационного бизнеса надеемся получить из бюджета субъекта Федерации. По закону об особом статусе Академгородка, который подготовлен для рассмотрения областной власти, мы просим отдать нам половину собранных в районе налогов. Через три года рассчитываем вернуть этот своеобразный заем (многие малые фирмы легализуются, и значительно увеличится сбор налогов).

И не стоит надеяться на дядю-олигарха, который принесет нам миллионы долларов на блюдечке с голубой каемочкой. Хотя какие-то предложения от олигархов как будто поступали... Но нельзя забывать, что олигархический капитал – это результат присвоения природной ренты, то бишь доходов, создаваемых не предпринимательским талантом, а самой природой. Пожирательная способность такого бизнеса опасна для Академгородка, и вряд ли пойдут во благо его прямые инвестиции. Лучше взаимодействовать с олигархами через посредников (например, через наши малые фирмы, выполняющие заказы газовых компаний).

Еще один трудный вопрос – как активизировать людей? Иначе технополис не построить. По оценкам социологов, до 40% населения теперь пассивно, загнано в хронический стресс. Ведь человек – не механизм, в котором достаточно лишь кнопки переключить, чтобы он реагировал и поступал так, как угодно либерал-реформаторам, инициаторам рыночной «шокотерапии».

Все нынешнее общество, утратившее прежние ценностные опоры, можно сравнить с «первичным бульоном», где, по представлениям биологов, зародилась жизнь. Люди как бы заново на-

чинают жить, самоопределяться. И ясно, что прежнего всеобщего воодушевления, прежних отношений не вернешь.

Для советской науки был характерен стихийный коллективизм, помноженный на творческий индивидуализм. Научные школы – тоже, видимо, отечественный феномен. Тут творческий поиск становился коллективным, по правилу «даю – бери». Автор-новатор излагал на семинаре свою идею, коллектив обсуждал, критиковал, дополнял и развивал… Ученые Запада нам завидовали. У них вместо коллективизма и товарищества давно утвердилось партнерство. Полноценное совместное творчество там почти невозможно: ведь каждый автор говорит о своей идее с оглядкой и с утайкой важных элементов, потому что никому не доверяет и боится потерять «крутой» гонорар.

Вряд ли в российской науке полностью исчезнет коллективизм и утвердится та же модель партнерства, какая известна на Западе. Хотя, наверняка, станет меньше патернализма и больше самостоятельности.

Лет через 10-15 яснее увидим, что мы потеряли и что приобрели. А сейчас надо помочь людям хотя бы выйти из депрессии.

В свое время в Академгородке создали для этого Центр социальной адаптации. Сейчас районная администрация решила действовать через общественные организации. Устроили для них «ярмарку», своеобразный смотр. Я был очень удивлен, когда явились представители почти 70 организаций. А какое многообразие позиций!.. Мы предоставили для общественников помещение в здании районной администрации – пусть тут, рядом «роятся» и «самоопределяются». Пытаемся неназойливо и не командуя помогать. Направили на работу с пожилыми людьми средства от гранта Европейской комиссии. Люди встречаются за «круглым столом», устраивают тренинги; с ними беседуют психологи, педагоги, медики. Пожилые люди и сами рассказывают друг другу, как выходят к более или менее нормальному бытию.

В массовый хронический стресс, как в тупик, упираются даже элементарные житейские проблемы, вплоть до уборки мусора. К сожалению, придется разъяснять населению то, что само собой разумеется: Академгородок стал грязнее не потому, что власти

плохо убирают территорию. Не надо сорить – и тогда будет чисто. Мы не наведем порядок, пока люди не преодолеют в себе стрессовую агрессивность, которую выплескивают прежде всего на коммунальное, общее.

Недавно вместе с мэром Новосибирска, посетившим наш район, мы зашли в один из лучших подъездов жилого дома. Лучший он не потому, что ЖЭК уделяет ему больше внимания. Все началось с собрания, созванного инициативной группой. Жители решили, что сами наведут порядок, все отремонтируют (ЖЭК выдал им краску и оплатил ремонт). Наутро после побелки увидели – свежая краска содрана ножом. Снова все закрасили. На том же месте кто-то выцарапал: «Не затирайте мои надписи!» Люди срочно сошлись на собрание, стали разбираться и выяснили, кто безобразничал. Поставили дверь с замком, сами моют и убирают подъезд.

А в соседних подъездах все по-другому. Протекает крыша, люди раздражены, на грязь махнули рукой. Крышу починят – я взял это под свой контроль. Но обстановка не улучшится, пока не изменится настрой людей.

Иногда я захожу в церковь, смотрю на лица приходящих сюда людей… Многие обществоведы ломают голову над тем, почему образованные люди потянулись к религии и к древним дорелигиозным духовным культам. Не стоит все упрощать, считать проявлением слабости и отчаяния. Это тоже «самоопределение», способ возвращения к истокам.

Настоятелей храмов, священников я считаю своими союзниками по управлению. Постепенно сложилась новая традиция: хотя бы раз в год, перед Рождеством, приглашать батюшек в гости в районную администрацию. Здесь накрывают стол с угощением: чай, сладости, фрукты. Час-полтора мы обсуждаем ситуацию в районе. Никаких взаимных обязательств, только обмен информацией.

Я говорю, например, о бомжах. Их в Академгородке много, будто съезжаются со всего города. Тут во дворах есть скамейки, лес защищает от ветра. Утром вижу в окно: на детской площадке, на скамеечке спят два-три бомжа… С помощью милиции мы провели обследование и выяснили: из десяти бомжей шесть или семь

больны туберкулезом, причем у многих – открытая форма. А утром на скамеечку, где спал бомж, садятся дети. Когда мы все это осознали, у нас волосы встали дыбом. Елки-палки, что же делать?

Священники сказали, что «включат» сестринское движение, обеспечат хотя бы относительный уход за бомжами. Будут кормить и позволят отдыхать возле здания, где готовят им пищу.

Настоятели пытаются по-своему участвовать в борьбе с наркоманией, с детской беспризорностью. Как не пойти навстречу добрым стремлениям! Отдали храму, что на Левом берегу, пустующий детсад. Послушники ближайшего мужского монастыря отремонтировали его, поселили там детей и занимаются с ними.

Если бы можно было найти добрых, мудрых воспитателей для всего поколения, подрастающего в беспощадную эпоху перемен!

Не могу согласиться с теми, кто объясняет ухудшившееся финансирование отечественной науки только трудностями и бедностью нашей страны. Думаю, российских реформаторов и людей, принимающих решения в правительстве, вдохновляют мировые процессы. И именно поэтому продолжает снижаться доля науки в госбюджете (было 2,11% от ВВП, сейчас уже 1,8%). Усиливается глобальный интеллектуальный кризис: и в богатых странах все явственнее невостребованность науки, настороженное отношение к ней общества. Индустриальная, технократическая наука столкнулась с осознанной истиной: нельзя бесконечно преобразовывать природу и общество. Наука должна сменить парадигму, смириться с ограничениями в экспериментировании и в познании. Стать природосообразной и человекосообразной, или просто человечной.

На мой взгляд, переходу академической науки на новую парадигму будет способствовать ее партнерство с малым инновационным бизнесом. Ведь этот бизнес занимается не только быстрым внедрением научных достижений. Есть у него еще одна миссия. На Западе через малые фирмы на рынок поступают экологически чистые продукты и технологии. И наши разработчики получат от фирм задачу: скорректировать ту или иную технологию, чтобы не вредила психике, здоровью человека. Получив такой заказ, фундаментальная наука вынуждена будет задать себе вопрос: в чем

сущность человеческой психики, и где границы здоровья? Какими критериями надо руководствоваться, чтобы не травмировать психику и восстановить нарушенную гармонию между человеком, обществом и природой? Заказ от «фирмачей» идет к «технарям», от «технарей» – к гуманитариям, обществоведам, биологам и экологам, роль, авторитет и востребованность которых будут расти. Такова, в упрощенном виде, логика перехода к новой парадигме науки.

Произойдет и своеобразная чистка рынка. Быть может, сформируется иной тип рынка, отличающийся от нынешнего, изначально негуманного. Рынок и прогресс перестанут загонять человека в тупик, навязывая ему множество извращенных потребностей. Будут служить человеку, удовлетворять здоровые потребности. Такую надежду вселяет идущий в гору процесс чувственного самоопределения людей, уже замеченный социологами и психологами. По их мнению, духовная и чувственная сфера начинает транслировать специфические потребности, которые будут корректировать прогресс в глобальных масштабах.

Почему в новосибирском Академгородке глобальный кризис науки ощущается не столь болезненно, как в странах, называемых развитыми? Может, глобальный кризис закрыт от нас заботами об элементарном выживании. Отчасти Академгородок защищен «работающими» здесь элементами российской культуры, духовности. Они облегчат переход к новой парадигме науки. Нужно только, чтобы включились этические ограничители (какие, к примеру, есть в православии, склоняющем человека к благоговейному смирению перед природой и жизнью).

Я считаю, что новосибирский Академгородок ближе к народу, чем многие другие научные центры. Он всегда считал себя частью большой зауральской провинции и интегрирован во все сибирские регионы – везде есть специалисты, ученые и инженеры, учившиеся в Академгородке. В институтах Академгородка, основанных «первым десантом» из Москвы и Ленинграда, теперь работают и сибиряки, в том числе представители коренных северных народов.

Академгородок всегда (и при советской власти) старался доказать, что без Сибири стране будет плохо. Здесь еще помнят кон-

ференции по развитию производительных сил Сибири, которые проводил в 80-е годы академик Аганбегян со своей командой экономистов. Они тогда установили, что производительные силы Сибири должны развиваться с опережением – и только при таком условии будет гармонично развиваться народное хозяйство страны. В Сибирском отделении никогда не замыкались на изучении и освоении уникальных природных богатств региона; здесь обращались и к осмыслению экономических механизмов освоения. Эта позиция Сибирского отделения «не ушла» и при переходе к рынку.

Недавно по инициативе Сибирского отделения РАН, под руководством представителя президента в нашем регионе Л.В. Драчевского разработана «Стратегия развития Сибири». На мой взгляд, для России это документ № 1. Если Россия не хочет потерять Сибирь, правительство должно обратить внимание на опасные процессы, происходящие за Уралом. Ученые возлагали большие надежды на корректировку экономических механизмов, сложившихся в процессе либеральных реформ и закрепляющих за Сибирью роль колонии. Они считают, что нужно вернуть народу и государству доходы от полезных ископаемых и от других природных ресурсов, захваченные кучкой олигархов. Ведь некоторые государства (Норвегия и Арабские Эмираты) уже продемонстрировали, как использовать природную ренту в интересах всего общества. В документе изложено и мнение ученых Сибирского отделения РАСХН о формах собственности на землю. В зоне рискованного сибирского земледелия, в экстремальных природных условиях нельзя форсировать введение частной собственности на землю. Надо помнить об опыте предков, которые приходили сюда из европейских губерний России и закладывали тут села, опираясь на взаимопомощь и кооперацию. Я вырос в деревне и понимаю: многие крестьяне не одобряют введение частной собственности на землю вовсе не оттого, что разучились работать и хозяйствовать (а именно так пытаются истолковать их несогласие либерал-реформаторы). Они предчувствуют опасность новых государственных и геополитических потрясений. Волю крестьян и мнение ученых нельзя игнорировать. Иначе не создать экономический механизм, обеспечивающий развитие Сибири на ее ресурсах. Иначе

русскоязычное население будет оттеснено мощной волной мигрантов, и Россия потеряет Сибирь.

Восемь лет назад группа ученых-социологов и философов предупреждала об этой опасности ассоциацию «Сибирское соглашение». Рекомендовали принимать в Сибирь русскоязычных мигрантов из Среднеазиатских республик. Сибирские губернаторы обратились к российскому правительству, предлагая «развернуть» такую программу. До сих пор ничего не развернули. Так же отнеслись в правительстве и к документу «Стратегия Сибири». Но сибиряки не опустили руки, продолжают искать союзников среди столичной элиты, в Российской академии наук, на верхних «этажах» государства.

Сибирь – это уникальный шанс для всей планеты. Все знают, что тут сохранилось больше неиспорченной природы, чем в любом другом регионе. Здесь сформировался могучий, жизнеспособный социокультурный потенциал, сложились межкультурные взаимодействия, помогающие выживать местным малым народам и приживаться пришлым. Вот в чем суть закона совместного выживания: если какой-нибудь этнос приходит на новую территорию, его задача – воспринять культуру поведения у коренного этноса. И местный этнос воспринимает элементы культуры пришлого. Такие межкультурные взаимодействия были важнейшими моментами в освоении Сибири. В них – гарантия сохранения этнического многообразия, гарантия сохранения природы.

Все это будет востребовано, когда «уйдут» чуждые экономические механизмы, навязанные стране и народу олигархической группировкой. И когда наша страна перестанет претендовать на роль супердержавы из ряда тех, что берутся определять судьбы мира.

Может, кому-нибудь мои слова покажутся кощунством, но я считаю благом для России то, что она выходит из разряда таких стран. Благодаря этому нас могут миновать самые жестокие из будущих конфликтов, в сравнении с которыми международные конфликты XX века покажутся игрушками. И, по-моему, президент Путин поступает правильно, не включаясь активно в мировые «разборки», связанные со стремлением «золотого миллиарда» со-

хранить свои преимущества. Есть куда более важная задача – создать условия для достойной жизни в нашей стране. Стоит оглянуться на Китай: он остался коммунистическим, но отовсюду туда идут кредиты и инвестиции на сотни миллиардов долларов. А Россия считается демократической, но не может получить кредит в 20 миллиардов долларов.

Так что России нужно только правильно оценить свой потенциал и свои настоящие, а не мнимые ценности. Этого же стоит пожелать Российской академии наук и новосибирскому Академгородку, который остается стратегическим ресурсом страны. Надеюсь, в будущем расширится и укрепится гуманитарная основа всей академической и сибирской науки. Появятся новые гуманитарные НИИ. Придется внести поправки в систему отбора и обучения молодежи в Академгородке.

Побывав в одной из общеобразовательных школ Академгородка, я услышал нечто невероятное: в классах с «эстетическим уклоном» оценки по физике и математике выше, чем в специальных математических. Тут я убедился в правильности того, о чем давно догадывался: нельзя недооценивать и подавлять чувственное начало – так обедняется и искажается творческий потенциал. Кажется, это понимают в физматшколе. Здесь не «засушили» эстетическое начало. Побывав однажды на посвящении новичков в «фымышата», я был приятно удивлен артистичностью ритуала. Запомнил не состязание подрастающих интеллектуалов, а прекрасный танец юной пары… Наверняка, в «школу вундеркиндов» стоит принимать не только будущих физиков и математиков, но и детей с гуманитарными способностями. Их постоянное общение необходимо для здорового саморазвития науки, для оздоровления прогресса.

Судя по некоторым признакам, приближается новый подъем активности нашей студенческой молодежи. И это подтверждает, что Академгородок живой, а не мумия. Недавно пришла ко мне группа ребят с вопросом: нужна ли местным властям студенческая «Интернеделя»? Отвечаю: «Очень нужна!» Ведь молодежь живет радостно даже в самое тяжелое время. Просто потому, что ощущение радости бытия свойственно растущему, развивающемуся, мо-

лодому организму. И пусть в праздники молодежь идет с флагами, с плакатами, с песнями, с комическими «штучками» по центральной улице. Часть денег на праздник дадут фирмы за рекламирование их продукции (к примеру, той же кока-колы). Веселое шествие поднимет настроение и пожилым.

Вернутся в «Интернеделю» и серьезные дискуссии о проблемах цивилизации. Насколько мне известно, руководители НГУ собираются возродить геополитический семинар, на который когда-то приезжали молодые люди и общественные деятели из многих стран. Значит, будем жить!

Под редакцией Н.К. Максимовой

Городок.ru

Использованы фотоснимки *В. Новикова, Р. Ахмерова, Б. Барышникова* и из семейных архивов

Корректор *Г.А. Родина*

Подписано к печати 25.12.2003 г. Формат 60×90/16. Бумага мелованная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 25. Тираж 100 экз. Заказ № 174.

Отпечатано в Институте теплофизики СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 1